

И.Л. Фадеева

Еврейские общины в Османской империи

страницы истории

Учреждение Российской академии наук
Институт востоковедения

И.Л. Фадеева

Еврейские общины в Османской империи

страницы истории

ИБ РАН
КРАФТ+
Москва
2012

УДК 94 (560)

ББК 63.3

Ф15

Фадеева, Ирма Львовна

Ф15

Еврейские общины в Османской империи: страницы истории/ И.Л. Фадеева. – М.: Крафт+, ИВ РАН, 2012. – 400 с.: ил. – ISBN 978-5-93675-182-0.

Научное издание

Фадеева Ирма Львовна

Еврейские общины в Османской империи:
страницы истории

Отв. за выпуск А.А. Румынский

Редактор Е.А. Белова

Оформление Л.П. Митич

Подписано в печать 30.12.2011. Формат 84х108/32.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 12,5. Авт. л. 23.

Тираж 1000 экз. Заказ № 376.

ООО Издательство «Крафт+»

129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 4

Тел.: (495) 620-36-94, 620-36-95, 926-25-48

Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения

103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Издание осуществлено при участии Ю.В. Чудодеева

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА»

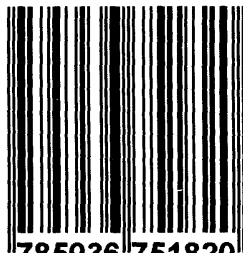
в полном соответствии с качеством предоставленных материалов

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36

<http://www.gipp.kirov.ru>, e-mail: order@gipp.kirov.ru

ISBN 978-5-93675-182-0

9 785936 751820

© Фадеева И.Л., 2012

© Учреждение Российской
академии наук Институт
востоковедения, 2012

© Издательство «Крафт+»,
подготовка к изданию и
оформление, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Письменные источники евреев – «народа Книги» – известны с древнейших времен. Значительная их часть не сохранилась. В долгих вынужденных скитаниях по миру наряду с предметами культа в общинах хранили исторические и правовые документы, литературно-духовные сочинения. Многие из них, однако, были утрачены в огне пожаров, вследствие нередких эпидемий и других стихийных бедствий. Что-то из этих свидетельств прошлого уцелело полностью или фрагментарно.

В данной работе речь пойдет об истории еврейских общин в эпоху османского правления на обширных территориях в трех частях света, где эти общины существовали задолго до прихода турок.

В XV–XVI вв., в период наибольшего могущества османского государства, местные еврейские общины быстро пополнялись за счет притока беженцев из европейских стран.

Согласно нормам ислама, все немусульманское население Османской империи платило в казну налоги, существенно превышавшие те, что платила податная часть мусульман. В турецких архивах хранятся реестры (дефтеры) с данными переписей населения на османских территориях с учетом вероисповедания, размера и стоимости домохозяйства и ставки налога в каждой провинции.

Научное исследование документов турецких государственных архивов началось после Младотурецкой революции 1908 г., когда было основано «Османское историческое общество» («Tarih-i Osman-i Encümeni»). Важнейшей его целью стали изучение, классификация и публикация архивных документов. Эта работа активизировалась с 1911 г.

Трудности Первой мировой войны и послевоенного времени, последовавший в результате войны окончательный крах османского государства и возникшие проблемы становления Турецкой республики – все это приостановило начатую работу исторического общества. Ее новая фаза набрала силу в 1930-х гг. В 1936 г. управление государственных архивов подверглось реорганизации. Продолжилась классификация и каталогизация архивных документов. На их основе в 1940–1950-х гг. прошлого века публиковались исторические сборники и монографии. В турецких архивах хранится большой пласт документов по истории еврейских общин османского периода.

В работах Ахмеда Рефика и других турецких историков содержатся сведения о социальном статусе османских евреев, их численности и взаимоотношениях с властями.

Значительный материал по истории еврейских общин (главным образом Измира и Стамбула) был собран и опубликован в первой половине XX в. профессором Стамбульского университета, имевшим звание члена-корреспондента Португальской академии наук, Абрахамом Галанти. В приложении дан краткий очерк об этом ученом и политике.

В середине прошлого века публиковались сборники судебных документов. В них изложены правовые коллизии в пределах еврейских общин, а также споры, возникавшие между евреями и неевреями в балканских провинциях, которые рассматривал раввинатский суд.

В последней трети XX в. в балканских странах и Венгрии опубликованы новые источники и исследования по истории еврейских общин. Среди них сборники документов, содержащие жалобы глав еврейских общин, обращенные к местным и центральным властям, и ответы на них.

Сохранились султанские ферманы, касающиеся назначения главных раввинов и регламентации некоторых положений, определявших статус еврейских общин.

В османских придворных хрониках, описывающих важнейшие события в годы правления султанов, сведений об этнорелигиозных меньшинствах совсем немного. Они не представлялись значительными для их авторов. Все же известность приобрела кочевавшая из хроники в хронику трагическая история иудейки Киры (Эстер), составившая один из эпизодов придворной жизни. Сведения об этой женщине, а также о некоторых других евреях при османском дворе: Иосифе Наси, Соломоне Ашкенази содержатся в архивах Турции, а также в посольских документах европейских стран. Отдельные фрагментарные данные об османских евреях встречаются в записях турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби.

Гораздо больше материалов, касающихся еврейских общин, относится к XIX в. Сохранились и опубликованы хроники еврейских авторов, подобные той, которую оставил один из нотаблей триполитанской общины Мордехай ха-Коэн.

О состоянии еврейских кварталов в османских городах дает представление обширный пласт европейских источников. Их авторы – торговцы, миссионеры, путешественники, военные, агенты, авантюристы и ренегаты на службе мусульманских правителей.

С активным проникновением европейцев в османские владения в Северной Африке в первой трети XIX в. в Европе распространяются новые сведения об этом регионе. С началом европейской колонизации североафриканских территорий записки о странах Магриба и их населении приобретают все более прагматический характер.

В этом столетии оказываются востребованными научные труды об этнорелигиозных меньшинствах Европы и Востока. В Германии вышел многотомный фундаментальный труд профессора Бреславльского университета Генриха Греца «История евреев с древнейших времен до настоящего времени». С 1903 по 1907 г. этот труд издавался на русском языке. Основное место в этой работе занимает средневековая история евреев Западной Европы, но в ней есть разделы о жизни османских евреев, главным образом о внутриобщинных событиях.

В «Истории» Г. Греца использовано много еврейских средневековых источников, что придает ей уникальное значение. Автор привлек и широкий круг европейских источников XIX в. Работа содержит огромный объем информации по истории культуры и духовной жизни еврейских общин диаспоры, сведения о внутриобщинной ситуации разных исторических эпох, а также некоторые данные о взаимодействии евреев с окружавшим их населением. Есть также материалы о лидерах общин, деятелях культуры, благотворителях и меценатах.

В конце 70-х гг. XIX в. Генрих Грец встречался с Карлом Марксом и состоял с ним в переписке.

Во второй половине XX в. в Западной Европе и США выходили работы по истории еврейских общин. В их числе документы турецких архивов о состоянии Палестины и ее населения в XVI в. Известны работы Бернарда Льюиса по истории Ближнего Востока.

В 2004 г. на английском языке опубликованы три небольшие, на 37 страниц, статьи профессора Стамбульского университета Ортайлы о еврейских общинах Османской империи конца XIX – начала XX в. Круг интересов автора достаточно широк. Наряду с упомянутыми статьями в «Ottoman Studies» изданы и его работы по российской истории.

Исследования по истории евреев Палестины и диаспоры активизировались после образования в 1948 г. государства Израиль. Там был создан Институт по исследованию еврейских общин в странах Востока им. Ицхака Бен Цви, целью ко-

того является систематическое изучение археологических памятников, а также исторических документов.

Широкую известность приобрели работы израильских османистов У. Хейда, А. Коэна, М. Маоза, А. Кармела, Д. Кушнера, Х. Гербера, Я. Ландау, Я. Хареля и других.

Исследования израильских историков основаны на документах и археологических находках. Они близки европейской и американской относительно объективистской традиции. Значителен вклад израильских ученых и в исследования по истории нееврейских групп населения Палестины с древнейших времен и до наших дней.

Любые исследования по отечественной национальной истории – минное поле. Они чрезвычайно сложны для любого автора, поскольку невозможно обойти многочисленные конфликты и войны на территории современных государств, не поддающиеся однозначной оценке. Совсем не просто, например, совместить восприятие Палестины османского периода как одной из тогдашних провинций, входившей в состав империи, и национально-исторический взгляд на нее как на Священную землю Эрец-Исраэль в сравнительно небольшой отрезок времени ее многотысячелетней истории.

Известно, что любые конкретно-исторические исследования в значительной мере есть продукт культуры того общества, в котором они создаются, и в отличие от точных наук неизбежно носят отпечаток субъективности. В силу этого они широко используются в пропаганде идеологии и политики правящих кругов как в пределах данного общества, где они созданы, так и в качестве доводов в отношениях с другими, чаще всего соседними государствами. В авторитарных обществах, коих на Ближнем Востоке подавляющее большинство, исторические сочинения до крайности политизированы.

В бесчисленных территориальных спорах во всем мире, а отнюдь не только на Ближнем Востоке, исторические труды испокон веков служат аргументом и оправданием позиций противоборствующих сторон, а так называемое мнение мирового сообщества складывается из сиюминутных интересов каждого государства. Именно поэтому в разных регионах мира вспыхивают вооруженные столкновения. Апогеем лицемерия и корысти великих держав стали две мировые войны.

Какие бы то ни было объективность и историческая справедливость (а существует ли она вообще?) в освещении и оценке межнациональных конфликтов невозможны по определению. Всегда есть выигравшая и проигравшая стороны,

поскольку до сих пор наиболее весомым аргументом в конфликте является военная сила.

Что касается политиков, которые любят ссылаться на исторические события, то их мало интересует анализ длительного исторического процесса как таковой, анализ исторических истоков межнациональных противоречий со всеми их сложностями. Им нужна упрощенная формула, которой можно было бы обосновать политику сегодняшнего дня. Общество также, как правило, мало интересуется сутью исторических фактов и событий. Для достижения сиюминутных целей и во имя господствующей в данный момент идеологии история перекраивается и переписывается. Некоторые события и факты замалчиваются либо трактуются произвольно, другим придается неоправданно большое значение. Именно такие манипуляции с историей имели место в России после смены политического режима в октябре 1917 г. По воле новой власти произвольно трактовались события прошлого, из учебников истории был вычеркнут ряд неугодных имен известных политических и военных деятелей. Меняются политические режимы, а с ними исторические приоритеты, трактовка тех или иных событий. Так появляется непредсказуемое прошлое.

Предметом исторической полемики стали последствия событий последних десятилетий существования османского государства: причины его распада и возникновения республиканской Турции, а также протекторатов европейских держав на Ближнем Востоке, а позднее формирование независимых арабских государств и Израиля. Все эти события первой половины XX в. по-разному освещаются в турецкой, израильской и арабской историографиях.

Территория Палестины в последний период османского господства стала ареной военных действий Первой мировой войны, где сталкивались интересы прогерманских государств и держав Антанты. Местное население, в основном арабы и евреи, пыталось обратить возникшую нестабильную ситуацию в свою пользу.

Проигравшей войну Турции – союзнице Германии, угрожала утрата собственной независимости. Ценой большой крови и неимоверных усилий кемалистам удалось отстоять суверенитет турецких территорий в пределах Анатолии и очень небольшой кусок в Европе. Национальный лидер и первый президент Турецкой республики Мустафа Кемаль, прагматик и реалист в отличие от османских правителей, не был в той

же мере озабочен идеями мусульманской солидарности. Он сосредоточил усилия на консолидации турецкого населения в границах обновленного государства, предложив в качестве официальной идеологии турецкий национализм. Новый режим негативно оценивал османскую идеологию панисламизма. В начальный период республиканской Турции бывшие османские провинции на Ближнем Востоке новая власть оценивала как обузу, мешавшую национальному развитию турок, обузу, отягощавшую центр государства. Свежи были воспоминания о постоянных бунтах арабов против османского правления в Египте, Сирии, Ираке, странах Магриба. Ряд турецких авторов описывал борьбу за целостность Османской империи с антиарабских позиций, тем более что в годы Первой мировой войны многие арабы поддержали англичан против турок в надежде обрести новый арабский халифат. Что касается сионистского движения, оно рассматривалось турками как безусловно разрушительное для османского государства. Османские власти всех уровней препятствовали еврейской иммиграции в Палестину. Все же турки рассматривали сионистское движение как маргинальное, и уж никак не считали его причиной упадка, а затем распада османского государства, скорее расценивали его как следствие этих процессов.

Сближение с арабскими странами, ставшее заметным с 60-х гг. XX в., участие Турции в организации «Исламская конференция» дали импульс для переоценки турецко-арабских отношений в прошлом. Турецкие историки Т. Атаев, С. Атилан и другие наряду с апологетикой в оценке османского прошлого, чего при Ататюрке не было, в своих работах начали повторять некоторые идеи арабских авторов. Вслед за ними они трактуют сионизм не просто как некую деструктивную для Османской империи силу, а как злонамеренный заговор масонов, дёнме (евреев, обращенных в ислам), османских иудеев и младотурок. Все это воспроизводится наряду с апологией имперского прошлого и, конечно, ислама как его основы. Именно такие идеи вошли в обиход исламистской Партии национального порядка (ПНП), сформированной Н. Эрбаканом в 1970 г. Позднее они перекочевали в программные документы ее преемницы – Партии национального спасения (ПНС), запрещенной, как и ее предшественница.

Не все турецкие исследователи согласны с подобной интерпретацией прошлого. Есть более объективные, взвешенные работы. Но, к сожалению, некоторые исторические ис-

следования все еще в первую очередь учитывают изменения в государственной идеологии и политике, а в конечном счете запросы своего общества.

Арабские авторы активно занялись историческими исследованиями после создания независимых государств на Ближнем Востоке. Первоначально они вдохновлялись идеологией арабского национализма, конечно, с исламским компонентом. Многие из них описывали позднее Османскую империю прежде всего как исламо-османо-арабское государство с нормами шариата, то есть государство хотя и преимущественно турецкое, но вовсе не чуждое арабам. Они почти не уделяли внимание постоянным антитурецким бунтам местных арабских кланов против центральной власти и ее представителей на местах.

По мнению многих арабских авторов, развал Османской империи не был следствием внутренних процессов, ведущих к упадку, не был заложен в самом характере разнородного, созданного силой оружия государства, сохранявшегося силой в течение нескольких столетий. По их глубокому убеждению, распад этого мусульманского государства стал результатом западных идей секуляризма, национализма, демократии. Многие арабские авторы рассматривают исторические события как адепты ислама, с религиозной точки зрения. Для них сохранение целостности государства насилием – норма, поскольку Коран не осуждает, а поощряет завоевание немусульманских земель, а также не порицает насильственный захват власти. Эти авторы положительно оценивают годы правления султана Абдул Хамида II (1876–1908), сторонника панисламизма и халифата. В его окружении было немало арабских шейхов. Некоторые арабские авторы считают его благочестивым, истинно мусульманским правителем, но главное его достоинство состоит, как они полагают, в том, что он был врагом сионизма. По их версии, к свержению султана приложила руку Великобритания, поскольку он был союзником Германии. В заговоре против «благочестивого султана» участвовали «вездесущие сионисты», так как он препятствовал их деятельности. Заговор спровоцировал вражду арабов и турок, что способствовало первым успехам сионистского движения.

Некоторые арабские авторы воспринимают исторический процесс как статичный, не усматривая перемен, обусловленных самыми различными факторами. Термины «западный империализм», «сионизм» и т.п. в качестве идеологических ярлыков кочуют из работы в работу. Они не наполни-

ны конкретным историческим содержанием. Безусловно позитивно рассматриваются проявления арабского самосознания, арабского национализма, национальные движения под знаменем ислама.

Европейский антисемитизм в их интерпретации – это заранее спланированная политика великих держав с целью изгнания еврейского населения в Палестину и вытеснения оттуда арабов.

Иной трактовки событий, способствовавших еврейской эмиграции в Палестину, придерживается английская исследовательница С. Грэхем-Браун: «Сионизм был продуктом XIX в. в Европе. Он стал ответом на проблемы евреев Центральной и Восточной Европы, включая Россию. Антисемитизм был усвоен очень большой частью европейского населения как некая мода, как неременная составляющая националистических и паннационалистических движений, провоцировавших волны погромов и преследований евреев в конце этого столетия...

Сионисты настаивали на том, что еврейская эмиграция из Европы может иметь единственную цель – создание собственного государства, ибо только в нем евреи смогут избежать полной ассимиляции и стать хозяевами своей судьбы. Идеологи сионизма категорически отвергли путь ассимиляции, а следовательно и массовую эмиграцию куда бы то ни было, кроме Палестины»¹.

Отдельные составляющие этого пассажа действительно имели место: волна антисемитизма и еврейских погромов в странах Восточной Европы, особенно в России, конца XIX – начала XX в., спровоцированная частью российской элиты и мгновенно подхваченная традиционно юдофобскими низами. Верно и то, что сионисты как выход рассматривали эмиграцию в Палестину. Но отдельно взятые эти факты не исчерпывают всей сложной и неоднозначной политики европейских держав, интересы которых сталкивались в трудно разрешимых противоречиях, порождавших подчас тупиковые ситуации. Еврейский вопрос, касавшийся и жителей Палестины, составлявшей до окончания Первой мировой войны часть османского государства, использовался европейскими политиками в разные годы по-разному. Известно, что декларация Бальфура 1917 г. о создании еврейского очага в Палестине была воспринята в ряде европейских государств отнюдь не одобрительно.

Палестинский автор Бихара Хадер предложил следующую трактовку сионизма, в котором он выделил три составляющих: «европейский антисемитизм, европейский национализм и западный империализм».

Приверженцы такой нехитрой, однозначной формулы определяют события, предшествовавшие Первой мировой войне и последующие, как тайный сговор великих держав с сионистами при посредничестве младотурок. Это был заговор против арабо-мусульманского мира в целом и Палестины в частности².

В действительности младотурки отнюдь не стремились к развалу собственной империи во имя чьих бы то ни было интересов. Они как могли препятствовали и деятельности сионистов, и еврейской иммиграции в Палестину. Другое дело, что их ресурс был невелик, их собственное положение не было стабильным.

За пределами Палестины, в других османских провинциях, у сионистов было совсем не много сторонников в еврейских общинах. Большинство османских подданных-евреев не верило в успех сионистских планов и не хотело обострять отношения с правительством, которое старалось подавить любые сепаратистские поползновения, от кого бы они ни исходили.

На арабов-единоверцев младотурки не могли опереться в своей политике именно потому, что в арабских провинциях постоянно вспыхивали мятежи не только под лозунгами ислама. Там уже широко распространились идеи арабского национализма и антитурецкие настроения. Конечно, нельзя упускать из вида и деятельность небольшой, но влиятельной части османской верхушки, которая не поддерживала мусульманскую солидарность, а предпочитала исповедовать разрушительные для остатков империи идеи турецкого национализма.

Единственное, в чем совпадают израильские и арабские авторы, это в датировках конца османского правления в Палестине, английского протектората, а позднее провозглашения государства Израиль, которое арабами оценивается как катастрофа, а израильянами как начало возрождения еврейской государственности и национального суверенитета.

Европейская историография стран Ближнего Востока значительно менее политизирована, но тоже отражает политические пристрастия отдельных авторов, чаще проарабские.

Что касается недавних работ советских историков по ближневосточной проблематике, то все они долгое время

обслуживали официальную проарабскую позицию правительства в ближневосточном конфликте.

Российская востоковедная школа существует около двух столетий, но исследования этнорелигиозных проблем ближневосточных обществ долгое время не были приоритетными, хотя их роль в истории всегда была велика. Российское востоковедение, как, впрочем, и европейское, начиналось с изучения языков, литературы, истории и религии государствообразующих этносов, что вполне понятно. На заре российского востоковедения специалистов было мало. Получилось так, что историей армянского населения Османской империи занялись в основном армяне, еврейских общин – уже упомянутые Г. Грец, А. Галанти, о греках писали преимущественно греки. Известны работы Стефана Иерасимуса о немусульманских общинах, в основном греческих. Систематические исследования по истории славянского населения и других этнических групп на Балканах, в том числе евреях, ведутся в Болгарии, Сербии, Румынии и других странах в основном со второй половины XX в. Такие исследования составляют часть национальной истории.

Что касается российских исследований по данной проблематике, то одной из первых работ стал небольшой обзор западноевропейских записок об османском государстве, включавший описание еврейского населения. Этот обзор дополнил публикацию текста с комментариями султанского фермана о льготах, дарованных иудейке Кире и ее потомкам, выполненную в 1895 г. известным русским востоковедом Василием Дмитриевичем Смирновым.

В начале XX столетия положение османской провинции Палестина регулярно освещалось в материалах еженедельного еврейского издания «Рассвет», выходившего с 1908 г. в С.-Петербурге. Ситуация в Палестине описывалась в этом издании и после установления там британского мандата.

Советский период не был благоприятным для любых исследований по национальной истории, которые не только политизировались, но и в значительной степени фальсифицировались.

И хотя весь этот период декларировались ценности интернационализма, одновременно проводилась политика репрессий и против отдельных социальных слоев, против национальных меньшинств и против научных школ. Пострадали далеко не худшие историки, в числе которых были известные востоковеды Москвы и Ленинграда.

Ситуация изменилась в последние десятилетия прошлого века. Появилась возможность для более свободных гуманитарных исследований по темам, ранее либо игнорировавшимся, либо сопровождавшимся жесткими идеологическими установками.

В 2001 г. был опубликован перевод с французского языка книги историков Эстер Бенбасс и Арона Родрига «Евреи Леванта. Сефардская община в XVI–XX веках». В работе широко использованы материалы архива Всеобщего еврейского альянса.

В 2005 г. вышла достаточно взвешенная работа авторского коллектива: И.В. Звягельской, Т.А. Карасовой и А.В. Федорченко – «Государство Израиль». Очерк истории Палестины, написанный И.Д. Звягельской, содержит сведения и османского периода.

В 1996 и 1998 гг. в Иерусалиме и Тель-Авиве на русском языке изданы работы Марэна Фрейденберга, историка, эмигрировавшего из СССР. Эти исследования в основном касаются истории евреев балканских стран, живших в Австро-Венгерской монархии, но отчасти и тех, кто населяли османские территории.

В данной работе предпринята первая попытка систематизировать и осмыслить на доступном мне материале эволюцию еврейских общин, их зависимость и от внутреннего развития институтов османского государства, и от менявшегося характера взаимоотношений османского правительства со странами Европы.

Некоторые ее разделы опубликованы в журнале «Лехаим» и в еженедельнике «Еврейское слово» в 2003–2011 гг.

Благодарю за содействие в моей работе библиографа Евгению Наумовну Назарову и главного редактора еженедельника «Еврейское слово» Владимира Натановича Дынькина.

Транскрипция имен в работе дается согласно источнику, поэтому одно и то же имя может обозначаться по-разному.

Примечания

¹ Graham-Brown S. *Palestinians and their society 1880–1946*. L. – Melbourne – N.Y., 1980. P. 24

² Khader B. *Histoire de la Palestine*. T. I. Maison Tunisienne de l'Edition, 1976. P. 130–138.

СТАТУС ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Средние века

Евреи диаспоры во многих странах мира с древности жили обособленно, составляя самобытные этнорелигиозные общины. Их статус в том или ином обществе определялся и религиозным законодательством страны пребывания (в средние века особенно жестким), и степенью толерантности этого общества, прежде всего его верхушки, формировавшей власть всех уровней. Но и в самые благоприятные для евреев эпохи и при самых лояльных к ним правителях они всюду были второсортными подданными. В экономически процветавшем Кордовском эмирате, позднее халифате (VIII–XII вв.), евреи пользовались свободой вероисповедания и передвижения (там не было религиозных преследований и черты оседлости), даже свободой в выборе профессии, определявшейся, как это было принято везде, преимущественно традиционными занятиями семьи. Но при всем том их бытие ограничивалось нормами мусульманского государства, а потому по определению не могло быть стабильным. Большую роль в такой системе играли личные отношения именитых и богатых евреев с верховной властью, несмотря на то что эти отношения подчас принимали совершенно парадоксальный характер, – ибо чем большее влияние и связи имели отдельные евреи при дворе, тем большему риску подвергалась вся община в качестве коллективного заложника. Резня евреев в 1066 г. в «благополучной» Гранаде начиналась как бунт против влиятельного еврея-везира.

Пользуясь главенством своих религиозных законов, обрекавших немусульман на второсортность, мусульманские толпы в Каире и других городах Ближнего Востока время от времени громили синагоги, церкви и дома, принадлежавшие евреям и христианам. Впрочем, надо отдать должное мусульманам средневековья: подобные эксцессы все же не носили характера систематического преследования и травли, что столетиями практиковалось в средневековой христианской Европе с благословения церковной идеологии.

Эксцессы в мусульманских странах того времени, конечно, не сопоставимы с массовым уничтожением на кострах и

в застенках инквизиции еретиков – евреев и мавров – королевой Изабеллой. Католики Испании и поныне называют ее «святой», а К. Маркс, не отличавшийся ни политкорректностью, ни приверженностью к собственным национальным корням, не смог для этой королевы подобрать лучшего определения, чем «католическая скотина»¹. Действия «христианнейших монархов» Изабеллы (1474–1504) и Фердинанда II (1479–1516), ее мужа, вынудили к бегству тысячи евреев и мусульман. Но если маврам было куда бежать (они спасались у своих единоверцев в Северной Африке), то евреев нигде не ждали. Численность изгнанных из Испании евреев точно не установлена. Вероятнее всего, в Португалию, Францию, Италию, Северную Африку бежало около 300 000 человек. Эти страны тоже тогда отнюдь не были гостеприимны. Евреев преследовали по всей Европе, а в Северной Африке пришельцев грабили и унижали местные племена. Но в эти тяжелейшие для народа годы у него неожиданно нашлось пристанище в Османской империи*.

Султаны без каких-либо ограничений допускали в свои владения изгнанных из европейских стран евреев, которых христиане уничтожали даже при попытках к бегству, а к местным евреям в османском государстве относились гораздо терпимее, чем в Византии. Есть предположение, что первоначально обосновавшихся в османском государстве беженцев-евреев было около 40 000, но вскоре их число удвоилось за счет прибывших несколько позднее из Сицилии и Португалии¹. В конце правления Мехмеда II, согласно переписи 1477 г., еврейское население Стамбула достигало 1647 хозяйств, т.е. около 8000 человек, по подсчетам Халиля Иналджика². Для многих из них Османская империя на несколько столетий стала убежищем. Султану Баязиду II (1481–1512) приписывается фраза, оброненная в беседе с одним европейцем: «Не оттого ли вы почитаете Фердинанда мудрым королем, что он приложил немало стараний, дабы разорить свою страну и обогатить нашу?»³

* Тюркские племена под предводительством Эртогрула, а позднее его сына Османа сумели захватить земли на северо-западе Анатолии и обосноваться там в последние десятилетия XIII в. Оттуда в дальнейшем турки совершали набеги на соседей и сумели за два столетия завоевать обширные территории. Именем Османа называли созданную им династию и империю и сами турки, и европейцы.

Каково же было положение еврейских общин и ранее живших на территориях Балкан, Малой Азии и Ближнего Востока, и вновь прибывших в XV–XVI вв. в пределы складывавшейся османской державы?

Ислам, нормы которого определяли бытие народов, населявших Османскую империю, в соответствии с Кораном допускал жизнь и отчасти имущественные права христиан и евреев при условии соблюдения ими установленных мусульманских законов и уплаты соответствующих налогов. Статус зимми (христиан и евреев), по мусульманским законам, предусматривал известную терпимость властей к «людям Писания» (ахль-уль-китаб). Но этот статус не был стабильным, поскольку в восточной деспотии, разновидностью которой стала Османская империя, жизнь любого человека, включая самого султана и членов его семьи, не была гарантирована от произвола отдельных лиц и группировок, обладавших на данный момент максимальным влиянием. Что касается имущества любого подданного – и мусульманина, и «неверного», то оно, по мусульманским представлениям, являлось достоянием Аллаха и его наместника на земле – султана-халифа. Крупные состояния после смерти владельцев обычно конфисковывались в казну. Наследникам оставляли то, что власти считали необходимым.

В османском государстве немусульманам разрешены были свободное отправление культа и жизнь по собственным религиозным законам. При завоевателе Константинополя Мехмеде II Фатихе (правил в 1444–1446 и 1451–1481 гг.) существовали следующие немусульманские общины (миллеты): греко-православная, иудейская (есть сведения, что она формально сложилась к 1493 г. или даже позднее) и армяно-григорианская. В дальнейшем миллетов стало больше. Они просуществовали до окончательного развала империи в 1918 г.

Система миллетов не была изобретением османских правителей. Подобные обособленные этнорелигиозные общины в различных странах существовали задолго до них, в том числе на территориях Малой Азии, Балкан и Ближнего Востока, захваченных турками. Турки, по сути, весь период существования османского государства оставались народом-завоевателем. Война и управление находились в их исключительной сфере. Система внутренней автономии немусульманских общин, практиковавшаяся до них во многих мусульманских государствах, оказалась приемлемой и для турок, тем более

что в совокупности нетурецкое население империи составляло большинство.

Городская цивилизация покоренных народов с развитыми ремеслами и торговлей, в которых сами турки долгое время непосредственно не участвовали, давала большие налоговые поступления в османскую казну. Свободные трудоспособные мужчины-немусульмане платили подушную подать – джизье и поземельный налог – харадж. Подушной податью облагалась община как таковая, а поземельный налог платили за участок в целом*. Сумма налогов раскладывалась внутри общины и обычно взималась с каждого ее члена в соответствии с его платежеспособностью. От уплаты налогов освобождалось нетрудоспособное население. Равнины по внутреннему распорядку общины либо вовсе не платили подушный налог, либо вносили лишь половину требуемой суммы.

Помимо джизье и хараджа, немусульмане обязаны были платить так называемые «экстренные» денежные взносы – прежде всего, в случае военных действий (а их было немало), поскольку «неверные» не служили в армии. Для нужд той же армии, в частности для курьерской службы, требовалась поставка лошадей и других животных, которых использовали для гужевого транспорта. Немусульманин, имеющий коня, обязан был его отдать чиновнику или посланцу важного лица, которому этот конь вдруг понадобился. Весьма обременительными для немусульман были постой, практиковавшиеся теми же чиновниками при разъездах по стране. Столовались они тоже за счет хозяина.

Немусульман принуждали работать на строительстве крепостей, мостов, дорог. Они выполняли и другие многочисленные повинности. Дело доходило до того, что лицам, от повинностей уклонившимся, запрещалось заниматься своим ремеслом. К примеру, шести евреям – продавцам лекарств (актарам) власти запретили работать по той причине, что они якобы отказались от содействия армии. Вероятно, эти люди

* «Арабская историческая традиция приписывает Умару (Омару) создание всей налоговой системы Халифата, основывавшейся на двух типах налога: поземельном налоге – харадже и подушной подати с иноверцев... Ни в Коране, ни в практике Мухаммада никаких конкретных установлений по налогообложению иноверцев не существовало. В каждом конкретном случае с побежденными полководец договаривался о размере дани и поставках продовольствия для войска». – Большаков О.Г. История халифата. II. Эпоха великих завоеваний. 633–656. М., 1993. С. 139–140.

не захотели следовать за войском в ущерб собственным делам. Чтобы восстановить свои права на занятие ремеслом, им пришлось не только выполнить все первоначальные требования, но еще явиться к кади (мусульманскому судье) вместе со специально уполномоченными для этого чиновниками и двумя свидетелями-турками и подать прошение властям⁴.

Иудеев и караимов обязывали нести караульную и дворницкую службу. Такая повинность для них существовала не только в османском государстве, включавшем до последней четверти XVIII в. и Крым, но в Литве и Польше.

В Османской империи, как и в Российской, евреям запрещалось иметь в услужении лиц любого другого вероисповедания. Султаны запрещали райятам иметь рабов. На этот счет известен ферман султана Мурада III (1574–1595) от 1575 г. Однако, как свидетельствуют документы еврейских судебных архивов, неофициально немусульмане, евреи в том числе, имели рабов при условии уплаты налога. Раввины не одобряли подобную практику, полагая, что закон обязателен для всех. Турки на протяжении столетий своего господства в основанной ими империи подчеркивали, что «согласно Корану, все райяты имеют одинаковые права и привилегии, и только мусульмане являются их хозяевами»⁵. Существовали предписания носить ту, а не иную одежду, обувь, определенный головной убор. Имели место и другие ограничения.

Мусульманин мог жениться на женщине-зимми, но мусульманка не могла выйти замуж за немусульманина, как не могла и быть у него в услужении. По той же причине мусульманин мог иметь зимми-раба или рабыню, но зимми не мог иметь раба-мусульманина или рабыню-мусульманку. Евреям и христианам запрещалось селиться в священных городах Аравии – Мекке и Медине.

В других городах они жили в отдельных, изолированных кварталах. Но в османском государстве не существовало еврейских гетто, а также запретов селиться во многих городах и землях, как в Европе.

Османская система миллетов являлась, по существу, и религиозной, и политической организацией, дававшей немусульманам возможность регулировать многие свои дела внутри общины. Глава ее, избираемый членами миллета, был не только религиозным, но и светским лидером. После избрания он утверждался султаном и управлял делами общины его милостью.

Есть сведения о том, что главный раввинат в Стамбуле был учрежден по инициативе испанских иммигрантов в нача-

ле XVI в., а власть главного раввина первоначально ограничивалась лишь пределами этого города. Главный раввин (хашам-баши), как и главы других немусульманских миллетов, отвечал за сбор налогов, а в чрезвычайных обстоятельствах ходатайствовал за членов общины перед османскими властями. Его функции отчасти были сходны с теми, какие возлагались на представителей иностранных держав. Правда, бывали случаи, хотя и очень редкие, когда Порта вмешивалась в избрание главы миллета, отказываясь утвердить неугодного кандидата.

Члены религиозной общины адресовывали свои жалобы и прошения главе или совету миллета. И только после обсуждения на совете глава миллета подавал эти документы в султанскую канцелярию. В делах о браке, разводе, наследовании имущества, образовании, благотворительности, при возникновении других гражданских проблем миллет обладал самостоятельной юрисдикцией. Евреи и христиане имели собственные школы, больницы, суды, странноприимные дома.

Хотя народы различных конфессий жили в одном государстве, фактически они следовали разным внутриобщинным законам и обычаям, что порождало постоянные межобщинные конфликты. Но ни одна община не могла нарушить нормы, предписанные ей исламом. Турки использовали в своих целях межобщинную напряженность, однако старались держать ее под контролем во избежание могущих вспыхнуть в одночасье волнений.

Немусульмане вплоть до середины XIX в., как правило, не могли получить должность в административной иерархии, зато выходцы из этих общин, принявшие ислам, бывало, поднимались по административной лестнице довольно высоко. Исключение на службе султанов составляли иудеи и христиане, занимавшие должности переводчиков, медиков, сборщиков налогов и таможенных пошлин, иногда даже советников и дипломатов.

Сказанное выше может создать впечатление, будто турки обращались с немусульманским населением как с иностранцами, тем более что делами миллетов при Порте ведал реис-уль-кюттаб (некий аналог министра иностранных дел). Здесь в самом деле есть определенное сходство, поскольку нормы ислама допускали относительную терпимость к «неверным» лишь при условии их полного подчинения, но эти нормы никогда не признавали их равными мусульманам, будь они подданными султана или иноземцами. Именно такие дог-

мы ислама в XIX и XX вв. стали камнем преткновения для реформирования безнадежно слабевшей государственной системы, а также для неоднократно предпринимавшихся попыток консолидировать разнородное в этноконфессиональном плане население империи. Несостоятельной оказалась сама доктрина османизма, доктрина единого отечества мусульман и иноверцев.

Группы населения, обозначаемые как зимми (покровительствуемые), «люди Писания», реайя (пасомые, стадо), кяфиры («неверные», в основном христиане) и яхуди (евреи), подвергались религиозной, политической и социальной дискриминации. Почти поголовный переход в ислам христиан в некоторых местностях Балкан, например в Албании, – один из показателей такой дискриминации и давления политического, экономического, социального. Среди евреев тоже встречались так называемые дёнме («перешедшие в ислам»), хотя и достаточно редко. В Османской империи, как и в других мусульманских государствах, существовал закон, обрекавший на смертную казнь каждого христианина или еврея, перешедшего в ислам, а затем снова вернувшегося к прежней вере. Он был отменен лишь в середине XIX в. Даже, казалось бы, лояльные к евреям султаны подписывали дискриминационные указы (ферманы). Указ султана Мехмеда II Фатиха запрещал ремонт и восстановление разрушенных христианских храмов и синагог. Он неукоснительно действовал довольно жестко до середины XVII в., когда турецкие власти начали смотреть сквозь пальцы на случаи его нарушения. Однако и это послабление стало результатом долгой, упорной борьбы, подкупа властей, переговоров с ними лидеров общин. Как уже упоминалось, власти вводили и другие запреты. Богатым евреям не было разрешено вне дома носить шелка и драгоценности, что, впрочем, вообще в те времена представляло опасность для жизни⁶.

Отношение к немусульманам в Османской империи побуждало европейские правительства закреплять в особых договорах-капитуляциях право экстерриториальной юрисдикции для своих подданных и такие привилегии, какие миллетам даже не снились.

Те или иные привилегии, дарованные общинам, зависели только от прихоти султана. Они являлись односторонней уступкой, не включенной в формальные двусторонние договоры, которыми европейские державы, в отличие от бесправных миллетов, сумели закрепить режим капитуляций. Льгота

или уступка, предоставленная той или иной общине, могла быть аннулирована в любое время. Известно, что Мехмед II специальным указом освободил евреев от некоторых налогов: на продажу мяса, обмен денег и прочего в том же роде, чтобы облегчить прибывающим обустройство на новом месте. Льготы действовали лишь в период правления того султана, который их пожаловал; затем они могли быть возобновлены новым правителем, а могли и аннулироваться.

По существу, функции османского государства в отношении немусульманских подданных на протяжении нескольких столетий сводились в основном к их защите от внешней и отчасти от внутренней агрессии. Исламская концепция государства оставляла зимми на обочине жизни. Мусульманские законы апеллировали к «правоверным», игнорируя тех, кто к ним не принадлежал. Именно поэтому огромная мусульманская империя, так и не сумевшая в силу религиозных законов и соответствующего менталитета элиты консолидировать разнородное население на основе каких-либо общих ценностей, была обречена на распад и гибель.

Однако и при отсутствии религиозно-социального равенства положение евреев в османском государстве XV–XVI вв. юридически, а подчас и практически было лучше, чем в большинстве стран Европы, где они подвергались религиозным преследованиям, а нередко и физическому истреблению.

Османские власти начали регистрировать население империи в первой половине XV в., но регулярные переписи проводились лишь со второй его половины с интервалом в 10–20 лет. Это не были всеобщие поголовные переписи в сегодняшнем смысле слова.

Данные османских реестров составлялись, прежде всего, с целью налогообложения жителей. Регистрация в административно-территориальной единице (санджаке) длилась от года до двух. Она проводилась не одновременно по всей территории, а постепенно – по отдельным областям. Дошедшие до нас реестры далеко не так полны, чтобы по ним можно было установить точную численность населения в какой-то период. Велика была роль случайных факторов, приводивших в XV–XVI вв. к скачкообразному развитию городов: некоторые из них теряли население, другие поначалу приращивали, поскольку при стремительных завоеваниях турок становились временными пограничными городами, зато с перемещением границ иногда приходили в упадок. Единицей учета тогда был не человек, а дом, хозяйство (хане). В реестрах

указывалось имя хозяина, его семейное положение (холост или женат), вероисповедание⁷.

Турки-османы завоевали Палестину и другие территории Ближнего Востока в 1516 г. По указу султана Селима I (1512–1520) завоеванные земли были поделены на санджаки, составлявшие часть более крупной административной единицы – вилайета. В Цфате, Иерусалиме, Хевроне, Газе и Наблусе переписчики учитывали не только отдельно общины иудеев и самаритян, но и хозяйства евреев, прибывших из Испании, Португалии, Италии, Германии, Венгрии, стран Магриба, а также евреев, говоривших по-арабски. В Галилее проживало около 10 000 евреев. В 1555–1556 гг. общее население Палестины составляло около 300 000 человек⁸.

Среди архивных османских документов есть реестры с данными о численности иудейских семей, об уплате ими налогов в различных населенных пунктах в определенные годы. Однако многие документы содержат сведения о мусульманских и немусульманских хозяйствах без какой-либо дальнейшей дифференциации последних. Есть некоторые данные об османских евреях в бумагах Департамента христианских дел. Интерес представляют жалобы еврейских ремесленников и торговцев на притеснения и коррупцию чиновников, сведения о евреях, исполнявших поручения турецких чиновников, а также отчеты о конфликтах евреев с подданными других держав в империи и за ее пределами. Сирийские реестры XVI в. свидетельствуют, что евреи жили в Алеппо, Триполи, Дамаске, Бейруте, Сайде, Баальбеке и других городах Ближнего Востока.

Реестр Дамаска дает четкие сведения о распределении различных еврейских общин по кварталам. Помимо местных иудеев, в городе жили самаритяне, караимы, евреи – выходцы с острова Сицилия, из Западной Европы. Последних турки именовали франкскими евреями, а всех европейцев без разбору франками.

В османской верхушке отсутствовала единая точка зрения на внутреннюю этноконфессиональную политику, однако султаны по большей части все же придерживались принципа относительной толерантности к немусульманам, ибо на тех фактически держалась экономика государства. Когда великий везир и зять султана Рустем-паша настойчиво убеждал Сулеймана I (1520–1566) изгнать всех евреев из пределов страны, считая, что от них больше вреда, чем пользы, султан не внял доводам везира. Мало того, он оказал помощь и

покровительство евреям-торговцам, направив письмо папе Павлу IV, где сообщал о конкретных случаях притеснения иудеев в папских владениях, куда те ездили по своим делам.

В одной из архивных папок XVI в. лежит письмо турецких властей дожу Венеции с требованием выплатить компенсацию двум еврейским торговцам из Стамбула – Шломо Бен Иозефу и Шломо Бен Якобу, которых обманул венецианский шкипер. Торговцы эти оплатили перевозку груза до Венеции, а шкипер отвез их на Сицилию, где продал груз, присвоив деньги⁹.

Но бывало и совершенно по-другому, поскольку власть султанов лишь отчасти ограничивалась мусульманскими установлениями. В 1579 г. султан Мурад III в припадке ярости решил подвергнуть иудеев поголовному избиению, и только крупная сумма в золоте, поднесенная богатыми членами общины султанше-матери и янычарскому аге, предотвратила надвигавшееся бедствие. Бытует еще одна версия. Согласно ей, золото было предложено самому султану, слывшему редким скрягой¹⁰. Возможно, подоплекой этой истории явилась какая-то интрига, а интриги составляли значительную часть придворной жизни.

Как уже говорилось, пестрый этнорелигиозный состав османского населения, разнонаправленность интересов этнических групп не могли не порождать внутренних конфликтов, в которых османское государство выступало не только в качестве арбитра, но и как сторона, активно участвовавшая в выработке правил торговли и ремесленного производства. Для успешного ведения дел немусульманам подчас приходилось эти правила обходить. Что делалось не без ловкости. Чиновники нередко прибегали к принудительным поставкам и работам – прежде всего в связи с военными действиями. Характер османской экономики в значительной мере определялся тем обстоятельством, что в течение нескольких столетий империя существовала за счет дани и налогов с населения покоренных земель, а также за счет набегов и грабежей новых территорий. Существенным отличием мусульманского государства и в прошлом, и в настоящем было и остается непосредственное вмешательство центральной власти в экономическую жизнь путем издания законов и постоянного, даже мелочного, контроля, что, конечно, не способствует развитию и процветанию экономики.

Тем не менее для необходимой османским властям хозяйственной деятельности приходилось предоставлять от-

дельным производителям, нередко одной этнической группы, особые привилегии и монопольное право на поставку сырья, а также гарантированные регуляторы сбыта. Например, монопольное право на закупку шерсти евреи Салоник получили потому, что все производство шерстяных тканей в этом городе предназначалось для столицы, всегда имевшей на Востоке не только особый политический, но еще и экономический статус. Подобная хозяйственная специфика, даже при наличии больших капиталов, не способствовала становлению общегосударственного рынка, зачатки которого формировались в XVII–XVIII вв. в ряде европейских стран.

Но даже в условиях жесткого административного регулирования в немусульманских общинах, в том числе и еврейской, происходило накопление торгово-ростовщического капитала, источником которого были сфера обмена, система откупов, ростовщичество – все то, чем турки не занимались. Коран запрещает взимать ссудный процент. К торговле и финансовым операциям долгое время турки относились как к занятиям низменным: «А с торговцами-шакалами, – утверждал турецкий автор XVII в. Кочибей Гёмюрджинский, – никакого дела не сделаешь»¹¹. Конкуренция в этих презируемых турками сферах деятельности, однако, была жесточайшая. И была одной из основных причин многовековой напряженности и конфликтов армян, греков и других христианских народов с евреями, поскольку последние имели в этих занятиях немалый опыт и сноровку.

Как уже говорилось, в силу религиозных запретов немусульмане в мусульманском государстве, за некоторыми упомянутыми исключениями, были отстранены от государственных и военных дел. Но ограничения эти имели и обратную для них сторону. Во-первых, турки массово гибли в бесконечных войнах, их численность постепенно, но неуклонно сокращалась, тогда как численность немусульман, в особенности христиан, возрастала. Во-вторых, немусульмане свободно могли действовать там, где турки традиционно отсутствовали: в навигации, торговле, финансовых операциях... В этих сферах они достигали настоящих высот. На сей феномен обратил внимание Макс Вебер в своей известной работе «Протестантская этика и дух капитализма»: «Национальные и религиозные меньшинства, противостоящие в качестве “подчиненных” какой-либо другой “господствующей” группе, **обычно – именно потому** (выделение М. Вебера. – *И.Ф.*), что они добровольно или вынужденно отказываются от поли-

тического влияния и политической деятельности, – концентрируют все свои усилия в сфере предпринимательства. Этим путем наиболее одаренные их представители стремятся реализовать свои способности, которые не находят применения на государственной службе. Так обстояло дело с поляками в России и Восточной Пруссии, где они, несомненно, шли путем экономического прогресса (в отличие от влиятельных поляков Галиции). То же демонстрировали гугеноты во Франции Людовика XIV, нонконформисты и квакеры в Англии и – last but not least – евреи на протяжении двух тысячелетий». Но все же далее на примере католиков, которые даже в качестве преследуемого меньшинства в Англии и Голландии не обнаруживали склонности к предпринимательской деятельности, Вебер указывает, что причину столь различного поведения представителей разных вероисповеданий следует искать не столько во внешнем историко-политическом положении меньшинств, сколько в устойчивом внутреннем своеобразии каждой конфессии¹². Евреи включались в конкурентную борьбу в знакомой им торгово-финансовой сфере, но действовали и могли действовать лишь в рамках того общества и даже шире – в рамках той цивилизации, в которой оказались. При всем старании, при всей ловкости они не могли выйти за пределы уровня развития конкретного общества. Это становится особенно очевидным при сопоставлении достижений евреев в западных и восточных обществах. В мусульманских обществах пути системного развития капитализма, которое имело место в Европе, перекрывались и религиозными догматами, и спецификой самих таких обществ.

Коран строго запрещает ростовщичество, взимание ссудного процента: «Аллах разрешил торговлю и запретил рост» (сура II, 276), «Уничтожает Аллах рост и вырачивает милосердие» (сура II, 277) и т.д. Позднее некоторые мусульманские купцы пытались обойти этот запрет, прибегая к различным ухищрениям. Сделка оформлялась без упоминания оговоренного устно процента и выглядела формально беспроцентной; бывало, что путем проведения дополнительных торговых операций (например, перепродажи) ссудный процент – *риба* (араб.) изображали как торговую прибыль и т.д. Средневековые богословы дифференцировали даже законный процент (*риба аль-фадль*) и незаконный (*риба ан-насия*). Но далеко не все мусульмане признавали легитимность самой такой дифференциации. Запрет на *риба* стал существенным тор-

мозом для функционирования кредитно-финансовых учреждений на мусульманском Востоке.

В Османской империи, созданной силой оружия, торговля и денежные операции не были престижными занятиями, что неизбежно вело экономику и само государство к упадку.

Вчерашние кочевники турки-османы строили государство на завоеванных территориях первоначально как государство даннического типа. Торговля, ремесла, денежные операции долгое время находились в руках этнорелигиозных меньшинств: греков, армян, евреев.

В силу своего по преимуществу военного характера, военной ориентации правящая верхушка османского государства ограничивалась сборами с транзитной торговли через османскую территорию. Таможенные пошлины пополняли султанскую казну и доходы наместников провинций (эйялетов), но мало содействовали активизации османского купечества. Даже среди тех, кто выполнял посреднические функции, основная роль принадлежала нетуркам. Купцы-посредники обеспечивали предметами роскоши османскую правящую верхушку, потреблявшую в большом количестве шелковые ткани, пряности, благовония, жемчуг, драгоценные камни, китайский фарфор. Поскольку турки были в основном покупателями, то результатом торговых операций стал непрерывный отток золота и серебра в другие страны. В XVI в. это ощущалось не столь сильно, как в XVII в., когда доходы османской казны заметно оскудели. Сферы экономики, в которые входили, помимо торговли, откуп налогов, доходы богатых землевладельцев, находились в руках христиан и евреев. Француз Белон дю Мэн, относившийся к евреям отрицательно, как и подавляющее большинство европейцев того времени, в 1500 г. писал: «Они (евреи) настолько контролируют товарный рынок Турции, что богатства и доходы турок находятся в их руках, потому что они назначают самую высокую цену при сборе налогов, берут на откуп налог на соль, портовые сборы и другие поступления». Француз не удержался от едкой и характерной для его времени оценки: «Самый тонкий и полный злобы народ на свете»¹³.

Известно, что примерно со второй половины XVII в. еврейские общины утрачивают свою некогда столь заметную роль в османской экономике, беднеют, приходят в упадок. Примерно тогда же обозначились признаки упадка османского государства. Эти признаки обозначились и в экономике, которую определяла специфика теократического деспо-

тийного государства: бесчисленные государственные регламентации и препоны для хозяйственной деятельности, тотальный контроль чиновничества, низкий сравнительно с Европой уровень товарно-денежного оборота, отсутствие нормальной конкурентной среды, узаконенная коррупция.

В Стамбуле и крупных провинциальных центрах Османской империи сосредотачивались ресурсы от налоговых поступлений, что, конечно, способствовало развитию внутренней и внешней торговли, но коммерческая деятельность, локализованная, обусловленная рядом предписаний и запретов, сформированная в основном потребностями господствующего слоя, могла иметь место лишь в рамках давно сложившегося производства средневековых корпораций. Ни о каком дальнейшем эффективном экономическом развитии речи быть не могло.

Активное участие в торговле, как внутренней, так и внешней, занятие государственным откупом налогов давали возможность отдельным представителям этнорелигиозных меньшинств, евреям в том числе, богатеть, сколачивая весьма значительные состояния. Но капиталы эти, сколь бы велики они ни были, не могли быть вложены длительно в производственную, либо торговую, либо банковскую сферу (банки появились лишь во второй половине XIX в.), поскольку их наследование в мусульманском государстве составляло большую проблему. После смерти владельца его имущество обычно конфисковывалось в казну, ибо по мусульманским законам оно есть достояние Аллаха, а султан – его представитель на земле.

Каков же критерий для оценки отношений мусульманских и немусульманских этносов Османской империи? Однозначно эти отношения определить трудно. Они менялись в разные исторические эпохи. С одной стороны, имел значение статус каждой этнической группы в государстве, с другой – степень ее экономического процветания или бедности.

Мусульманские страны, в течение многих веков обладавшие большими финансовыми ресурсами, тем не менее, в отличие от Западной Европы не заботились столь же рачительно о развитии собственных производства и торговли. Снабжать торговлю за счет излишков произведенных внутри страны товаров, как-либо обеспечивать занятость производителей, чтобы улучшить их жизнь, пытаться сбалансировать импорт и экспорт в своих странах – такие идеи не посещали

умы мусульманских правителей ни в средние века, ни в новое время.

Торговля на Ближнем Востоке долгое время сводилась к покупке и продаже товаров, а также к сбору пошлин за транзит через его территорию. Поэтому после открытия португальцами и испанцами новых морских путей прежний транзит товаров постепенно утратил свое значение.

В левантийской торговле главную роль играли немусульмане: греки, армяне, евреи. Отношения мусульман с немусульманами зависели также от уровня благосостояния господствующего слоя господствующего этноса. С XVIII в. заметно возрастает влияние западных держав во внешней и внутренней политике Порты в связи с ее военными поражениями, экономической слабостью и постепенным процессом политического упадка. Появились и все больше крепились тенденции к покровительству западноевропейских держав и России наиболее близким им этнорелигиозным группам. Все эти составляющие действовали и в XIX в., и в начале века XX – вплоть до распада империи.

В начальный период существования османского государства отношения между немусульманскими этносами и господствующим мусульманским слоем были в прямой зависимости от вполне очевидной вещи: чем больше процветал во времена успешных завоеваний этот слой, тем лучше складывались его отношения с другими этносами. В первые столетия существования империи турки руководствовались идеей патернализма, который не чужд исламу ханифитского толка, господствовавшему в их государстве. Подчиненные этносы должны были довольствоваться великодушием победителей. Упадок империи непосредственно затронул правящий слой, состоявший главным образом из турок или перешедших в ислам нетурок.

Отношения этого слоя с другими этносами менялись. Возраставшее в эпоху упадка империи благосостояние «неверных», в основном христиан, раздражало мусульман, усиливало напряженность и нетерпимость в османском обществе. Впрочем, это общая закономерность, она имела место не только в мусульманских странах. Во всех иных инородцам тоже никогда не прощали и не прощают по сей день их благосостояния, возникшего на фоне упадка титульных наций. Поэтому сентенция греческого историка Стефана Иерасимоса, имеющая в виду положение османских христиан, прежде всего греков, истолковывается значительно шире: «Когда

мусульманин, – говорит он, – не может более противопоставить “неверному” собственное процветание или превосходство образа жизни, он ему противопоставляет озлобленно гипертрофированную религиозность, каждодневно склерозируемую и ханжескую»¹⁴. Там, где хозяевами положения оказывались христиане, они вели себя не лучше. Но что бы ни предпринимали господствующие этносы, все империи древности и средневековья, созданные силой оружия, были обречены на распад. Даже в апогее могущества османские государственные структуры выглядели архаичными при сопоставлении со структурами ряда западноевропейских государств, где уже набирали силу процессы модернизации.

Пытаясь как-то объединить огромные пространства, населенные народами разных цивилизаций, культур, религий, турки подчинили все эти этносы единой централизованной бюрократической системе, которая слабела по мере истощения ресурсов, полученных в ходе завоеваний. После открытия Америки и морского пути в Индию страны Запада, консолидировавшиеся на принципах национального государства, эксплуатировали и грабили недавно освоенные огромные колониальные территории. Прямым следствием этих двух столь различных процессов в Европе и Османской империи, заметно обозначившихся в конце XVII–XVIII в., стало смещение главных осей восточной торговли к океанам, а в результате – постепенное, но неуклонное обеднение Средиземноморья и Ближнего Востока. И хотя в XVII в. правящие турецко-мусульманские группы уже имели развитые собственные торговые секторы экономики, они были вскоре задавлены двумя грозными противниками. Османская бюрократия безжалостно и безрассудно взимала вперед и в свою пользу всю прибавочную стоимость, ни в малейшей степени не заботясь о прибыли или инвестициях. То есть, по сути, воскрешала традиции грабежа, с которого и начиналась империя. Конечно, в таких условиях ни арабские, ни турецкие, ни османские торговцы-немусульмане не могли выдержать конкуренции защищенных капитуляциями и собственными экстерриториальными законами европейцев. Поэтому немусульманам империи не оставалось ничего иного, как наперегонки добиваться покровительства, а позднее и подданства европейских держав. Отсюда берет начало слой компрадоров, с которыми впоследствии ожесточенно боролись турецкие националисты.

Наряду с торговыми слоями, положение которых в империи не было прочным, существовала мощная прослойка ос-

манской бюрократии, включавшая крупных сановников центральной администрации (великий везир, военачальники армии и флота, главы важнейших служб столицы, высшие религиозные иерархи). В эту прослойку входили и первые должностные лица дворца, пользовавшиеся огромными доходами, которые давало их положение, хотя источники доходов не всегда были дозволенными. Имевшие великолепные дома и ставшие первоочередными потребителями импортируемой и местной продукции, они в какой-то мере стимулировали торговлю – главным образом предметами роскоши.

Существовало и среднее звено администрации. Его составлял довольно стабильный класс чиновников, в большинстве своем турок. Некоторые должности занимали и представители других национальностей: драгомань (переводчики) были в основном греками, придворные медики – чаще всего евреями, сборщиками налогов и таможенных пошлин служили и евреи, и христиане (либо их подставные лица). Все эти категории османской бюрократии определяли спрос на предметы роскоши: еврейская богатая прослойка тоже входила в число потребителей изделий такого рода. Этно-религиозные меньшинства, евреи в том числе, играли роль главных посредников при контактах европейцев с высокопоставленными османскими чиновниками. Эти контакты приобретали тем большее значение, чем скорее турки теряли позиции в мировой торговле.

Одной из наиболее активных торговых держав была Англия. В ее средиземноморской торговле в середине XVII в. важное место занимал итальянский порт Ливорно. Мореплавание и торговля в значительной мере поддерживались участием многих евреев, которые были связаны со своими единосверцами в Стамбуле, в других крупных османских городах и с торговцами городов Западного Средиземноморья¹⁵.

Ослабление военной мощи турок, ошутимое со второй половины XVII в., повлекло за собой падение престижа имперского правительства, дальнейший рост коррупции во всех звеньях администрации и, как следствие, тяжелый, затяжной финансовый кризис. В таких условиях началась упорная борьба европейских держав за влияние на великого везира, значение которого особенно возросло в эпоху правления череды безвольных, малопригодных к государственной деятельности султанов XVII–XVIII столетий. Падали доходы центра, в том числе и от внешней торговли, падали доходы провинций. Каждой провинции теперь все больше приходилось рас-

считывать на собственные силы, поскольку денежные ресурсы империи постепенно таяли.

2. Новое время

Обретя большую, чем прежде, экономическую и военную мощь, европейские державы навязали Порте принцип защиты прав христианского населения. Россия отстаивала права народов православного вероисповедания. Именно этот принцип обосновывал все ее войны XVIII–XIX столетий, в которых турки теряли одну территорию за другой. Что касается еврейского населения, всем чуждого, то его положением ни в малейшей степени не была озабочена ни одна европейская держава. Правда, в самой Европе после Великой французской революции 1789 г. различные категории населения, ранее бесправные, в том числе евреи, преодолевая многочисленные препоны, постепенно все же добивались формального равенства перед законом с другими гражданами.

Историк О.Л. Вайнштейн, работавший в Национальном архиве Парижа, изучавший там французскую прессу революционных лет, нашел документы, свидетельствующие о сочувствии турецких евреев французской революции, которая «дала права гражданства их братьям». Однако подобным сведениям в левантийских торговых компаниях особого значения не придавали. В Париже опасались любых осложнений в отношениях с Портой. Османская империя продавала Франции хлеб и тем побуждала французские власти к осторожности. В противном случае страна могла лишиться хлеба. Порта, в свою очередь, хотя и не симпатизировала революционным событиям в Европе, тоже воздерживалась от враждебных действий по отношению к Франции¹⁶.

В османских документах есть сведения о том, что, хотя идеи французской революции и отголоски ее событий достигли до Стамбула, философская мысль, породившая эту революцию и революционные движения в других странах, подавляющему большинству населения Османской империи не была известна. Лишь небольшая часть богатых аристократов Молдавии и Валахии, зажиточных фанариотов (стамбульских греков из квартала Фанар), вступавших в контакты с иностранцами, другие христиане и евреи, знавшие французский язык, греческие судовладельцы и моряки, поддерживавшие торговые связи с Европой, и, наконец, мусульманские чиновники, находившиеся в деловых отношениях с ино-

странцами и фанариотами, имели кое-какое представление об идеях Великой французской революции. Основная же часть жителей империи, как мусульмане, так и немусульмане, вообще была мало осведомлена о каких-либо европейских делах. Многие жители Стамбула ничего не знали даже о том, что происходило на Бейоглу во французском посольстве, где сторонники революции, прослышав о взятии Бастилии, нацепили трехцветные кокарды, столь раздражавшие австрийского драгомана, и открыто выражали свою радость¹⁷.

Вследствие очевидного упадка империи, а вовсе не под влиянием французских революционных идей, наиболее просвещенные и ответственные османские чиновники, пользуясь поддержкой султанов, в XIX в. провели реформы, прежде всего в военной сфере, а потом в сферах законодательства и образования, в государственных структурах. Модернизация мусульманского государства, по сути теократии, оказалась невероятно сложным делом и растянулась на многие десятилетия. В итоге империя развалилась. Реформаторы встречали мощное сопротивление в обществе. Немусульмане (за исключением евреев) стремились к полной независимости. В этом их поддерживали европейские державы, особенно Россия, не только дипломатическим путем, но и силой оружия добившаяся освобождения Греции и балканских славян.

Подавляющая часть османских чиновников не хотела никаких реформ и тайно их саботировала. Мусульманскому духовенству и массам мусульманского населения реформы представлялись отступлением от ислама, предательством, разрушением основ их религии и бытия. Султана-реформатора Махмуда II (1808–1839), сына креолки с острова Мартиника, мусульманские подданные называли гяуром и, конечно, могли бы убить, если бы династия Османов, к которой он принадлежал, не была для них священной. А на тот момент он оставался единственным ее представителем.

Османским государственным деятелям в первой половине XIX в. вопрос о равенстве христиан и евреев с мусульманами не казался главным, но он был связан с реформированием государственных учреждений; к тому же при постоянном и настойчивом вмешательстве европейских держав в дела Порты этот вопрос становился частью османской официальной политики.

Новым в сложившейся многовековой практике служебных отношений стало строгое предписание относительно оплаты расходов служебных лиц, их содержания во время

разъездов по стране, которые некогда возлагались на немусульманское население. «Все официальные лица, – говорилось в фермане Махмуда II, – кем бы они ни были: везиры, мирмираны* и т.д., имеющие надобность в поездках по империи, покупают необходимые им съестные припасы на собственные деньги, а бедные не должны снабжать их даром». Заканчивался ферман обращением к властям любого ранга с требованием, чтобы «все подданные султана – и мусульмане, и реая – были избавлены от притеснений и обид, укоренившихся в административной практике, что во все времена противоречило священным мусульманским законам и что противно личной воле султана»¹⁸.

В январе 1834 г. был опубликован другой указ, запрещавший произвольные поборы в судах и налоги сверх сумм, установленных законом на содержание чиновников, а также эмиссаров правительства¹⁹.

Беспрецедентным, с точки зрения мусульман, был неожиданный поступок султана. В первый день Рамазана он пригласил к себе Константинопольского патриарха, главного раввина и двух армянских патриархов (католического и армяно-григорианского) и вручил им украшенные бриллиантами почетные ордена. «Этот поступок, – сообщал российский посол в Стамбуле А.П. Бутенев, – вызвал всеобщее удивление... Он служит доказательством намерений султана следовать системе терпимости и равенства ко всем своим подданным»²⁰.

Махмуду II приписываются слова: «Среди моих подданных я различаю мусульман в мечети, христиан в церкви, евреев в синагоге, но, помимо того, никоим образом я их не дифференцирую. Мое отношение к ним, мое чувство справедливости ко всем равно сильно, и все они поистине мои дети»²¹.

Гюльханейский указ (хатт-и-шериф) от 3 ноября 1839 г. был оглашен в присутствии султана Абдул Меджида I (1839–1861). Он предоставлял немусульманам гарантии жизни, чести, имущества, которые прежде даже не декларировались. Воплотить в жизнь столь радикальные для мусульманского государства установления оказалось тогда нереальной задачей, поскольку они самым чувствительным образом затрагивали религиозные традиции мусульман. До разделения светского и религиозного начал в государстве было еще далеко.

* Двухбунчужный паша – управитель небольшого города. В мирное время командовал гарнизоном. Во время войны подчинялся трехбунчужному паше – везиру.

И все же именно этот указ, несмотря на преамбулу, утверждавшую верность вековым устоям ислама, нанес им удар. Принципы Гюльханейского указа были подтверждены и развиты в хатт-и-хумаюне 1856 г.

Основой его была декларация веротерпимости:

«Моя Высокая Порта примет энергичные меры, чтобы обеспечить каждой религии, каково бы ни было число ее последователей, полную свободу проявления.

Всякое отличие или наименование, имеющее целью унижить одну часть моих подданных перед другими вследствие их веры, языка или племени, будет навсегда устранено из всех административных документов. Законы будут строго карать за обычай употребления как частными лицами, так и властями всех рангов наименований поносных и оскорбительных.

Никто не должен быть стесняем в отправлении своих религиозных обрядов, никто не должен подвергаться преследованиям за свое вероисповедание, никто не будет принуждаем к перемене своей религии.

Поскольку назначение и выбор чиновников, а также прочих должностных лиц империи непосредственно зависят от нашей высочайшей воли, мы постановляем, что все подданные нашей империи, без национальных различий, будут допущены к отправлению публичных должностей в зависимости от их способностей и заслуг и в соответствии с правилами, ко всем в равной степени применяемыми.

Все подданные моей империи без всякого различия будут допущены в гражданские и военные правительственные школы, если будут соответствовать условиям возраста и вступительных экзаменов, определенным в регламентах сих школ.

Сверх того, каждой общине разрешается учреждать собственные школы наук, искусств и промышленности, а способ преподавания и выбор учителей для этих школ подлежат контролю смешанного совета народного просвещения, члены которого будут назначены нашей высочайшей властью»²².

Как уже говорилось, далеко не все декларации высочайших указов нашли реальное воплощение.

Турки так и не решились вооружить христиан. Создание отдельных военных подразделений по этнорелигиозному признаку было для них делом самоубийственным, а служить под началом командиров-мусульман христиане не хотели. Евреи предпочитали откупаться от службы в османской армии, благо это допускалось законом.

В 1840 г. правительство приняло новый уголовный кодекс, во многом ориентированный на европейские правовые нормы, хотя прежние, как христианские, так и иудейские, продолжали действовать в миллетах.

В 1862–1863 гг. был опубликован Органический статут для христианских миллетов. Он должен был уменьшить в них власть духовенства и увеличить значение светских институтов.

Османские евреи получили такую хартию в 1865 г., но никакого энтузиазма в общинах она не вызывала. Этот проект внутренней реорганизации немусульманских общин был продекларирован и в хатт-и-хумаюне 1856 г. Правительство преследовало цель уничтожить религиозный антагонизм и межобщинные конфликты, чтобы обеспечить османское братство и равенство подданных. Этими иллюзиями оно тешилось несколько десятилетий.

В 1868 г. по образцу французского Государственного совета был учрежден османский Государственный совет (Шура-и-девлет) во главе с министром-президентом. В 1873 г. совет имел четыре отдела: законодательный, административный, арбитража и общественных работ (последний вскоре был закрыт). Из 16 занятых в последнем учреждении советников 3 представляли немусульманские общины; это были грек, еврей и армянин.

10 мая 1869 г. на первом заседании совета выступил султан Абдул Азиз (1861–1876). Он подчеркнул характер нового учреждения: «К какому бы вероисповеданию ни принадлежали наши подданные, все они – дети одного отечества. Религиозные различия не должны быть поводом для розни между османскими подданными, поскольку у нас существует свобода вероисповедания»²³.

Недостатка в подобных декларациях не было, но в некоторых соседних государствах, например в России, даже до деклараций дело не дошло.

Вскоре в совете начались разногласия, его реорганизовали, и шутники придумали ему новое название – Шура-и-звет (игра слов), что означало «соглашательский совет».

Один из крупнейших османских реформаторов XIX в. – Фуад-паша, неоднократно занимавший пост великого везира, был серьезно озабочен плачевным состоянием дел в империи. Для него интересы государства были выше устаревших догм и предрассудков. «Если какой-нибудь паша, – писал он, – молится Б-гу по закону Моисея или по христианс-

ким заветам, то это не причина для того, чтобы мы лишали себя пользы, приносимой его службой. Но если тот же паша, не признавая единства нашего отечества, мечтает о Византийской империи или стремится служить Киликийскому царству, то он перестает быть лояльным слугой и должен быть устранен»²⁴.

Его коллега и единомышленник Аали-паша обратил общее внимание на принцип равенства, провозглашенный в годы французской революции: «Каждый индивидуум свободен и равен любому другому». При этом он подчеркнул, что в Европе отсутствует узаконенная религиозная дискриминация.

В XIX в. на службе Порты состояло немало христиан, в основном греков и армян, которые занимали даже должности министров. Что касается евреев, то они в этот период, по существу, оставались в стороне от набиравшего силу процесса модернизации немусульманских общин империи.

В XVII в. становятся заметными признаки упадка еврейских общин Османской империи на фоне возрождения и укрепления христианских, объединенных идеями национальной независимости. В числе причин постепенной деградации еврейского населения называют непомерные налоги в этот период, постоянные нападения янычар (грабежи, поджоги), а также отсутствие сильных, влиятельных лидеров. Евреи сдают свои позиции в экономике армянам и грекам, проигрывая в ожесточенной конкурентной борьбе.

В Османской империи модернизации общинной жизни в большой степени препятствовали внутренние неурядицы. Призывы к всееврейской солидарности отчасти помогли все-таки сгладить длительные распри между сефардами и ашкенази.

Евреи начали изучать турецкий язык, чтобы иметь возможность, в соответствии с султанскими рескриптами, занять государственные должности.

Социально-культурный разрыв османских евреев с христианскими этносами так и не был преодолен вплоть до Младотурецкой революции 1908 г., хотя никакой правовой дискриминации евреев уже не было. Первая турецкая конституция 1876 г. подтвердила равенство всех османских подданных. В числе депутатов первого османского парламента были евреи; двое прошли в сенат, еще двое – в Государственный совет. Секретарем совета, кстати, тоже назначили еврея. Но христиан в государственном аппарате было, конечно, много больше. Из таблицы соотношения числа мусульман и немусу-

сульман на государственной службе в позднеосманский период видно, что евреи занимали в ней весьма скромное место, да и то в низших разрядах османской бюрократии.

Ранги чиновников	Мусульмане-традиционалисты		Мусульмане-реформаторы	Греки
Ранг везира	1		12	3
Высший ранг	4		9	7
Первый ранг 1-го класса	13		23	13
Первый ранг 2-го класса	18		20	17
Второй ранг 1-го класса	22		15	13
Второй ранг 2-го класса	16		5	17
Третий ранг	10		9	10
Ранги чиновников	Армяне	Евреи	Арабы-христиане	Европейцы
Ранг везира	4	-	-	17
Высший ранг	6	-	29	33
Первый ранг 1-го класса	15	-	14	17
Первый ранг 2-го класса	23	17	14	-
Второй ранг 1-го класса	15	-	-	17
Второй ранг 2-го класса	12	25	-	-
Третий ранг	12	8	43	17

При султане Абдул Хамиде II (1876–1909) экспертами в администрации дворца и в казначействе служили в основном армяне, тогда как в XVI в. евреев при дворе было немало. В османском Министерстве иностранных дел с 1850 по 1908 г. на 366 чиновников приходилось 107 немусульман: 30 греков, 52 армянина, 12 евреев (сефарды, ашкенази и караимы), 7 арабов-христиан из Ливана и Сирии. Кроме того, там состояли на службе 6 европейцев, не являвшихся османскими подданными, то есть иностранцев. Среди них были католики Леванта²⁶.

В конце XIX и начале XX в. еврейские общины Османской империи насчитывали около 400 000 человек²⁷. В эту пору уже шла эмиграция евреев в США и другие страны, но одно-

временно существовала иммиграция из России, Румынии, других балканских стран, где еврейское население страдало от погромов, грабежей и антиеврейских законов. Антисемитские предрассудки были широко распространены не только среди греков, но и среди армян и балканских славян. Все эти народы нередко по разным поводам враждовали между собой. Но едва у кого-либо из них возникал конфликт с евреями, остальные тотчас объединялись с прежними врагами – примерно так же, как сегодня это делают арабы. Арабы повторяют и антиеврейские нелепые наветы, и тактику нападок, позаимствованную у христиан: те старались приурочить провокации и погромы к еврейским либо христианским праздникам.

Как уже говорилось, большое значение во взаимной антипатии евреев и христиан, помимо религиозных предрассудков последних, имело торговое соперничество, особенно в Македонии и Западной Анатолии, где было много греков.

Христиане обвиняли евреев в колдовстве, порче, насылании хворей, от которых сами евреи, естественно, страдали не меньше других. Вполне обыденными для христиан были оскорбления в адрес евреев, насмешки над ними, бойкот еврейских торговцев, создание препон для предпринимательской деятельности, дискриминация (христиане старались не брать евреев на работу под предлогом, что тем запрещено трудиться в субботу и т.д.).

Отношения евреев и турок были много спокойнее. Хотя и среди турок идея «кровавого навета» пользовалась популярностью. В документах Всеобщего еврейского альянса содержатся сведения о том, что даже султан Абдул Хамид II не был вполне убежден, что обвинения целого народа в использовании крови христианских младенцев являются абсолютной клеветой. Тем не менее серьезные инциденты в среде турок, основанные на этом предрассудке, как и конфликты на почве экономики и политики, были крайне редки²⁸.

Однако в Восточной Анатолии, где компактно проживали курды, ситуация сложилась иная. В Диярбакыре, Урфе, Мардине и некоторых других городах курды преследовали еврейские общины, принуждая их платить налоги сверх тех, что уже были уплачены турецким властям. Попытки протестовать немедленно и жестоко подавлялись. Выводители в силу безнаказанности действовали все более нагло. К концу XIX в. еврейские общины вилайета Диярбакыр были разорены, их население год от года заметно сокращалось.

В Мардине дела шли не лучше. От небольшой общины в 500 человек, по данным начала XX в., к 1906 г. остался лишь один еврей, охранявший синагогу. Его не трогали, поскольку жители города ценили его как предсказателя. Многие евреи, покинув Восточную Анатолию, уехали в Палестину, в Мосул, в Западную Анатолию, где серьезных проблем не было. Однако евреи уезжали из многих европейских и азиатских районов Турции не только из-за преследований, но и по другим причинам. С 1899 по 1912 г. из Европейской Турции в США выехали 4604 человека, из Азиатской – 3230²⁹.

Если же взять в целом сосуществование евреев с мусульманами на османской территории в XIX – начале XX в., то оно было гораздо более мирным, нежели сосуществование на этих же территориях мусульман и христиан. Уже шла речь о том, что относительное экономическое благосостояние мусульман несколько умеряло антагонизм этих двух сообществ, но когда экономическое равновесие нарушалось, власти сами нередко инициировали грабежи и погромы христианских кварталов. Христиане же, составлявшие значительный процент населения, опасались вступать в открытый конфликт с мусульманами, фактически хозяевами всех османских земель, в том числе Ближнего Востока, и отыгрывались на евреях. Евреи поэтому никогда им не сочувствовали и никогда их не поддерживали в борьбе против мусульман, хотя и сами время от времени становились жертвами последних. В целом же отношение мусульман Сирии, Египта и других территорий Ближнего Востока к евреям после реформ Танзимата не изменилось, поскольку те не требовали себе новых прав, провозглашенных султанскими указами 1839 и 1856 гг. В 1840 г. известный исследователь Убичини писал об османских евреях: «Их спокойствие под османским управлением столь разительно противоречит волнениям и бунтам других реая... что объясняется частично мирными обычаями и расположением евреев, не возбуждающими недоверия Порты... Будучи терпеливыми, трудолюбивыми и покорными судьбе, они вместе с тем не производят впечатления униженности, несмотря на ряд старых законов (например, против роскоши), которые их дискриминировали»³⁰.

Евреи продолжали платить местным властям прежние налоги, что в известной степени защищало их жизнь и имущество от набегов и грабежей. И хотя такие «отступные» не всегда были надежны, во время бунтов и мятежей они все же спасли многих. Евреи старались не провоцировать враждеб-

ность мусульман к себе по политическим вопросам, ибо не слишком были обрадованы «всеобщим равенством», что провозгласили в годы Танзимата. Их устраивали религиозные и экономические привилегии, которыми они пользовались в османском государстве, и мало интересовали иллюзорные политические права; права эти они вполне обоснованно считали недостижимыми в реальной жизни.

Демонстрируя лояльность к османским властям, они приобретали симпатии мусульман в периоды обострения отношений между мусульманами и христианами. Во время греческого восстания и войны за независимость евреи иногда пассивно, а подчас и активно занимали сторону турок. Точно так же они себя вели во время Крымской войны 1853–1856 гг. и христианских бунтов в Дамаске. Экономический и религиозный антагонизм христиан и евреев Ближнего Востока длился столетиями, причем верх брала то одна, то другая сторона. Например, в конце XVIII – начале XIX в. евреи Дамаска и Акры сумели одержать победу в экономическом состязании с христианами. В финансовых и административных делах Дамасского и Сидонского эйялетов (эйялет – крупная административная единица) главенствовала семья Фархи. Но в 1820 г. Хаим Фархи был казнен, а его имущество конфисковано. Евреи утратили многие позиции в Дамаске и Акре. А выигравшая этот раунд борьбы семья Бахри (греки-католики) сумела подняться очень высоко. Ее представитель Хана Бахри, некогда скромный секретарь провинциального учреждения, в годы египетской оккупации Сирии был назначен Ибрахим-пашой любаширом (управителем) финансов всей Сирии и председателем вновь организованного совещательного совета в Дамаске. Он укрепил новую администрацию христианскими чиновниками, всеми методами устраняя евреев-конкурентов³¹.

Апогеем противостояния стал дамаский антиеврейский процесс 1840 г., инициированный греческими монахами при поддержке французского консула-юдофоба. Обвинители провалились, и вновь сложилась мусульмано-еврейская коалиция против христиан. Теперь евреи могли более успешно защищаться от нападков последних, а в особенности от обвинений в «кровавом навете». В целом же ситуация на Ближнем Востоке и в XIX, и в XX столетии отличалась нестабильностью. Возраставший с середины XIX в. мусульмано-христианский антагонизм, в значительной степени подогретый султанскими ферманами от 1839 и 1856 гг. о равенстве османс-

ких подданных, привел к драматическим событиям. В 1860 г. в Дамаске имели место многочисленные христианские погромы, которые повлекли за собой вмешательство европейских держав, протесты послов в Стамбуле.

На территории Ирака еврейские общины были весьма зажиточными, особенно в Багдаде, где в 1880 г. они насчитывали около 30 000 человек, а к 1908 г. уже 45 000. Со второй половины XIX в. Багдад и Басра вновь занимают значительное место в азиатской торговле. Долгое время евреи были оттеснены от иностранной торговли местными христианами, мусульманами и даже европейскими торговцами, включая проживавших в Ираке британцев. Но христиано-мусульманские распри расчистили евреям путь к торговым операциям. В новых условиях британцы сочли для себя сложным конкурировать с местными европейскими и мусульманскими торговцами. Они были вынуждены взять евреев в качестве партнеров по бизнесу, поскольку те хорошо знали местные условия³².

Набиравшие в это время силу идеи сионизма, которые возникли и успешно развивались в Восточной Европе последней четверти XIX в., мало затронули османских евреев. Тому были разные причины. Османская империя второй половины XIX в. постепенно интегрировалась в мировую экономическую систему в качестве полуколонии. От реформ Танзимата, к которым турок побудили нарастающая экономическая отсталость и политический упадок, мусульманское население ничего не выиграло.

Экономически усилились немусульманские этносы, особенно греки и армяне. Но евреи также кое-что получили от реформ. В отличие от христиан, не желавших содействовать сохранению империи, даже реформируемой, евреи принимали участие и в конституционном движении конца XIX – начала XX в., и особенно в деятельности младотурецкого революционного комитета «Единение и прогресс». Они надеялись на либерализацию режима, административную децентрализацию, свободу частной инициативы. Именно эти блага обещал в своей программе один из видных турецких реформаторов принц Сабахэддин. В успех сионистов тогда мало кто верил. Османские евреи синицу в руке предпочли журавлю в небе.

Словом, евреи поддерживали младотурок, а те охотно принимали их сотрудничество, поскольку греки и армяне по сути от него отказались. И те и другие добивались полной независимости на османских территориях. Их не устраивали планы младотурок, предполагавшие целостность империи, преоб-

ладание турок в управлении, устранение вмешательства великих держав в османские дела. Младотурки начали борьбу за отмену капитуляций и экстерриториальных привилегий подданных иностранных держав, поскольку все большее число немусульман империи всеми правдами и неправдами стремились приобрести иностранное подданство, дававшее, в соответствии с капитуляциями, большие льготы.

По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Россия получила право покровительства православным подданным султана. Франция традиционно поддерживала католиков и только в порядке исключения могла оказать протекцию очень богатым евреям-финансистам – таким, скажем, как член муниципального совета Стамбула Абрахам Камондо. Еврейские общины в целом вопреки благим декларациям правительства не были ничем и никем защищены от произвола и мусульман, и христиан.

Правда, некоторые из них, наиболее инициативные, после 1871 г. перешли в итальянское подданство, но так как Италия сильно запоздала с объединением, то ее экономические возможности уступали давним и прочным позициям Англии и Франции.

Большая часть османских евреев предпочла иллюзию возрождения и реформирования турецкого государства существованию в новых, уже добившихся или же добивавшихся независимости, христианских государствах на Балканах и безнадёжной, как им тогда казалось, борьбе за собственный национальный очаг в Палестине. Опасения еврейских общин вызывала перспектива потери для Турции западных земель, которые могли отойти к Греции или Болгарии; евреев поэтому там заметно поубавилось.

Страх перед возможными преследованиями обусловил их массовую миграцию с территорий, которых в XIX – начале XX в., а особенно в ходе балканских войн 1912–1913 гг., Порта постепенно лишилась. Евреи полагали, что лояльность к младотуркам, долго находившимся в подполье, оппозиционным султанскому режиму и пришедшим к власти в результате революции 1908 г., была для них лучшей защитой от агрессивного национализма вчерашних османских подданных, от их давнего антисемитизма. В отличие от христиан османские евреи не имели каких-либо политических целей, несовместимых с интересами турок. Не было у них и обособленных политических организаций. Даже когда сионисты сумели открыть в Стамбуле собственный «офис», они не нашли поддер-

жки у местных единоверцев. С трудом удалось отыскать депутата-еврея, который согласился изложить доктрину сионизма в османском парламенте. Этим депутатом был социалист из Салоник Влахов-эфенди. В самой Палестине среди местных евреев у сионистов поначалу было немного сторонников.

После принятия младотурецкой конституции 1908 г. в ряде газет, как на французском, так и на испаньоль, публиковались материалы о сионистском движении, разъяснялись идеи Теодора Герцля. Но, как сообщал А. Галанти, публика воспринимала их с безразличием, полагая, что в Турции это движение не имеет каких-либо перспектив из-за жесткой позиции правительства, под чьим управлением находилась тогда Палестина. Отдельные лидеры еврейской общины в своих внутренних распрях пытались использовать идеи сионизма, но без особого успеха³³.

В общем, из всех национальных меньшинств только евреи были довольно последовательно солидарны с младотурками. Однако, вопреки суждениям многих европейских политиков той эпохи, особенно британских, утверждавших, что Младотурецкая революция 1908 г. была инициирована в собственных целях евреями-масонами, что комитет «Единение и прогресс» – не более чем ширма для прикрытия чисто еврейских интересов, ни в 1908 г., ни позднее евреи не занимали в новом правительстве первых мест. Османские евреи играли заметную роль в младотурецком движении, но никогда не были, да и при всем желании не могли быть силой, способной манипулировать этим движением в собственных целях. Просто интересы двух различных этносов временно совпали. Бесспорно, однако, и то, что поддержка комитета отвечала интересам еврейских общин. Тем не менее миф о масонском заговоре как истоке Младотурецкой революции дожил до наших дней. Его повторяют и некоторые современные турецкие историки, например профессор Хикмет Танью³⁴.

Те евреи, что занимали более или менее значительные посты в парламенте и правительстве младотурок, конечно, служили им верой и правдой. Они поддерживали в парламенте политику османизма, против которой резко возражали депутаты-христиане. Видную роль в политике младотурок до и после революции 1908 г. играл Эммануэль Карассо. Он был в числе тех депутатов, которые пришли во дворец и потребовали отречения от престола султана Абдул Хамида. По итогам выборов 1908 г. в парламент прошли четыре еврея. Позднее пятым стал депутат от Йемена. Карассо, избранный депута-

том от Салоник, был опытным юристом. В 1912 и 1914 гг. он заседал в парламентах новых созывов. В правительстве младотурецкого триумvirата он наиболее активно сотрудничал с Талаатом, выступавшим в защиту османских евреев. После поражения Турции в Первой мировой войне и оккупации Стамбула войсками Антанты Эммануэль Карассо эмигрировал в Италию.

Виталий Фараджи в 1912 г. был избран председателем бюджетной комиссии парламента. Эммануэль Салем участвовал в разработке законопроектов. Депутат от Багдада Иехезкель Сасоон занимался в парламенте проблемами сельского хозяйства и торговли. Нисим Руссо служил в Министерстве финансов. Виталий Струмса был членом Верховного совета финансовых реформ. Самуэль Израэль занимал пост главы политотдела столичной полиции. Позднее, в дни июльского переворота 1912 г., вместе с лидерами младотурок он был отстранен от дел. Многие из этих политиков и чиновников получили образование в школах Всеобщего еврейского альянса.

Даже из приведенного выше неполного перечня видно, что по сравнению с тремя предыдущими столетиями пассивности и застоя в последние годы империи евреи явно были вовлечены в политическую жизнь. Улучшилось их экономическое положение. Еврейские торговцы, долгое время притесняемые и вытесняемые греками и армянами, занимавшими в XVIII–XIX вв. ключевые позиции в османской экономике, теперь выигрывали вследствие мусульмано-христианских конфликтов, в которых турки все чаще терпели поражение. По примеру европейских стран турки начали применять в качестве орудия политической борьбы экономические санкции. Первый бойкот 1908 г. был направлен против австрийских товаров. В 1909 г. греческие лавки и товары бойкотировались в связи с обострением положения на Крите, который в 1897 г. под сильным нажимом европейских держав получил автономию вопреки военной победе турок. Волнения греков на острове продолжались до 1913 г., когда Крит отошел к Греции. О бойкоте греческих товаров в марте 1914 г. сообщалось в стамбульском журнале «The Orient». Там же упоминалось, что во время балканских войн и позднее бойкот распространился на христианскую торговлю в целом, но ни в какой мере не коснулся торговли еврейской³⁵.

Члены младотурецких региональных комитетов склоняли турок и евреев к борьбе с экономической гегемонией христиан. Центральный комитет тоже призывал эти группы населения отвоевывать ключевые позиции в бизнесе. В 1912 г.

младотурки обсуждали методы формирования национальной экономики, концепцию которой они позаимствовали из работ немецкого экономиста Фридриха Листа. Эту концепцию популяризировал Моисей Коэн, еврей из Салоник, обосновавшийся в Стамбуле в 1912 г. Первоначально он был увлечен идеями возрождения еврейского самосознания и самоидентификации, но гораздо большего успеха добился позже, разрабатывая доктрину турецкой самобытности и национализма. Увлеченный новой идеей, он взял себе тюркское имя Текинальп и под этим именем публиковал свои сочинения.

Младотурки доверяли османским евреям, брали их на службу, однако те становились первыми жертвами во время бунтов против комитета. В октябре 1908 г. бунтовщики напали на евреев Багдада как на сторонников младотурок. В годы балканских войн и после них евреи, как, впрочем, и мусульмане, подвергались преследованиям христиан во Фракии и Македонии, откуда многие из них бежали в Анатолию. В начале 1913 г., когда возникла реальная угроза высадки греческих войск в Западной Анатолии, младотурки вооружали не только турецких крестьян, но и еврейское население.

Младотурки взяли власть, когда процесс распада империи вошел в завершающую стадию. Европейские державы, давно делившие наследие «больного», вели переговоры о дальнейшей участи османских территорий.

Англия поддерживала арабских националистов в борьбе против власти Стамбула, обещая им помощь в создании нового арабского халифата на Ближнем Востоке.

Один из младотурецких триумфиров, Джемаль-паша, главнокомандующий войсками в Сирии, Ливане и Палестине, не сумел привлечь на свою сторону арабских повстанцев.

В Первой мировой войне Турция выступила на стороне Германии и объявила джихад странам Антанты. Арабы, «братья по вере», джихад не поддерживали, поскольку всем были известны союзнические отношения младотурок с «неверными» Германии. Началось массовое дезертирство арабских солдат и офицеров из османской армии. По приказу Джемаль-паши в 1915 г. в Сирии были закрыты оппозиционные газеты, под запретом оказалось преподавание арабского языка в школах. Против турок были настроены шииты Ирака, не признававшие духовного авторитета султана. На рост арабского национализма и повстанческого движения Джемаль-паша ответил массовыми репрессиями. Были казнены многие арабские лидеры, начались депортации сирийцев-христиан, а

позднее и мусульман в пустынные районы Северного Ирака и в Малую Азию. Высылалось также высшее мусульманское духовенство арабских территорий. В 1917 г. репрессиям подверглись и сионистские организации в Палестине. В Яффо по приказу Джемаль-паши было разгромлено сионистское агентство, занимавшееся устройством евреев-иммигрантов в Палестине. Были изгнаны лидеры-сионисты, а также евреи-иноподданные, то есть прибывшие в Палестину из других стран. Действия Джемаль-паши не только нанесли сильный удар по арабскому национальному движению, но и причинили ущерб еврейским поселенцам. Резко сократилось население Сирии, Ливана, Палестины. Страны Антанты и США получили удобный предлог для защиты христиан и евреев, а также для обоснованных претензий на арабские владения Турции. В парламентах, в прессе Англии и Франции началась кампания за скорейшее изгнание турок с Ближнего Востока и водворение там «цивилизованных европейцев»³⁶.

Американское правительство неоднократно делало представления турецким властям о положении иноподданных, а также христиан и евреев в Сирии и Палестине. Турецкое правительство заявляло, что наказывает только виновных. В годы Первой мировой войны покровительство и поддержку сионистам оказывал посол США в Стамбуле Моргантау. Не остались в стороне и германские политики. Во время войны немцы сделали несколько попыток перехватить у англичан инициативу в вопросе о Палестине, чтобы воспользоваться политической сионистов в своих целях. В 1916 г. германский генеральный штаб даже обратился к турецкому правительству с призывом пойти навстречу требованиям сионистов в Палестине.

После декларации министра иностранных дел Великобритании Бальфура (ноябрь 1917 г.) о поддержке англичанами плана создания в Палестине национального очага для еврейского народа турецкое правительство было вынуждено изменить свою позицию в палестинском вопросе. 31 декабря 1916 г. Талаат объявил корреспонденту одной из немецких газет о предоставлении немецким евреям права на иммиграцию в Палестину и на ограниченное самоуправление там. Вследствие этого в Берлине было основано «Объединение еврейских организаций Германии для защиты прав евреев Востока»³⁷.

Турецкое правительство даже обещало ввести особое социальное законодательство, охраняющее права евреев в Палестине. В июле 1918 г. германские власти получили крупные концессии в Палестине для основания там колонии не-

мецких евреев. Но положение на фронтах для Германии и Турции настолько ухудшилось, что любые планы уже оказывались призрачными. Декларация Бальфура, изложенная им в письме к лорду Лайонелу Уолтеру Ротшильду, вызвала взрыв негодования в арабском мире, поддерживавшем англичан в надежде на выполнение ими своих первоначальных обещаний. Англия тем временем лавировала. Фактически Ближний Восток в годы Первой мировой войны оказался ареной борьбы всех против всех. Давнее соперничество Англии и Франции в этом регионе лишь отчасти сглаживалось союзничеством в войне. Британское правительство мотивировало декларацию Бальфура необходимостью получить поддержку евреев в борьбе с Германией. Союзники Англии, особенно Франция, не были в восторге от декларации Бальфура, но вынужденно ее все же одобрили.

Провалы в ближневосточной политике и поражения на фронтах привели к отставке Ахмеда Джемаль-паши с поста генерал-губернатора.

Трудно сказать, осознал ли впоследствии Джемаль-паша свою вину за события, которые он в известной мере инициировал и участником которых был. Однако, отрицая обвинения, которые ему предъявляли российский дипломат Мандельштам и тогдашний посол США в Стамбуле Моргентау, в подстрекательстве местного мусульманского населения Палестины против евреев и христиан, он так объяснял в собственных записках свою позицию: «Халиф Ислама объявил священную войну только против англичан, французов и русских, которые являются врагами нашей веры. Священная война направлена исключительно против тех, кто поднял оружие против нас. Поэтому всякий, который замышляет зло против своего соседа немусульманина, связанного с нами общими интересами нашей общей родины, будет сурово наказан мною». И далее: «За все время войны христиане и евреи Сирии ни разу не были потревожены ни мусульманами, ни друзьями – результат моей деятельности»³⁸. Довольно подробно останавливаясь на военных операциях, проводившихся им на Ближнем Востоке, Джемаль-паша ни словом не обмолвился о депортации евреев из Яффо и Тель-Авива.

Вместе с союзницей Германией Османская империя проиграла Первую мировую войну.

В конце октября 1918 г. страны Антанты поделили Сирию, Ливан и Палестину на три зоны. Южная английская включала санджаки Иерусалим, Наблус, Акку. В северную французскую входили Бейрут, Тараблус, Латакия, а также Хасбейя,

Рашейя, Баальбек, Анталья, Искендерун, Джиср-аш-Шогур и другие. Остальные территории до северных границ районов Джебель, Саман и Аль-Баб составили восточную арабскую зону, в которой находились английские войска. Впрочем, английские гарнизоны стояли во всех трех зонах.

Арабское управление было учреждено в Хиджазе и Центральной Аравии, но и там сильно было экономическое влияние Англии.

С окончанием Первой мировой войны заканчивается история еврейских общин в Османской империи. Начинается новый ее этап – в республиканской Турции, на подмандатных территориях Ближнего Востока. Евреи Балкан еще до этого оказались в независимых государствах: в Греции, Сербии, Болгарии.

Примечания

¹ Маркс К. Архив Маркса и Энгельса. – Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 1 изд. Т. 7. М., 1940. С. 101.

² Loeb J. Le nombre des juifs de Castille et d'Espagne au Moyen Âge. – *Revue des Etudes Juives*, № 14, 1887. P. 160–161; Franco M. Essai sur l'histoire des Israélites de l'Empire Ottoman. P., 1897. P. 21–23, 29–31; Christians and Jews in the Ottoman Empire: the Functioning of a Plural Society. Ed. by Braude B. and Lewis B. N.Y. – L., 1982. V. 1. P. 123.

³ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul depuis la prise de cette ville en 1453 par Fatih Mehmed II jusqu'à nos jours. V. I. Istanbul, 1941. P. 7.

⁴ Тодоров Н. Балканский город XV–XIX веков. Социально-экономическое и демографическое развитие. М., 1976. С. 123.

⁵ Le Courrier de Smyrne, 15.01.1831.

⁶ Documents officiels turcs concernant les Juif de Turquie (recueil de 114 lois, règlements, firmans, bérats, ordres et décisions de tribunaux). Istanbul, 1931. P. 112–114.

⁷ Тодоров Н. Балканский город... С. 43.

⁸ Notes and Documents from the Turkish Archives. A contribution to the history of the Jews in the Ottoman Empire by Bernard Lewis. Jerusalem, 1952. P. 5–10.

⁹ Idem. P. 35.

¹⁰ Смирнов В. Грамота султана Османа II семейству иудейки Киры. – Восточные заметки. СПб., 1895. С. 43–44.

¹¹ Смирнов В. Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873. С. 137.

¹² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные сочинения. М., 1990. С. 90–97.

¹³ Belon P. Les observations de plusieurs singularités et choses mémorables trouvées en Grèce, Asie, Judée, Egypte, Arabie et autres pays estranges. P., 1553. P. 180–181.

¹⁴ Yerasimos S. Ethnies et minorités en Turquie: quelques réflexions sur un problème insoluble. – Les Temps Modernes. P., 1984, № 456–467. P. 101.

¹⁵ Mantran R. L'Empire Ottoman du XVIe au XVIIIe siècle. Administration, économie, société. P., 1984, V. P. 134–135.

¹⁶ Вайнштейн О. Французская буржуазная революция конца XVIII века и турецкий Восток. – Ученые записки ЛГУ, 1940, № 52, серия «Исторические науки». Вып. 6. С. 223.

¹⁷ Akçura Y. Osmanlı İmparatorluğunun dağılma devri (XVIII ve XIX asırlarda). İstanbul, 1940. S. 54.

¹⁸ Le Moniteur Ottoman, 26.10.1833.

¹⁹ Le Moniteur Ottoman, 22.01.1834.

²⁰ Архив внешней политики России (АВПР). Константинополь, 1835, д. 47, 21 декабря/2 января. А.П. Бутенев – К.В. Несельроде, л. 78–78 об., 182 об.

²¹ Kaynar R. Mustafa Paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954. S. 100.

²² Tanzimat. İstanbul, 1940. S. 56.

²³ Karal E. Osmanlı tarihi. C. 7. Ankara, 1956. S. 148.

²⁴ Farley I. The Decline of Turkey. L., 1875. P. 37.

²⁵ [Mordtmann] Stambul und das Moderne Türkenthum. Bd. 1–2. Lpz., 1876–1877. S. 83.

²⁶ Christians and Jews in the Ottoman Empire... P. 361, 344.

²⁷ Zürcher E. Turkey. A Modern History. L. – N.Y., 1998. P. 351.

²⁸ Christians and Jews in the Ottoman Empire... P. 224–225.

²⁹ Idem. P. 213.

³⁰ Ubcini M. Letters on Turkey. Vol. 2. L., 1856. P. 346.

³¹ Inalcik H. Social and Economic History of Turkey (1071–1920). Ankara, 1980. P. 205–210.

³² Cohen H. The Jews of the Middle East 1860–1972. N.Y., 1973. P. 90.

³³ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 87–88.

³⁴ Tanyu H. Türkçülük ve Ziya Gökalp. İstanbul, 1962.

³⁵ The Orient, 1914, № 3.

³⁶ Emin A. Turkey in the World War. New-Haven–L.–Oxford, 1930. P. 211.

³⁷ Лазарев М. Крушение турецкого господства на арабском Востоке. М., 1960. С. 199.

³⁸ Джемаль-паша. Записки Джемаль-паши. 1913–1919. Пер. с англ. Б.Т. Руденко. Тифлис, 1923. С. 162–163.

ЕВРЕИ ПРИ ОСМАНСКОМ ДВОРЕ

О некоем наиболее благоприятном для евреев периоде османской истории примерно XV–XVII вв., когда кое-кому из них удалось достичь высокого положения и влияния при султанском дворе, сообщают и османские, и еврейские, и европейские источники. Османы были не первыми мусульманскими правителями, бравшими на службу немусульман. Арабские авторы отмечают присутствие немусульман в мусульманском государственном аппарате, явно имея в виду не местное мелкое чиновничество, которое вело налоговые реестры на коптском, греческом, сирийском и др. языках, а людей, близких к верховной власти по служебному положению или личным отношениям. Среди них известны секретари, финансисты, личные врачи халифов, что вызывало недовольство арабов-мусульман. Среди приближенных к халифам лиц случались иудеи, как это было при дворе халифа Муавии¹. Лейб-медиком (хеким-баши) Мурада II (1421–1451) был еврей Исхак-паша. Он был одним из первых влиятельных евреев-придворных. Одна из хроник царствования Мехмеда II, завоевателя Константинополя, отдает должное профессиональному мастерству еврейского врача. В хронике приводится список улемов. Семеро из них врачи. Четверо были иранцами, трое других – турок, араб и еврей. Хронист называет последнего хекима Якубом, который еще до принятия ислама получил должность дефтердара (казначей), позднее он стал везиром. «Его опыт и познания, – сообщает далее хронист, – значительно превосходившие опыт и знания его коллег, возможно, продлили бы дни султана, если бы великий везир Мехмед Карамани не убедил Мехмеда II следовать предписаниям конкурента Якуба персидского врача Лари»². Довольно редкий случай, когда османская хроника не содержит враждебности, а то и злобного вымысла насчет евреев, чем отличаются и многие средневековые европейские источники.

В XVI в. крупная османская торговля и таможенные сборы в значительной мере находились под контролем евреев. Они занимались и торговым судоходством, в чем успешно конкурировали с венецианцами, имевшими сильный флот и давние торговые традиции.

Европейские авторы записок об Османской империи отмечают не только влияние евреев при дворе, но также их

впечатляющие богатства: «Вовсе не редкость, – сообщает один из них, – встретить между ними лиц, владевших состоянием в 200 тысяч дукатов»³. Огромная по тем временам сумма! Поскольку на Востоке ни жизнь, ни имущество любого человека не гарантировались (в ряде стран средневековой Европы это относилось только к евреям), то еврею особенно необходимо было иметь могущественное покровительство. Но и оно не всегда спасало. Даже те евреи, которые приобрели какое-то значение при дворе, жили под постоянной угрозой интриг и расправ, от которых, впрочем, не были гарантированы законом и турки, и даже члены султанской семьи.

В годы правления султанов Сулеймана I Великолепного, которого турки называют Кануни (Законодатель), его сына Селима II (1566–1574) и Мурада III заметную роль при дворе играл Иосиф Наси. По одной из биографических версий, он был выходцем из семьи марранов (насильственно обращенных в христианство испанских евреев), но вернулся к вере отцов. Появился в Стамбуле около 1550 г. Влияние при дворе Сулеймана I приобрел знанием реалий европейской политики, о которой получал информацию от своих единоверцев. Это было важным обстоятельством, поскольку султан хотел начать войну с Испанией, а также послать войска на африканское побережье, где мусульманское население страдало от набегов испанцев. Турецкие источники сообщают, что своим положением он был обязан сыну Сулеймана Великолепного принцу Селиму, которого снабжал деньгами. В те годы Иосиф Наси занимал не слишком почетную должность порученца. Европейские источники утверждают, что Иосиф уже при дворе Сулеймана I занимал блестящее положение, что он пользовался большим доверием султана. Как бы то ни было, все источники сходятся на том, что именно в годы правления султана Селима II влияние Иосифа Наси достигло своего апогея. Он стал казначеем, получил доходы с 12 островов Архипелага* и винную десятину на льготных условиях. Галанти указывает его годовой доход в 6000 дукатов. Иосиф Наси стал именоваться владетельным герцогом острова Наксос. Именно такой титул был указан в его дарственной на имя испанца Франсиско Коронелло (есть сведения, что этот дворянин имел предка-еврея Авраама Сениора). Коронелло

* Острова Эгейского моря Андрос, Парос, Антипарос, Наксос, Мело и другие – всего 12 островов между Балканским полуостровом и побережьем Малой Азии.

управлял земельными владениями Наси, и последний подарил ему земельный участок на острове. Ни наследственной аристократии, ни титулов у турок не было. Очевидно, в данном случае инициатива исходила от самого Иосифа Наси, поскольку такой титул имел значение только для европейцев. В этом отношении турецкий двор не походил на европейскую феодальную иерархию. Султан считался тенью Аллаха на земле. Все подданные были его рабами, как, впрочем, и при дворе русского царя Ивана IV.

Христианские монархи Европы, желавшие чего-либо добиться при османском дворе, вынуждены были обращаться к Иосифу Наси.

После захвата турками венецианских земель посольство императора Священной Римской империи Фердинанда I в 1567 г. прибыло в Стамбул для заключения мира. Его члены предлагали Дону Иосифу, как они его называли, годовое содержание в 2000 талеров. Тот факт, что европейские государи в дипломатических контактах с султаном прибегали к услугам этого ловкого человека, приводил в негодование великого везира Мехмеда Соколлу. Его возмущало, что австрийский эрцгерцог, впоследствии император Священной Римской империи Максимилиан II, одновременно писал письма султану и Дону Иосифу, которого великий везир считал не более чем арендатором. Но гнев великого везира был тщетным. В своей книге «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» известный историк XX в. Фернан Бродель упоминает Иосифа Наси: «Рядом с султаном находились два очень влиятельных человека: один из них Кантакузен – грек, другой Мика (в еврейских источниках Иоао Микес. – И.Ф.) – еврей»⁴. А. Галанти сообщает об одном эпизоде, в котором участвовал Иосиф Наси как влиятельное лицо еврейской общины Стамбула.

Французский аристократ Руэри, имевший в окрестностях Лиона три замка, увлекся основами иудаизма в такой степени, что вместе со своими двумя сыновьями в Венеции перешел в эту веру. Позднее он прибыл в Стамбул, где встречался с Иосифом Наси. Французские негоцианты этого города не могли понять, как человек такого происхождения мог покинуть все, чем прежде владел, и разделить участь столь преследуемого народа. Его ответ был кратким: «Я приехал сюда искать не иудеев, но прибыл искать Бога иудеев, их закон»⁵.

Иосиф чувствовал себя при дворе настолько независимо и уверенно, что решился на тяжбу с французскими королями

из-за долга, который ни Генрих II, ни воцарившийся позднее Карл IX не собирались отдавать. Свое решение они мотивировали тем, что якобы закон и религия запрещают французскому королю возвращать долги еврею-кредитору, поскольку евреям не давалось разрешения вести дела во Франции, а их имущество подлежало конфискации.

Убедившись в том, что добром уладить дело не удастся, Иосиф Наси получил от султана разрешение конфисковать все суда французского флота, оказавшиеся в турецких гаванях. За французскими судами начали охотиться на всем побережье вплоть до самого Алжира. Несколько французских кораблей были задержаны в Александрии. Конфискованные товары были проданы, а вырученные деньги пошли на погашение долга. В 1569 г., когда это случилось, французский двор протестовал, возмущался, но безрезультатно. Вслед за этим последовало охлаждение между двумя дворами, что отнюдь не увеличило симпатии французов к Иосифу.

Французскому посланнику при османском дворе де Граншану было тайно поручено любым путем дискредитировать еврея и добиться его устранения. Как это, к сожалению, нередко бывало, разобраться с евреем поручили еврею, одному из тех, кому Иосиф покровительствовал и который, будучи одним из лейб-медиков при османском дворе, состоял на службе у могущественного вельможи. Давид, или Дод, как звали лейб-медика, по поручению Иосифа участвовал в задержании французских кораблей в Александрии, но в итоге счел себя им обойденным. Отношения их ухудшились. Этим не преминул воспользоваться французский посланник. За компромат на патрона он посулил Доду большую сумму денег и должность переводчика при французском посольстве с большим годовым жалованьем. Дод воспользовался случаем поквитаться с Наси и в запальчивости возвел против него ряд вымышленных обвинений. Он пообещал де Граншану представить доказательства того, что долговые обязательства, по которым Наси требовал от французского правительства уплаты денег, являются подлогом, что Иосиф обманывал султанов Сулеймана I и Селима II и, мало того, занимался шпионажем в пользу их врагов. Дод собирался сообщить данные о том, что Наси постоянно информировал папу, короля Испании, герцога Флоренции и Генуэзскую республику обо всем, что происходит при османском дворе.

Окрыленный планами Дода, де Граншан тотчас же отправил две шифровки – королю и вдовствующей королеве

Екатерине Медичи – с заверениями в скорой гибели ненавистного Наси. Тем более, что у Иосифа при дворе был могущественный враг – великий везир Мехмед Соколлу. Де Граншан попытался сохранить в тайне все нити заговора, пока Дод не соберет необходимых бумаг. Однако, несмотря на все меры предосторожности, Иосиф Наси узнал об интриге и сумел опередить своих врагов. Он убедил султана в том, что французы строят новые козни против османского государства и против самого государя, добился фермана о пожизненной ссылке медика Дода на остров Родос, куда ссылались турецкие преступники. Еврейские общины Стамбула подвергли Дода и двух его помощников отлучению. К этой мере присоединились раввины и других крупных еврейских общин Османской империи⁶.

Эти события отнюдь не прибавили Иосифу симпатии к Франции, что имело соответствующие последствия. И все же очевидно, что в дальнейшем французское правительство сделало для себя кое-какие выводы.

Возвращаясь к истории Иосифа Наси, нельзя не задать вопрос о том, мог ли Иосиф и в самом деле быть причастным к каким-то из обвинений, которые пытался на него возвести Дод? Вряд ли. Он достаточно долгое время занимал видное положение при дворе в царствование трех султанов, чтобы такие деяния, как шпионаж, не были бы обнаружены и другими его врагами. Но этого не произошло. Маловероятно также, что Наси определял во многом внешнюю политику султанов, как это утверждают некоторые еврейские авторы. Турецкие завоевания на Балканах в XIV–XV вв. наносили ущерб европейским державам. Стремительное продвижение турок угрожало всей Европе. Поэтому в войнах с Османской империей Венецию поддерживали флоты Франции, Испании и других государств. Едва ли в этой логике османской экспансии Иосиф и его амбиции играли столь уж большую роль. Очевидно, его ценили за информированность в европейских делах, которая была несомненной, и за умение вести финансовые дела. Очевидно также, что его столь долгая придворная карьера во многом определялась тем, что он не выходил за предписанные ему рамки. Есть сведения, что Иосиф Наси намеревался восстановить Тверию в качестве еврейского центра вопреки жесткому сопротивлению местных мусульман и христиан. В 1564 г. удалось обнести этот город стеной.

Неизвестно, намеревался ли Иосиф Наси создать в Палестине некую религиозно-национальную автономию или

обеспечить там убежище для испанских изгнанников. Отстроенная по инициативе Наси Тверия стала центром производства шелковых и шерстяных тканей, она превратилась в процветающий город, привлекательный для евреев из разных мест, где существовали благоприятные условия для изучения Торы. Однако, как уже говорилось, в азиатских государствах всё было завязано на личных отношениях лидеров общины с верховной властью. Смерть султана Селима II, покровителя Иосифа Наси, положила конец и его влиянию, и активной деятельности в Тверии.

И хотя добившийся высокого положения при дворе Мурада III Соломон Ашкенази (Шломо бен Я'иш) получил от султана в аренду Тверию, где его сын Яков продолжил застройку города, впоследствии по различным причинам замысел Наси так и не был реализован⁷.

Все попытки свалить влиятельного еврея терпели неудачу. Известно, что один из султанских казначеев пытался убедить Мурада III отобрать у Иосифа хотя бы винную десятину. Однако скончавшийся к тому времени султан Селим II в своем завещании распорядился оставить все доходы Иосифа неприкосновенными в течение его жизни. Преемник Селима II, известный своей скупостью и жадностью, все же не решился нарушить отцовскую волю. Вторая попытка такого посягательства была предпринята уже после смерти Иосифа 2 августа 1579 г. Участвовавшие в описи имущества покойного главный дефтердар Мехмед Окчи-заде, анатолийский дефтердар Мухый-эфенди (албанец) и дефтердар второго ранга Арнаут Синан-эфенди вознамерились кое-чем поживиться. Они похитили драгоценный перстень и еще несколько украшений высокой стоимости. Однако хищение было обнаружено. Виновные подверглись аресту, в их домах провели обыск. Они были уволены со службы, а их имущество конфисковано.

Овдовевшая супруга Иосифа Рейна Наси едва получила обратно свое приданое в размере 90 000 дукатов. Она сделала неудачную попытку издать Талмуд.

После смерти Иосифа Наси возросло влияние Соломона Ашкенази. После нескольких длительных путешествий он сумел приобрести состояние, занялся политикой и поступил на службу к османскому правителю в качестве советника, организовав сеть нужной ему информационной службы. Его агенты сообщали обо всем, что происходило в европейских государствах. Соломон Ашкенази лично готовил почву для заключения англо-турецкого альянса против испанского короля

Филиппа II, врага Англии, пытавшегося сколотить против нее союз. Есть сведения, что английская королева Елизавета I (1558–1603) написала письмо султану Мураду III. Она рекомендовала Соломона как толкового и надежного человека, которого необходимо защитить от врагов⁸.

В венецианских посольских донесениях и депешах XVI в. сообщается о Соломоне, иногда его именуют рабби Натан. Соломон Ашкенази (он был из немецких евреев) пользовался влиянием при дворе султана Селима II. Венецианский посол Тьеполо писал о том, что «лекарь завладел умом великого везира Мехмеда Соколлу и был посвящен во все тайны Дивана».

В качестве успешного врача он прославился еще при дворе польского короля, став его лейб-медиком. Переселившись в Стамбул в качестве подданного Венецианской республики, он некоторое время находился под ее защитой, так как в 1454 г. султан Сулейман I Великолепный предоставил Венеции торговые льготы и привилегии, так называемые капитуляции, необходимые подданным немусульманской державы в мусульманской стране. Они заключались в экстерриториальности иностранных подданных, праве поселения в османских пределах, неприкосновенности личности и имущества иностранцев, их неподсудности местным судам (консульская юрисдикция), а также налоговых и таможенных льгот.

Известно, что Соломон Ашкенази был сведущ в Талмуде, однако наибольшую известность приобрел способностью вести сложные дипломатические переговоры, распутывать труднейшие узлы, посредничать, примирять и улаживать. Его ценили и турки, и сменявшиеся в Стамбуле венецианские агенты Брагадин, Соранзо и Барбаро. Во время войны Османской империи со Священной лигой (Испания, Венеция, Генуя, Мальта), когда туркам удалось захватить у Венеции остров Кипр, Соломон тайно с риском для жизни оказывал услуги Барбаро. Его сумели наилучшим образом отрекомендовать великому везиру Мехмеду Соколлу-паше и как врача, и как дипломата. Он не разочаровал своего нового могущественного покровителя, хотя миссия его оказалась нелегкой: служить обеим противоборствующим сторонам. В адриано-польской резиденции султана, куда под благовидным предлогом он был послан великим везиром, его заподозрили в шпионаже, подвергли допросу. С большим трудом Соломон все же сумел выпутаться из очень опасной ситуации.

Дальнейшие события развивались таким образом, что Порты поручила Соломону Ашкенази заключить давно под-

готовленный им же самим мирный договор с Венецией, куда он был направлен в качестве официального турецкого представителя. Прибытие еврея в качестве посла могущественной державы изумило тогдашний христианский мир, который гнал, унижал, грабил и массово уничтожал евреев. В венецианском сенате долго и бесплодно обсуждался вопрос о том, принять или отвергнуть такого посла, с назначением которого правительство не хотело примириться.

В 1573 г. в соответствии с решением от 14 декабря 1571 г. Венеция готовилась к высылке евреев. В это время из Стамбула прибыл Соранзо, исполнявший там обязанности баило*. Его доводы сводились к тому, что изгнанные из Венеции евреи непременно найдут убежище в Турции, где займутся тем же, чем занимались их предшественники-единоверцы, изгнанные из Испании и Португалии. А они изготавливали пушки и боеприпасы для турецкой армии. И хотя в октябре 1571 г. турецкий флот был разгромлен испано-венецианскими военно-морскими силами при Лепанто, турецкая армия оставалась одной из сильнейших в мире. Османская империя находилась в зените своего могущества. Суть заключения Соранзо, изложенного в Совете Десяти, состояла в следующем: «Ваше решение изгнать евреев чревато пагубными последствиями для Венеции. Подумайте, во что оно нам обойдется. Кто дал туркам такую мощь, и где они отыскивали столь умелых мастеров для изготовления пушек, ядер, мечей, луков, больших и малых щитов, что позволяет им мериться силами с другими народами? Кто дал им всё это, если не евреи, от которых испанские короли очистили свою страну?»⁹

Такие же сведения содержатся в описании Стамбула середины XVI в., оставленном одним французским путешественником: «Они (марраны. – *И.Ф.*) научили турок эффективным способам торговли и навыкам, которые мы используем в механическом производстве»¹⁰.

Положение оказалось щекотливым. И все же два сообщения решили дело в пользу Соломона. Первое: венецианцы не решились разгневать великого везира отказом принять его посла. Второе: вернувшийся из Стамбула консул Марк Антоний Барбаро сумел убедить сенат, что рабби Соломон Ашкенази полезен Венецианской республике. В конце концов согласившиеся принять посла дож и сенаторы вынуждены были оказать ему все те почести и соблюсти весь тот торжественный церемониал, к которым османский двор был столь

* Баило – здесь венецианский посланник при османском дворе.

чувствителен. Тогда же, в 1573 г., обе стороны подписали мирный договор. Соломон имел еще поручение заключить с Венецией оборонительный и наступательный союз против Испании, однако тут его усилия не увенчались успехом.

Миссия Соломона Ашкенази оказалась весьма результативной для его венецианских единоверцев. Он сумел добиться отмены уже принятого решения об изгнании евреев из Венеции. В этом его поддержал венецианский агент в Стамбуле Джакомо Соранзо. Он напомнил соотечественникам, что абсурдно полагаться на папу или Испанию, а потому благоразумнее поддерживать добрые отношения с Портой и не раздражать турецких евреев, имеющих доступ к властям предрержащим. Доводы Соранзо показались вескими и дожу, и Совету Десяти. Декрет об изгнании евреев был отозван, Соломону сообщили, что евреям никогда более не будут угрожать изгнанием. Он возвратился в Стамбул, получив в подарок 10 фунтов золота. Положение его еще более упрочилось, а воспитывавшийся в Венеции сын Натан пользовался покровительством дожа.

С турецкими евреями приходилось считаться ненавидевшим их европейским монархам. Король-фанатик Филипп II, постоянно преследовавший евреев и еретиков где только мог, был вынужден в переговорах с Портой о перемирии согласиться с посредничеством еврея.

Соломону Ашкенази поручили вести сложные переговоры о мире с Испанией, продолжавшиеся с 1578 по 1586 г. Они то прекращались, то возобновлялись. Испанцы пытались подкупить уполномоченного султана Мурада III, чтобы добиться лучших условий. Вместе с первым драгоманом Хуремом Соломон подписал предварительное соглашение о мире на условиях, предписанных Портой¹¹. Его услуги щедро вознаграждались. Султан пожаловал ему доходы с острова Метелин. Он контролировал доход таможен, получая от этого немалые деньги.

Ему случалось оказывать услуги и высоким османским сановникам. Великого везира Ферхад-пашу обвинили в том, что он якобы спровоцировал мятеж в войсках. Бунты в османской армии случались, везиру грозила казнь. Он бежал. Соломон сумел расположить султана к Ферхад-паше не без дорогого подарка (это был богато украшенный кинжал) и убедить в невиновности оклеветанного сановника. Опальному везиру были дарованы жизнь и безопасность.

Соломон долгое время оставался советником многих везиров, часто менявшихся из-за капризов правителей и интриг

гарема. Все же он не был османским сановником, каким официально являлся Иосиф Наси, и не имел личного доступа к султану, а только через везиров, которые использовали его как посредника и медика. Тогда у многих везиров были еврей-секретари и делопроизводители. В подобном качестве при дворе султана Ахмеда I (1603–1617) состоял и сын Соломона Натан¹².

На основании отдельных примеров может сложиться впечатление о процветании евреев в османском государстве, о чем сообщали некоторые весьма поверхностно осведомленные европейские наблюдатели. На самом деле евреев, достигших относительного материального благополучия, было совсем немного. Рядом с богатой верхушкой общины жили люди, чье материальное положение почти не отличалось от положения огромной бедной массы мусульман. Все они жили трудной, полной лишений жизнью. Конечно, в нестабильных, непредсказуемых условиях рассеяния большое значение имели консолидация и взаимовыручка, обеспечившие выживание людей.

Некоторые источники сообщают о заступничестве влиятельных стамбульских единоверцев за общину города Цфат.

Турки завоевали территории Ближнего Востока в 1516 г. В Цфате тогда проживала довольно большая и богатая еврейская община. В середине XVI в. число евреев в ней достигало 10 000. В 1571 г. турки захватили Кипр у венецианцев. С завоеванных земель они имели обыкновение депортировать значительную часть местного населения и заменять его насильственно же переселяемыми жителями из других частей империи. Так было проще управлять вновь присоединенными территориями, не опасаясь восстаний на завоеванных землях. Вместе с тем турки не забывали и о доходах. Чтобы восстановить ранее процветавшую на острове торговлю, вместо изгнанных венецианцев турки решили переселить на Кипр евреев из Цфата. Туда же султан приказал переселить мусульман и армян, чтобы уравновесить местное население.

В турецких архивах сохранились на этот счет письменные распоряжения, датированные 1576–1577 гг. Султанский ферман от 15 реджеба 984 г. хиджры (8 октября 1576 г.) адресован санджак-бею (главе административной единицы – санджака) и кади Цфата. В нем повелевается собрать тысячу богатых евреев города и его окрестностей и отправить их с семьями и со всем их имуществом в Фамагусту. Предписывалось отправить именно богатых евреев, дабы обеспечить процветание острова. В этом документе содержалось гроз-

ное предостережение властям Цфата удержаться от соблазна извлечь какую-либо выгоду для себя, освободив за мзду богатых евреев и заменив их неимущими. Султан Селим II умер в 1574 г., и, как уже было сказано, Иосиф Наси утратил прежнее влияние.

Некоторое время спустя, уже в 1577 г., по тому же поводу были отправлены еще два распоряжения, в основном касавшиеся конвоя для переселяемых. В этом же году еврейский поэт из Дамаска Израель Нажара написал главному раввину Стамбула жалобу на то, что происходило в Цфате. Поэт сообщал, что многие жители города были вынуждены бежать в Дамаск во избежание насильственной депортации.

В данном источнике более нет никаких сведений о том, прибыли ли на Кипр евреи из Цфата*. Возможно, что их стамбульские единоверцы активно вмешались в процесс и с помощью какого-то влиятельного лица им удалось обойти грозный султанский указ¹³.

Евреи, вошедшие в доверие султана, великого везира, султанши-матери, действительно могли очень многое. В исторических сочинениях упомянуты случаи, когда турки, потеряв место при дворе, снова обретали утраченную должность, дав взятку какому-нибудь влиятельному еврею. Но в этих же сочинениях не без злорадства описываются случаи, когда евреи подвергались жестоким расправам за предприимчивость и склонность к риску.

В турецких и западных источниках в этой связи приводится история иудейки Киры (в еврейских источниках Эстер). Грамота, пожалованная ее потомкам султаном Османом II (1618–1622), в конце XIX в. была переведена на русский язык и опубликована В.Д. Смирновым. Находилась она в то время в музее Одесского общества истории и древностей. Примечательна сама по себе история этой находки.

Члены общества обратились к старожилам юга России с просьбой принести старинные письменные источники для исследования. На просьбу отозвалось несколько человек, в их числе глава караимской общины Евпатории Сима (Симха?) Бобович. Он-то и принес в научное общество султанскую грамоту. Сима Бобович, так же как его отец и дед, был уроженцем Евпатории. Он не смог ответить на вопрос, жил ли кто-нибудь из его далеких предков в Константинополе?

* В краткой еврейской энциклопедии (Т. 3, стр. 173–174) сообщается, что позднее этот султанский указ был отменен.

Сам он почти не выезжал из своего имения Ган-Яфа (*ивр.* Прекрасный сад) и до самой смерти в 1855 г. оставался главой своей общины. Без всякого образования (возможно, какое-то религиозное образование он все-таки получил), обладая незаурядным природным умом и практической хваткой, как свидетельствовали знавшие его люди, он снискал доверие и расположение влиятельного вельможи края графа Михаила Семеновича Воронцова. В 30-х гг. XIX в. по случаю приезда царской семьи в Крым пришлось срочно реставрировать Бахчисарайский ханский дворец. По поручению графа Сима Бобович ездил в Стамбул, чтобы там купить все необходимое для восстановительных работ. Где и как Сима приобрел султанскую грамоту, так и осталось невыясненным. Похоже, что он привез ее именно из этой поездки, когда закупал восточную мебель. Он мог ее найти на стамбульском базаре у саххафов (букинистов), мог получить в одной из тамошних еврейских общин. К этому времени грамота султана Османа уже давно утратила значение действующего документа, зато приобрела ценность исторического источника¹⁴. Из текста грамоты неясно, была ли иудейка Кира хоть как-то связана с караимской общиной. Для многих турок все евреи были на одно лицо, хотя община караимов всегда держалась обособленно и ее контакты с другими евреями сомнительны.

Что касается правления султана Османа II, от имени которого дарована грамота, то оно длилось всего три с небольшим года. Он был низвержен и задушен.

Из текста грамоты, которая датируется 1618 г. (1027 г. хиджры), можно узнать, что иудейка Кира оказала важную услугу султанше, матери Сулеймана I. В 1548 г. (955 г. хиджры в середине месяца рамадан) иудейке Кире, которая в другом месте именуется Фатьма-ханум (однако вопреки такому имени нигде нет сведений о ее переходе в ислам), и ее потомкам была пожалована грамота (евреям впервые). В ней говорилось, что и она и ее потомки освобождаются от всех государственных податей, поборов и каких бы то ни было притеснений со стороны османских властей. На основе этого первоначального документа впоследствии при султанах Селиме II, Мураде III, Мехмеде III (1595–1603) и Ахмеде I (1603–1617) были даны подтверждающие грамоты, поскольку, как уже говорилось, льготы действовали лишь в период правления даровавшего их султана.

В грамоте султана Османа II перечисляются те лица, на которых распространяются льготы: «...иудей Курд, чадо Элии,

внук покойной Фатьмы-хатун (Киры. – И.Ф.), бабка которого некогда оказала услугу Высочайшему двору, и сам он тоже в меру сил оказывает [Нам] услуги». Льготы, перечисленные в «высочайшем фермане», распространялись и на потомков иудея Курда: «...иудеи по имени Иегуда Агур и брат его Элия, чадо Менахема, и другой еще Щебетай*, чадо Иегуды Агура, принесли к нашему порогу старые и новые подтвердительные грамоты и просили о возобновлении их». Какие же именно льготы могли получить потомки иудейки Киры? Все они подробнейшим образом перечислены: «Пусть они с женами своими, от сына к сыну, от дочери к дочери, будут избавлены и освобождены от подушной дани и от земельной подати, и от налогов с садов, виноградников, полей, от подводной повинности^{1*} и от платы на сейменов^{2*}, от работ на постройке крепостей, от сокольничьего налога, от компенсации за новобранцев*, от принудительных постоев, от службы у намба^{3*} и субаши^{4*}, от сторожевой и дворницкой повинности, от содержания жеребцов, от армейских вспомогательных работ, от платы за размен золота и серебра, от налога за баранье и коровье прасольство и от всех других государственных налогов». Далее следовало строжайшее повеление султана.

«Да никто из моих славных детей, из моих потомков, а также из везиров, эмиров, казначеев, слуг Высочайшего Двора и прочего люда, то есть ни один человек ни под каким видом, ни под каким предлогом да не будет [им] препятствующим и возбраняющим. Да не учинит придинок и посягательства, не станет причиной досаждения и беспокойства, не доведет до отчаяния... Если же кто-либо все же учинит [такое] или пожелает учинить, то проклятие ему от Аллаха, от ангелов его и от всех людей за деяния его!»

Такой суровый наказ султана отнюдь не дань высокому стилю. Далее в одной фразе многое разъясняется: «В противность Высочайшему повелению некоторые, творя посягательство и утеснения, не устранились от причинения бедствий». Заканчивается грамота повторением старого наказа: «Да не

* Это и другие имена приводятся в транскрипции цитируемого перевода В.Д. Смирнова.

^{1*} Перевозка грузов гужевым транспортом на подводах.

^{2*} Ловчий, егерь; рядовой подразделения янычарского корпуса.

* Немусульмане не служили в армии, а платили денежный налог.

^{3*} Заместитель кади.

^{4*} Начальник полиции.

чинили бы бедствий. Посягающих же нынешние правители да устраняют и запрещают, не подчинившихся запрету переписать по именам и званиям, да представить в Наши Врата счастья»¹⁴.

В еврейских источниках говорится о том, что Кира, возвысившись султанской милостью, оказывала единоверцам щедрую материальную помощь, особенно тем из них, кто страдал от частых и опустошительных стамбульских пожаров. Она содействовала изданию работ еврейских авторов. В этих источниках сообщается также, что женщина, которую турки называли Кирой*, носила имя Эстер, что была она вдовой некоего Элии Кандали, обладала огромным состоянием, оцененным при конфискации (что, как уже говорилось, было скорее правилом, чем исключением) в 100 000 дукатов.

Турецкие хронисты пишут о влиянии Киры на султаншу – мать Сафийе, которую иногда называли венецианским ее именем Баффа, а нередко величали «высочайшая люлька». Историю Киры в сходных версиях излагали Кятиб Челеби в сочинении «Фезлике» 1600 г. (1008 г. хиджры), Солак-заде в «Тарихи» и Найма в «Тарихи». Последний приводит ее с наибольшими подробностями. Признавая влияние Киры при дворе, Найма ее осуждает, а о каком-либо сочувствии и речи нет: «Благодаря посредничеству у женщин харема, громкую славу и известность приобрела презренная иудейка, слышавшая под именем Киры. Она подкупала этих женщин, доставляя (искателям) видные должности, открывала дорогу ко взяткам, развращала обитателей Внутреннего Двора и привела в замешательство дела государства». Далее вслед за Кятибом Челеби и Солак-заде Найма повторяет сюжет убийства Киры: «Собралась толпа сипахиев¹ и потребовала казни иудейки Киры, обвиняя ее во вмешательстве в должностные назначения. Когда они предъявляли это требование, каймакам² Халиль-паша испугался, однако все же послал командира чаушей³ Казанджи-заде к Омер-аге, сказав ему: “Приведите упомянутую Киру, мы расследуем дело”. Чауш Омер-ага, вор-

* Э. Бенбасс и А. Родриг указывают, что это имя соотносится с греческим «кюра» – госпожа.

¹ Конные отряды в османской армии, получавшие за службу земельные наделы.

² Воинское звание среднего звена, что-то вроде подполковника.

³ Одно из низших воинских званий, примерный эквивалент сержанта.

вавшись в ее дом, захватил хозяйку с сыновьями и привел их в особняк Халиль-паши. В то время как они поднимались по лестнице, толпа сипахиев вдруг бросилась на них с кинжалами и убила женщину и ее сыновей». Султанша-мать очень сокрушалась. Она добилась отставки каймакама. По сообщению Кятиба Челеби, его место занял один из везиров Хафиз Ахмед-паша. Найма добавляет, что соучастником убийства называли верховного муфтия (шейх-уль-ислам), который тайно подстрекал сборище сипахиев. По версии Наймы, одному из сыновей Киры якобы все же удалось спастись. Он принял ислам и получил имя Аксак Мустафа-чауш. Умер он в царствование султана Ибрагима I (1640–1648)¹⁵.

Как уже говорилось, все состояние Киры было переписано и конфисковано в казну, а ее потомкам неоднократно приходилось ходатайствовать о возобновлении льгот, дарованных их бабке, а позднее прабабке. Это приходилось делать всем, кто имел те или иные права, привилегии либо должности, при восшествии на престол нового султана. Подтверждение грамот о льготах или должностях было весьма доходной статьей Порты, поскольку за возобновление грамот полагалось внести нередко значительные суммы. Определенную сумму требовалось уплатить и за подтверждение грамот на место раввина, епископа или иного духовного лица.

Потомки Киры решились просить о возобновлении грамоты еще и потому, что живы были их высокопоставленные покровители при дворе. Конечно, прежде всего старая султанша венецианка Баффа, которая пользовалась посредничеством Киры в тайных сношениях с европейскими агентами. Баффа умерла в 1619 г., а грамота потомкам Киры датирована 1618 г. Следовательно, она еще могла оказать им содействие.

О доверительном отношении султанши к Кире свидетельствуют и некоторые европейские источники. В 1587 г. Екатерина Медичи, мать французского короля Генриха III (1574–1589), отправила Баффе, которая тогда была первой женой султана – хасеки, собственноручное письмо с ходатайством за воеводу Валахии, получившего эту должность при поддержке французского посланника. Письмо было составлено на итальянском языке, к нему прилагался турецкий перевод. Очевидно, осторожная Баффа хотела выяснить, насколько точен был турецкий перевод. Она передала письмо на просмотр венецианскому консулу в Стамбуле. Передача производилась при посредничестве Киры, которую в итальянских

источниках называют *la Chirazza Hebrea* (еврейка Кирацца [от Кира]).

Следует, однако, заметить, что источники не во всем совпадают при освещении упомянутых событий. И прежде всего возникает вопрос, идет ли речь во всех этих работах об одном и том же лице? Можно начать хотя бы с ее возраста. С тех пор как ей впервые были дарованы льготы при султани Сулеймане I Кануни в 1548 г. (955 г. хиджры), а год ее гибели обозначается 1600 (1008 г. хиджры), прошло 52 года, следовательно, эта женщина, очевидно, была уже преклонного возраста. Тогда можно предположить, что ее деятельность при дворе приходилась на весьма молодой, если не юный возраст.

В позднейшей грамоте султана Османа II она именуется то Кирой, то Фатимой-хатун, из чего можно заключить, что льготы она получила еще до перехода в ислам, если таковой в действительности имел место. Однако в ряде источников нет даже намек на ее переход в ислам, а имя Фатима отсутствует. Кроме того, в грамоте Османа II ее потомки названы еврейскими именами.

Имеются также и другие расхождения еврейских источников с султанской грамотой. Первые указывают на то, что Кира (Эстер) была вдовой Элии Кандали, а в грамоте ее сыновья именуется как Элия, сын Мусы, и Ясаф, сын Мусы. Могла быть допущена ошибка в именах по оплошности султанской канцелярии. Не на все вопросы есть ответы. И все же при сопоставлении различных источников несомненно одно: повторяемое в них лицо реально существовало, а судьба этой женщины оказалась трагичной.

Несколько столетий имела место жесточайшая конкурентная борьба евреев с христианскими этносами (греками и армянами) за место в торгово-финансовой сфере, причем борьба не на жизнь, а на смерть. Уже в XIX в. при султане-реформаторе Махмуде II (1808–1839) за финансовое влияние при дворе с армянами боролись три еврейские богатейшие семьи – Габаи, Аджиман и Кармона. Главы их плохо кончили.

Ехезкель Габаи, финансист из Багдада при Махмуде II, обосновался в Стамбуле и приобрел протекцию султанского фаворита Халеда-эфенди. Он стал казначеем двора (*sarrafbası*). Конкуренция с финансистами-армянами на первом этапе привела к ссылке армянина Казаз Аретуна (в российских документах Каза Артын), занимавшего высокий пост директора монетного двора. Халед-эфенди, как это нередко случалось, вскоре впал в немилость, а Каза Артын вернулся из

ссылки и сумел путем обычных придворных интриг добиться изгнания Габаи, и вскоре тот погиб. Вероятно, его убили. Уже после резни янычар в 1826 г. Исайя Аджиман по высочайшему указу был удушен.

Позднее Каза Артын обрек на смерть главного откупщика двора Челеби Бехор Кармона, прозванного Шапчи-баши (главный поставщик квасцов)¹⁶.

Казни сопровождалась конфискациями имущества убитых. В первой трети XIX в., как и в средние века, не было закона, гарантировавшего собственность от произвольных изъятий и неприкрытого грабежа. Владельцы имущества утаивали его истинные размеры из страха перед поборами, всякого рода вымогательствами и конфискациями. Все это было обычной деталью османской жизни. Удивление, даже изумление вызывало какое-либо отклонение от такой практики. Именно о подобном эпизоде, касавшемся смерти упомянутого Каза Артына, сообщал канцлеру К.В. Нессельроде российский посланник в Стамбуле Р. Рикман: «Скончался управляющий монетным двором армянин Каза Артын, оставив значительное состояние. Управляющий пользовался большим доверием султана и, опасаясь, что его наследство, как обычно, заберут в казну в ущерб прямым наследникам, незадолго до смерти успел отправить Махмуду II опись своего имущества. Чтобы вознаградить доверие покойного, из великодушных побуждений султан распорядился отдать половину наследства родным Каза Артына. Такой поступок расценивался окружающими как пример благородства и щедрости повелителя»¹⁷. Владыкой жизни и имущества подданных, как и в средние века, все еще был султан, который при всем том не раз сам оказывался жертвой заговора.

В XIX в. в Османской империи был осуществлен ряд реформ с целью модернизации политических, социальных, экономических институтов. Реформаторы надеялись таким путем предотвратить дальнейший распад государства. Но очаги капиталистического производства, введенные в традиционную азиатскую структуру иностранным или местным национальным капиталом, длительное время оставались для всей системы чуждыми изолятами. Они поглощали прибавочный продукт местной некапиталистической структуры, однако не воздействовали на нее преобразующим образом. Главное – не было ни правовых норм, ни людей, готовых и способных работать в совершенно иных экономических условиях. Местные мусульманские структуры отторгали чуже-

родные формы хозяйственной деятельности. Последние спустя многие десятилетия, уже в более благоприятный период республиканской Турции, все еще с трудом адаптировались в местных условиях, как и заимствованные в Европе политические институты. При всей своей экономической активности евреи никоим образом не могли быть инициаторами или заметными участниками этих процессов. Государственная система не позволяла.

Великий везир султана Махмуда II Мустафа-паша Байрактар (Знаменосец), который и возвел его на престол, инициировал реформы военной системы и финансов, чтобы остановить упадок и развал государства. В качестве советника по финансам при нем состоял еврей Дели Челибон. Он же был банкиром янычарского аги, а реформы в первую очередь затронули бы интересы этой могущественной корпорации, которая сопротивлялась всяким подобным попыткам. Поэтому когда Челибону приказали обсудить проект реформ и предложить свой вариант, тот дал уклончивый ответ. Байрактар, разгневанный подобным замаскированным вежливостью, но фактическим отказом, приказал повесить Челибона во дворе дома главного муфтия, то есть шейх-уль-ислама. Позднее по приказу султана янычарский корпус был ликвидирован и тысячи янычар погибли в резне¹⁸.

Не в первый раз еврей-советник оказывался между молотом и наковальней. Прими он предложение великого везира, его убили бы янычары. Евреи не могли и не хотели брать на себя ответственность за какие бы то ни было экономические преобразования. В любом случае их непременно обвинила бы та или иная правящая группировка.

Кстати, тот же Махмуд II разрешил евреям пересекать Босфор на лодках (каиках) с четырьмя парами весел, что сам он считал невероятным либерализмом. Раньше, по закону о роскоши, реаяя (немусульмане империи) и франки (европейцы) могли пользоваться не более чем тремя парами весел. С эпохи правления этого султана начинается постепенное проникновение европейских норм в османское государство.

Накануне полного краха Османской империи, когда годы существования турецкого султаната были сочтены, а проживавшие на ее территории этнорелигиозные меньшинства находились под подозрением, большая часть османских евреев оставалась лояльной к верховной власти. Как и встарь, султаны доверяли евреям-медикам свое здоровье и жизнь.

В 1915 г., во время Первой мировой войны, султан Мехмед Решад V (1909–1918) серьезно заболел. У него обнаружили опухоль мочевого пузыря. Операция стала неизбежностью. Султан попросил своего союзника, германского императора, найти хорошего хирурга. За эту весьма не простую работу взялся профессор Израиль. 23 июня того же года он прооперировал высокопоставленного пациента. Султан остался доволен результатом, а профессор получил в награду орден Меджидие I степени и портрет Мехмеда Решада с его подписью, очевидно, в дополнение к гонорару.

Уже в республиканский период личным дантистом первого президента Турции Мустафы Кемаля был доктор Гинзбург¹⁹.

Примечания

¹ Большаков О. История халифата. Т. III. Между двух гражданских войн... 656–696 гг. М., 1998. С. 476.

² Цит. по: Hammer J. Histoire de l'Empire Ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours. Т. III. Р., 1936. Р. 334–335.

³ Смирнов В.Д. Восточные заметки. СПб., 1899. С. 43.

⁴ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. Пер. с фр. М. Юсима. М., 2003. С. 492.

⁵ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... Р. 10.

⁶ Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего времени. Т. 10. Одесса, 1908. С. 317–320.

⁷ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 3. Общество по исследованию еврейских общин. Иерусалим, 1986. С. 172–173.

⁸ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... Р. 13–14.

⁹ Бродель Ф. Средиземное море... Ч. 2. С. 650.

¹⁰ Poliakov L. Histoire de l'antisémitisme. Т. I. Du Christ aux Juifs de Cour. Р., 1955. Р. 247.

¹¹ Charrière E. Négociations de la France dans le Levant. Т. III. Р., 1850. Р. 832.

¹² Грец Г. История евреев... Т. 10. С. 357.

¹³ Notes and documents from the Turkish Archives... Р. 28–31.

¹⁴ Смирнов В.Д. Восточные заметки... С. 78.

¹⁵ Tarih-i Naîma. I. Istanbul, 1967.

¹⁶ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... Р. 27.

¹⁷ АВПР, Константинополь, 1834, д. 33, 8/20 января, № 21. Р. Рикман – К.В. Нессельроде, л. 158–158 об.

¹⁸ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... Р. 25–26.

¹⁹ Idem. Р. 40.

РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ САББАТАЯ ЦВИ*

Средневековые религиозные движения, возникавшие в среде несвободного, третируемого по этническому или религиозному признаку населения, не были чем-то исключительным.

Трудно что-либо понять в религиозном, претендовавшем на мессианское движении Саббатая Цви, не учитывая его исторический контекст и его предшественников.

Лидеры религиозных школ, занимавшиеся исследованием и развитием каббалистических тайн, собирали вокруг себя учеников и последователей задолго до появления Саббатая Цви. В падкое на чудеса время и в жаждавшей чудес среде такие лидеры встречали поразительный отклик. Группировавшиеся вокруг них сторонники представляли собой замкнутые сообщества, в значительной степени обособленные от большей части ортодоксальных евреев.

В последней трети XVI в. в Цфате объявился «реформатор» Исаак Лурия. Основой его религиозной деятельности, его откровений была вера в то, что он – предтеча Мессии из дома Давидова, хотя он лишь туманно намекал на это своим ученикам. Многие его современники-единоверцы были убеждены в близком осуществлении мессианского царства.

Еще при жизни Лурии распространялись слухи о том, что он – чудотворец, способный даже воскрешать мертвых. Эти слухи дошли до Лурии, однако совесть ему не позволила подтвердить их истинность, и он признал всё это вымыслом. Тем не менее после смерти Лурии его ученики и последователи объявили его «святым и божественным»¹.

Ситуация в замкнутых еврейских общинах на Востоке от столетия к столетию мало менялась. И все же религиозное движение XVII в., инициированное на территории Османской империи, имело некоторую специфику. Оно глубоко затронуло немалую часть народа, веками ждавшего избавления от вечного страха и унижения. Вот почему появление столь долго ожидаемого избавителя было с энтузиазмом и надеждой

* История Саббатая Цви здесь излагается по версии Абрахама Галанти, располагавшего документами измирской общины: Galanté A. Histoire des Juifs d'Anatolie. Les Juifs d'Izmir. Ist., 1937. P. 236–254.

встречено большим числом людей вопреки всякому здравому смыслу и противодействию некоторых раввинов.

* * *

Саббатай Цви, сыгравший значительную роль в истории еврейских общин Турции, родился в Измире 9 числа месяца ав 5386 г. от сотворения мира (7 июля 1626 г.) в семье евреев – выходцев из Испании. Его отец Мордехай Цви приехал из Мореи. В Измире он начинал как уличный торговец, позднее стал посредником в английском торговом доме. Молодой Саббатай тянулся к книжному знанию. Он приступил к изучению Торы, Талмуда под руководством Исаака д'Альбы, постигал премудрости Каббалы. В 15 лет молодой человек основательно разбирался во многом из того, чему его обучали, а в 18 сам уже имел группу учеников. Занятия Каббалой углубили некоторую, очевидно, присущую ему от природы экзальтацию. Он постился, совершал омовения для чистоты тела и внутренней святости. Родители решили его поскорее женить. Саббатай исполнил их волю, но к жене так и не приблизился. Последовали скандал и развод. Родители заключили, что брак оказался неудачным, а у их сына неприязнь именно к этой избранной ими женщине. Женили его вторично – и с тем же успехом. В конце концов они усмотрели странности в поведении сына, объяснив их изнурительными постами и омовениями, а в конце концов занятиями Каббалой.

Известно, что прежде чем даровать евреям десять заповедей, Г-дь повелел Моисею: «Пойди к народу, (объяви) и освяти его сегодня и завтра; пусть вымоют одежды свои... И сошел Моисей с горы (Синай) к народу и освятил народ, и они вымыли одежду свою. И сказал народу: "Будьте готовы к третьему дню; не прикасайтесь к женам"» (Исх. 19,10–15).

Возможно, Саббатай действительно был очень впечатлительным и религиозным человеком и многое из Священного писания воспринимал как прямое руководство к действию. Согласно учению Исаака Лурия, главная цель Каббалы – подготовить умы к пришествию Мессии, ускорить освобождение народа, которое, по расчетам, содержащимся в Зогаре*, должно наступить примерно в 1648 г. Именно тогда Саббатаю исполнилось 22 года, возраст многих энтузиастов и новаторов. «Если грядет Мессия, – размышлял он, – то почему им не могу оказаться я сам?» Эти мысли преследова-

* Основное произведение в корпусе каббалистической литературы.

ли его, и он решил действовать. Свое мессианство он открыл прежде всего ученикам и однажды повторил тетраграмму – 4-буквенное табуированное имя бога². Ее произносил первосвященник в те времена, когда еще существовал Храм Соломона. А поскольку Храма больше нет, это было запрещено вплоть до прихода Мессии, то есть до восстановления Храма и еврейского государства. Конечно, все это было известно Саббатаю, но он счел самым главным приход Мессии. Трудно сказать, сколько в его действиях было искреннего заблуждения, а сколько сознательного обмана. Религиозные авторитеты Измира и главный раввин общины Иосиф Эскапа, шокированные дерзостью Саббатая, послали к нему двух членов раввинатского суда бет-дин, чтобы его вразумить. Напрасный труд. В их присутствии Саббатай подтвердил, что он и есть Мессия, да еще повторил тетраграмму. За что он вместе со своими последователями был отлучен от общины. Религиозные авторитеты заключили, что он заслуживает смерти. К великому сожалению своих почитателей в 1650 г. Саббатай покинул Измир и направился в Стамбул. Там судьба свела его с раввином Абрахамом Яшни, оказавшимся фальсификатором. Он вручил Саббатаю поддельный документ, в котором от своего имени провозгласил его Мессией. В нем говорилось следующее: «Я, Абрахам, в течение 40 лет жил затворником в пещере, ждал чудес, а их не было. Но вот я услышал голос, возвестивший мне: “В 5386 году от сотворения мира родится сын, а назовут его Саббатай. Он будет истинным Мессией, он победит дракона и сокрушит врагов без оружия”». Документ этот сыграл не последнюю роль в истории Саббатая. Спустя много лет он признается раввинам Эдирне (Адрианополя), что не Яшни подделал запись, а некий Натан Газа, владелец старой рукописи. Из нее убрали несколько слов и вместо них вставили имя Саббатая. Настоящее имя фальсификатора выбито на его могиле: Абрахам Бенджамин Натан.

Община Измира всерьез обеспокоилась появлением самозванца. Раввин Иосиф Эскапа написал в стамбульскую общину предостерегающее письмо с разоблачением Цви и его сторонников. Вскоре Саббатай и возраставший круг его последователей перебрались в Салоники. Момент для них как будто бы оказался весьма благоприятным. В еврейской общине возрастало влияние каббалистов, т.е. тех, кто все события текущей жизни видел через призму Каббалы. Саббатай быстро уловил господствовавшие там настроения. Он

пригласил на трапезу несколько салоникских раввинов и приказал принести Сефер Тору. Найдя то место, где перечислялись благословения, предназначавшиеся для церемонии бракосочетания, он объявил, что сочетается узами брака с Законом. Не ограничившись этим, он повторил тетраграмму, как делал это в Измире. Изумленные раввины не поняли столь странного поведения пригласившего их человека. Саббатай же ничтоже сумняшеся объяснил непонятливым, что он и есть Мессия. Ответом были гнев, возмущение. Под давлением угроз Цви был вынужден покинуть город в 1658 г. В Афинах, куда он уехал, его приняли столь же враждебно. После длительных скитаний пришлось вернуться в Измир, который он вскоре также вынужден был оставить. В Стамбуле, где Саббатай пытался найти последователей путем изречения мистических откровений и пророчеств, он утверждал, что освобождение Израиля произойдет под созвездием Рыб. Порицаемый и гонимый раввинами османской столицы, в 1659 г. Саббатай отправился в Измир к отцу. Он прожил там относительно спокойно три года, но идея собственного величия и предназначения его увлекала несмотря ни на что. Таков был первый этап его «мессианства».

Между тем слухи о движении Саббатая вышли за пределы еврейских общин. Они нашли отклик в некоторых христианских и мусульманских кругах. В последних циркулировали слухи о скором приходе Махди (скрытого имама). Ободренный всем этим, Саббатай решил выйти из тени. В 1662 либо 1663 г. он отправился морем в Палестину, избрав ее новым поприщем своей деятельности, поскольку в Салониках и Стамбуле успеха не достиг. Судно, на котором он плыл, остановилось в Триполи. Изменив свои планы, Саббатай решил уехать в Александрию, а затем в Каир. В Каире в то время жил Рафаэль Жозеф Челеби, глава меняльной конторы и откупщик, человек легковверный, склонный к мистике. В его богатом доме собирались знатоки Талмуда и Каббалы, которым он покровительствовал и которых щедро одаривал. Саббатай сумел завоевать расположение богатого менялы привлекательной наружностью и красивым голосом. После успеха в Каире он прибыл в Иерусалим в надежде продемонстрировать там нечто такое, что убедило бы всех в его мессианстве.

Положение иерусалимской общины было тогда совсем плачевным. Причиной стал наплыв массы беженцев, спасавшихся от погромов в Польше. В европейские страны Голландию, Италию и другие отправились эмиссары (шлухим) со-

бирать средства в пользу нуждающихся. Среди слухим был и некто Соломон Наварро. Он влюбился в итальянскую христианку, принял ее веру и промотал с ней все собранные для беженцев деньги. Другому шалиях не повезло со сбором средств. Община Иерусалима осталась в крайне бедственном положении. В нее влились еще и евреи, прибывшие из Йемена. Кто имел какое-то влияние и средства, бежали из города, погруженного в нищету. Осталось несколько учеников Лурия и Хаима Витала, а среди них раввины Якоб бен-Семаш, старый португальский марран, Абрахам Амиго и Якоб Хаджес. Для прибывшего в Иерусалим Саббатая почва была вполне подготовленная. Нищим населением легко манипулировать. Вначале он избегал каких-либо провоцирующих действий, жил скромно, посещал синагогу и могилы благочестивых людей. Располагающая внешность, хорошие манеры помогли ему приобрести симпатию многих. К тому же он был озабочен бедствиями иерусалимских евреев, которые не могли уплатить требуемые турецким правительством налоги. Саббатай вспомнил благосклонный прием Рафаэля Жозефа Челеби и решил отправиться к нему с посланцами общины просить о помощи. Ему удалось убедить менялу дать деньги на нужды общины. Сумму он получил немалую. Занимая беседой богатого благотворителя, Саббатай говорил о скором явлении Мессии, утверждал, что сам видел приметы того, кому предназначено спасти народ Израиля.

Вскоре из Ливорно начали распространяться слухи о появившейся невесте Мессии. Молоденькая еврейка рассказывала, что ей суждено сочетаться браком с Мессией. Слухи дошли до Саббатая и оказались весьма кстати. Кем же была эта девушка?

Известно, что она в 10 лет осталась сиротой. Ее родители погибли в массовой резне, учиненной отрядами Богдана Хмельницкого. Христиане выбрали девочку и поместили ее в монастырь, где воспитывали в духе католицизма. Однако, повзрослев, она решила бежать из монастыря. Как-то ее заметили евреи из соседнего местечка, хоронившие на кладбище своего единоверца. Девушка была в одной сорочке, выглядела очень странно. Ее спросили, кто она и откуда? Она ответила, что отцом ее был раввин Майер, и добавила, что воспитывалась в монастыре, а прошлой ночью дух отца перенес ее на кладбище. В подтверждение сказанного она показала следы ногтей на своем теле. Евреи взяли девушку с собой и вскоре переправили в Амстердам, где, по ее словам,

жил ее брат Самуил. И здесь она повела себя очень странно, уверяя всех, что будет женой Мессии. У нее обнаружилась явная склонность к бродяжничеству. Она побывала и во Франкфурте-на-Майне, и в Ливорно. За красоту ее звали Сарой.

Саббатай, услышав о Саре, не упустил случая и объявил, что ему было видение, будто он сочетается браком с молодой девушкой из Польши. Саре исполнилось тогда 22 года. Саббатай отправил в Ливорно письмо с просьбой найти девушку и отправить ее в Каир, где он тогда находился.

Она прибыла в Каир и сочеталась браком с Саббатаем Цви в доме Жозефа Рафаэля Челеби, который был счастлив отпраздновать у себя женитьбу Мессии, к тому же женитьбу на женщине, предназначенной свыше спасителю Израиля. Никаких сомнений на этот счет у него не было. Саббатай последовал примеру пророка Осии, о котором в Священном писании говорится, что по велению Г-да он сочетался браком с женщиной легкого поведения*. На церемонии бракосочетания присутствовали многие его приверженцы. Сразу же после этого он с женой уехал в Иерусалим через Эль-Ариш и Газу. В Газе он встретил молодого человека, о котором ранее уже говорилось. Абрахам Натан Бенжамин Леви Ашкенази, или в обиходе Натан из Газы, помог Саббатаю обосновать его притязания и ввести в заблуждение множество людей. Известно, что жил Натан с 1644 по 1680 г. и был сыном Елисея Леви, который, оставив шестилетнего мальчика, уехал из Иерусалима собирать деньги в пользу нуждающихся в Палестине. В отсутствие отца община заботилась о мальчике. Его воспитанием занимался раввин Якоб Хаджес, обративший внимание на его ум и способности. Однажды раввин Хаджес получил письмо от богатого жителя Газы Самуила Лисбона. В письме содержалась просьба порекомендовать ему какого-либо из лучших учеников в качестве жениха для его дочери. Дочь была кривой, но имела завидное приданое. Раввин Хаджес предложил жениться на девушке Натану Леви, и тот согласился. Из бедняков он моментально сделался богатым человеком.

Вот его-то, не слишком образованного, однако усвоившего некоторые раввинистские внешние стороны поведения, Саббатай встретил в Газе. Натан был уже о нем наслышан, прежде всего о том, что тому якобы было видение о его ис-

* Аналогия поверхностная, вырванная из контекста, а потому легковесная.

тинном мессианстве, а также о том, что как Мессия Сабатай явится во всей своей славе и без всякого оружия возьмет в плен султана, владельца Палестины.

Натан предъявил Саббатаю документ, по его утверждению, 500-летней давности. В нем говорилось, что Саббатай, сын Мордехая Цви, и есть истинный Мессия. Довольный уверенностью Натана и содержанием документа, да к тому же видениями Сары, Саббатай еще более уверовал в свое предназначение. Ведь о прибытии Мессии по примеру пророков Израиля свидетельствовал «пророк» Натан, готовивший почву для его приема. Воодушевленный удачными обстоятельствами, Саббатай отправился в Иерусалим, где открыто объявил себя Мессией. Раввины, как и в других общинах, встретили такие притязания враждебно. Он оскорблял их религиозные чувства, да к тому же ухитрился растратировать деньги, полученные в Каире от Рафаэля Жозефа Челеби для бедняков Палестины. В то время враждебность раввинов не слишком-то беспокоила Саббатая. Число сторонников его несмотря ни на что быстро возрастало. А Натан, сопровождавший Саббатая в Иерусалиме, объявил себя пророком Элией, поскольку якобы слышал голос с небес, возвестивший, что «через год и несколько месяцев будет восстановлено царство Мессии из Дома Давидова». Ему было приказано объявить эту весть всем еврейским общинам мира. Саббатай все же опасался гнева раввинов и решил вернуться в Измир, а оттуда выехать в Стамбул, где надеялся на осуществление собственных славных деяний. Из Иерусалима он успел отправить в Египет и европейские страны посланцев с миссией объявить о своем пришествии в качестве Мессии. Среди посланцев известны имена Саббатая Рафаэля из Мореи и Мататия Блоха из Германии. Своим секретарем он назначил шурина Самуила Примо.

В сопровождении жены, секретаря и приверженцев Саббатай прибыл в Алеппо, где был с энтузиазмом встречен местной еврейской общиной. Четыре раввина, среди них Даниель Пинто и Моше Галанте, даже отправились в Измир возвестить близкий приход Мессии и содействовать его надлежащему приему.

А Натан вернулся в Газу, место пребывания пророка. Именно ему «выпала честь» возвестить скорое явление Мессии.

Саббатай появился в своем родном городе Измире в сентябре 1665 г. и был столь же, сколь и прежде, враждебно принят раввинами. В доме раввина Иегуды Мортуро они со-

брались, чтобы сформулировать общую позицию и способ действий против того, кто был, по их убеждению, самозванцем, лжемессией. Главный раввин Измира Хаим Бенвенисте зачитал письмо, которое прислал главный раввин стамбульской общины Йомтоб бен-Якар. Оно было подписано еще 25 раввинами столицы. В письме, адресованном раввинам Измира, предлагалось убить Саббатая, как только он появится в городе. Человеку, который бы взялся за это дело, обещались прощение и блага в грядущем. Мнение раввинов Стамбула вполне разделяли их измирские братья, однако рекомендация оказалась трудновыполнимой. Раввины опасались гнева толпы, поддерживавшей и одобрявшей Саббатая. Все же последний понимал ситуацию и счел благоразумным убраться в окрестности Измира – за черту города.

Но вскоре он появился в городе в праздник Хануки. Быстро растущее число его сторонников оказывало воздействие на некоторых влиятельных лиц общины и даже на кое-кого из раввинов. Так, раввин Моше Галанте после молитвы в синагоге, построенной на его средства и носившей его имя, объявил вдруг, что верит в истинное messiанство Саббатая Цви. Этот поступок очень удручил стойких противников Цви, в их числе одного из городских нотаблей – Хаима Пинья. Раввины Соломон Альгази и Бенвенисте подверглись оскорблениям в синагоге, которую в обиходе называли «Португалия». В ней собиралось много приверженцев Саббатая. Раскол в общине был налицо. День ото дня возрастало число сторонников Саббатая и таяло число его противников. Цви открыто, уже никого не боясь, провозглашал себя Мессией. Вскоре к нему примкнул и один из его оппонентов раввин Бенвенисте, за что был назначен представителем Саббатая в Измире.

Теперь уже, опасаясь гнева Саббатая, вынужден был бежать из города раввин Аарон Лепапа, председатель религиозного суда бет-дин. Он скрывался в Магнесии (область в Восточной Фессалии). По той же причине покинул Измир раввин Альгази. Очень многие евреи Измира ликовали, радуясь приходу Мессии. Саббатай настолько уверовал в свои силы, что дерзнул в сопровождении старшего брата Элии нанести визит кади (мусульманскому судье). Саббатай не знал турецкого языка, и брат служил переводчиком. Их сопровождала толпа любопытных, которым не терпелось узнать, чем закончится столь необычный визит. Кади спросил посетителей о цели их визита и о причине того шума, который евреи подняли в городе. Саббатай надеялся, что его осенит и он сумеет в

присутствии кади совершить нечто необычное. Но ничего такого сделать не сумел, оробел и в большом смущении про- бормотал донос на трех своих единоверцев, очевидно тех, кто ему не поверил. Он сообщил кади, что эти трое якобы злословили о султани. Кади распорядился их наказать. Воз- вращался Саббатай домой, распевая псалмы, поощряемый все возраставшей толпой. Раньше перед ним заискивали в основ- ном женщины, в числе которых была его жена Сара, – перед мужчинами он заискивал сам. Теперь же Саббатай всем без разбора демонстрировал подчеркнутую суровость и величие.

Ветер безумия пронесся над евреями этого города. Он захватил окрестности Измира, распространился на еврейские общины островов Хиос, Родос, увлек евреев Стамбула, Салоник, Адрианополя, Софии, Белграда, Будапешта, Мореи, Германии, Польши, некоторых «варварских» стран. Приверженцы новоявленного «мессии» не выказывали ни малейшего сомнения в подлинности своего кумира. Они демонстри- ровали миру те знамения, о которых говорил пророк Иоиль: катались по земле, словно в припадке эпилепсии, закатывая глаза и пуская слюну.

Лжемессия отменил некоторые практиковавшиеся ранее посты, а также памятный день 17 таммуза по случаю взятия врагами Иерусалима, что соответствовало библейским про- рочествам Захарии. Были изменены или частично дополне- ны некоторые традиционные религиозные ритуалы. Так, на- пример, субботнее благословение султана Мехмеда IV (1648– 1687), имя которого произносилось в анотен тешуа¹, было заменено текстом Саббатая Цви.

Пребывавший в Измире Саббатай стал объектом покло- нения людей из разных уголков мира, спешивших проде- монстрировать чувства верности и благоговения царю Из- раиля. Всех их принимали по специально разработанному протоколу.

Столь массовое движение, инициированное Саббатаем Цви, не могло не привлечь внимания мусульман и христиан Турции и европейских стран. Они с удивлением наблюдали странные процессии людей, имитировавших эпилептические припадки. К движению лжемессии примкнули и некоторые христиане, говорившие евреям: «Мы пойдем с вами в Свя- тую Землю». В доктрину Саббатая поверила группа мусуль- ман, представляемая каким-то дервишем. Наконец, несколько стамбульских армян, озадаченных непонятным вол- нением массы людей, обратились к раввинам: «Что вы може-

те сказать? Он – пророк? Или он – истинный Мессия, а быть может, и Сам Христос?» Благочестивые раввины Стамбула отвечали: «Этот человек – не Мессия. Он – лжец и эпилептик. Его действия противоречат нашей религии».

Движение Саббатая Цви имело успех и за пределами Османской империи. В Англии говорили о том, что будто бы к северному побережью Шотландии подошел необычный корабль. Его паруса и снасти были из шелка, экипаж изъяснялся на древнееврейском языке. На том же языке на штандартах были начертаны слова, обозначающие 12 колен Израилевых.

Англичане даже заключали пари на предмет грядущих успехов Саббатая. Некоторые из них были уверены в том, что самое большее через два года он станет царем Иерусалима. В Гамбурге протестанты обратились за советом к проповеднику Эсдрасу Эдзарду. Они недоумевали: «Мы узнали, – говорили они, – и не только от евреев, но и от наших знакомых христиан в Измире, Алеппо, Константинополе и в других городах Турции, что новоявленный Мессия евреев совершает чудеса, что его соотечественники во всех странах примкнули к нему. Как нам соотнести это событие с христианской доктриной? Ведь согласно ей Мессия уже приходил в наш мир?»

Воодушевленный небывалым успехом своего движения, Саббатай вообразил себя могущественным повелителем, который может назначать подвластных ему королей. Он разделил обширные известные ему территории на 38 королевств и в каждое из них назначил правителя, что выходило уже за все мыслимые рамки. В это время Турция воевала с Венецией, и османское правительство не могло не обеспокоиться волнениями внутри страны. Кади Измира было послано предписание отправить немедленно Саббатая в Стамбул для допроса. Еще раньше кади сообщил великому везиру Ахмеду-паше Кёпрюлю о ситуации, созданной Саббатаем. Последний же объявил евреям Измира, что по велению Всевышнего он едет в Стамбул, дабы осуществить предначертанное ему.

В первые дни января 1666 г. с несколькими сподвижниками Саббатай был посажен на корабль. Многие его приверженцы последовали за ним по суше. Путешествие было утомительно долгим, плыли 39 дней. Корабль нуждался в ремонте, и пассажиров высадили на побережье Дарданелл. В сопровождении вооруженной охраны Саббатай был доставлен в Кючук-Чекмедже, а оттуда – в Стамбул. На допросе в Стамбуле субаши (офицер полиции) всячески оскорблял и унижал Саббатая. Его в цепях поместили в тюрьму, где он

ожидал приговора. Но и столь дурное обращение с кумиром не обескуражило его стойких приверженцев. Они упорствовали в собственном заблуждении и объясняли плачевные обстоятельства, в которых оказался Саббатай, страданием за веру. А страдание непременно должно предшествовать грядущей его славе.

Быстрая расправа с Саббатаем Цви дала горожанам иных вероисповеданий повод злорадствовать и насмехаться над евреями. Их постоянно вопрошали: «Так кто же к вам пришел? Не раввин ли? Неужто и в самом деле пророк?»

Несколько дней заточения сломили дух Саббатая. Он обратился к преданным ему последователям и просил их ходатайствовать за него перед Иегудой Челеби, сыном Мордехая Коэна, банкира великого везира. Умоляя о содействии в освобождении из тюрьмы, Саббатай соглашался на любую сколь бы то ни было отдаленную ссылку. Везир внял уговорам и распорядился выслать Саббатая в Кум-Кале – старинную крепость Абидос на побережье Дарданелл. Сабатай прибыл в Кум-Кале накануне Пейсаха. Ему разрешили принести в жертву ягненка. Очевидно, он сильно изголодался, так как ел даже те его части, которые запрещено есть законом Моисея.

Саббатаю позволили взять с собой в Абидос его секретаря Самуила Примо и небольшое число приверженцев. Общение с единоверцами ему не было запрещено. Такое послабление властей было воспринято последователями лже-мессии как знак уважения великого везира к его особе. В противном случае Саббатая бы ожидала казнь. Его нынешнее положение в Абидосе было несравнимо лучшим, чем прежде. Воздух здесь был отличный, пленник находился далеко от столицы, а следовательно, вне прямого контроля высших властей. Охрана не мешала ему привлекать, как и раньше, толпы паломников, прибывавших к стенам крепости не только из ближних мест, но даже из-за границы: из Польши, Германии, Италии, Голландии. Паломники щедро одаривали его подарками, а взамен получали благословение.

Толпы евреев отнюдь не волновали стражу, ибо она получала очень многое из подношений Саббатаю. До поры до времени никто ничего не сообщал в столицу.

Турки обращались с паломниками учтиво, не стесняя их ни в чем. Саббатая такое заключение не слишком обременяло. Он и здесь был окружен поклонением и обожанием приверженцев. Он даже задумал учредить специальный ритуал

для празднования собственного дня рождения. Однако в одночасье всему пришел конец. Среди прибывших в Абидос паломников оказался польский раввин Неемия Козн, знаток Каббалы и столь же инициативный человек, как и Саббатай.

Последний был уже наслышан о новоприбывшем и принял его с особым вниманием. Беседа обернулась дискуссией о возвышенных предметах. Неемия напомнил Саббатаю, что, согласно Священному писанию, ожидается приход двух Мессий: один из них Бен Эфраим, а другой – Бен Давид. Первый – проповедник Закона, будет беден и всеми презираем. Ему уготована роль слугителя и предтечи второго. А второй в могуществе и славе вернет всех евреев в Иерусалим, где воссядет на трон Давида и совершит великие деяния.

Дискуссия о двух Мессиях явно не понравилась Саббатаю. Он понял, что сам Неемия Козн желал быть Бен Эфраимом. Особенно задел Саббатая упрек раввина в поспешности прихода его в качестве Мессии. По мнению Козна, тот должен был подождать, пока первый Мессия объявится и станет известным миру. Дискуссия закончилась взаимным ожесточением и разрывом. Перед отъездом из Абидоса Неемия вдруг принял ислам. Он повсюду начал разоблачать Саббатая как лжеца и самозванца. Из Стамбула, где Козн неустанно интриговал против Саббатая, он отправился в Эдирне, где в то время находился султан. Там Неемия обратился к каймакаму (начальнику той местности) Мустафе-паше. Он обвинил Саббатая в действиях, направленных на отторжение Палестины от Османской империи, на захват султанской власти. При этом он не забыл обвинить и стражей Абидоса в нарушении долга и пренебрежении своими обязанностями, заявив, что евреи по-прежнему прибывают к Саббатаю со всех концов мира.

Каймакам серьезно воспринял информацию Неемии и подал объяснительный отчет султану. Был созван совет высших лиц государства. На совете присутствовал шейх-уль-ислам (высшее духовное лицо) Вани-эфенди. Он предложил доставить Саббатая в Эдирне и допросить его. Случаем с Саббатаем не преминули воспользоваться конкуренты и недоброжелатели местной еврейской общины. В Эдирне прибыл из соседних окрестностей некий шейх Махмуд в сопровождении влиятельных мусульман. Они жаловались султану, что местное население страдает от дороговизны самого необходимого для жизни. А виной всему – влияние евреев в этом городе. Они просили положить этому конец.

Прибытие Саббата в Эдирне стало причиной различных слухов, подчас самых невероятных. Говорили, будто он недостижим для огня, не тонет в воде, что оружие не нанесет ему вреда, а пытки не дадут никакого результата.

И вот Саббатай предстал перед султанским советом. От него потребовали явить чудеса, о которых столь много везде говорили. Переводчиком был врач Хайяти-заде – еврей, некогда звавшийся Моше бен-Рафаэль Абраванель, но принявший ислам и сделавшийся придворным врачом. Он обратился к Саббатаю на иудео-испанском наречии: «Ты, который принес столько волнений в наш мир! Если ты и в самом деле способен творить чудеса, покажи их, чтобы сейчас спасти самого себя. Тем самым ты спасешь и своих единоверцев». Султан находился в соседней комнате. Он все слышал и предложил следующее испытание. Раздеть Саббатая донага и поставить в качестве мишени для лучших стрелков. Его величество готов признать в нем Мессию, если стрелы его не заденут и не ранят.

Услышав о предложенном султаном испытании, Саббатай запаниковал. Он решительно отверг всякие домыслы о своем мессианстве, уверял, что он – простой хахам (раввин), что все это дело выдуманно евреями, которые его почему-то именно так называли. Султана такой ответ не устроил. Он приказал обратить Саббатая в ислам. В турецких хрониках об этом событии говорится, что Саббатай добровольно принял ислам исключительно по внушению Аллаха.

После обращения Саббатай получил имя Мехмед-эфенди. Его отправили в баню для дворцовых слуг, сменили одежду, пожаловали шубу и кошелек денег. Обращенный получил придворный чин капыджи-баши (главного привратника) с немалым по тем временам жалованьем в 150 пиастров в день*. Его жена Сара также приняла новую веру, получила небольшое денежное вознаграждение и небольшую должность. Отныне ее звали Фатима-ханум. Их примеру последовали несколько наиболее пылких приверженцев Саббатая. В еврейских хрониках говорится, что все же султан Мехмед IV обошелся с Саббатаем милостиво. Могло быть много хуже. А главное – султан спас евреев от катастрофы, и они ему за это благодарны.

* Такие же сведения содержатся в хронике «Funduklu-Tarihi», Венская рукопись, Mxt. 343^a, л. 202v, а также у Hammer I. Geschichte des Osmanischen Reich, Pest, 1830. V. S. 183–185.

В первый момент обращение Саббатая в ислам произвело на евреев Османской империи и других стран ошеломляющее впечатление. Турецкие евреи подвергались насмешкам других религиозных групп. В Измире им дали оскорбительное прозвище, которое в самом мягком варианте означает «нечестивцы». Такое отношение угнетало и приводило в отчаяние всю общину города, поскольку никто не делал различий между сторонниками Саббатая и его противниками. Саббатай же возымел дерзость им написать: «Господь сделал меня теперь мусульманином. Я – ваш брат Мехмед капиджи-баши. Он мне приказал, и я исполнил». Но даже этот страшный удар – отступничество от веры отцов – не поколебал некоторую часть его приверженцев. Они верили, что тень Саббатая вечно пребудет на земле, хотя и с белой головой (то есть в тюрбане) и в турецкой одежде. Они полагали, что и его тело, и его душа взяты на небо, где и пребудут до времен, предначертанных для чудесных свершений.

Наиболее упорные его последователи поддерживали с ним связь через посланцев и по переписке. Они продолжали рассказывать о чудесах, явленных Мессией, о том, что такие чудеса подтверждают необходимость нынешнего его обращения в ислам. Саббатай некоторое время оставался при османском дворе. Его сторонники сравнивали такую ситуацию с пребыванием Моисея при дворе фараона. Была даже опубликована мистическая книга, в которой утверждалось, что Саббатай, будучи истинным Мессией, был обращен в ислам для того, чтобы осуществить проповедь иудаизма среди мусульман, чего на самом деле иудаизм никак не предусматривает. Никакого миссионерства и никакого прозелитизма. Что касается самого султана и муфтия, то им Саббатай заявил, что поддерживает отношения с евреями исключительно для того, чтобы обратить их в ислам. Его объяснение сочли вполне приемлемым. Действительно, были случаи, когда из Багдада, Иерусалима, других мест в Стамбул прибывали евреи и в присутствии султана принимали ислам. Эту очень небольшую категорию евреев, которая в той или иной мере и по разным мотивам существовала всегда, называли мааминим, а по-турецки денме (обращенные). Они носили тюрбан и турецкое платье. Поощряя такую деятельность Саббатая, власти даже позволили ему проповедовать в синагоге, где он на самом деле продолжал оправдывать и развивать идеи своего мессианства. Ему многое удавалось, и некоторые не смотря ни на что не сомневались, что он и есть истинный

Мессия. Теперь никто не осмеливался признавать это открыто, поскольку даже самые убежденные опасались как гнева мусульман, к которым примкнул Саббатай, так и гнева значительной части еврейской общины, которая могла их изгнать.

Некоторое время спустя власти обратили внимание, что число новообращенных в ислам евреев не увеличивается вопреки заверениям Саббатая. Ему прекратили выплачивать жалованье и отправили в Стамбул, где он прожил три года, то исполняя мусульманские нормы, то действуя по предписаниям иудаизма.

На непоследовательные действия Саббатая указал великий везир Фазыл Ахмед-паша Кёпрюлю, вернувшийся в 1669 г. из завоевательного похода на Крит. Агенты доложили ему, что новообращенный мусульманин распевал псалмы в компании нескольких евреев в Куру-Чешме, пригороде Стамбула. Это сообщение разгневало великого везира, тем более что на Саббатая ему пожаловались и евреи. Саббатай обязали переехать в окрестности Стамбула близ бухты Золотой Рог, жить уединенно и не провоцировать своих сторонников. Но его адепты последовали за ним и туда. Ненависть и противостояние между евреями – сторонниками и противниками Саббатая – не прекращались. Дело дошло до того, что последние собрали немалую сумму в 6000 пиастров и вручили великому везиру, умоляя его утихомирить Саббатая и отправить его подальше. Власти постарались удовлетворить их просьбы. Вместе с новой женой Йохевед (Сара умерла в Эдирне) и тестем Иосифом Пилософом, Саббатай отправили в Албанию, в Берат, где он ухитрился основать небольшую общину последователей, позднее расколовшуюся. Пять лет спустя, в день Йом-Кипура, в год 5436 от сотворения мира (30 сентября 1675 г.), Саббатай умер и был похоронен мусульманами на берегу реки, пересекавшей город. Он был далеко не первым лжемессией.

До начала XX в. следы семьи Цви еще сохранялись в Измире, по свидетельству одного из выходцев местной еврейской общины Абрахама Галанти, очень много сделавшего для воссоздания истории еврейских общин Стамбула и Анатолии османского периода. На старом кладбище Бахри-Баба, располагавшемся в районе Караташа, среди тысяч могил были захоронения Мордехая Цви, отца Саббатая, и Исаака Цви, по всей вероятности брата Мордехая. На обоих камнях были выбиты эпитафии сходного содержания. В годы Первой ми-

ровой войны некогда многочисленная еврейская община Измира сильно поредела. Многие уехали из Турции.

В записях за 1903 г. было еще одно упоминание о прошлом: «Вот уже около тридцати лет несколько евреев Измира по инициативе семейства Кардозо организуют ежегодные религиозные церемонии в память о Саббатае Цви». Позднее и семейство Кардозо покинуло Измир.

Определяя Спинозу как антипода Саббатая Цви, Генрих Грец был убежден, тем не менее, что оба они при всей несхожести судеб и условий существования «деятельно работали над уничтожением иудаизма». Обоим это не удалось. Сопоставляя жизненный путь этих столь разных людей, по воле судьбы оказавшихся современниками, Грец обращает внимание на то, что оба умерли в одиночестве, отверженные единоверцами.

Спиноза, как полагал историк, «вопреки своему желанию способствовал возвеличиванию того племени (т.е. своих соплеменников. – *И.Ф.*), которое хулил так несправедливо. Его колоссальная умственная сила, – продолжает он, – твердость характера всё более и более признаются за свойства, которыми он обязан крови...»

Что касается Саббатая Цви, то, несмотря на то что он не был лишен способностей и религиозной образованности, он обязан своим возвышением и своей ролью лжемессии скорее обстоятельствам, нежели какой-то особой одаренности. Он оказался в нужное время в нужном месте.

Примечания

¹ Грец Г. История евреев... Т. 10. С. 250–251.

² Грец Г. История евреев... Т. 11. С. 181, 227.

«КРОВАВЫЙ НАВЕТ». АНТИЕВРЕЙСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДАМАСКЕ И НА ОСТРОВЕ РОДОС. «ПРОЦЕСС КОЛОКОЛА» В ИЗМИРЕ

Инспирированный в 1840 г. судебный процесс в Дамаске вызвал необычайно широкий резонанс в мире. В той или иной мере в него были вовлечены правительства европейских держав и США. Его инициаторами были, прежде всего, греческие монахи, затем французский консул Рати Ментон, человек весьма сомнительной репутации, ренегат, перешедший из христианства в ислам, известный рядом афер и других неблагоприятных поступков. Его пособниками были столь же малопочтенные люди: Хана Бахари-бей, Мухаммед эль-Тели, шантажировавший ранее одного из богатых евреев Дамаска и угрожавший ему «кровавым наветом», если еврей от него не откупится; араб-христианин Шибли Аюб, уличенный в мошенничестве евреем и жаждавший свести с ним счеты.

Мухаммед Али, паша Египта, сумел выйти из-под власти османского султана Махмуда II и стал полновластным правителем не только Египта, но еще и Сирии, Палестины, Ливана и Киликии. Притязания египетского паши на независимость в собственных интересах поддержал король Франции Луи Филипп. Россия выступила на стороне султана в его борьбе с Мухаммедом Али, что касается Англии и Австрии, то они не сразу четко определили свою позицию в этом конфликте.

Еще недавно преследуемые духовные братства восточных христиан, пользуясь политической нестабильностью, активизировались.

В Дамаске жила довольно большая еврейская община, насчитывавшая около 20 000 человек. Застарелые межэтнические и межконфессиональные конфликты тлели столетиями, но в моменты политической нестабильности они разгорались и втягивали в себя огромные массы людей.

5 февраля 1840 г. исчезли настоятель одного из монастырей острова Сардиния патер Томазо и его слуга. Он занимался денежными операциями, знахарством, оспопрививанием и другими делами, а потому посещал не только христианские, но и мусульманские и еврейские кварталы. Стало известно, что за несколько дней до исчезновения Томазо крупно повздорил с турком-погонщиком мулов, который в ответ

на несдержанный, оскорбительный для мусульманина выпад поклялся убить гяура. При этой ссоре присутствовал турецкий купец, который также оказался готовым к незамедлительным действиям. Вскоре патер исчез. Монахи обратились за помощью к французскому консулу Рати Ментону, который в придачу ко всем своим «достоинствам» был еще и юдофобом. Ему сообщили, что незадолго до исчезновения Томазо и его слугу видели в еврейском квартале. Монахи тотчас же ухватились за версию причастности евреев к этому делу. Во-первых, в их среде традиционно был распространен фанатичный антисемитизм, который они отождествляли с христианским благочестием. Во-вторых, они понимали всю бесперспективность расследования версии ссоры патера с мусульманами в мусульманской стране. В-третьих, они могли теперь причислить новомученика, убиенного евреями, к лику святых. Рати Ментон также счел более удобной версию о причастности евреев, оставив без внимания и такой факт, что турецкий купец, свидетель и участник стычки Томазо с погонщиком, был найден повешенным.

Вали Дамаска Шериф-паша также примкнул к антиеврейской коалиции, поскольку нашлись свидетели, якобы видевшие, как патер со слугой входили в один из еврейских домов, откуда уже не вернулись. Никого не смутило, что свидетели не заслуживали доверия, что один из них был выпущен из тюрьмы, чтобы принять участие в «действе».

В связи с исчезновением Томазо и его слуги было сфабриковано традиционное обвинение в ритуальном убийстве, хотя до еврейской Пасхи было еще более двух месяцев, и никто из обвинителей не мог бы сказать, как возможно было тогда сохранить кровь жертв. Однако для христианской и мусульманской черни доводы и рациональные обоснования были вовсе не нужны, а нужен был повод к погромам.

Арестованных евреев привели на допрос к французскому консулу, а затем расследованием занялся Шериф-паша. Вали приказал подвергнуть одного из арестованных, цирюльника, жестоким пыткам, вынудив его, в конце концов, оболгать нескольких именитых и богатых единоверцев: Давида Арари с сыновьями и братьями, Моисея Абулафью, Моисея Салоники и 80-летнего старца Иосифа Ланиадо, которые были немедленно арестованы. На допросе они отвергли всякую причастность к исчезновению патера. Их начали избивать палками, но, опасаясь, что старики могут погибнуть до признания вины, дознаватели прибегли к другой пытке. Обвиня-

емых заставили 36 часов (по другим данным 50 часов) стоять под конвоем без пищи, питья и сна. Но и этот метод дознания не дал желаемых результатов. Тогда по приказу консула Рати Ментона арестованных начали бить розгами. После 25-го удара они потеряли сознание. Их привели в чувство и продолжили избивание. Арестованные молчали. Шериф-паша взял в заложники более 60 еврейских детей от трех до десяти лет. Детей заперли без пищи и воды, рассчитывая, что матери, доведенные до отчаяния их плачем и криками, дадут ложные, но необходимые истязателям показания. И все же несмотря на невыносимые муки матери не смогли подтвердить позорящие их соседей лживые измышления. Одна из женщин, не выдержав, приняла ислам вместе с дочерью. Взмешенный неудачей следствия, Шериф-паша грозил отрубить головы многим евреям, если не отыщется патер.

Убежденный в виновности арестованных, без всяких доказательств Шериф-паша с вооруженным отрядом отправился в еврейский квартал, где приказал разрушить дом Давида Арари, чтобы отыскать труп или же какие-либо следы преступления. Такой же участи подверглись дома других обвиняемых. Нашелся еще один свидетель – юноша-еврей, видевший, как незадолго до исчезновения патер вошел в лавку турецкого купца, и осмелился рассказать об этом паше. Но его показания не захотели расследовать. Мало того, Рати Ментон и его секретарь Боден приказали жестоко избить молодого человека. В ту же ночь он погиб.

Зато к расследованию Рати Ментон счел нужным привлечь слугу Давида Арари турка Мурада эль-Фалата. Турка жестоко избили, но он не смог ничего сказать против своего хозяина. Тогда за дело взялся уголовник Мухаммед эль-Тели. Угрозами жесточайших пыток и убийства он убедил слугу дать показания, что по приказанию своего хозяина Мурад убил Томазо в присутствии всех остальных обвиняемых. Цирюльника-еврея вынудили подтвердить сфабрикованное обвинение. Изувеченных пытками обвиняемых Рати Ментон отправил к набережной канала, куда якобы были выброшены кости и черепа убиенных.

Нашли обломок какой-то кости и лоскут. Христиане-врачи сочли кость человеческой, а в лоскуте признали обрывок шапки патера. Таким образом, добыли и вещественные доказательства. Семеро обвиняемых были вновь допрошены с применением пыток. От них требовали показать, где они спрятали бутылки с кровью убитого якобы для празднования Пей-

сах. От пыток престарелый Иосиф Ланиадо скончался, а Моисей Абулафья, чтобы спастись от новых истязаний, принял ислам. Остальные под пыткой показали все, что от них требовали. Люди совершенно отупели от мук и молили о смерти. Но их признания не устроили французского консула. Рати Ментон требовал вещественных доказательств, т.е. бутылок с кровью, а их-то обвиняемые при всем желании не могли предъявить, поскольку где можно взять то, чего нет? Новые пытки привели лишь к тому, что арестованные отказались от своих прежних показаний.

В начале марта к следствию были привлечены новые жертвы. Среди них богатый торговец Фархи, молодой Исаак Леви Пиччиото и Арон Стамбули. Еще раньше тюремному заключению и пыткам были подвергнуты трое дамасских раввинов: Яков Антери, Соломон и Азария Халфины.

Из всех, кого еще разыскивали по делу об убийстве пастера, удалось найти лишь двоих: Рафаила Фархи, пользовавшегося неприкосновенностью, так как он был консулом, и Пиччиото, племянника генерального консула в Алеппо. Его дядя был возведен в дворянское достоинство австрийским императором за особые заслуги. Полагаясь на свое австрийское подданство и экстерриториальность, Пиччиото остался в Дамаске, остальные сумели скрыться. Одного из них, Меира Фархи, все же обнаружили, арестовали и подвергли пытке.

К этому времени были найдены новые кости. Впоследствии эксперты доказали, что это были бараньи кости. Тем не менее Рати Ментон успел и их приобщить к делу в качестве улики, а монахи объявили их священными.

Пиччиото мог держаться свободнее других арестованных, поскольку находился под защитой австрийского консула, а тот не одобрял ни затеянного процесса, ни методов ведения следствия. Поэтому Пиччиото открыто обличал Рати Ментона в изуверстве. Подобный процесс мог иметь место при несомненном попустительстве европейских дипломатов. Первым среди них потерял терпение австрийский консул Мерлато. Он выступил с осуждением средневековых безумных методов дознания и фанатизма черни. За это он сам подвергся нападкам и угрозам взбешенных толп христиан и мусульман. А Рати Ментон не терял даром времени, добывая все новые «улики» и предъявляя новые обвинения. Он приказал перевести на арабский язык насквозь лживую юдофобскую книгу Лучио Ферайо, которую ему услужливо вручили монахи. Автор этого сочинения, ссылаясь на Талмуд, в котором он мало

что понял, утверждал, что евреи убивают христианских детей, оскверняют просфоры, а христианская кровь им якобы позволяет творить чудеса. Арабский перевод книги был передан Шерифу-паше для «просвещения» мусульманского населения. Многие турки, наблюдавшие способы следствия и дознания местных властей, покачивали головами, но безмолвствовали¹.

По окончании следственных процедур Рати Ментон пришел к заключению, что все арестованные и подвергнутые пыткам евреи виновны в убийстве патера Томазо. Оставшихся в живых после пыток людей приговорили обезглавить. За утверждением приговора Шериф-паша обратился к правителю Египта Мухаммеду Али.

Почти в то же время аналогичные обвинения были предъявлены евреям, жившим на острове Родос, который тогда тоже находился в составе Османской империи.

Все началось с того, что повесился 10-летний мальчик, сын греческого крестьянина. Христиане тотчас же заявили, что мальчика убили евреи. Европейские консулы потребовали от вали Юсуфа-паши начать строжайшее следствие по этому делу. Две гречанки дали показания, что мальчик шел следом за одним родосским евреем. Этого было достаточно. Тот, на кого они указали, был арестован, брошен в тюрьму, там подвергнут пыткам за отпирательство. Несчастного пытали горячими углями и тяжелыми камнями. Железной проволокой прокололи крылья носа. Все это происходило рядом с цивилизованной Европой и при попустительстве, если не прямом соучастии консулов Англии, Франции, Швеции. В истязаниях арестованного не принимал участия только австрийский консул. От обвиняемого добивались признания в том, что он убил ребенка с целью доставить его кровь главному раввину Стамбула².

Подобные процессы обычно затевались, чтобы уничтожить местные еврейские общины физически либо изгнать их. Как это ни покажется странным, гонения христиан на евреев усилились после торжественного провозглашения равенства всех османских подданных независимо от этнической и религиозной принадлежности в Гюльханейском хатти-шерифе 1839 г. Указ декларировал полную безопасность жизни, чести, имущества всех подданных, упорядочение способов распределения и взимания налогов; установление новых правил набора солдат в армию и сроков их службы (раньше служили только мусульмане, иноверцы платили налог). Конечно, от

равноправия на бумаге до полного равенства было еще очень далеко.

И вот вслед за указом султана разразились ожесточенные межэтнические и межконфессиональные конфликты.

Процесс в Дамаске подходил к концу. Антиеврейские процессы вызвали взрыв бесчинств фанатичной черни, на что и рассчитывали их инициаторы. В Джабаре, близ Дамаска, толпа разгромила синагогу, изорвала свитки Торы. В Бейруте погром был предотвращен лишь благодаря вмешательству голландского консула Лаурилы и прусского дипломата Зазона.

Религиозный фанатизм, традиционная юдофобия огромных масс людей, а также постоянный раздрай в Европе, противоборство политических интересов и целей – все это затрудняло оказание какой-либо действенной помощи жертвам.

Во французских газетах был опубликован отчет о дамасском деле. В нем содержались набор обычных клеветнических измышлений против евреев и хвала сыскным способностям Рати Ментона. Воскресавшаяся иррациональная ненависть грозила захлестнуть и европейских евреев.

Многие это поняли. Нашлись в Европе мужественные и умные евреи, решившиеся встать на пути бурлившего ненавистью потока. Одним из них был Адольф Кремье, одаренный оратор, известный адвокат, занимавший должность вице-президента центральной консистории. Он направил в правительство запрос о том, насколько точны полученные по дамасскому делу сведения. Один из министров ему ответил, что никаких известий он якобы не получал, что мало соответствовало истине. Кремье начал сопоставлять дошедшие до него факты и пытался распутать хитросплетения «блюстителей местной Фемиды».

И французские, и английские евреи включились в борьбу за освобождение своих единоверцев на Востоке. В их числе были Ротшильды и Моисей Монтефиоре. 21 апреля собрание представителей еврейских общин составило обращение к правительствам Англии, Франции, Австрии с ходатайством о прекращении произвола в Дамаске. 1 мая Кремье получил аудиенцию у Луи Филиппа, а депутация английских евреев была принята лордом Пальмерстоном.

Луи Филипп сослался на незнание всех обстоятельств дела, но все же в Дамаск послали вице-консула с заданием разобраться в деле и составить отчет. Для Рати Ментона не составило большого труда обвести его вокруг пальца.

Лорд Пальмерстон принял действенное участие в дамаском деле. Рассмотрев представленные ему материалы абсурдных судебных процессов в Дамаске и на Родосе, он дал английскому послу в Стамбуле и консулу в Александрии широкие полномочия для защиты жертв произвола местных властей. Содействие евреям, приговоренным к казни, начал оказывать и австрийский кабинет. Отчет австрийского консула Мерлато о бесчинствах в Дамаске попал к Меттерниху и в ряд газет, что возымело действие и повлияло на позицию некоторых европейских политиков. Меттерних дал указание своим агентам в Египте и Сирии помочь евреям. Большую роль в переломе хода дела сыграли Ротшильды.

В итоге удалось добиться в Стамбуле пересмотра судебных решений, вынесенных и на острове Родос. Несмотря на преграды и всякого рода запреты представители еврейской общины острова сумели пробраться в Стамбул, куда в это же время прибыл Натаниэль Ротшильд. В результате ходатайства султан Абдул Меджид I ферманом от 27 июля 1840 г. распорядился отправить с Родоса в столицу трех примасов от греческого населения в качестве стороны обвинения и столько же представителей еврейской общины в качестве стороны защиты. Судебная коллегия под председательством Ризата-бея расследовала представленные доказательства. Евреи, огульно обвинявшиеся в ритуальном убийстве греческого мальчика, были оправданы. Юсуф-паша лишился должности. Арестованные и подвергнутые пыткам люди получили право требовать возмещения за причиненный им физический и моральный ущерб от лиц, инициировавших процесс, в том числе от некоторых европейских консулов. С начала мая до конца июля родосское дело было закончено⁴.

Что касается дамасского процесса, то Мухаммед Али всячески затягивал его пересмотр вопреки обещанию, которое он дал австрийскому генеральному консулу Лаурину. Французский генеральный консул Кашле также оказывал давление на пашу, но в другом направлении. При этом австрийский консул, следуя указаниям Меттерниха, пытался открыть ему глаза на интриги французов. Лаурин убедил евреев Александрии направить Мухаммеду Али послание с разъяснением сути дела. В нем говорилось:

«Иудейская религия существует тысячелетия. За все это время ни в одной из наших священных книг не было и нет ни одного слова, которое могло бы послужить поводом к столь бесчеловечным деяниям и столь же бесчеловечным

наветам. Позор тем, кто верит в подобную клевету. Евреи питают отвращение к крови. Их нормы на этот счет доведены до крайности...

В Дамаске в ходу такие ужасные пытки, каких нет во всем мире. Примеры сознания евреев, невиновность которых была впоследствии доказана, общеизвестны. Большое число еврейских младенцев было уморено голодом и погибло в темнице. Вот какое правосудие применяется к нашему народу в Дамаске. Мы не просим о сострадании к нашим единоверцам, мы взываем к справедливости, свойственной Вашему Высочеству».

Мухаммед Али находился в весьма сложном положении и вовсе не хотел ссоры с Австрией. В конфликте с султаном он нуждался в поддержке столь влиятельной тогда европейской державы, а потому ходатайство Меттерниха все же возымело действие⁵. Мухаммед Али учредил особую комиссию из консулов Англии, Австрии, России и Пруссии для нового расследования дамасского дела – на этот раз в соответствии с европейским судопроизводством, значительно отличавшимся от мусульманского.

Уголовное мусульманское право до его модернизации во второй половине XIX в. и даже позднее носило следы остаточных норм патриархального традиционного права. Шариат узаконил кровную месть. Учение о преступлении не было столь разработано и развито, как в европейских кодексах, в основе которых были нормы римского права.

Выкуп за убийство по мусульманскому праву (если ближайшие наследники убитого согласны простить убийцу за денежный выкуп), подлежащий уплате в течение трех лет, взыскивался не только с имущества убийцы, но и с имущества кровных и единокровных его родственников и даже с его товарищей по корпорации. Если убийца неизвестен, то жители деревни, квартала или дома, равно как и владелец земли, где был найден труп, отвечали за убийство. Вот почему Рати Ментон и его подручные всеми мыслимыми и немыслимыми способами пытались найти хоть что-нибудь в еврейском квартале, что было бы можно выдать за останки патера.

Консулы отправили в Дамаск представителей для беспристрастного допроса свидетелей на месте. Шериф-паша получил предписание прекратить пытки заключенных и всякое преследование евреев. Для предотвращения бесчинств разнузданных толп христианского населения в Дамаск было

прислано 800 солдат. Четыре вышеназванных консула, назначенных верховными судьями, обратились в Вену с ходатайством об откомандировании в Дамаск четырех немецких судей – знатоков европейского уголовного судопроизводства для повторного расследования столь запутанного местными властями дела.

А тем временем разворачивалась скрываемая от посторонних глаз политическая борьба французского короля Луи Филиппа с небезызвестным Тьером, занимавшим пост премьер-министра. Тьер, стремившийся обеспечить себе большинство в парламенте, должен был заигрывать с довольно влиятельной в палате пэров клерикальной партией. Строгое расследование происшедшего в Дамаске и обнародование происков Рати Ментона вредило не только клерикалам, но и репутации премьера. И без того для Франции стало позором, что именно ее консул был отстранен от нового расследования. К тому же у Тьера были не самые лучшие отношения с Натаниэлем Ротшильдом, активно вмешавшимся в дамасское дело. Да и не был французский премьер хоть сколько-нибудь озабочен зверствами, которым подвергали евреев в Дамаске, как и тем, что позорное обвинение обрекало тысячи евреев всего мира на новые преследования. Французский генеральный консул в Александрии Кашле получил от Тьера инструкцию всячески препятствовать возобновлению расследования. Интриги Тьера возымели действие, и ход дела был приостановлен. Однако и французские евреи сумели консолидироваться и в жесткой форме предъявили Тьеру запрос, в котором говорилось: «...Консул Франции допустил применение пыток, и это в то время, когда французский народ показал пример не только равенства людей перед законом, но и равноправия религий... Мало того, он сам прибегнул к пыткам и поддержал палачей паши»⁶.

Тьеру пришлось защищаться и оправдываться. Хотя его увертки были не слишком убедительны, но, тем не менее, палата депутатов не поддержала призыва к выражению недоверия премьеру. Тьер говорил о чрезмерном влиянии евреев в Европе. Клерикальные партии Франции, Италии, Бельгии были едины в попытках приостановить разоблачение дамасского процесса. В Италии ни одна статья об истинной роли Рати Ментона не была допущена к публикации. Но во многих странах даже от крещеных евреев требовали свидетельства того, что евреи, державшиеся веры отцов, не причастны к преступлению, в котором их обвиняли. Некоторые из них про-

изнесли клятву на распятии о ложности всех подобных обвинений. Но были и такие, которые сочли нужным промолчать из своекорыстных побуждений.

Защищать своих единоверцев в Дамаске английские евреи поручили Кремье и Монтефиоре. Комитет из наиболее авторитетных людей объявил премию в 1000 фунтов стерлингов тому, кто найдет истинных убийц Томазо и его слуги.

В отличие от французского парламента нижняя палата парламента Англии поддержала действия в защиту евреев Дамаска. В выступлениях членов парламента говорилось, что «единственным мотивом ужасающих жестокостей является вымогательство денег»⁷.

Джеймс Ротшильд пожертвовал значительные суммы в пользу ограбленных и нищих евреев Дамаска, а также тех, кто тратился на расследование. Перед отъездом на Восток Монтефиоре был принят королевой Викторией, предоставившей ему место на казенном пароходе.

Были примеры и людской низости. Некий доктор Филиберт обратился к парижскому дому Ротшильдов с таким предложением: если ему дадут определенную сумму денег, он будет размещать в европейских газетах статьи в поддержку дамасских евреев; в противном случае он распространит сведения, очерняющие их. Такой циничный шантаж был отвергнут. Но упомянутый субъект и ему подобные действительно залили страницы ряда газет потоками клеветнической грязи.

Против истязаний евреев Дамаска высказались российский император и представитель правительства США. Политический пасьянс тем временем сложился так, что Англия, Россия, Австрия и Пруссия пришли к соглашению вернуть Египет и Сирию под власть султана. Эта договоренность совпала по времени с прибытием в Каир Кремье и Монтефиоре. На аудиенции у Мухаммеда Али прибывшие получили уклончивый ответ, хотя прием был радушным. Паша затягивал дело, колеблясь и не зная, на какую или на какие из держав сделать ставку. Ему не хотелось ссориться ни с Англией, ни с Австрией, ни с Тьером, который не хотел провала своего консула. Колебания Мухаммеда Али продолжались три недели. Кремье предложил желавшим поддержать его европейским консулам подать коллективное требование освободить из заключения оставшихся в живых дамасских узников.

Мухаммед Али узнал о готовящемся дипломатическом демарше девяти консулов и счел более приемлемым для себя опередить его. 28 августа он отправил в Дамаск приказ о

немедленном освобождении всех узников. Однако в бочке меда оказалась ложка дегтя. Копия приказа на турецком языке содержала фразу о том, что Монтефиоре и Кремье просили о помиловании евреев, что означало бы подтверждение их виновности. Кремье немедленно отправился к паше. Он разъяснил ему, что «помилование» кладет пятно на репутацию обвиняемых и вообще всех евреев, а также оправдывает Рати Ментона и палачей-монахов. Мухаммед Али согласился заменить это слово на другие, означавшие «свободу и спокойствие».

Получив ферман, Шериф-паша 6 сентября был вынужден освободить узников без ведома Рати Ментона, ибо гнева Мухаммеда Али он опасался много больше. Семеро заключенных были так изувечены, что остались инвалидами. Четверо погибли от пыток. Перед тюрьмой собрались не только евреи, но и множество турок. Все они сопровождали освобожденных к синагоге, где евреи благодарили Господа за обретенную свободу и жизнь.

Шестеро бежавших от расправы евреев смогли вернуться в свои дома. В ходе столь неожиданного поворота дела выяснилось, что не все именитые мусульмане города были солидарны с монахами и Рати Ментоном. Но кого до глубины души обрадовала весть об оправдании дамасских евреев, так это еврейские общины Европы и Азии. Вскоре после военного поражения, нанесенного войсками европейской коалиции, Мухаммед Али был вынужден возвратить султану Сирию и Крит. Ему пришлось подчиниться многим условиям Порты: платить ежегодную дань султану, отказаться от строительства военных кораблей без особого разрешения, а также от прежней возможности жаловать чин генерала в своих частях. Он обязан был выполнять постановления и предписания Порты, но должность свою мог передать по наследству.

Тьер потерял должность премьера. Шериф-паша еще до прихода турецких войск в Дамаск был доставлен в Каир, где его обезглавили, как утверждалось, за измену.

Постоянно соперничавшие и враждовавшие между собой христианские иерархи: армянский и сирийский епископы, а также наместник греческого патриарха, объединившиеся было против евреев, теперь чувствовали себя униженными и жаловались своим духовным начальникам на грубые оскорбления и дурное поведение евреев. Но поезд ушел, и ветер подул в другую сторону.

Моисей Монтефиоре отправил в Лондон два документа на иврите. Один – главному раввину Соломону Хершелю, а

другой – в бет-дин этого города. Документы опровергали клевету, на основании которой были инициированы антиеврейские процессы. Оба документа перевели на турецкий язык, и Монтефиоре, прибывший в Стамбул, на аудиенции вручил их султану Абдул Меджиду I. 6 ноября 1840 г. был обнародован ферман, который должен был защитить османских евреев от клеветы и преследований. Но, как будет видно дальше, не защитил. В нем говорилось: «Долгое время существовал предрассудок, будто евреи приносят человеческие жертвы и будто им нужна кровь для празднования Пасхи. Вследствие такого “кровавого навета” дамасских и родосских евреев подвергли пыткам. Лживость предъявленных им обвинений была доказана. Религиозные книги евреев расследовались беспристрастными и сведущими людьми. Экспертиза показала, что евреям строжайше запрещено употребление даже крови животных, тем более человеческой. Мы не можем допустить, чтобы впредь евреев пытали и преследовали. Согласно Гюльханейскому хатти-шерифу 1839 г., они пользуются всеми правами, как и другие народы, Османской империи».

Дамасская трагедия сплотила прежде слабо связанные общины евреев Европы и Востока. Последние увидели воочию, как преуспели их европейские единоверцы благодаря своей образованности, каким влиянием в европейских странах они пользуются, тогда как в восточных обществах евреи вынуждены унижаться перед каждым. Упадок еврейских общин Востока неизбежно был связан с упадком османского государства и всех мусульманских стран, где они находились. Кремье задумал изменить положение еврейских общин хотя бы в Александрии и Каире. Он напомнил им о былом их блеске и богатстве и теперешнем упадке. Он говорил о необходимости открыть современные школы, где еврейские дети могли бы постигать не только основы иудаизма и еврейскую письменность, но и получить современное образование во всех областях знания. Общины Александрии были очень бедны. 12 семей имели достаток, а 200 жили в полной нищете. По инициативе местного раввина и при поддержке нескольких местных и европейских богатых людей 4 октября 1854 г. были открыты две школы. Позднее такие школы появились в других городах османского государства. Но клеветнические нападки на евреев в разных странах Европы и Азии продолжались и в XIX, и в XX столетии.

Спустя несколько десятилетий разыгрались страсти, связанные с делом Дрейфуса, о котором турки достаточно были

информированы. В Измире в XIX и в начале XX в. вспыхивали беспорядки вследствие «кровавого навета». Но теперь случилось и так, что судебный процесс возбуждался не против евреев, как раньше, а против инициаторов клеветы и беспорядков. Такие конфликты имели в основе глубинные межконфессиональные, межэтнические культурные и социальные различия. Вплоть до войны за независимость и кемалистской революции 1918–1923 гг. в Измире проживало многочисленное греческое население. По Лозаннскому мирному договору 1923 г. произошел обмен населением между воевавшими Грецией и Турцией, и греки были высланы со всех территорий Турции, за исключением Стамбула.

Греки много столетий воспринимали турок как захватчиков своих земель. После падения Византии, последним оплотом которой был Константинополь, они вынуждены были принять власть турок, но все это время мечтали от них избавиться.

Евреям турки оказали гостеприимство, приняв на своей территории тысячи изгнанников из Европы, многие из которых осели на Балканах, в Стамбуле, Измире. Они помнили об этом и о том, что в Турции не было таких масштабных еврейских погромов, как в Восточной и Западной Европе. Турки и евреи много веков мирно сосуществовали, чего нельзя сказать об отношениях и первых и вторых с другими этносами Османской империи. Вот почему неоднократные попытки греков втянуть евреев в свои разборки с турками оставались безрезультатными.

Испытывая традиционный религиозный антисемитизм, греки несколько веков соперничали с евреями в торговой и других сферах деловой активности.

Впервые обвинение в ритуальном убийстве в Измире имело место в 1774 г. Вскоре ребенок, объявленный убитым, нашелся живым. Но тогда никто из клеветников и провокаторов не понес наказания.

Во второй половине XIX и в начале XX в. вопреки ферманам султанов Абдул Меджида I и Абдул Азиза, запрещавшим подобные кликушеские действия*, разразилась эпидемия клеветы и ненависти, инспирированная греками. В апреле 1864 г. пропал ребенок, и греки заявили, будто его похитили евреи. Вскоре выяснилось, что мальчик играл во дворе своего

* Тексты ферманов опубликованы в книге: Galanti A. Türkler ve Yahudiler. S. 28–30.

дома, упал в колодец, где и погиб. После этого случая патриарх Иоаким III из Стамбула отправил письмо измирскому митрополиту с призывом пресекать фанатизм невежественных толп, оказывающих плохую услугу православию.

Турки нередко предотвращали попытки греков устроить погромы и кровопролитие. При этом изуверы и фанатики из числа христиан шли на немыслимые преступления.

23 июня 1874 г. одна мальтийка, проживавшая в пригороде Измира, обвинила евреев города в похищении своего ребенка. Обыск, устроенный властями в ее доме, обнаружил ребенка запертым в сундуке матерью. Женщина была отправлена в тюрьму при английском посольстве в Стамбуле, поскольку имела британское подданство.

В 1890 г. два грека пришли в дом раввина Абрахама Паласси и попросили его выйти для делового разговора. Сын раввина Ниссим ответил, что отец не может к ним выйти и они могут сообщить ему о своем деле. Греки объясняли, что дело сугубо секретное, но Ниссим был непреклонен. Тогда они предложили ему за большие деньги привести главному раввину города ребенка-грека для ритуальной надобности. Ниссим попросил их подождать, пока он договорится с отцом о цене за ребенка, а сам отправился в полицию. Греки были арестованы за провокацию и попытку создать повод для «кровавого навета»⁹.

В османских газетах широко освещался так называемый «процесс колокола», связанный с исчезновением 17-летнего юноши Анести. Греки подняли бунт. Тогда бывший вали Измира, а в это время великий везир Кямиль-паша, хорошо знавший ситуацию в городе, вызвал гарнизон из Манисы и приказал утихомирить греков. В результате предпринятого расследования 49 человек были привлечены к суду за подстрекательство и призывы к беспорядкам. Молодой человек, объявленный жертвой ритуального убийства, через несколько дней вернулся в город. Вот несколько отрывков из отчета, составленного совместно начальниками жандармерии и полиции для вали Измира:

«При известии об исчезновении Анести разразился бунт. Митрополит Измира сказал матери пропавшего мальчика: «Если евреи и вправду забрали вашего сына, тем лучше для него. Он станет ангелом». Такое утешение еще больше распалило страсти. Шум был поднят несколькими подстрекателями. Несмотря на увещевания, с которыми мы обращались и к митрополиту, и к членам еврейской общины, и к разъя-

ренной толпе, собиравшейся под удары колокола возле церкви Св. Фотина, – всё было напрасно. Взбешенные греки уже начали преследовать евреев-торговцев и разносчиков. Митрополит, окруженный толпой, продвигался к дому вали. Один из подстрекателей, высунувшись из окна резиденции митрополита, кричал толпе: “Чада! Разве все мы не едины в нашем гневе?” Голоса из толпы согласно отвечали: “Да”. Когда отрядам солдат и жандармов уже был отдан приказ разогнать толпу в случае агрессии и беспорядков, объявился Анести. Увидев мальчика, люди успокоились и начали кричать: “Да здравствует султан!”»¹⁰

Эти документы были зачитаны на судебном заседании. Затем суд приступил к допросу обвиняемых, свидетелей и мальчика. Было объявлено, что суд имеет целью не только наказание виновных, но и предотвращение таких беспорядков в будущем. Из 49 обвиняемых один был оправдан единогласно, 36 человек оправданы большинством голосов и 12 приговорены к тюремному заключению сроком семь с половиной месяцев.

Процесс стал известен как «процесс колокола», в который били подстрекатели. Все адвокаты, а среди них были люди разных национальностей, сошлись на том, что «кровавый навет» – большое зло, хотя и пытались защищать обвиняемых каждый по-своему. Процесс широко освещался в турецких и греческих газетах, в последних, за очень небольшим исключением, факты преднамеренно искажались. Турецкая пресса была более объективна. Приводимые здесь без каких-либо изменений и комментариев отрывки из речей адвокатов были опубликованы в турецкой газете «Хидмет» («Служба») № 1748 от 30 июня 1901 г.

Турок Невзат, защищая обвиняемых, объяснил происхождение «кровавого навета» и действия, провоцируемые древним предрассудком, следующим образом:

«Пропал мальчик. Собралась возмущенная толпа, в которой распространяются слухи о похищении его евреями в религиозных целях. Этот страшный предрассудок не миновал и просвещенные классы, но особенно поражает слабые умы и в новом XX столетии.

Как мне представляется, абсурдно то, что такой предрассудок противоречит духу Моисеева закона, т.е. духу человечности. Остановливаясь на этом, я вовсе не пытался бросить камень в христиан, моих соотечественников, как и в христиан вообще. Я имею в виду именно тех из них, а также и тех

мусульман, которые приписывают иудейской религии столь позорный продукт собственного невежества.

Прежде всего, происхождение “кровавого навета” очень древнее. Когда в давние времена в Австрии в озере утонули трое детей, то после тщетных розысков обвинили евреев. 300 несчастных были приговорены к сожжению заживо. А весной, когда озеро освободилось ото льда, в нем нашли трупы утонувших детей. Из таких историй можно составить много томов.

В Турции пять столетий назад, во времена султана Сулеймана, также имел место подобный случай. В Амасье исчез христианин. Видели, как он входил в дом еврея. В соответствии с нравами эпохи обвинили евреев и подвергли их пыткам. Не выдержав истязаний, несчастные сознались в преступлении, которого не совершали. Несколько человек были приговорены к смерти. Позднее христианин объявился в городе. Этот случай стал уроком для османских властей, которые с тех пор старались избегать подобных обвинений.

Но каково же происхождение “кровавого навета”, который столько веков будоражит всех? Следует, к сожалению, признать, что в Европе находится немало людей, которые прилагают большие усилия, чтобы придать правдоподобную форму этой колоссальной лжи, сотканной из вымысла и легенд. Цивилизованный мир, однако, признал, какой ущерб наносят всему человечеству такие лица, и какую выгоду они извлекают из невежества масс, а также от “деятельности” антисемитских организаций.

Возникает вопрос: если ритуальное убийство не что иное, как навет, то как он сформировался?

Всем известно, что Библия и другие религиозные книги евреев свидетельствуют о строжайшем запрете употребления крови со времен Моисея. И народ его соблюдает. Даже слугам-идолопоклонникам евреи запрещали употребление пищи, содержащей кровь.

Почему же столь чудовищная клевета обрушилась на ту нацию, которая, без всякого сомнения, цивилизована и успешно продвигается по пути прогресса?

История помогает ответить на этот вопрос. Издавна различные народы возводили друг на друга самую дикую и постыдную клевету. Задолго до того, как евреев стали обвинять в ритуальных убийствах, подобные преступления приписывали христианам. В эпоху Нерона сотни христиан преследовались и уничтожались по самым вздорным обвине-

ниям, в том числе и в использовании крови единоверцев в церковных службах.

А если вспомнить о восстании “боксеров” в Китае, то разве оно не опиралось на идею, будто европейцы употребляют человеческую кровь в религиозных церемониях?

Когда мы видим, что в наш просвещенный век Европа готова верить столь отвратительной клевете, то чего стоит цивилизация? Не более, чем слово на бумаге.

Возможно, что “кровавый навет” как-то связан с тем, что во время Пасхи евреи употребляют красное вино. Их тайные церемонии привлекают любопытных иноверцев. Они же нередко провоцировали религиозные конфликты и изгнание евреев в столетия средневековья.

Религиозные преследования и фанатичная нетерпимость европейцев сплотили евреев, вынужденных противостоять многочисленным врагам и невзгодам. Результатом противостояния стала, с одной стороны, изоляция еврейских общин, с другой – подобная ситуация дала импульс к развитию их способностей к коммерции и финансам. Ведь кроме этих, дозволенных евреям видов деятельности, остальные профессии для них были закрыты. Как же европейцы отреагировали на развитие и обогащение притесняемого и угнетенного ими народа? Снедаемые злобой и завистью, они возбуждали ненависть своей черни к евреям, обвиняя их во всех смертных грехах: бандитизме, воровстве, отравлении колодцев, убийстве христианских детей в ритуальных целях и в тысяче других мифических преступлений. Кое-что из таких пережитков средневековья сохранилось до наших дней.

А что удивительного в том, что столь способный и сплоченный народ добивается успеха там, где другие этносы не умеют и не желают заниматься той же коммерцией и финансовыми операциями? Таким образом, очевидно, что успех евреев вызывает к ним зависть, враждебность, [рождает] миф о ритуальном убийстве и т.д. Именно клевета стала причиной многих зол для евреев, в том числе дела Дрейфуса».

После него слово взял адвокат Христати Хамудопуло, грек: «В период правления Его Величества султана, не допуская никаких различий в отношениях между своими подданными, мы жили в гармонии и согласии со всем миром. Но вот вследствие невежества некоторых людей произошло событие, разрушившее столь счастливое согласие. И теперь в этом обвиняют всю нацию, к которой принадлежат 49 обвиняемых и я тоже.

Странно видеть, как в наш просвещенный век несколько невежественных греков Измира обвинили евреев в использовании христианской крови в ритуальных целях и тем самым хотели посеять семена раздора между греками и евреями, этими двумя великими народами, давшими столь многое человечеству и цивилизации.

Считаю своим долгом, господин Председатель, сказать насколько слов об этой презренной клевете, которая запятнала и обвинителей, и обвиняемых, но одновременно дала повод возвысить их честь и искупить прошлое этих двух народов. Ни в священных книгах, ни в сочинениях по всеобщей истории, ни в преданиях греческой и армянской церковей нет каких-либо фактов насчет ритуальной крови, и ничего такого не приписывается евреям. Но тогда почему подобная идея запечатлелась в массовом сознании?

Ряд историков, таких как Барониус, Паси, Годескар, Рикор и др., в своих сочинениях приводят перечень преступлений, которые они прямо и без каких-либо доказательств приписывают евреям. В разные эпохи в различных городах Европы исчезали дети. Все эти случаи вменяли в вину евреям. Позднее, как правило, выяснялось, что нередко к их исчезновению были причастны церковные служители. Они не были гуманнее того общества, в котором жили. В церкви Св. Мишеля де Колонь хранятся орудия пытки, которыми истязали святую Иоанну (Жанну д'Арк. – *И.Ф.*)».

Далее адвокат упоминает о деле Томазо в Дамаске. И продолжает: «Мы уверены, что благодаря усилиям Его Величества султана, благодаря образованию, которое с каждым днем распространяется среди нас, клевета будет сведена на нет. Будет разрушено здание мифа, пришедшего к нам с Запада».

Адвокат Назарет, армянин, сказал следующее:

«Те, кто прочел сочинение “Евреи и христианская кровь”, не могут не признать, что это древнее суеверие, много столетий бытующее в странах Востока и Запада, отнюдь не является продуктом невежества и фанатизма. Такое суеверие привнесено в массовое сознание неистовым прозелитизмом одного бывшего раввина, автора этой книги, содержащей массу вымысла и клеветы, в том числе навет о кровавом ритуале.

Приходится сделать вывод, что этот обращенный раввин сочинил книгу, заполненную ложью, чтобы отомстить за что-то евреям, с одной стороны, и чтобы угодить христианам – с

другой. А простые, легковверные люди приняли ее за чистую монету, используя в качестве доказательства истинности мифа о ритуальном убийстве. Если принять во внимание взаимную ненависть и взаимные обвинения этих двух славных народов, евреев и христиан, не стоит удивляться существованию легенды о подобном ритуале.

Суеверия, во власти которых пребывает народ (имеет в виду христиан, а конкретно греков. – *И.Ф.*), имеют обратной стороной великую его набожность. Однако невежество – мать всех пороков, сбивает его с истинного пути.

Надо заметить, что суеверия свойственны всем народам, и никто до сих пор не сумел их избежать. А потому как же можно приговорить к наказанию суеверную мать Анасти, обезумевшую от горя, когда исчез ее дорогой сын? Эта женщина в смятенном состоянии души рыдала, кричала, звала на помощь. Вздурораженная и столь же суеверная толпа лишь увеличивала ее отчаяние. Конечно, именно суеверие побуждало толпу, которую 49 обвиняемых собрали ударами колокола, к бунту и беспорядкам. Эти люди, господин Председатель, не заслуживают наказания. Их не следует отправлять в тюрьму, скорее их нужно отправить в школу.

Преподаватели, писатели, журналисты, священнослужители – все вместе должны воспитывать и просвещать народ. Вместо мифов говорить им об истинных фактах. Это некогда столь трудное дело сегодня вполне им по силам...»¹¹

Но и этот громкий процесс был очень быстро забыт.

В апреле 1912 г. греческий мальчик 10–12 лет Христос Иоаннидис поздно вернулся домой. Чтобы оправдаться, он сказал, что евреи пытались его схватить, но он закричал, позвал на помощь, и его спасли двое критян. Отец мальчика не придавал значения его рассказу. Мать же из квартала Апано побежала в еврейский квартал с криками и угрозами. Ее избили, доставили в полицию, где уже был допрошен ее сын. Мальчик признался, что солгал родителям, боясь наказания.

Конфликты из-за «кровавого навета» в Турции прекратились после высылки греков в 1923 г.

Примечания

¹ Archives Israélites. P., 1840. P. 70–78.

² Idem. P. 87.

³ Idem. P. 248.

⁴ Galanti A. Türkler ve Yahudiler. Tarihî, siyasî, tetkik. İstanbul, 1947. S. 27–28.

⁵ Journal des Debats. P., 1840, 27 avril.

⁶ Грец Г. История евреев... Т. 12. С. 446.

⁷ Там же. С. 449–450.

⁸ Archives Israélites, 1840. P. 661.

⁹ Galanté A. Histoire des Juifs d'Anatolie. P. 185–188.

¹⁰ Idem. H. 188–189.

¹¹ Hidmet, 30.06.1901, № 1748.

ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ ИЗМИРА

На территории Малой Азии евреи оказались еще в глубокой древности. Известно, что Александр Македонский переселил часть евреев Палестины в Смирну, крупнейший малоазиатский город древнего мира. Раньше еврейские общины Малой Азии были очень небольшими.

В Измире (бывшая Смирна) после турецких завоеваний община постепенно разрасталась*. Однако ее численность в разные периоды истории сильно колебалась, что видно из небольшой таблицы¹:

1631 г. – 7000	1857 г. – 20 000
1675 г. – 15 000	1861 г. – 14 000
1702 г. – 1800	1868 г. – 40 000
1731 г. – 7000	1873 г. – 15 000
1739 г. – 6000	1886 г. – 20 000
1779 г. – 10 000	1892 г. – 25 000
1812 г. – 5000	1904 г. – 35 000
1836 г. – 15 000	1927 г. – 16 501
1837 г. – 8000	

В средние века резкое снижение численности населения нередко происходило вследствие эпидемий, опустошавших города. Известно, что в 1812 г. чума унесла жизни нескольких тысяч человек. Страшная эпидемия разразилась и в 1865 г. В XIX в. эпидемии чумы, холеры, дифтерии, тифа и других болезней были бичом прежде всего крупных городов.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. тысячи болгарских евреев бежали в Эдирне, Измир и Стамбул. Позднее еврейские общины этих городов пополнились за счет эмигрантов из Румынии, Греции и России.

Занятия еврейского населения были самыми различными: они были торговцами, менялами, кузнецами, часовщиками, ювелирами, булочниками, изготовителями печатей, врачами, стекольщиками, музыкантами, певцами, портными, сапожниками.

В XVI–XVII вв. в Измире обосновываются французские, голландские, рагузские, венецианские, а позднее английские торговцы. Они не знали ни языка, ни местных обычаев. В качестве посредников они брали на службу евреев, иудео-ис-

* В 1620 г. в Измире было шесть синагог.

панское наречие которых имело латинскую основу и позволяло им объясняться и с французами, и с венецианцами и др.

Один голландец, посетивший Измир в 1675 г., сообщал, что большинство европейцев, живших в этом городе, были голландцами, а их дела вели евреи.

Миссионер ордена капуцинов Мишель Февр, пробывший в Турции 18 лет, в 1682 г. опубликовал книгу «Театр Турции», где он писал об османских этносах и евреях в частности: «Евреи обитают в большинстве городов султана, в таких центрах торговли, как Измир, Алеппо, Каир, Фессалоники и др. Их обычные занятия – банковское дело, обмен денег, их фальсификация, украшение шелка золотой нитью, мошенничество, служба на таможне, посредничество. Среди них есть аптекари, врачи, переводчики»².

В книге «Французское посольство на Востоке при Людовике XV – миссия маркиза де Вильнев. 1728–1741» Альбер Вандаль обратил внимание на значение евреев в левантской торговле: «Ордонанс французского правительства от 4 февраля 1727 г. определял условия, которые надлежало выполнять подданным Востока, чтобы получить протекцию Франции. Такие привилегии предоставлялись евреям, чтобы привлечь на свою сторону этих посредников и вдохновителей всякой коммерции Леванта и употребить в свою пользу их способности. Наше правительство вовне поддерживает тех, кого преследует у себя дома. В то время, когда евреи королевства лишены всех прав и находятся под подозрением настолько, что изгоняются из своего отечества, формальные распоряжения позволяют оказывать покровительство евреям Востока, даже разрешают им участвовать в публичных церемониях, правда, при условии, что они будут следовать позади и в отдалении от развернутого знамени Франции»³. Автор не упустил возможности отметить лицемерие и двуличие собственных властей.

Посетивший Измир в XVIII в. европейский путешественник писал: «Евреи заняты мелкой торговлей, посредничеством, комиссионным делом. Они обладают признанной безукоризненной честностью, очень активны и берутся за наиболее трудные дела».

Всякая коммерческая операция должна была быть письменно зафиксирована. В случае если должник не умел писать, сделка оформлялась все равно письменно с участием двух свидетелей, которые ее удостоверяли следующим образом: «Мы, такие-то, имярек, уполномочены от имени тако-

го-то удостоверить его участие...»⁴ Такие документы датируются началом XVII в., частности 1635 г. (5395 г. от сотворения мира).

В 1670 г. в Измире имел место конфликт на деловой почве. Между еврейскими банкирами во главе с Нисим Амато и армянскими банкирами во главе с Гаспаром возник спор по поводу обменных операций с итальянским городом Ливорно. Обе стороны обратились к муфтию (знаток мусульманских обычаев и права), и он принял сторону евреев, сказав, что претензии Гаспара не обоснованы, поскольку в данном случае негоцианты Измира представляют негоциантов Ливорно, а потому их интересы тождественны интересам последних. Чтобы утвердить суждение муфтия, евреи отправили своих представителей в Эдирне (Адрианополь), где тогда находился султанский двор.

Тогда же Гаспар затеял судебный процесс против еврейских банкиров, пытаясь доказать с помощью лжесвидетелей, что они являются компаньонами ливорнских банкиров, а не их представителями в Измире. Конфликт в конце концов был улажен с большим трудом⁵.

Внутренние, а иногда и внешние, дела общины решал религиозный еврейский совет бет-дин, состоявший из ежегодно избираемых членов. Совет распределял налоги, контролировал повседневные дела общины. В 1670 г. в совете было 7 членов, а с 1811 – 12. В 1896 г. 10 человек уже избирались в светский совет – meclisi-cismani. В 1911 г. членами совета были 7 человек, имевших турецкое подданство, и 4 советников с консультативными функциями, имевшими иностранное подданство. Члены совета – мемуним – избирались синагогами, а иногда назначались главным раввином, возглавлявшим совет. Главный раввин Измира утверждался бератом правившего султана по представлению совета и главного раввина Стамбула. По решению главного раввина виновного, нарушившего порядок, установленный в общине, могли посадить в тюрьму. Раввинатский суд разбирал конфликты религиозные, гражданские и коммерческие. Он состоял из нечетного числа раввинов и председателя (рош бет-дин), иногда его функции выполнял главный раввин. Вплоть до конца XIX в. его власть над членами общины была чрезвычайно велика. Жесткая традиционная религиозная система восточного иудаизма сковывала инициативу отдельных членов и общину в целом, что послужило причиной отставания ее от более мобильных греков и армян, которые успешно развивались в XVIII в.

К концу XVII в. и особенно в XVIII в. греки и армяне сумели оттеснить евреев с ключевых позиций международной торговли, поскольку давали своим детям более современное образование с хорошим знанием европейских норм и европейских языков. Они общались с европейскими торговыми домами без посредников. Такой сильной конкуренции евреи без основательной подготовки, без больших капиталов не выдержали. Их торговля скобяным и колониальным товарами, а также мануфактурой постепенно зачахла, тогда как греки и армяне начали захватывать производство и торговлю всей продукцией современной индустрии. Так продолжалось до конца XIX в., когда произошли значительные изменения в жизни еврейских общин. Что касается евреев – подданных других государств, находившихся по разным делам в Османской империи, то они в случае необходимости обращались к консулам своих стран. Обычно, как было принято, эти евреи посещали европейских консулов во время их праздников.

Все население еврейской общины подразделялось на три класса в соответствии с уровнем материального положения семьи, исходя из которого лица, достигшие совершеннолетия, платили налоги. Как уже говорилось, с немусульман взимались поземельный налог – харадж и подушная подать – джизье. В 1834 г. по указу султана Махмуда II для взимания хараджа были созданы специальные комиссии из местных властей, куда входили кади, мютеселлим* и воевода или уполномоченные ими лица. Позднее, во второй половине XIX в., оба налога были совмещены, и обозначали этот объединенный налог как харадж. Кроме хараджа евреи, как и прочие немусульмане, платили чрезвычайный налог авариз, налог на содержание армии (*ordu akçesi*), налог на крупный рогатый скот (*kasar akçesi*), налоги на луговые земельные угодья (*çayır akçesi*), на постройку крепостей (*hisar akçesi*), для постройки и содержания дорог и проведения других общественных работ, налог для содержания стражи дворцовой, стражи в судах и в других учреждениях, а также налог для постоя войск в период их мобилизации (*nüzul*) и налог на всю общину в случае обнаружения убитого на ее территории, если убийца не найден⁶.

К концу XIX в. вместо хараджа община должна была платить налог для содержания армии (*bedel-i askeriye*) и налог для строительства дорог (*şosa parası*).

* Помощник управителя провинции, ответственный за сбор налогов.

В 1885 г. был введен ежегодный налог в 50 пиастров на недвижимость, который платили евреи – владельцы недвижимого имущества.

Кроме того, были внутренние нужды общины, которые требовали расходов. При синагоге действовали учебные заведения: Талмуд-Тора, или хевра, которую посещали дети от 6 до 12 или 13 лет, а также ешива для подростков в густонаселенных районах. В школе изучали чтение и письмо на иудео-испанском наречии, начала арифметики и религиозные тексты опять же в переводе на иудео-испанский. В ешиве основательно изучали Шулхан Арух и Талмуд. За учебу платили родители, частично деньги нуждавшимся могла дать община. В 1890 г. программа Талмуд-Торы в Измире была реформирована.

Наряду с древнееврейским и уже преподававшимся тогда турецким языками в еврейских школах изучали французский язык, требовавшийся во многих сферах жизни. Его преподавали и в военных, и в гражданских турецких школах.

Помимо еврейских школ некоторые еврейские дети (по желанию родителей) посещали и нееврейские школы, чтобы получить престижную профессию. Для карьеры государственного чиновника, преподавателя турецкого языка, для получения любой свободной профессии необходимо было закончить турецкий лицей (*idadiye*). Во второй половине XIX в. эти профессии стали доступными не только туркам. Медики, адвокаты, фармацевты, инженеры из еврейской среды Измира должны были закончить этот лицей, чтобы завершить образование в Стамбуле. Причем религиозные предметы в этих школах не были обязательными.

Кроме того, во второй половине XIX в. уже открылись в крупных городах Османской империи иностранные полусветские школы: английские, американские, немецкие, французские, итальянские. Тогда же немусульмане могли поступить в миссионерские католические или протестантские школы, предназначенные для христиан. Обучение в них мальчиков и девочек было отдельным.

В 1886 г. в Измире была основана школа Кетер-Тора, в которой обучение велось на турецком языке. В 1900 г. главный раввин Турции испросил у правительства разрешение на создание общества по распространению турецкого языка среди евреев. Разрешение было дано. В крупных городах империи были созданы такие общества. В Измире председателем «Общества по распространению турецкого языка»

(Tamim lisan-i Osmani Cemiyeti) был Аарон Жозеф Хазан⁷. Но вскоре оно было закрыто, поскольку султан Абдул Хамид II, панически боясь революционных организаций, покушений и переворотов, запрещал все то, что в названии содержало слова «организация», «общество», «ассоциация», даже не вникая в их назначение, в их смысл.

На протяжении нескольких столетий в еврейских общинах османского государства господствовали семейный патриархат, религия, традиции, обычай, что, с одной стороны, несомненно, помогало общинам выжить и сохранить собственную идентичность в сложнейших условиях диаспоры, с другой – тормозило развитие как отдельной личности, так и общины в целом. Авторитет хозяина дома был неоспорим. Жена пользовалась уважением как близкий человек, способный дать совет, как хозяйка и часто посредница между мужем и детьми. Мальчики в доме пользовались большей свободой, чем девочки. Однако в важнейших вопросах, таких как женитьба, имущественные дела, последнее слово было за старшими.

За исключением редких случаев в семьях сефардов муж не называл жену по имени, так же как и она мужа. Когда он обращался к ней, то использовал второе лицо множественного числа испанского *a vos es* (к вам я...) и добавлял иногда имя жены. Если жена обращалась к мужу, она употребляла третье лицо единственного числа *a el es* (к нему я...), при этом иногда добавляла имя мужа. Бывало и так, что она применяла испанское слово *оуо* (третье лицо единственного числа прошедшего времени определенного глагола *oir*), означающее «слушать», «слышать», т.е. она добавляла «вы слышали?» или «вы поняли?»

Дети называли отца «сеньор», иногда добавляя слово «падре» (отец). Мать они называли «мана» (мама) и очень редко этому слову предшествовало обращение «сеньора». Невестка называла свекровь «сеньора има» (има – мать).

Основу воспитания детей составляло почтение к старшим, доходившее до вмешательства последних в личную жизнь молодежи. Нередко бабушка или дедушка на смертном одре объявляли свою волю, имевшую силу завещания, чтобы такой-то мальчик по достижении определенного возраста женился на такой-то девочке, даже если дети были совсем маленькими. Эта воля неукоснительно исполнялась. Обязательным было строжайшее соблюдение всех религиозных норм и праздников.

Одежда евреев отличала их от других этнических групп, хотя некоторые ее детали – джуббе и энтари – покроем были сходны с турецкими. Мужчины и женщины носили энтари – длинную рубаху из шелка или других тканей, различавшуюся длиной и числом пуговиц, а также очень просторные шальвары из плотной или тонкой материи черного либо голубого цвета, но бывали и красные.

Джуббе, род кафтана, имел узкие рукава, украшался вышивкой шелком и доходил до пят. Мужчины покрывали голову токой серого или белого цвета, которая повязывалась вокруг фески или ермолки. Короткая куртка из сукна закрывала спину, а обувь, обычно из желтой кожи, состояла из трех частей.

Женщины, помимо рубахи-энтари, носили фередже – своего рода суконный кафтан типа джуббе, надевавшийся через голову, а также куртку, закрывавшую спину. Поверх головного убора старые женщины надевали платок. Молодые девушки ограничивались головным убором типа капора. Женщины носили капелло – головной убор на высокой картонной основе, обшитой черной тонкой тканью и застегивавшейся сзади. Застежки отделялись бриллиантами, иногда жемчугом или другими драгоценными и полудрагоценными камнями. Сверху голову покрывали тонким платком, закалывавшимся двумя булавками. Белый платок имел по краю вышивку, иногда золотой или серебряной нитью, с изображением деревьев. Такой платок одевала невеста во время брачной церемонии.

Голову женщины закрывали вела – покрывалом, спадавшим на спину; его надевали во время визитов. Вообще, покрывала на голову были разного фасона и назначения. В XIX в. эмансипация женщин в той или иной мере из Европы проникает в страны Востока. Этот процесс затронул и еврейскую общину. Постепенно ношение платков и покрывал становится все менее обязательным, а в конце века даже редким.

Среди женщин еврейской общины широко были распространены драгоценные украшения: золотые кольца с бриллиантами, украшения для лба, пояса, браслеты, кольца с драгоценными камнями. Конечно, такие украшения были доступны женщинам богатых семей. Вот как описывали женскую одежду европейцы. Один голландец, в 1675 г. посетивший Измир, сообщал: «Все еврейские женщины носят чепец, белую одежду с открытой грудью, желтые башмаки. Лицо закрывают черным покрывалом. На них много украшений»⁸.

Питтон де Турнефор, посетивший Измир в 1700–1702 гг., писал: «Еврейки Измира одеты обыкновенно в белую юбку со

множеством складок, красные расшитые золотом чулки, чепец из шерсти или шелка, украшенный платиной, золотом, серебром, а на худой конец латунию. Обычная прическа – узел из волос сзади».

До конца XIX в. женщины должны были строжайшим образом следить, чтобы ни один волос на голове не выбился из-под чепца. И при том – декольтированная грудь. «Такой обычай, – продолжает Турнефор, – ходить с полуобнаженной грудью оставлял глубоко религиозных иудеев совершенно безразличными, тогда как если жена, дочь или невестка оставляли открытой хотя бы малейшую часть прически, тщательно скрываемой шелковым мешком, ниспадавшим сзади, это приводило их в ярость»⁹.

Жили измирские евреи в домах и так называемых кортижос. В домах обитали семьи зажиточных людей, по одной в каждом доме. Кортижос представлял собой большой двор, окруженный стенами, внутри которого размещались небольшие строения в одну или две комнаты. В них обитало, как правило, несколько бедных семей, в страшной тесноте и в отсутствии гигиены становившихся первыми жертвами нередких эпидемий. Реформы в еврейской общине Измира сильно задержались. Если их стамбульские единоверцы получили Органический статут и новую систему управления в 1864 г., то измирская община начала реформироваться лишь в 1896 г.

К концу XIX – началу XX в. прогресс затронул различные стороны бытия еврейских общин. Улучшились жилищные условия и гигиена, число кортижос сократилось.

Наряду с довольно многочисленной сефардской общиной в Измире обосновалась небольшая община ашкенази, члены которой занимались ремеслами и торговлей. В 1875 г. известны были ашкеназские семьи Шварцман, Энгельбах, Левинсон, Гольденберг и др. Позднее из-за погромов в России и Румынии сотни евреев бежали из этих стран и поселились в Измире. Вновь прибывшие с местными ашкенази образовали самостоятельную общину. В 1893 г. они обратились к главному раввину города с просьбой основать свою синагогу ввиду различия в произношении священных текстов у сефардов и ашкенази. Кроме того, они хотели иметь собственного шойхета (мясника-резника), поскольку привыкли к мясной пище без того количества зелени и овощей, которое употребляли сефарды. Но прежде всего они открыли свою мясную лавку. Главный раввин Измира выказал недовольство

столь явным сепаратизмом ашкенази, что вело к сокращению и распылению общинных доходов, предназначенных для содержания различных общинных институтов. Явное осуждение главного раввината, тем не менее, не оказало должного воздействия на активистов новой общины. Тогда общинный совет Измира прибегнул к принудительным мерам: отказу в обрезании детей ашкенази, отказу в захоронении вновь прибывших на еврейском кладбище, отказу их больным в религиозной помощи. Об этих мерах объявили в синагогах, призывая сефардов не покупать мяса у шойхета-ашкенази. Позиция главного раввина только усугубила конфликт. И тогда ашкенази решили открыть свою синагогу. Владелец самого большого ресторана и отеля Измира Иона Арье Крамер предложил помещение, которое приспособили под синагогу, и передал ей несколько небольших домиков, чтобы она могла получать с них доход. Главный раввинат, используя предоставленные ему правительством привилегии, обратился к вали Измира с просьбой закрыть синагогу, открытую при содействии Крамера. В жалобе указывалось, что Крамер был австрийским подданным и открыл синагогу, опираясь на капитуляцию и поддержку консула. Вали приказал полицейским окружить синагогу и закрыть доступ верующим. Разразился скандал. Тогда община нашла выход, отдав евреям-ашкенази помещение школы Кетер-Тора.

Узнав о разразившемся скандале, община сефардов в Вене в 1898 г. вмешалась в конфликт и потребовала от единоверцев в Измире предоставить ашкенази свободу основать свою синагогу. В конце концов община сефардов предоставила ашкенази помещение школы Сефер-Тора, но потребовала, чтобы те подчинились главному раввинату Измира, поскольку они являлись османскими подданными. Что касается тех ашкенази, которые имели подданство других государств, то они подали вали прошение, чтобы им дали разрешение посещать новую синагогу. Вали передал прошение главному раввину, который на это согласился. Жесткая позиция главного раввина в отношении просьб ашкенази – подданных Османской империи побудила их обратиться к более высоким османским властям с просьбой рассмотреть их жалобу и санкционировать их право на независимое богослужение в своей синагоге. Такое ираде (указ) в конце концов они получили только в 1901 г.¹⁰

После Первой мировой войны 1914–1918 гг. община ашкенази заметно ослабела. Многие ее члены покинули Измир.

Несколько позже пожар уничтожил часть синагоги и принадлежавшие ей домики. Все-таки деньги на ее восстановление были найдены. Один из основателей «Дойче Ориент банка» помог отстроить синагогу.

В конце XIX – начале XX в. евреи занимали различные должности в административной и деловой сферах города: кассиров, членов муниципальных управлений, переводчиков, членов реформированного общественного совета, членов коммерческого суда, преподавателей школ, в том числе французского языка, банковских служащих, служащих таможни, телеграфа, почты, бухгалтеров, репетиторов, полицейских, офицеров, дослужившихся до ранга майора и полковника. Среди евреев были торговцы, фармацевты, врачи, адвокаты, инженеры, издатели газет и журналов, владельцы гостиниц и даже один цензор – Жак Девида.

Евреи, находившиеся на государственной службе, подчас вынуждены были рисковать карьерой и жизнью. Бехор Родити был хорошо знаком с известным турецким политическим деятелем в 1878 г. (1296 г. хиджры) великим везиром и автором первой турецкой конституции Мидхат-пашой. Султан Абдул Хамид спустя некоторое время приказал его арестовать, опасаясь его идей и влияния. К тому же бывшего великого везира обвинили в причастности к убийству султана Абдул Азиза. Родити, состоявший в подразделении полиции, получившем приказ султана, успел предупредить Мидхата-пашу и даже помог ему скрыться во французском консульстве. В конце концов бывший великий везир все же был арестован и 28 июля 1881 г. сослан в Таиф (Аравия), где через три года был задушен по тайному приказу султана Абдул Хамида.

Удачно сложилась карьера измирского еврея-полицейского Рафаэля Чикуреля. Он стал комиссаром полиции первого класса, а позднее генералом-инспектором полиции вилайета. В 1905 г. он впервые в Турции на турецком языке опубликовал работу по антропометрии. Великий везир Кямил-паша, бывший вали Измира, ценивший его способности, перевел Чикуреля в Стамбул, где он в 1912 г. отвечал за порядок в одном из самых фешенебельных районов – на Бейоглу (Пера). Он же впервые ввел в практику стамбульской полиции дактилоскопию.

Известны евреи, получившие высокие правительственные награды. Генеральный консул в Париже Элия Леон был награжден серебряной медалью и орденом Меджидие I сте-

пени. Бригадный генерал Исаак-паша был отмечен медалями и орденом Османской II степени. Такими же наградами власти удостоили другого бригадного генерала – Исаака Фано-пашу. Судя по их именам, для того чтобы достичь достаточно высокого положения в османской иерархии на официальной государственной службе, евреям уже не нужно было непременно, как это было в прежние времена, принимать ислам.

Наряду с другими немусульманами – греками и армянами – в начале XX в. в административном совете Измира были представлены евреи. По их просьбе в 1913 г. совет (*Meclis-i idare-i Vilayet*) отменил субботные заседания.

В деятельности еврейских общин Измира большое место занимала благотворительность. Деньги жертвовали на строительство синагог, школ, больниц. Иногда собирали деньги на приданое бедным невестам. Неоднократно оказывали помощь евреям Иерусалима.

В 1878 г. было основано благотворительное общество «Бохоратчи Данон», иногда называвшееся «Габае садака». Оно оказывало поддержку больным и неимущим. Временами это общество, как и другие, закрывалось за отсутствием средств. В 1890 г. султан Абдул Хамид II специальным ираде запретил нищенство. Забота о неимущих евреях легла исключительно на благотворительные общества. В их числе эффективно действовала организация «Озер Далим», которая помогала найти работу главам семей. Особо нуждавшиеся получали еженедельное вспомоществование. Праздничные пожертвования поступали и от театральных представлений, которые устраивались под патронатом этого общества. Бывало, что бюджет «Озер Далим» достигал 20 000 ливров. К 1926 г. из-за финансовых осложнений его бюджет снизился до 7000 ливров. 24 января 1930 г., уже в республиканской Турции, общество «Озер Далим» отметило 50-ю годовщину своего основания.

Действовали и женские благотворительные общества. Одно из них, «Воля всевышнего» («*God's Will Society*»), было основано в 1902 г. еврейскими девушками, изучавшими в школе английский язык. Целью общества являлись поощрение образования девочек и содействие в трудоустройстве бедного населения. Члены общества открывали в городе ателье по пошиву белья и одежды.

В 1899 г. на пожертвования барона Альфонса Ротшильда в Измире открылась общественная столовая, куда ежедневно приходили до 150 бедняков. Но, как и другие подобные

организации, она не работала стабильно и позднее закрылась. В городе действовали также благотворительные общества помощи сиротам, открывались больницы для бедных, различные культурные ассоциации. Среди них известно «Общество еврейской молодежи», открывшееся в 1884 г. для распространения современных методов образования и также вскоре закрывшееся из-за недостатка средств. В 1890 г. функционировало «Общество друзей еврейского прогресса».

Впечатляющим результатом новой системы образования стали быстрое вовлечение больших масс еврейского населения в экономическую жизнь и их мобильность. В Измире к началу XX в. увеличивается число евреев-брокеров, банковских служащих, сотрудников крупных торговых фирм, крупных торговцев. В это время из 3500 еврейских семей Измира примерно 100 семей, в основном торговцев, составляли высший слой населения. Среди остальных жителей Измирского вилайета многие евреи были заняты на сезонных сельскохозяйственных работах, в производстве экспортной продукции: винограда, инжира, орехов и др. На сельскохозяйственных работах вместе с мужчинами работали женщины. Тогда же формируется фабричный пролетариат, немалую часть которого составляли евреи, в основном женщины и дети. Они работали на текстильных и табачных фабриках. И все же по числу образованных людей, которые осваивали привилегированные городские профессии архитекторов, врачей, инженеров, юристов и т.д., еврейские общины все еще уступали в процентном отношении ко всему населению христианским общинам¹¹.

В начале XX в. в Измире были еврейские издательства, выходили газеты и такие журналы, как «Эль-Нувеллиста» («El Nouvellista») и «Эль-Мессеррет» («El Messerret») и др.

Благотворительная деятельность, издание прессы стали возможны вследствие возрождения и подъема деловой активности еврейских общин в этот период. Еврейское коммерческое ядро укрепилось и вследствие переселения в Измир из Салоник нового поколения образованных, закончивших современные школы евреев, в том числе школы ассоциации Всеобщего еврейского альянса, а также лучшие турецкие и европейские школы.

В начале XX в. еврейские коммерсанты, переселившиеся из Манисы и Миласа, обосновались в Измире с новыми капиталами и новыми методами ведения дел, что способствовало развитию еврейской торговли. С 1912 г. торговля Измира и его окрестностей на несколько лет попала в руки евреев.

ев. Грекам и армянам турки запретили ею заниматься вследствие их антитурецких действий в период балканской войны 1912 г. Как уже говорилось, межобщинные отношения евреев и греков в течение нескольких столетий были сложными и нередко омрачались конфликтами на почве предрассудков и «кровавого навета». Попытки погромов неоднократно пресекались турками. Евреи, со своей стороны, даже по свидетельству турок, оставались на протяжении многих столетий одним из наиболее лояльных к властям этносов империи. Евреи придерживались известного принципа Талмуда: закон государства, где евреи находятся, их закон. При этом они нередко ссылались на слова пророка Иеремии.

Оставшийся в Иерусалиме, после того как царь Навуходоносор изгнал часть населения Иудеи в Вавилон, пророк, передавая слова Господа, рекомендовал изгнанным подчиняться законам места их проживания, ибо от процветания этой страны зависит и процветание общины. Трагические переипетии истории евреев показывают, что ни одна община никогда не действовала против страны своего пребывания и не стремилась по собственной инициативе к конфликту с кем-либо. Турки именно поэтому считали их благонадежными подданными. И когда в царствование Абдул Хаида II некто, облеченный властью, подал тогдашнему вали Измира Кямильпаше рапорт против еврея, тот прочел его и написал в углу: «Я считаю, что ни один еврей не может поступить подобным образом» («Bir yahudiden böyle bir şey memul olmadığından hıfzı»)¹².

Несмотря на относительно приемлемое отношение к евреям господствующего этноса – турок, их положение в империи не было стабильным вследствие борьбы с турками христианских этносов: славян, греков, армян, а позднее и мусульман-арабов. Они поневоле неоднократно оказывались в эпицентре межэтнических столкновений. В 1867 г. во время восстания греков на Крите и ответных действий турок был разграблен греческий монастырь. Один из местных евреев купил украденные колокола с целью продать их в Измире. Чтобы предотвратить скандал, который неминуемо грозил вспыхнуть, богатые евреи города купили эти колокола и передали их греческому митрополиту Измира Хрисантесу. Митрополит в послании главному раввину Якиру Терону выразил ему благодарность. Однако в тех случаях, когда в борьбе с турками греки пытались привлечь на свою сторону евреев, эти попытки оставались тщетными.

Во время Первой мировой войны и интервенции стран Антанты, на стороне которой воевали греки, Измир был оккупирован греческими войсками. Остававшаяся в городе часть еврейской общины (многие уехали) сохраняла верность Турции и жаловалась представителям стран Антанты на греков. Последние стремились присоединить Измир с прилегающими территориями к Греции и для этого собирались провести референдум среди его жителей. Однако тогда все еще значительное еврейское население не скрывало своего отрицательного к этому отношения.

Во время войны в оккупированный город с визитом прибыл греческий король Константин, где встретился с представителями различных этнорелигиозных общин.

Еврейской общине было предложено вручить королю адрес с выражением удовлетворения и благодарности за управление городом греческой администрацией. Община отказалась это сделать.

В начале этой главы уже говорилось о том, что численность еврейского населения Измира значительно колебалась. Такая же нестабильность имела место в конце XIX – начале XX в. Население Измира страдало от последствий войн, эпидемий, землетрясений, пожаров. Экономические трудности, межэтнические конфликты побуждали людей к эмиграции либо перемещениям внутри страны.

В 1891 г. вследствие «кровавого навета» несколько еврейских семей были вынуждены покинуть остров Корфу и переселиться в Измир. Бежавшие от погромов в Южной России в 1898 г. евреи обосновались в различных районах Турции, а около 200 человек поселились в Измире.

В 1898 г. из-за восстания греков на Крите и греко-турецкой войны многие еврейские семьи выехали из Фессалии и других областей и нашли убежище в Измире. В 1912 г. во время и после балканской войны еврейские семьи Восточной Фракии также пополнили население Измира. Как уже говорилось, часть населения Измира покинула город в годы Первой мировой войны. В годы войны за независимость, которые иногда называют кемалистской революцией, и особенно после 1922 г., когда отступавшие из Анатолии греческие войска опустошали населенные пункты и нередко устраивали пожары, некоторые еврейские семьи бежали в Измир, а оттуда многие, особенно молодежь, эмигрировали. Процесс эмиграции евреев из стран Востока ускорился со второй половины XIX в.

Уезжали в Египет, Северную и Южную Америку, в европейские страны и в Конго. Первоначально небольшой ручеек эмиграции постепенно превратился в поток. Эмиграция 1922–1923 гг. во многом была вызвана и тяжелым послевоенным кризисом, разорением большей части страны. Но и в новых местах поселения измирские евреи старались держаться сплоченно и долго сохраняли свои культурные особенности.

Приложение

Факсимиле фермана, адресованного главному раввину Измира Жозефу Рафаэлю Пинхасу де Сьегура (Морено) султаном Абдул Меджидом I.

«По случаю моего счастливого восшествия на славный трон Османов и в соответствии с обычаем Моего Имперского правительства, по которому все бераты (султанские грамоты. – *И.Ф.*) и указы должны быть возобновлены, а также поскольку доблестный раввин Мошон (Мойше)* из именитых людей еврейской нации, да завершатся дни его благополучно, который является раввином Стамбула и его окрестностей, объявил в донесении, что вследствие кончины хахама Соломона в Измире его место осталось свободным, и он ходатайствует о назначении хахама Морено на пост главного раввина Измира и его окрестностей. После сверки реестров было установлено, что в общину, которой руководил главный раввин Измира, входили Маниса, Тургутлу, Айдын, Гюзель Хисар, Кушадасы (Скаланова), Бергама (Пергам), Урла, Чешме (Чесма), о-ва Хиос, Родос и их окрестности, и за пост в этом главном раввинате был уплачен согласно берату пишкеш (подношение. – *И.Ф.*)¹ в 30 000 аспр, внесенных в имперскую казну. В соответствии со всем вышеуказанным я пожаловал этот имперский берат и приказал, чтобы названный Морено возглавил раввинат упомянутых территорий, чтобы раввины еврейских общин, главы этих общин и прочие великие и малые земель, которые относятся к раввинату, признали названного Морено главным раввином, к которому они могут обращаться по разным вопросам, входящим в компетенцию раввината, слову которого они не будут препятство-

* М. Фреско был главным раввином Стамбула и присутствовал на церемонии чтения хатт-и-шерифа 3 ноября 1839 г. в Гюльхане, в котором впервые провозглашалось равенство всех османских подданных перед властью и законами.

¹ В последующих бератах пишкеш был отменен.

Факсимиле фермана султана Абдул Меджида I,
адресованному главному раввину Измира Жозефу Рафаэлю
Пинхасу де Сьегура (Морено). 8 реби-уль-эввель 1255 г.х.
(10 мая 1840 г.)

вать, если оно разумно, и которые будут ему подчиняться и слушать его во всем, что касается их религии. Во избежание препятствий их культу чтения Торы в доме упомянутого раввина и в других домах мы приказываем, чтобы ни один офи-

цер с целью доуки или вымогательства денег не совершал вопреки шариату и другим действующим законам ни злоупотреблений, ни притеснений, ни вмешательства в их культ и не говорил им: “Вы следуете вашему культу в ваших домах, вы читаете Тору и вы закрываете занавесками ваши окна и лампы”; чтобы синагоги и школы, с давних пор принадлежавшие упомянутой нации, не стали бы объектом придинок под предлогом распоряжений высших инстанций или инспекций; чтобы никто не вмешивался в их ремонт и реставрацию, которые могут иметь место, и не препятствовал их восстановлению; чтобы не налагали арест на имущество школ, синагог под предлогом их долгов и другим мотивам; чтобы не использовали шариат в целях вступить во владение этим имуществом; и если каким-либо трюком это имущество будет захвачено, оно должно быть восстановлено [в рамках прежнего владения] при посредничестве шариата.

В том, что касается брака и развода евреев, а также в том, что касается их внутренних разногласий, упомянутый раввин или его представители, избранные самими евреями, могут улаживать все эти дела, если обе стороны с этим согласны и в соответствии с их законом. Если речь идет о примирении или начале какого-либо расследования, эти дела будут рассматриваться в их синагогах по их закону. Если по их закону речь идет об их древнем обычае изгонять виновных лиц, чтобы никто в это не вмешивался, не покушался на их документы и чтобы не было слышно тех, кто бы считал, что наказание должно быть наложено* [на тех, кто хочет изгнать человека]. Раввины, которые находятся под его (главного раввина. – *И.Ф.*) началом, не могут санкционировать браки, которые не дозволяются их религией, без разрешения упомянутого главного раввина или его представителей. Если кто-либо из еврейского народа хочет жениться, развестись или взять вторую жену [не разведясь с первой], или хочет отправиться в другое место, чтобы жениться, он не может этого сделать без разрешения названного раввина, и влиятельные персоны не могут воздействовать на раввинов, говоря им вопреки закону: “Заключите брак этой женщины с этим евреем”. Если по их закону раввины отказываются хоронить умерших евреев, о которых известно, что они действовали против закона, то кади, наибы (заместители кади. – *И.Ф.*) и офицеры, как и другие влиятельные лица, не могут принуждать рав-

* Речь здесь идет об отлучении от общины (херем).

винов и говорить им: “Похороните-ка их побыстрее”. В том, что касается пищи и напитков кошерных или трефных для этого народа, то никто не может в это вмешиваться и говорить им: “Такой-то предмет кошерный, а такой-то трефной”.

Когда упомянутый раввин приезжает по делам в мой Стамбул, какого бы ранга ни был человек, он не может вмешиваться в назначение, которое сделают раввин и его представители. Необходимо выделять сопровождающих представителям и тем лицам, которых упомянутый раввин отправляет собирать государственные налоги. А кроме того, если эти лица должны переодеться и взять оружие для защиты от бандитов на дорогах, по которым необходимо ехать, охрана не должна вмешиваться, требуя подарок или другое подношение, что противоречит славным законам шариата.

В случае если упомянутый раввин, раввины, его представитель и их представители будут вынуждены участвовать в процессе, в который вовлечены шариатские законы, то такой процесс не может иметь место где-либо еще, помимо моей Блистательной Порты (в Стамбуле. – *И.Ф.*). Если случится так, что какой-либо раввин должен быть арестован по шариатским нормам, то это должно быть сделано при посредничестве упомянутого [главного] раввина. Нельзя вопреки его воле принуждать еврея переходить в ислам. Пусть остерегаются морочить евреев, соблазняя их не платить налоги правительству, милостыню, налог габель*, налоги главному раввинату, а также налоги, которые уплачиваются синагогами согласно аталья¹. Вещи, деньги, лошадь, корова, принадлежавшие раввинам, скончавшимся без наследников, а также и прочее их имущество забираются в казну при посредничестве названного раввина или назначенных им представителей; никакой кассам² или мутевелли³ государственной казны не может вмешиваться, говоря: “Это имущество было зарегистрировано в тетрадах государственного или султанского реестра”. Также никому не позволено наложить руки на деньги и имущество тех, у кого после смерти остались наследники. Завещания раввинов, которые после смерти и согласно их закону оставили имущество синагогам, их неимущим, а также их главным раввинам, являются действительными, могут быть приняты шари-

* Налог на некоторые продукты потребления: мясо, сыр, вино и др. Шел на нужды общины.

¹ Налог на капитал (подходный).

² По шариату судья, занимающийся разделом имущества.

³ Управляющий вакфным имуществом, распорядитель доходов мечетей, школ и богоугодных заведений.

атскими судами в соответствии с законами и обычаями евреев и в присутствии их свидетелей. Никто не должен вмешиваться, если кто-либо из этой нации нарушает закон и если его наказывают по еврейскому закону. Военные власти не должны отбирать лошадь и мулов, на которых ездят раввин и его представители.

Недопустимо докучать упомянутому раввину и главам общин, требуя их согласия на постой в их больших домах для гостей и предлагая их дома предназначить проезжим и солдатам. Никто не должен никоим образом вмешиваться в дела синагоги, мест паломничества, входящих в компетенцию раввина, говоря: "Хороните умерших здесь, читайте то-то и так-то".

В соответствии с условиями этого имперского берата, упомянутый хахамлык (раввинат. – *И.Ф.*) является владельцем этого берата. Никто не может никоим образом и ни по каким соображениям нарушить его форму и его содержание. Да будет он хорошо усвоен и пусть прибавится доверие к этой доблестной печати.

8 реби-уль-эввель 1255
(10 мая 1840)».

Примечания

¹ Galanté A. Histoire des Juifs d'Anatolie... P. 14–15.

² Fevre M. Théâtre de la Turquie, où sont représentées les choses, les plus remarquables qui s'y passent aujourd'hui. P., 1682. P. 138–139.

³ [Vandal] Une ambassade française en Orient sous Louis XV. La mission de Marquis de Villeneuve, 1728–1741, par Albert Vandal. P., 1887. P. 45.

⁴ Цит. по: Galanté A. Histoire des Juifs d'Anatolie... P. 140.

⁵ Idem. P. 146.

⁶ Le Moniteur Ottomane, 26.04.1834.

⁷ Galanti A. Türkler ve Yahudiler. S. 156–157.

⁸ Spon J. et Wehler G. Voyage d'Italie, de Grèce et du Levant. La Haye, 1724. T. I. P. 198.

⁹ Tournefort P. de. Relation d'un voyage au Levant. P., 1717. T. III. P. 156–157.

¹⁰ Galanté A. Histoire des Juifs d'Anatolie... P. 223–225.

¹¹ Idem. P. 88–91.

¹² Цит. по: idem. P. 226.

ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ СТАМБУЛА

Захватив в 1453 г. Константинополь, турки покончили с Византией, от которой к тому времени уже мало что оставалось. Успехам турок способствовали частые распри и войны в пределах христианского мира, своекорыстие и соперничество европейских правителей, отказавшихся помочь гибнувшей Византии, но вскоре вынужденных объединиться для обороны от дальнейшей экспансии турок.

Исторические катаклизмы неоднозначны по своим последствиям. Удача одних оборачивается бедой для других. Реконкиста консолидировала и усилила в военном отношении Испанию. Великие географические открытия испанцев приходятся на XV–XVI столетия, время разгула инквизиции и клерикализма. Именно тогда были физически уничтожены либо изгнаны из Испании и Португалии тысячи евреев и мавров, не пожелавших принять навязываемое силой крещение.

Падение Константинополя сопровождалось гибелью и бегством тысяч греков, утратой ими государственности, но для жестоко преследуемых, изгнанных из стран Европы евреев в новой столице турок – Стамбуле – двери оказались открытыми. В Византии евреи подвергались преследованиям, многие вынуждены были ее покинуть, а в молодой обустроенной мусульманской империи не было чрезмерного религиозного фанатизма по ряду причин. Османские султаны – преемники Сельджукидов Рума, наследники их земель и культуры – заимствовали у них многие приемы и методы управления. На первых порах они следовали и духовному опыту своих предшественников с их мусульмано-христианским двоеверием, стихией старых домусульманских традиций, с наличием всякого рода антимусульманских учений.

Среди высших кругов общества Малой Азии еще в XIV в. удерживались старые религиозные верования тюрок, не укладывавшиеся в рамки ислама.

Безусловное господство суннизма ханифитского толка, далеко не самого радикального в исламе, устанавливалось долго, не менее двух столетий, и лишь в XVI в. он одержал окончательную победу в османском государстве.

Еще одна причина веротерпимости и относительной толерантности к иноверцам первых османских султанов заключалась, в частности, в чрезвычайной этнорелигиозной пест-

роте населения новой империи. Открыв свободный доступ в столицу для евреев-беженцев из Европы, Мехмед II Фатих (Завоеватель), а затем его преемники имели в виду сугубо прагматические цели: восстановление хозяйства на опустошенных войной территориях. От ужасов осады и грабежей, конечно, не были застрахованы и местные евреи, которых наступавшие турки не выделяли из массы населения захватываемых городов. Но очень быстро после взятия Константинополя султан обнародовал указ, в котором позволял всем бежавшим от войны и скрывавшимся местным жителям вернуться в свои дома. Мехмед II приказал также переселить в новую столицу турок, армян и евреев из других частей страны. Беженцам-евреям разрешено было селиться в Стамбуле и других городах османского государства, строить синагоги и школы, заниматься ремеслами и торговлей.

Местных евреев, издавна живших на этой земле, называли романиотами. Они говорили по-гречески, придерживались религиозной ортодоксии. В первые столетия Османской империи они составляли большинство в еврейских общинах, и первые главные раввины Стамбула избирались из их среды.

В Византии сложилась также община караимов, державшаяся особняком. Впрочем, и другие общины далеко не всегда успешно друг с другом взаимодействовали. Сефарды не были монолитным сообществом, а подразделялись на группы, каждая из которых стремилась сохранить собственный порядок богослужения, свои обычаи. Они претендовали на отдельную синагогу и раввинат. Их община имела обособленные землячества: кастильское, арагонское, португальское. Последние дробились на более мелкие группы: кордовскую, толедскую, барселонскую, лиссабонскую и др.

Община ашкенази сформировалась позднее. Она включала выходцев из Германии и других стран Центральной и Восточной Европы, бежавших от преследований. Какое-то время каждая из этих общин самостоятельно распределяла денежные поступления от налогов на нужды культа, школ, больниц, домов призрения, для содержания членов своих религиозных советов и служащих. Каждая из них занималась также сбором податей в пользу османских властей. Подушная подать (джизье) и раввинский налог (rav akçesi) за право иметь главного раввина в Стамбуле составляли 200, 100 и 20 аспр в зависимости от трех категорий состоятельности членов общины. Освобождались от уплаты налогов не только неиму-

щие и калеки, но, как правило, равнины, а иногда лица, приближенные к султану. В их число, например, входили медик султана Селима I Иосиф Гамон, испанский еврей, а позднее его сын и внук при дворе Сулеймана I¹.

Очевидно в связи с необходимостью обустройства на новом месте еврейских беженцев и переселенцев Мехмед II предоставил еврейским общинам акт освобождения от некоторых налогов (муафнаме). В нем говорилось: «Отныне запрещено требовать с еврейских общин налоги касаплык (с продажи мяса. – *И.Ф.*), саррафлык (за обмен денег. – *И.Ф.*), яве (на содержание охраны. – *И.Ф.*), а также они освобождаются и ото всех обычных податей».

Ферман от 10 зильхидже 1001 г. хиджры (17 сентября 1593 г.) от имени нового султана Мурада III подтверждал «акт освобождения, дарованный еврейским общинам покойным и прощенным султаном Мехмед-ханом II, да пребудет его душа в вечном блаженстве»².

Налог касаплык был обусловлен необходимостью регулярного завоза мяса с тех далеких времен и до начала XX в. Скот на мясо доставляли в столицу из европейской и азиатской частей империи – Румелии и Анатолии, что требовало больших усилий и затрат, притом не гарантировавших успеха. С наступлением зимних холодов скот погибал в дороге из-за бескормицы. Мало кто отваживался на подобную коммерцию за свой счет. Поэтому, чтобы все-таки обеспечить стамбульское население мясом, все немусульманские общины обязаны были платить налог, который создавал ресурс для такой рискованной торговли. Далее в фермане разъяснялось, почему евреев раньше обязывали платить этот налог: «Евреи не работают в субботу и в дни своих праздников. Они не могут заниматься доставкой мяса, а потому обязаны вносить в казну 100 тысяч аспр на потребление баранины и такую же сумму на эксплуатацию рудников»³.

Мотивы освобождения евреев от налога саррафлык в фермане отсутствовали. Отдельными ферманами султаны освобождали от налогов некоторых лиц, состоявших на дворцовой службе. В фермане 1452 г., незадолго до падения Константинополя, Мехмед II освободил своего медика-еврея Якуба от десятины, налогов на сады и виноградники, на строительство крепостей, от всякого рода трудовых повинностей, а также от чрезвычайного налога авариз. Впрочем, известно, что в первые столетия существования Османской империи налоги, требуемые с немусульман, не были чрезмерными. Во-

енная добыча и дань с населения завоеванных территорий обеспечивали османской верхушке безбедное существование. Что касается расселения стамбульских евреев, то они, как и другие этнорелигиозные группы, проживали компактно и обособленно в отдельных кварталах.

Известный турецкий путешественник Эвлия Челеби сообщал в 1625 г.: «Когда Фатих завоевал Стамбул, он поселил 50 [еврейских] семей в Текфурсарае возле Шухуд-куюсу (Колодец свидетелей. – *И.Ф.*), который позже переименовали в Чифут-куюсу (Еврейский колодец. – *И.Ф.*). В квартале Хаскёй были поселены выходцы из Цфата». Есть свидетельства, что при этом султаны евреи были защищены от ненависти и агрессии как мусульман, так и христиан.

В XVI в. караимы освоили квартал Бахче-капы (Ворота сада). Турки его переименовали в Чифут-капысы (Еврейские ворота). В начале XVII в. на этом месте власти решили построить мечеть Ени-Валиде и караимы были оттуда выселены. Взамен им разрешили обосноваться в окрестностях Хаскёя. В середине этого столетия пожары вытеснили общину романиотов из района Балык-пазары. К концу века евреи жили в следующих кварталах Стамбула: Балат, Аязма-капысы, Айвансарай, Джибали, Текфурсарай. На побережье Золотого Рога их кварталы располагались в Хаскёе, Кассым-паше, Галате и Мумхане. На Босфоре они селились в Бешикташе, Ортакёе, Кузгунджуке и Ускюдаре. Есть сведения, что они жили в 17 кварталах, окружавших бухту Золотой Рог.

Тот же Эвлия Челеби в своем сочинении упоминал великолепные сады некоторых евреев Хаскёя. Он выделял Мордехая, Ниссима и Кемалья – трех сыновей некоего Кюпе, которые выращивали отличные лимоны, персики и гранаты, а также еврея Кипели, изготавливавшего превосходный ликер⁴.

Сложно сколь-нибудь адекватно определить численность этнорелигиозных групп в османском государстве вплоть до XIX в., когда методика переписи населения начала приближаться к европейской. Путешественники и агенты, посещавшие Стамбул, приводили различные цифры численности еврейских общин, притом в одно и то же время, поскольку основывались они на данных нередко далеких от статистики. И все же некоторые сведения, прежде всего из османских реестров, заслуживают внимания.

Согласно османской переписи населения Стамбула и его пригорода Галаты в 1478 г., там насчитывались 9486 мусульманских и 6538 немусульманских домохозяйств (в их числе

1647 еврейских, то есть приблизительно 8000 человек). В 1489 г. число немусульманских хозяйств возросло до 10 865, включая 2491 хозяйство евреев. С 1466 по 1469 г. город опустошали эпидемии чумы. К концу XV столетия население Стамбула опять возросло. В первой трети XVI в., в 1520–1530 гг., число мусульманских хозяйств составило 46 635, 25 292 христианских и 8070 еврейских⁵.

В Константинополе при греках в лучшие времена было 3 синагоги. В османском Стамбуле еврейские кварталы разрастались. Появился новый квартал евреев – выходцев из Эдирне (Адрианополя), бывшей столицы турок-османов. Эвлия Челеби сообщал, что в начале XVII в. в еврейских кварталах насчитывалось 7 синагог и 12 раввинов⁶.

Система управления еврейскими общинами с византийской эпохи до османского периода почти не изменилась, поскольку ее моральные, социальные и юридические нормы имели религиозную основу. При синагоге действовал совет нотаблей (хасгаха). Он формировал комиссии, занимавшиеся конкретными делами: правовыми и хозяйственными проблемами. Численность членов совета варьировалась от 7 до 9 человек, но бывали случаи, когда она снижалась до 5 и даже до 3 человек. Общинный совет назначал уполномоченных (мемуним), которые занимались распределением налогов и другими хозяйственными делами; они же проверяли обоснованность приговоров к изгнанию из общины.

Главный раввинат в Стамбуле был учрежден позднее, чем греческий и армянский патриархаты. Первоначально власть главного раввина Стамбула (хахам-баши) распространялась лишь в пределах города. В отсутствие главного раввина функции руководства общинами брал на себя религиозный совет бет-дин.

В хронике Элия Капсали сообщалось, что первый главный раввин Стамбула Моисей Капсали (дядя упомянутого хрониста) происходил из общины романиотов и был влиятельной персоной. Не без успеха он ходатайствовал перед султаном Мехмедом II за нескольких еврейских торговцев Валахии, ограбленных небезызвестным тамошним князем Владом Цепешем (прообраз Дракулы). Раввин передал султану и жалобу на янычар, терроризировавших еврейских детей, чем навлек на себя ненависть лиц, принадлежавших к этой могущественной и привилегированной корпорации.

Через несколько дней после смерти султана Мехмеда II в столицу прибыл его наследник Баязид, занимавший в после-

дни месяцы жизни отца пост вали (губернатора) Манисы. Капсали пользовался доверием и нового султана. Есть сведения, что в его царствование (1481–1512) янычары попытались свести счеты с главным раввином. Ночью они ворвались в дом Капсали, намереваясь его убить. В просторном дворе со множеством построек убийцам было сложно сориентироваться. Находившаяся в доме служанка крикнула по-турецки: «Что вам нужно? Здесь живут только мусульмане!» Решив, что ошиблись, янычары удалились. Это спасло жизнь раввина⁷.

Были у Моисея Капсали и другие проблемы. Брат султана Баязида II Джем, укрывшись в Египте, пытался оспорить его права на престол. Отношения двух сторон из-за этого обострились. Палестина тогда еще не была завоевана турками и не входила в состав их империи, а зависела от египетских правителей. Положение тамошних евреев многие годы оставалось бедственным, община значительно сократилась. Палестинские евреи отправили в более благополучные общины других стран посланца (шалиаха) просить о содействии для бедствующих в Иерусалиме. Шалиах прибыл в Стамбул и обратился к главному раввину. Последний был вынужден отказать просившему. Очевидно, оценив конфликтные отношения султана с правителем Египта, он не решился без ведома Баязида II что-либо сделать для единоверцев, однако формально подданных враждебного государства.

Разгневанный шалиах нашел общий язык с врагами Капсали: Эли Парнассом, Аароном, сыном Абай, Исааком, сыном Самуэля Альтерно, и раввином Ашером, сыном Исаака ха-Козна Ашкенази. Они якобы обнаружили изъяны в четырех изданных Моисеем Капсали религиозных актах и через шалиаха сообщили об этом известному раввину Падуи Иосифу Колону. Тот отправил в стамбульские общины письма, содержавшие оскорбления и угрозы в адрес главного раввина, что произвело очень плохое впечатление в раввинистских кругах ряда европейских стран. В конце концов Иосиф Колон, очевидно, осознал низость своего поступка. Незадолго до смерти он направил с извинениями в Стамбул к главному раввину своего сына, который был доброжелательно принят⁸.

После смерти Моисея Капсали в 1571 г. должность главного раввина занял потомок переселенцев из Греции Элия Мизрахи (род. в 1455 г., умер между 1525 и 1527 гг.) Он был учеником раввина Иуды Менца из Падуи, слыл глубоким знатоком Талмуда. При всей своей искренней религиозности он

не считал науку чем-то враждебным и чуждался всяческих проявлений фанатизма. Элия Мизрахи преподавал математику и астрономию, составил пособия по этим дисциплинам, настолько популярные, что их перевели на латынь.

В юности главный раввин был горячим спорщиком, публично дискутировал с турецкими караимами, но к старости стал снисходительнее и терпимее и защищал их от нападок фанатиков, многие из которых принадлежали к апульской общине. Эти люди вознамерились разрушить давние добрососедские отношения талмудистов с караимами. Первые собрали членов своей общины, чтобы со свитком Торы в руках проклясть всех тех, кто впредь осмелится чему-либо обучать караимов и их детей. Запрет распространялся не только на обучение караимов Торе, но и на светские предметы: математику, естествознание, логику, музыку. Даже просто азбуку. Талмудистам запретили поступать в услужение к караимам. Так была воздвигнута глухая стена между теми, кто веровал только в Тору, и теми, кто признавал еще и Талмуд.

Возмутились столь открытой нетерпимостью очень немногие стамбульские евреи. В основном это были учителя, имевшие учеников в разных общинах и лишавшиеся значительной части своих заработков. Наиболее толерантная часть талмудистов собралась в синагоге и попыталась добиться отмены несправедливого, по их убеждению, проклятия. Однако многочисленные фанатики были очень активны. Они привели к синагоге решительно настроенные толпы своих сторонников, вооруженных дубинами, и настояли на повторном ритуале проклятия.

Слепой ненависти толпы решился противостоять один человек – главный раввин. Он убеждал разгневанных людей и доказывал, сколь несправедливо и вопреки Талмуду поступают те, кто ненавидит и отталкивает караимов. Ссылаясь на авторитетные мнения гаонов* Гая и Маймонида, Мизрахи настаивал на том, что талмудисты не только вправе, но просто обязаны относиться к караимам как к евреям. Кроме того, он указывал, что нетерпимость приведет к упадку еврейского образования, так как до сих пор в немалой степени именно соперничество и желание превзойти стамбульских караимов способствовали успехам учеников-талмудистов. К тому же Элия Мизрахи заметил, что прибывающие в Стамбул испанские и португальские евреи вовсе не считают и впредь вряд

* Гаон – здесь глава религиозной школы, крупнейший религиозный авторитет.

ли сочтут себя связанными этим проклятием. Скорее всего, они не будут обращать на него внимания и не откажутся от контактов с давними обитателями этого города – караимами⁴.

В этот ранний период Османской империи евреи Стамбула имели своего представителя при дворе, называвшегося на турецкий манер кяхья*, имевшего доступ к высшим сановникам и самому султану. В правление султана Сулеймана I Кануни (Законодателя) эти функции выполнял Шалтиель, характеризовавшийся еврейскими источниками как чрезвычайно ловкий и успешный человек, к тому же владевший турецким языком. Нередки были случаи притеснений и насилия со стороны мусульман и христиан в отношении евреев. Также имел место произвол провинциальных властей. Кяхья Шалтиель вступался за единоверцев и за деньги добивался при дворе для них благоприятного исхода дел. В 1519 г. он был смещен с должности по требованию общин, которые он представлял при дворе. Очевидно Шалтиель задел интересы влиятельных членов общины, но с уходом ловкого ходатая, имевшего связи с властью имущими и с благожелательно настроенным к нему султаном, многие евреи поняли, сколь необходимым было присутствие при дворе такого человека.

В мае 1520 г. по решению раввинов и представителей общинных советов Шалтиеля вернули на прежнее место, обязав его выполнить следующие условия: без согласия общин не вести какие-либо переговоры и дела с везирами и султаном; не злоупотреблять своим положением и влиянием в целях собственной выгоды и в ущерб единоверцам; не привлекать к своим обязанностям при дворе сыновей. Однако на этом конфликт не закончился. Решение о восстановлении Шалтиеля в прежней должности вызвало негодование части общины, очевидно тех, кто инициировал его отстранение. Как сообщает еврейский источник: «Некоторые злобные фанатики, не учившиеся ничему порядочному, желавшие, чтобы невежественная толпа считала их святыми; эти лисята, которые портят виноградник Г-спода, готовые сеять лишь раздор», протестовали против отмены решения об отстранении Шалтиеля. И все же большинство раввинов высказалось в его пользу. Среди них были главный раввин Стамбула Элия Мизрахи, Яков Там ибн-Яхья, Авраам ибн-Яишь, Иуда бен-Булат и другие, как испанские, так и немецкие, представители раввината⁹.

* Кяхья (кетхуда) – здесь избранный или назначенный представитель общины, группы, цеха.

Как уже говорилось, этнорелигиозные меньшинства в городах средневековья, как на Западе, так и на Востоке, обитали в отдельных кварталах, где центром были культовые сооружения: мечеть, церковь или синагога в зависимости от вероисповедания жителей. Иногда кварталы разделялись стенами. За пределами квартала, за пределами общины в те времена мало кто мог выжить в одиночку. Община была средой обитания, опорой, защитой. В те времена контакты между членами различных общин были минимальными.

Население средневековых османских городов различалось и внешним видом: одеждой, головным убором, обувью. На подобных отличиях настаивали подчас сами общины, а бывало, что и власти. В некоторых источниках сообщается, что обязательная, даже принудительная, форма одежды для евреев была введена после 1600 г. Раньше некоторые из них носили тюрбаны, свернутые из белой кисеи, наподобие головных уборов, которые отличали мулл. Об этом сообщает с характерным подтекстом один из европейских авторов: «Евреи, приезжающие в Италию из Турции, показываются в белых тюрбанах, носить которые было привилегией турок. Им же полагались желтые головные уборы». Как уверяет далее автор, «это хитрость с их стороны, ибо таким образом они могут воспользоваться доброй репутацией турок, которых на Западе принимают лучше, чем евреев. С 1566 г. миланских евреев обязали носить желтую шапку, и это не первое предупреждение им»¹⁰. Красноречивый пассаж! Автор, возможно, искренне заблуждался, но не исключено, что не говорил всей правды. «Добрая» репутация турок и, конечно, несравнимо лучшее отношение к ним, чем к евреям, объяснялись не столько их мифическими достоинствами, сколько страхом, который внушали европейцам военное могущество и завоевания турок. Сила, способность внушить страх – до сих пор реальная основа и «доброй» репутации, и права отдельных стран и народов!

В Османской империи евреев сначала обязали носить тафьи из красного сукна, а после 1008 г. хиджры (1600 г.) власти предписали им надевать тафьи из черного сукна.

Профессии османских евреев отличались большим разнообразием. Упомянутый Эвлия Челеби сообщал, что они занимались кожевенным производством (выделкой пергамента и сафьяна), изготавливали алкогольные напитки, в основном раки (разновидность водки), вели торговлю шелком и другими тканями. Среди них были аптекари, оружейники, мясни-

ки, содержатели питейных заведений, но все же большую часть последних составляли греки. Турецкий путешественник видел евреев-фокусников, жонглеров, танцоров, странствующих музыкантов. Полуофициально они работали на монетном дворе, занимались откупом налогов, нередко выполняли различные посреднические функции между турками и европейцами. Посещавшие страну европейцы считали евреев прирожденными переводчиками, без которых нельзя было обойтись на переговорах: «Те, кто выехал из Испании, Германии, Венгрии, Богемии и других стран, обучали языкам стран исхода своих детей, а дети еще усвоили и языки новых мест их пребывания: греческий, турецкий, арабский, армянский, итальянский, славянские. Евреи Турции нередко говорят на четырех-пяти языках, но попадают и такие, которые знают десять-двенадцать. Они (т.е. прибывшие в страну маршаны. – И.Ф.) научили турок способам ведения торговли и европейским методам механического производства¹¹.

Евреям поручали небезопасные дипломатические миссии. В 1477 г. Мехмед II отправил в Венецию посланца-еврея заключить мирный договор с этой республикой, требуя в качестве неперемennого условия уступки города Лепанто. Посланец, чье имя осталось неизвестным, забрал у вассала Венеции правителя Крита письмо и на итальянском судне отплыл в Венецию. Вскоре судно захватили корсары. Раненому в бою посланцу пираты отрезали палец вместе с драгоценным перстнем. От потери крови он скончался близ Каподистрии¹².

В царствование султана Мехмеда IV (1648–1687) великий везир Мехмед-паша Кёпрюлю из династии сильных и самостоятельных великих везиров, управлявших империей в XVII в., также воспользовался услугами еврея-дипломата. Великий везир должен был ответить шведскому королю Карлу XII Августу на предложение заключить союз против России. С ответной миссией Мехмед-паша направил в Стокгольм Моисея бен-Иегуду Бебери. Великий везир соглашался заключить предложенный союз при условии, что Швеция прекратит все отношения с трансильванским князем Дьёрдем Ракоци II, поднявшим восстание против султана в 1648 г. Случилось так, что посол надолго задержался в Швеции и умер в Амстердаме в 1674 г. После его смерти сложные переговоры в Швеции продолжил его сын Иегуда Бебери¹³.

Евреи принимали участие в дипломатических переговорах на завершающей стадии войны 1699 г. Союз католичес-

ких государств (Священная лига), состоявший из Австрии, Польши и Венеции, был создан в 1684 г. при деятельном участии римской курии для более эффективного противостояния туркам, с которыми эти страны воевали с 1683 г. В 1686 г. к Священной лиге присоединилась Россия. В таком составе коалиции четырех государств удалось нанести поражение туркам. Мирные соглашения вырабатывались в 1689–1699 гг. на Карловицком конгрессе. Османскую сторону представлял медик Исразль Конеглиано (иногда его называют Коньяно) и по совместительству дипломат. Карловицкие соглашения были утверждены в 1700 г. Константинопольским мирным договором.

Медик султана Ахмеда III (1703–1730) португальский еврей Даниэль Фонсека также выполнял дипломатические поручения. В 1709 г. формирования Петра I разгромили под Полтавой войска короля Швеции Карла XII. Король бежал и нашел убежище в Бендерах, тогдашних владениях султана. Карл XII предложил Ахмеду III наступательный союз против России. С турецкой стороны в этих переговорах принял участие Даниэль Фонсека.

Многие европейские авторы, враждебно настроенные по отношению к евреям, ставили им в вину такие качества, как ловкость, сноровку, изворотливость в делах. Цинкайзен полагал, что именно эти черты помогали евреям добиться расположения султана и его приближенных. Он утверждал, что евреи впервые получили доступ во дворец в качестве странствующих музыкантов и комедиантов со времен известного своей распущенностью и пьянством султана Селима II, сына Сулеймана Кануни и украинки Роксоланы*.

Находившийся в середине XVI в. в османской столице Стефан Герлах сообщал о еврейском оркестре из пяти музыкантов, игравших на скрипке, лютне, цимбалах, литаврах и кобзе^{1*}. И хотя автор записок скверно отзывался об услышанной музыке, очевидно, султану она понравилась, поскольку музыкантов много раз звали во дворец¹⁴.

Одним из традиционных занятий в еврейской среде была медицина. При дворах европейских и восточных владык

* В действительности первыми евреями при османском, как многих других дворах, гораздо раньше указанного периода были медики.

^{1*} Старинный струнный щипковый инструмент, распространенный на Украине в XVI в.

нередко состояли евреи-лекари. При османском дворе, помимо уже упомянутой семьи Гамон, служили и другие медики-евреи.

Столь же традиционно евреи играли заметную роль в торговле, финансовых операциях, откупе налогов. Известные энергия и предприимчивость давали им возможность действовать не без успеха в самых различных сферах, преодолевать неблагоприятные обстоятельства и чинимые им постоянно препятствия. Эти качества стали единственным средством выживания тех, кто не погиб в гонениях, погромах, повседневных унижениях.

Первая типография, основанная в Стамбуле в 1494 г., была еврейской¹⁵. Ее открыли выходцы с Пиренейского полуострова. Для сравнения: первая армянская типография была открыта в 1567 г., а греческая – в 1624. Что касается первой турецкой типографии, использовавшей для книгопечатания арабский шрифт, то она была основана в 1729 г. Ибрахимом Мюттеферика, венгром, принявшим ислам.

В Стамбуле в течение четырех с половиной столетий издавались раввинистские сборники документов, содержавшие информацию о социальной, культурной, политической и экономической жизни еврейских общин. Многие из этих сборников были уничтожены частыми пожарами в городе. Помимо естественных причин, пожары случались и вследствие поджогов, которые практиковались янычарами с целью грабежей.

В XVI в. появилась новая большая волна беженцев из Португалии, Италии, Южной Франции, пополнивших еврейские общины Балкан и Стамбула. Помимо типографии, сефарды привезли с собой новые технологии литья металлов и производства тканей. Довольно скоро, по свидетельству османских хронистов и европейских путешественников, пришельцы заняли в столице заметное место. Причем авторы исторических записок не проявляли ни малейшего расположения или сочувствия к евреям. Француз Мишель Февр писал: «Они (евреи. – *И.Ф.*) настолько искусны и ловки, что сделались необходимыми буквально всем. Вы не найдете ни одного известного турецкого семейства, ни одного иностранного торговца, у которых бы на службе не состоял еврей. Он был нужен в самых разных делах, будь то оценка товаров, качество которых он знал; будь то работа переводчика или же советника в сложных ситуациях. Евреи были отлично осведомлены обо всем, что происходило в городе: где, что, в каком количестве и какого качества можно было найти, если

данный товар продавался или обменивался. Без такого рода услуг – нет торговли*». Далее француз обратил внимание на то, что грекам и армянам, по крайней мере до XVII в., трудно было с ними конкурировать¹⁶. Дипломаты и торговцы христианских держав пытались подкупом расположить в свою пользу нужных им евреев.

Однако уже во второй половине XVII в. сильную конкуренцию в торговле и предпринимательстве евреям составляли греки-фанариоты – потомки знатных и богатых византийских родов, которые постепенно захватывали ключевые позиции в финансовых операциях, откупам и торговле.

Султаны, правившие в XV–XVI вв., будучи сильными, самостоятельными личностями, отличались относительной веротерпимостью к иноконфессиональным меньшинствам, евреям в том числе, хотя и тогда при дворе не было недостатка в клевете, вражде, агрессии. Характерен следующий эпизод. Султану Селиму I для завоевательных походов в Египет и другие страны Ближнего Востока нужны были деньги и немалые. Большую сумму он взял в долг у некоего еврея, который вскоре умер, не успев получить своих денег. Дефтердар (казначей) в специальном письменном обращении (мюзеккере) к султану убеждал его не возвращать денег наследникам скончавшегося еврея-заимодавца. Прочитав послание, султан будто бы написал на нем следующую фразу: «Merhuma rahmet, yetimlerine afiyet, maline bereket, gammaza lânet», то есть «Милость божья да пребудет с покойным, здоровье – осиротевшим, изобилие их имуществу, а доносчику – проклятье». Тогда или немного позднее, по свидетельству Эвлия Челеби, дефтердаром Селима I был обратившийся в ислам еврей, получивший новое имя Абдул Селим¹⁷.

Достоверно известно, что султан Сулейман I Кануни сумел защитить своих подданных-евреев от преследований папы Павла IV (бывшего кардинала Каррафы), жестокого фанатика, пытавшегося покончить с протестантизмом и уничтожавшего тогда же на кострах европейских евреев, в том числе марранов.

Разобщенные еврейские общины в Стамбуле в какой-то мере консолидировала ненависть к ним греков и других христиан. Греков возмущало, что евреи добились права присутствовать вместе с ними на официальных церемониях. Они

* В современном мире такого рода занятия называют маркетингом.

жаловались османским властям, утверждая, что греческие духовные иерархи уже потому выше иудейских, что их патриархат был учрежден раньше главного раввината. В ответ евреи приводили свои аргументы. В правление султана Мурада IV (1623–1640), когда в султанскую канцелярию поступало особенно много жалоб от греков, евреи ссылались на численное превосходство своих общин над другими немусульманскими миллетами. Данные Эвлия Челеби, побывавшего в Стамбуле в первой четверти XVII в., подтверждают это. По его сведениям, тогда в Стамбуле было 657 еврейских домохозяйств, 304 – греческих, 27 – армянских и 17 домов, принадлежавших европейцам¹⁸.

В годы правления Мурада IV отмечались спровоцированные фанатиками эксцессы из-за «кровавого навета» – клеветы, которую нередко использовали как повод к погромам. Царствование этого султана омрачили и пожары, опустошившие значительную часть кварталов города, в том числе еврейские. Как уже говорилось, романиоты жили обособленно от сефардов. Но пожары – бич всего населения столицы – вынудили нескольких сефардских семей искать убежища в квартале романиотов и посещать их синагогу. Пострадавшим от пожара романиотам, в свою очередь, пришлось ходить в близлежащую к ним уцелевшую при пожаре сефардскую синагогу. Таким образом, вследствие крайних обстоятельств хотя бы временно была преодолена стена отчуждения, долгое время разделявшая еврейские общины.

Практическую сторону еврейской религиозной жизни составляла деятельность благотворительных обществ. Они содержали больницы, школы, дома призрения сирот, лиц, нуждавшихся в помощи. В 1624 г. некто Моисей Залма оставил по завещанию 10 000 аспр благотворительному обществу романиотов (*Bikur holim*) и столько же в пользу школы сефардов Талмуд-Тора¹⁹. Благотворительные общества и фонды не были стабильными. Их деятельность зависела и от источников финансирования, которые могли иссякнуть, и от степени усердия тех лиц, которые были в них заняты. Все же к концу XIX в. таких фондов стало значительно больше, и результаты их работы оказались заметнее, чем это было раньше.

В XVII в. община романиотов постепенно приходит в упадок. Пожары уничтожили их синагогу и жилые дома. Романиоты рассеялись и смешались с евреями других общин. Не столь многочисленные, как сефарды, ашкеназские евреи, однако, выстояли. В XVII в. их община пополнилась и усили-

лась за счет единоверцев, бежавших от погромов с Украины и Польши в 1648–1660 гг.

Есть сведения, что трагические события – резня евреев на Украине, учиненная бандами Богдана Хмельницкого, – стали одной из причин консолидации общин сефардов и ашкенази. Многие евреи, захваченные казаками и татарами, были выкуплены потомками испанских изгнанников.

С XVII в. становятся заметными признаки упадка еврейских общин. Положение усугубилось в XVIII–XIX вв. Бедность населения достигла такой степени, что пришлось закрыть еврейскую типографию. Нужные книги теперь печатал армянин Богхос Арароглу.

В середине XVIII в. была ограничена торговля алкогольными напитками, которой занимались и христиане, и евреи (мусульманам алкоголь запрещен религиозными предписаниями). Султан Махмуд I (1730–1754) обнародовал указ, не допускавший впредь доставку в Стамбул вина и водки на судах, принадлежавших христианам и евреям. Правда, следующим указом султан разрешил евреям доставку около 10,3 л вина для собственных религиозных нужд при условии, что его не станут продавать в питейных заведениях. Еще одним указом производителям дозволялось продавать виноград торговцам-мусульманам, а евреям и христианам запрещено было продавать виноград в количестве, хоть малую толику превышавшем возможность изготовления даже одного стакана вина²⁰.

К 1772 г. финансовое положение еврейских общин Стамбула стало совсем плачевным. Их долг казне достиг 325 000 пиастров, а доходы не могли сбалансировать бюджет. Османские власти мобилизовали 300 из 1500 должников, не уплативших налоги, для вспомогательных работ на нужды армии, воевавшей тогда с Россией.

В 1798–1800 гг. Порты требовала, чтобы стамбульские евреи несли морскую службу в качестве матросов. Такая необходимость была обусловлена военной экспедицией Наполеона в Египет, входивший тогда в состав Османской империи. Как известно, египетская кампания не принесла Наполеону успеха, несмотря на первоначальные победы и разгром египетских войск. Матросы-евреи вернулись домой, но на этом воинская повинность, о которой мало писали, для них не окончилась. В 1821 г. туркам пришлось подавлять греческое восстание, которое быстро захватывало все новые территории. Чтобы увеличить состав матросов, отправлен-

ных на борьбу с повстанцами, правительство обратилось к еврейской общине с требованием предоставить в его распоряжение 30 человек от кварталов в Хаскёе и столько же от кварталов в Балате. Предписание стамбульских властей пришлось выполнить. Греческое восстание при Махмуде II, продолжавшееся до 1825 г., поддержанное многими европейскими странами и особенно Россией, закончилось провозглашением независимой Греции. Но события этого восстания не оставили в стороне евреев Стамбула, которых против их воли враждующие стороны вовлекали в свои распри.

27 апреля 1821 г. в первый день православной Пасхи патриарх Константинопольский, обвиненный властями в причастности к восстанию, был повешен в греческом квартале на воротах кафедрального собора. Присутствовавший на казни великий везир Али-паша Бендерли, заметив в толпе нескольких евреев, обратился к ним с насмешливым приветствием: «Добро пожаловать, евреи! Вот перед вами повешенный враг наш и ваш! Приказываю вам бросить его в море!» Трое смертельно напуганных евреев Мутал, Бишатчи и Леви не посмели уклониться от приказа, который трудно было не исполнить, и потащили труп патриарха к набережной Золотого Рога. Эти вынужденные действия позднее стали поводом к уничтожению греками нескольких еврейских общин Мореи. Тогда пострадало около 5000 человек²¹.

К середине XIX в. евреи Стамбула все еще были разобщены, что весьма затрудняло защиту их интересов. В первой трети XVI в. после смерти Элия Мизрахи был упразднен главный раввинат. Это произошло из-за длительных распрей в самих общинах, которые то тлели, как угли, то вспыхивали шумными ссорами. Тогда в XVI в. романиоты избрали новым главным раввином из своей среды Иешуа Кандиоти, которого при жизни отличал Мизрахи. Численно возросшие и усилившиеся к тому времени общины сефардов не пожелали признать главного раввина-романиота, а выбрали кандидата-сефарда, поскольку все их раввины были только из их общины. Раскол покончил с официально признанным постом хахам-баши. Пост был упразднен, но налог за него – рав-акчеси – общины продолжали платить. В 1836 г. по ходатайству еврейских общин турки согласились восстановить главный раввинат. После длительного перерыва в несколько столетий главным раввином стал Абрахам Леви.

В XIX в. османским евреям, общины которых слабели и нищали, неоднократно пытались помочь их преуспевшие ев-

ропейские единоверцы. В 1854 г. один из распорядителей благотворительного фонда Ротшильдов Альбер Коэн, возвращаясь из Иерусалима, посетил Стамбул и был принят известным реформатором Танзимата великим везиром Мустафой Решидом-пашой. Коэн попросил великого везира представить его султану, находившемуся во дворце Чераган. Просьбу его выполнили, и ему была дана аудиенция. Ободренный благожелательным приемом, Коэн намекнул на проблемы еврейских общин и просил султана о милости к еврейским подданным. Абдул Меджид I ответил, что не признает никаких различий между своими подданными-реая, которые пользуются одинаково всеми правами и привилегиями²². Трудно было ожидать другого ответа. Ни один султан не мог и не собирался решать проблемы какой-либо немусульманской общины, если сама община не была способна к консолидации и самоорганизации – важнейшим условиям и выживания, и прогресса.

В апреле 1873 г. барон Гирш, известный коммерсант и предприниматель, был принят в Стамбуле султаном Абдул Азизом. Во время аудиенции он обратил внимание султана на плачевное состояние еврейских общин империи. Барон просил султана включить нескольких евреев Румелии (европейская часть османского государства) в администрацию восточных железных дорог и телеграфа, в строительстве которых он намеревался принять участие²³.

Концессия на строительство железных дорог в Румелии, еще в 1868 г. предоставленная бельгийской компании, перешла к барону Гиршу, но гораздо позже. Сроки строительства отодвигались сначала из-за восстания в Боснии, потом вследствие франко-прусской войны 1870 г., когда часть строителей была призвана в армию. Работа затягивалась и оттого, что после смерти великого везира-реформатора Аали-паши в правительстве возник «вакуум власти». Вот почему барон Гирш попал к султану лишь в 1873 г.

Султан ответил, что при всем желании не сможет выполнить просьбу барона. Он объяснил, что местные евреи не пригодны к такой работе, во-первых, в силу отсутствия у них необходимого образования, а во-вторых, из-за незнания турецкого языка. Барон поначалу был обескуражен. Однако, как сообщала газета «El Nacional» в апреле 1874 г., беседа с султаном побудила его оказать содействие организации школьного образования турецких евреев, он пожертвовал тогда весьма значительные средства.

Начинать преобразования в еврейской общине необходимо было с организации учебного процесса. Система обучения в еврейских школах и в середине XIX в. оставалась ниже всякой критики. Окончившие их знали четыре арифметические действия да несколько религиозных текстов на ладино (иудео-испанском наречии). В школах отсутствовала информация о секулярных знаниях: математике, физике, всеобщей истории и географии; отсутствовало в программах изучение иностранных языков, открывавших доступ к современному образованию и науке.

Реформы Танзимата, провозглашавшие равенство всех подданных султана независимо от вероисповедания, равенство хотя бы декларативное, казалось бы, открывали перед османскими евреями заманчивые перспективы. Но встречи с ними были без всякого энтузиазма. Мало того, реформы внесли еще большую сумятицу и раздор в и без того нестабильные, враждовавшие между собой группы населения.

Еврейские общины пережили не одно тысячелетие. В вынужденных странствиях и скитаниях из страны в страну они сохранились благодаря строгой приверженности религиозному закону и традициям, даже, как это ни покажется парадоксальным, благодаря изоляции от других народов, благодаря стене вражды и отчуждения от окружающего мира. Они уцелели в страшных гонениях, под угрозой массового уничтожения и не только во времена инквизиции. Но вот пришла эпоха революций и свобод. Со второй трети XIX в. реформы стали проводиться и в Османской империи. В еврейских общинах многие почувствовали угрозу самим основам еврейской жизни именно тогда, когда были сняты средневековые ограничения: в передвижении, образовании, занятиях, в одежде и внешнем облике. Рванувшаяся в открытую дверь к знаниям, светскому образованию и образу жизни еврейская молодежь разительно отличалась от своих отцов.

Когда неевреи и часть евреев упрекали «ретроградов» в индифферентности к реформам Танзимата, в неспособности понять различие между языком и религией, они не могли себе представить очень скорых последствий таких реформ, от которых в общинах еще не было противоядия. Противоядия от угрозы ассимиляции, исчезновения народа, тогда еще не имевшего своего «угла», своего государства. Когда «прогрессисты» писали о том, что «ретрограды» в своем ослеплении полагают, что изучать иностранный язык равносильно принятию новой веры, они видели лишь одну сторону меда-

ли. Очень скоро пришли времена, когда евреи прекрасно освоили язык страны пребывания, создавали литературу на некогда чужих для них языках, даже стали классиками, подобно Гейне, Пастернаку, Мандельштаму. Но какова была цена! Целые поколения евреев, прежде всего Европы, утратили свой язык и религию, почти утратили национальность. Найти баланс между самоидентификацией, собственной самобытной культурой и столь же необходимыми для дальнейшего выживания и сохранения народа новыми знаниями и образом жизни оказалось сложнейшей задачей! В сходное положение попали и турки, вынужденные европеизироваться под угрозой гибели государства.

Создавая собственную цивилизацию, европейские народы заимствовали чужие изобретения и открытия. Но при этом они сохраняли собственные традиции и стиль повседневной жизни. Турки же воспринимают обычаи, чуждые их культуре. И вот что получается в итоге: «Турок, который воспринимает европейскую цивилизацию и при этом отказывается от своих национальных обычаев и морали, становится... цивилизованным человеком, но это уже не турок. Чтобы быть цивилизованным турком, он должен сохранить свое национальное лицо»²⁴, – говорилось в статье об этике и национальных обычаях турок, опубликованной в газете «Сабах» («Утро»). Такие проблемы занимали наиболее развитую часть турецкого общества, в котором, как и в России, существовали и «западники», и «почвенники». Как и для евреев, для турок было чрезвычайно сложно дозировать заимствования цивилизации, сложившейся в иной религиозной системе.

Биограф упомянутого выше Альбера Козна Исидор Лозб в 1854 г. описывал свои впечатления от Стамбула: «Еврейские общины Константинополя утратили прежнюю значимость. Обосновавшись в Османской империи после изгнания из Испании, они и их потомки занимали высшие посты, являлись влиятельным элементом в государстве. Мало-помалу греки и армяне вытеснили их с высоких административных постов, они также утратили прежние позиции в коммерции»²⁵. Регресс общин Исидор Лозб объяснял недостатком интеллектуальных достижений и общей культуры в этот период их истории, как и отсутствием всеми признанных сильных лидеров. Однако все это можно отнести скорее к следствию упадка общинной жизни, нежели к его причинам.

Известный знаток османских реалий XIX в. Убичини, в свою очередь, интерпретировал бедственное положение

стамбульских евреев и отчасти связывал его с реформами: «С 1859 года разногласия в общине вызваны, как это ни покажется странным, реформами и внедрением светского элемента, размывающими прежние ее институты, в то время как новые еще не успели утвердиться. Отсюда смятение, разлад, нестабильность в общине»²⁶.

Попытка османских властей объединить разобщенные этносы общей целью укрепления разваливавшейся империи, и прежде всего объединить разноязыкую молодежь общей системой образования, которое велось бы, конечно, на турецком языке, не была успешной. Каждая община имела приоритетом собственную религию, интересы своего этноса. Не случайно большевики в России, придя к власти и желая добиться унифицированного, послушного властям населения, уничтожали не только классы, но и религиозные институты различных общин, до чего турки в XIX в. еще не додумались.

В 1847 г. султан Абдул Меджид I посетил основанную несколько лет назад военно-медицинскую школу. Обратив внимание на отсутствие учащихся-евреев, тогда как там были дети из армянских и греческих семей, он спросил о причинах этого.

Высокому гостю ответили, что еврейские дети не могут обучаться в школе по религиозным мотивам: требовалось специальное приготовление еды (кашрут), соблюдение субботы, всех религиозных праздников. Султан распорядился устранить препятствия к обучению евреев и внимательно отнестись к их религиозным нуждам. Очень быстро все было сделано. Под контролем раввината оборудовали кошерную кухню, организовали религиозную службу, еврейским ученикам предоставили свободу покидать школу в пятницу и возвращаться в воскресенье. Той же свободой они пользовались в дни своих праздников. И все же в середине XIX в. учеников из еврейских семей, посещавших медицинскую школу или другие учебные заведения, было совсем немного.

20 сафера 1258 г. хиджры (5 апреля 1842 г.) правительство обратилось в главный раввинат с предложением убедить еврейских акушеров пройти курс специального обучения в медицинской школе. Ни одна акушерка на это не откликнулась.

Директор лицея Галата Сарай, основанного в 1864 г., господин де Сальв следующим образом объяснял отношение еврейских общин Стамбула к реформаторской политике правительства: «Евреи страны большей частью испанского проис-

хождения, откуда их некогда изгнала инквизиция, сохранили религиозную нетерпимость, от которой и сами страдают. Они не могут решиться поместить своих детей в мусульманское учреждение, управляемое к тому же христианами*. Менее фанатичные из них требуют для своих единоверцев особо приготовленную пищу, что порождает тысячу сложностей и в принципе разрушает то единство, которое власти хотят установить».

У евреев были основания не доверять иноверческим школам и учителям. Сами евреи никогда не поощряли прозелитизм, но нередко становились жертвами попыток обратить их в чужую веру.

Религиозная пропаганда иезуитов (орден был основан в 1534 г.) активизировалась в Стамбуле в XVI – начале XVII в. и была обращена к грекам и евреям. Греки пытались бороться. Патриарх Константинополя подал жалобу султану с просьбой положить конец деятельности агрессивных католиков. Но верх одержало влияние французского посла, взявшего их под свою защиту.

В 1609 г., в царствование султана Ахмеда I, нескольких еврейских детей иезуитам удалось обратить в католицизм. Жалобы еврейской общины Стамбула тоже не дали результата. Иезуитов изгнали из страны лишь тогда, когда их активность стала угрожать и властям. Но они опять через некоторое время появились в Османской империи, где начали открывать свои школы.

Свои школы открывали в Стамбуле и протестанты. В еврейские газеты попал отчет директора одной из таких школ в Хаскее, основанной в 1868 г. Отчет был адресован руководству центрального офиса в Лондоне:

«Когда я основал школу, – говорилось в отчете, – было время еврейской Пасхи. Поэтому наше учреждение закрыли на три недели. Когда оно открылось, в школу записались 50 детей. На следующий день пришли 72 ребенка, а позднее их стало еще больше. Обучение я начал с уроков английского языка, поскольку очень многие из них говорили только на ладино, а несколько учеников на идише. Основой программы был Ветхий и Новый Завет, как и ряд других христианских сочинений. Я старался, чтобы мои ученики запомнили христианские молитвы, так как был убежден, что в добрый час эти свидетельства веры посеют в их невинных

* Имеются в виду преподаватели-европейцы, приглашенные в Стамбул османским правительством.

сердцах добрые семена для будущего развития. Вот что им читали в последние месяцы: пять глав из Евангелия св. Матфея, шесть глав из св. Марка, восемь – из св. Луки, восемь – из Посланий св. Иоанна. Дети столь охотно включились в учебу, что девочки даже отказываются учить иврит.

Маленькие евреи уже знают 13 догматов христианской веры, и их привязанность к Христу растет изо дня в день. Кроме того, мальчики изучают арифметику и географию, а девочки обучаются шитью и вышивке. Впрочем, родители очень бедны и с удовольствием, даже с энтузиазмом, посылают детей в нашу школу, где все бесплатно: учебники, одежда, обувь, питание. Именно поэтому наши усилия вполне могут стать успешными»²⁷.

Отчет в газетах, выходивших на ладино, очень впечатлил читающую публику. Главный раввинат Стамбула взял под свой контроль школьное образование евреев. В немалой степени открытие новых еврейских школ Всеобщего еврейского альянса в 1870–1880-х гг. было стимулировано этой публикацией. Альянс был создан в 1860 г. группой французских евреев для просветительских целей и борьбы с дискриминацией единоверцев в разных странах мира.

Османские власти принимали меры для распространения прежде всего начального образования среди всех слоев населения. В 1857 г. Департамент народного образования, входивший ранее в ведомство шейх-уль-ислама, был преобразован в независимое министерство.

В 1867 г. специальным декретом дети немусульман были допущены к обучению в начальных школах рушдие, а также в школы более высоких ступеней, включая университет. Сообщалось, что университет посещают не только еврейские юноши, но и девушки.

Члены общины внимательно следили за строгим соблюдением в школах, где обучались еврейские дети, религиозных предписаний. Сохранилось их письмо директору той же султанской медицинской школы, о которой уже шла речь, датированное 11 реджеба 1282 г. (30 ноября 1865 г.). Вот его фрагмент: «Поскольку контроль за едой и напитками еврейских учеников, посещающих султанскую медицинскую школу, до сих пор осуществлялся единственным учителем (калфой), то вследствие разделения учеников, вызванного разделением классов, стало очевидным, что один человек (калфа) не может контролировать и религиозную службу и кашрут для учеников Галаты и Гюльхане. А поэтому было бы целесооб-

разным назначить еще одного калфу. В этом качестве мы делегируем к Вам Вашего слугу фармацевта Ясефа, рекомендуемого общиной Хаскёя. Это способный человек, имеющий диплом. Если его примут доброжелательно, он будет служить с молитвою, радостью и признательностью»²⁸.

Начиная с 1863–1873 гг., когда главным раввином был Якир Гиерон, раввинат постоянно ходатайствовал перед османскими властями о вмешательстве, чтобы пресечь посягательства на религиозный закон, с чьей бы стороны они ни исходили. Иногда ходатайства были абсурдными. Случилось, что главный раввин потребовал, чтобы стамбульские власти запретили французскому археологу-христианину вести раскопки в Палестине под тем предлогом, что этот человек оскверняет священную почву Святой земли. В общине тех лет было много проявлений интриганства, фанатизма, агрессии даже в отношении своих единоверцев.

Доктор Шпицер, еврей из Моравии, был назначен профессором анатомии и директором стамбульской медицинской школы, поскольку состоял личным медиком султана Абдул Меджида и успешно его лечил. Новый директор попытался внедрить в школе современные методы обучения, но коллеги встретили новшества в штыки. Вследствие интриг своих же единоверцев Шпицер был вскоре отстранен от работы в медицинской школе. Султан назначил его начальником канцелярии османского посольства в Вене, позднее он стал дипломатом Высокой Порты в Неаполе. Есть и другие неприглядные подобные факты.

В 1862 г. не лучшие люди общины объединили усилия, чтобы не допустить открытия школы в квартале Пири-паша, построенной при содействии известного благотворителя Авраама (Абрахама) де Камондо. В школе предполагалось преподавание иврита, турецкого и французского языков. Именно обучение последнему вызвало особое возмущение нескольких раввинов, рассматривавших подобное новшество как святотатство. Их гнев обрушился на Камондо. Графа подвергли отлучению от общины (херем), ему пришлось покинуть Стамбул в 1870 г. Инициировал всю эту протестную кампанию раввин Исаак Акриш, которого за чрезмерную активность власти в конце концов отправили за решетку. Однако у него оказался очень влиятельный заступник, и султан его помиловал. После тюрьмы неугомонный раввин продолжил «бороться за правду». На сей раз он затеял сместить главного раввина Авиغدора. Составив петицию, которую подписали

многие члены общины, Акриш сумел ее вручить лично великому везиру, известному реформатору Танзимата Фуаду-паше. Великий везир созвал на совет трех влиятельных раввинов из провинций: Хаима Палачи из Измира, Якира Гиерона из Эдирне и Менахема Коэна из Сереса. Фуад-паша надеялся, что раввины смогут положить конец распрям, расколовшим общину из-за поста главного раввина. Прибывшие высказались в пользу Авиغدора, но мир, который они пытались восстановить, оказался непрочным. Вскоре страсти вспыхнули с прежней силой, и Авигдору пришлось оставить раввинат. На его место избрали Якира Гиерона из Эдирне, который занимал этот пост в течение десяти лет, до 1873 г.

Христианские общины греков, армян и славян сумели гораздо успешнее, чем евреи, воспользоваться реформами Танзимата. Они четко определили собственные интересы и цели, консолидировались и создали эффективные национальные организации.

Законы, издававшиеся в период Танзимата (1839–1871), в равной мере были адресованы всем немусульманским миллетам. Фуад-паша предложил еврейским общинам разработать проект реформ по типу того, что был принят Портой при участии представителей христианских общин и в котором предусматривалась секуляризация многих традиционных религиозных норм. Этот проект реорганизации этнорелигиозных общин должен был соответствовать принципам хатт-ихумаюна 1856 г. Получив ираде с подписью султана, главный раввин Якир Гиерон созвал именитых людей, чтобы учредить комиссию для разработки Органического статута главного раввината (*Naḥamhane nizamnamesi*). В комиссию вошли 12 человек, а возглавляли ее 4 раввина. Подготовленный комиссией документ был утвержден султанским ираде от 20 шавваля 1281 г. хиджры (1 апреля 1864 г.), но вступил в действие лишь в 1867 г.

В предисловии к Органическому статуту упоминаются внутриобщинные распри, не только вредящие самим евреям, но и досаждающие правительству. В этом документе воспроизводились принципы общего османского гражданства и принципы равенства всех подданных империи перед обновленными ее законами. Община формально подчинилась новым правилам, но внутренние распри и раскол так и не были преодолены.

В 1866 г. раввин Шломо Камхи опубликовал брошюру с резкими нападками на караимов. В ней автор собрал все

обвинения, выдвигавшиеся против них когда-либо. Притом обвинения эти были представлены в самой оскорбительной форме. Заканчивалось произведение Камхи призывом к уничтожению караимов как делу богоугодному. Реакция общины караимов на подобное творчество была вполне предсказуема. Тотчас же они направили жалобу главному раввину с просьбой утихомирить ретивого автора, что и не замедлили исполнить. Шломо Камхи подвергся не только порицанию, но и суровому наказанию. Найденные экземпляры его сочинения сожгли.

Танзимат не смог умерить межобщинные разногласия и вражду. В 1867 г. греки подняли восстание против турок. Восстание было подавлено Эйюмером-пашой, войска которого захватили город Цфанию. Раньше всех об этом оповестила читателей еврейская газета на ладино в своем приложении «Вести с Крита». Весь тираж под громкие крики продавцов был моментально продан. Отношение еврейской улицы к произошедшему привело греков в бешенство. Жертвами очередных столкновений оказались подвернувшиеся различные торговцы-евреи, которых пришлось защищать турецкой полицией. Греческая газета «Гармония» истолковала конфликт исключительно как религиозный. Не впервые лидерам двух общин – патриарху Константинополя Грегуару и главному раввину – пришлось обращаться к единоверцам с призывами к спокойствию.

Упадок еврейских общин, обнищание населения, заметные уже в XVIII в., бросались в глаза и в XIX в., особенно иностранцам. В 1870 г. бывший американский посол при Высокой Порте М. Кэрролл Спенсер в балтиморской газете «Saturday Night» опубликовал статью о бедственном положении евреев Стамбула. Статью перепечатали в стамбульской газете «Levant Times» от 4 августа 1870 г. Не смог обойти эту тему и француз П. Боден, опубликовавший в 1872 г. брошюру «Евреи Константинополя». В предисловии автор безуспешно пытается понять, почему европейские путешественники, посещавшие Стамбул, отзывались о евреях с презрением и насмешкой. Собственные впечатления от посещения еврейских кварталов он описывает следующим образом:

«Удручающие картины, которые мы увидели на улицах пригородных районов Балата и Хаскея, глубоко затронули наши сердца: невыносимо было смотреть на еле живых людей. С первого дня мы задумались о том, как вытащить этих несчастных парий из бездны нищеты? Как вернуть к нормаль-

ной жизни трясущихся стариков, удрученных мужчин с угасшим взглядом, изможденных, прикрытых лохмотьями женщин, тянувших за руку столь же истощенных детей. Трудно себе вообразить что-либо более терзающее душу, более поразительную картину массовой нищеты несчастных еврейских семей, оставшихся без всякой помощи...

Возможно ли, – продолжает автор, – возродить к полноценной жизни народ, который некогда был инициатором всего, что мы позаимствовали на Востоке, и который даже в средние века удивлял своими способностями и трудолюбием?

И все-таки можно исправить нынешнее положение вещей, можно устранить увиденное нами зло. Для этого необходимо подготовить к современной жизни новые поколения народа, пробудить их сознание правильным и последовательным воспитанием, школьным образованием обоих полов. Чтобы подготовить молодежь к упорядоченной трудовой жизни, следует создать сеть профессиональных училищ, в которых дети могли бы продолжить учебу после начальной школы. Конечно, должны быть организованы мастерские и предприятия мануфактуры, в которых молодые люди, обучившиеся ремеслу, могли бы найти применение своим силам и умению и заработать деньги для нормальной жизни. Очень важно начать. Все зависит от первого надлежащим образом воспитанного и обученного поколения. Следующие за ним не только воспримут достигнутое первым, но и преумножат его. А результат будет обнадеживающим: эти бродящие бесцельно по улицам столицы призраки, отторгаемые всеми, исчезнут, уступив место живым людям этого же народа».

От программы возрождения еврейских общин автор переходит к ответственности христианских народов за положение евреев Турции: «Прискорбно видеть в наши дни людей, которые не понимают нас, таких же христиан, осмелившихся возвысить голос и требовать улучшения участи еврейской расы в Турции. Другие говорят нам: “Но что мы можем сделать? При чем здесь мы?” Мы убеждены: есть средство им помочь, возродить общину. И это – новая система образования, то есть обучение и воспитание трудолюбием. Нас могут спросить: “Можно ли ждать возрождения народа, у которого все в прошлом, который когда-то был инициатором всего, что мы получили с Востока, в том числе и в индустрии. Возможно ли вернуть им это трудолюбие?” Думаю, не понадобится слишком много усилий, чтобы добиться полного успеха»²⁹.

Фернан Бродель обратил внимание на периодически повторяющиеся в еврейской истории угрозы уничтожения культурной идентичности, которым народ умел противостоять: «Часто они (евреи. – И.Ф.) оказываются на грани культурной катастрофы, утраты своего лица, чему мы знаем немало примеров. Но обычно они сохраняли то, что социологи и антропологи называют “основами личности”. Евреи остаются в лоне своей веры, в центре своего мироздания, из которого ничто не способно их вырвать. Это упорство и отчаянное сопротивление – характерные черты их истории»³⁰.

Брошюра П. Бодена была издана за три года до открытия двух первых школ Всеобщего еврейского альянса. Спустя более полувека работы Альянса произошли разительные перемены. Отдельные школы в еврейских кварталах были открыты уже в конце 60-х гг. XIX в. на пожертвования отдельных благотворителей. В 1868 г. такая школа была основана упомянутым выше распорядителем фонда Ротшильдов Альбером Коэном. В 1871 г. в районе Пири-паша открылась школа, основанная раввином Якобом Саулом. Но массовое строительство школ и специально разработанная система образования для еврейских детей были предприняты, как уже говорилось, Всеобщим еврейским альянсом.

С 1874 по 1882 г. в Стамбуле было открыто 10 школ, 5 для девочек и 5 для мальчиков. Постепенно столь энергичные меры начали давать свои результаты. Знающая иностранные языки еврейская молодежь смогла включиться в экономическую, политическую и культурную жизнь страны, на равных конкурировать с выходцами из других этносов. Правда, в адрес Альянса раздавались и упреки за чрезмерную опеку общин, за то, «что он своими благодеяниями испортил турецких евреев, приучив их по всякому поводу протягивать руку за подаванием». Те, кто видел обратную сторону благодеяний Альянса, обращали внимание на отсутствие инициативы в среде самих стамбульских евреев, привыкших жить за счет Альянса и тем самым увеличивавших скупость собственных богачей. Шла ли речь о ремонте какого-либо строения, или создании какого-то произведения, или же о борьбе с эпидемией, обычными стали восклицания: «*Alianza esta alii*» (*ладино* «Альянс там») либо «*Alii no esta la Alianza!*» («Почему там нет Альянса?»). Альянс продолжал свою деятельность вплоть до установления Турецкой республики.

В соответствии с провозглашенным в документах Танзимата равенством немусульманских миллетов султанское пра-

вительство приглашало на торжественные церемонии и приемы глав религиозных конфессий. В октябре 1867 г. австрийский император Франц Иосиф I прибыл в Стамбул по приглашению султана Абдул Азиза. На приеме присутствовал и главный раввин Якир Гиерон. Он произнес приветствие высокому гостю на древнееврейском языке, которое императору перевели на французский. Два года спустя глава столичных еврейских общин присутствовал и на аудиенции, данной султаном императрице Евгении Монтихо, супруге Наполеона III.

В 1873 г. египетский хедив Исмаил-паша вел переговоры со стамбульскими властями. На приеме в честь хедива во дворце Эмирхан присутствовал главный раввин Моше Леви, воспользовавшийся случаем поблагодарить Исмаил-пашу за те льготы, которые были предоставлены евреям Египта. Евреи вновь включились в политическую жизнь страны, давшей им убежище несколько столетий назад.

Проблема совмещения традиционных религиозных и культурных ценностей с нормами западной цивилизации, что было необходимо для модернизации еврейских общин в XIX в. для их выживания в новых условиях быстро менявшегося окружающего мира, отчасти была решена для османских евреев к концу XIX столетия. Во всяком случае она уже не была столь обостренной, как несколько десятилетий тому назад. На успехи модернизации еврейских общин при сохранении собственных религиозно-культурных ценностей в начале XX в. обратил внимание известный турецкий социолог и литератор Зия Гёк Алп (1876–1924), много внимания уделявший необходимости приобщения турок к европейской цивилизации, конечно, в целях их сохранения как независимой нации в собственном государстве. В главе «К Западу» одной из важнейших своих работ «Основы тюркизма» он писал:

«Если различия национальных культур не являются помехой для их религиозного единства, то почему они должны стать препятствием для вхождения в одну цивилизацию? Например, евреи и японцы, столь чуждые европейцам в силу их национально-культурных и религиозных особенностей, тем не менее сумели войти в западную цивилизацию и стать в ней равными европейским народам. Это стало возможным, – поясняет он, – поскольку современная европейская цивилизация, возникшая в результате победы национального мышления и научного знания над христианскими догматами, должна была непременно стать светской. Тогда она может вклю-

чить в свою орбиту и мусульман, подобных туркам, и немусульман и нехристиан, подобных евреям и японцам³².

Первый парламент Турции открылся 23 декабря 1876 г. Среди его депутатов были евреи: от Стамбула – Абрахам Аджиман, от Багдада – Менахем Салах, от Боснии – Зивер, от Янины – Дэвидсон Леви. В сенат был избран Дэвидсон Кармона. В парламенте депутаты-евреи в отличие от христиан последовательно поддерживали политику османских властей, все еще рассматривая их как единственную защиту во враждебном окружении. Память о лояльности и терпимости османских султанов неизменно сохранялась в еврейских общинах. В апреле 1892 г. исполнилось 400 лет с начала бегства сефардов из Испании и прибытия первых переселенцев в Османскую империю. По этому поводу главный раввин Моше Леви был принят во дворце Йылдыз султаном Абдул Хамидом II. Главный раввин преподнес султану турецкий перевод еврейской молитвы, содержавшей признательность султанам за предоставленное в тяжелейшие времена убежище. Текст молитвы был помещен в искусно украшенный золотом альбом. Молитву эту читали в синагогах. Еврейские газеты посвятили приему у султана специальные выпуски с описанием этапов бегства из Испании.

Доверие султана к еврейским общинам подчас принимало малопривлекательные для них формы. Из всех немусульманских миллетов в конце XIX – начале XX в. только евреи оставались лояльны к султанскому правительству. Поэтому, ссылаясь на акты Танзимата о равенстве всех подданных, султан предложил Моше Леви обдумать возможность участия евреев в османских воинских формированиях. Главный раввин не мог отказаться. Вслед за согласием Моше Леви последовало одобрение общинного совета. Султан был доволен и милостив: «Двери дворца всегда открыты для вас и всех евреев», – сказал он раввину. Проект мобилизации евреев на военную службу был передан в Кабинет министров, где выразили удовлетворение столь открытой демонстрацией патриотических настроений иноверческой общины, однако не сочли момент подходящим для его реализации. Министры просчитали реакцию других немусульман империи и решили, что реализацию идеи султана стоит отложить³¹.

И в XIX, и в XX столетии в Стамбул продолжали прибывать беженцы-евреи. Как и встарь, султаны не препятствовали их переселению, предоставляя им убежище. В 1906 г. в столице появились спасавшиеся от погромов беженцы из

России. Община помогла им обустроиться на новом месте. Как и прежде, султаны охотно принимали при дворе медиков-евреев. Абдул Хамид II пригласил профессора Беера помочь в борьбе с холерой, опустошавшей в начале XX в. большие территории османского государства. Султан был доволен его работой и пожаловал медику орден Османие.

Менялись времена, что-то менялось и в жизни стамбульского населения. Неизменными оставались лишь разногласия и споры внутри еврейской общины, причем как по существенным, так и по самым ничтожным вопросам. Сохранился документ, касающийся отлучения от общины журналиста Давида Фреско. Вот его текст:

«Стамбульские газеты “Telegrafo”, а позднее и “El’Tiempo”, редактируемые Давидом Фреско, не могут не вызывать возмущения. Этот журналист уже несколько лет является проблемой для общины вследствие его статей, направленных против морали. Он не только позволяет себе насмешки над религией, врагом которой себя показывает, но к тому же считает возможным оскорблять покойных и ныне живущих раввинов и даже главного раввина не щадит. Очевидно, единственная цель этого человека – предельно унижить своими публикациями нашу святую религию. Мы не можем не реагировать на враждебные выходки именно тогда, когда происходит формирование общинного совета (meclisi cismani), который будет управлять делами общины. И в это время нам приходится закрывать глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать, как он изоцряется в дискредитации общинных институтов и тем самым разрушает общину. Поскольку он сеет семена раздора среди единоверцев, пытается разложить общинный совет, который мы формируем с большим трудом, а с момента основания его газеты мы не знаем покоя, нам не остается ничего другого как применить к вышеназванному Давиду самые жесткие меры.

В силу всего сказанного, мы, раввины, члены религиозного совета Стамбула, собрались под председательством нашего высочайшего и почитаемого главного раввина, увенчанного короной [добродетели]. Изучив все пункты этого дела в соответствии с религиозным законом, принимая во внимание слова и действия вышеназванного Давида, которые причиняют нам вред, мы решили отлучить его от религии и объявить недостойным редактировать газету. Объявляем также, что ни одна еврейская газета, ни один журнал не должны предоставлять ему возможность для публикации. Это реше-

ние принято, чтобы остановить причиняемое им зло, чтобы сохранить религию и нацию, а потому оно должно быть выполнено без каких-либо изменений³³.

15 кisleв 5645 от сотворения мира (1885 г.)»

Далее следуют 7 подписей членов религиозного совета.

Несмотря на временную приостановку выпуска газеты властями, Фреско продолжал, тем не менее, критиковать главный раввинат за царивший в нем беспорядок. Три года спустя Давид Фреско был исключен из общины. Текст отлучения был опубликован на ладино и переведен на турецкий язык для властей. Но времена были уже другие: Фреско не пропал. Его имя выплыло позднее, в 1919 г., в связи с визитом к главному раввину Хаиму Нахуму группы лиц. В их числе был Давид Фреско, по-прежнему являвшийся главным редактором газеты «El'Tiempo».

Известно, что в Младотурецкой революции 1908 г. евреи приняли участие. Некоторые весьма активно. Ниссим Руссо состоял на службе у Хюссейна Хильми-паши, главного инспектора трех вилайетов Румелии. Примкнув к младотуркам, Ниссим занимался распространением плакатов с призывами к революции, которые он клеил на стены домов в Салониках. 22 июня 1908 г. Ниссим влез на стул в одном из кафе и открыто призывал публику к восстанию против султана Абдул Хамида II. Он сотрудничал в младотурецких газетах Салоник, а позднее Стамбула. После победы революции и захвата власти младотурками Руссо с другими сторонниками партии «Единение и прогресс» прибыл в Стамбул. В новом правительстве министр финансов Джавид-бей назначил Руссо главой отделения в своем министерстве. Через некоторое время министр перевел его на другое место, но с тем же жалованьем.

Эмманюэль Карассо также вовремя примкнул к младотуркам. Он стал связным партии и обеспечивал координацию деятельности ее членов в Салониках, Стамбуле и других городах страны. Он имел еще несколько поручений и, по-видимому, удачно с ними справлялся. После революции Карассо стал депутатом младотурецкого парламента. В годы Первой мировой войны доверие властей дало ему возможность обогатиться на поставках в армию.

Сотрудником Ниссима Руссо в годы правления младотурок был Исраэль Ауэрбах, подданный Германии. Руссо и Ауэрбах были связаны с немногочисленной группой стамбульских сионистов. Оппоненты этих сторонников сионизма упрека-

ли их в своекорыстии, попытках использовать движение в собственных целях.

После принятия младотурецкой конституции 1908 г. в Стамбуле заговорили о сионизме, о доктрине Герцля. В ряде газет – «Hânevasser», «L'Aurore» (фр.), «El Judio» (ладино), («Jeune Turc») (фр.) – публиковались статьи и сообщения о сионистском движении, заявления его лидеров, отклики на них. Читавшая эти газеты еврейская публика в массе своей воспринимала их с безразличием, как нечто вовсе к ним не относящееся. Она не сомневалась в том, что движение не имеет каких-либо перспектив в Османской империи, частью которой была в те годы Палестина. Большая часть еврейской общины была занята очередным этапом внутренней борьбы. Противники главного раввина Моше Леви воспользовались событиями Младотурецкой революции 1908 г. и сместили его. Новым главным раввином стал Хаим Нахум. Однако он не устраивал другую часть недовольных, которые попытались заменить Нахума его же тестем, директором еврейской семинарии. Интриги не увенчались успехом, но нападки на главного раввина не прекращались. В этой борьбе использовались идеи сионизма. Бывший активный участник движения младотурок Ниссим Руссо, потерявший свою должность и рассорившийся со вчерашними сподвижниками, также выступил против Хаима Нахума, которому правительство выражало доверие. Руссо попытался создать в Стамбуле ячейку сионистского движения и искал для этого спонсора. К своей новой деятельности он привлек Исраэля Ауэрбаха, не имевшего османского подданства.

После балканской войны 1912 г. усилились атаки на младотурецкое правительство национальных организаций, требовавших прямого вмешательства великих держав и расчленения османского государства. В этих условиях Руссо удалось получить разрешение на создание общества, цель которого была сформулирована довольно туманно: устройство и компактное поселение евреев в османской Палестине. Вскоре власти его запретили. Что касается тех евреев, которые попали в османский парламент – Виталия Фараджи от Стамбула, Эммануэля Карассо от Салоник, Ниссима Масляха от Измира, Иехезкеля Сасоона от Багдада и сенатора Бехора Ашкенази, то они были очень далеки от сионизма и сионистов. Они сотрудничали с младотурецкими властями, поддерживали их политику.

Поражения турок в балканской войне 1912 г. способствовали успеху государственного переворота в январе 1913 г., когда к власти пришли противники младотурок иттиляфисты, члены партии «Свобода и согласие». Вчерашние сионисты Руссо и Ауэрбах при содействии Карассо создали новую патристическую организацию лояльную к новой власти, ни в какой мере не отвечающую интересам еврейских общин, названную «Национальный совет». Он помог держаться на плаву его инициаторам и в 1919 г.³⁴

Реформы затронули и очень древнюю, долгое время неизменную корпорацию раввинов, которая имела сложную структуру и разные функции. В 1912 г. были упразднены различные наименования и определения раввинов. Осталось только корпоративное звание-занятие, далее следовало, согласно документам, полное имя в соответствии с традицией. 14 июля 1914 г. был разработан регламент для корпорации раввинов Стамбула, по которому она подразделялась на 4 категории: 1) шилухе зибур и мезамерим*; 2) талмиде хахамим**; 3) раввины, входившие в общинный религиозный совет (*meclis-i umumi ruhani*); 4) семь раввинов, входивших в специальный духовный совет (*meclis-i ruhani*). Но реорганизации не сплавивали общину. Особенно большие споры вызывали выборы главного раввина. В 1911 г. общинный совет, в котором было несколько сионистов, затеял кампанию против главного раввина Хаима Нахума, избранного в 1908 г. В газете «El'Tiempo» его членов называли псевдосионистами, вероятно, имея в виду какие-то корыстные цели, которые они преследовали. Эти члены совета сумели заручиться поддержкой 20 раввинов, входивших в общинный совет, в котором из 100 членов 20 были раввинами. Упомянутая газета считала деятельность совета неконструктивной. Она упрекала этих раввинов в том, что они раскалывают совет и занимаются интригами против своих противников и конкурентов под прикрытием движения сионизма. В газете говорилось, что раввины стремились сформировать более однородный совет за счет своих сторонников. Каковы бы ни были подлинные мотивы тех или иных группировок внутри общинного совета, не вызывает сомнения прискорбный факт постоянных разногласий в общине, неумения договориться и достичь консенсуса.

Реформированию подвергся и религиозный суд бет-дин из 3–5 членов, состоявших в религиозном совете (*meclis-i*

* Тот, кто ведет молитву и молитвенные песнопения.

** Тот, кто постигает мудрость Священного писания.

ruhani), и главы. Главой суда иногда был главный раввин. В прошлом бет-дин занимался и религиозными, и гражданскими, и коммерческими вопросами, причем он решал тяжбы не только между евреями. В него в некоторых случаях обращались и неевреи, имевшие деловые отношения с евреями. В начале XX в. юрисдикция этого суда распространялась уже только на религиозные вопросы. Некогда его власть была столь велика, что он предавал проклятию и отлучению признанных виновными членов общины. В 1912 г. была реформирована процедура судебного заседания, разработан новый тариф на ведение судебного процесса и принятие решений, а также введена иная система применения цитат и ссылок, на основании которых принимались решения³⁵. И все-таки община и общинные институты менялись очень медленно, что в какой-то мере оправдывалось нестабильными условиями ее существования в XX столетии.

1 августа 1914 г. началась Первая мировая война, в которой Турция участвовала на стороне держав Центральной Европы – Германии и Австро-Венгрии. Все школы, финансируемые странами Антанты, были закрыты. Поскольку школы Всеобщего еврейского альянса были начальными, то еврейские дети, желавшие продолжать образование, посещали турецкие, французские, американские лицеи. В школах Альянса обучение велось на французском языке, а потому многие дети дальнейшее образование получали во французских колледжах и лицеях. Закрытие этих учебных заведений лишило перспектив многих учащихся. В создавшейся ситуации инициативу взяло на себя общество «Бней-Брит», основавшее еврейский лицей, в котором за основу была принята программа государственного лицея Галата-сарай, тогда лучшего в Стамбуле. Лицей открыли в 1915 г. Обучение в нем велось на французском языке, помимо него дети изучали древнееврейский, английский, немецкий, турецкий. Среди преподавателей были профессора лицея Галата-сарай, приглашенные из Франции турецким правительством. Позже это же общество «Бней-Брит» основало лицей для девочек, который из-за нехватки средств вскоре сделали смешанным. Лицей «Бней-Брит» стал одним из лучших в городе. Его посещали не только евреи, но и турки, греки, армяне, балканские славяне, поскольку он давал право держать экзамен на степень бакалавра.

Накануне Первой мировой войны число евреев Стамбула составляло примерно 80 000³⁶. В годы Мудросского перемирия, заключенного в 1918 г. и стимулировавшего в значи-

тельной мере войну турок за независимость, в Стамбул съезжались евреи из различных провинций, особенно тех, где шли бои. Много беженцев прибыло с Кавказа, где проходил фронт русско-турецких военных действий. Население города возросло, а позднее значительно сократилось.

Всеобщий экономический кризис, охвативший после войны многие страны, лишил работы массы людей. Евреи не были исключением. Турецкие порты не сразу были закрыты, что дало возможность эмигрировать в Европу и США большому числу желающих. Население Стамбула значительно сократилось. По официальным данным, к 1927 г. численность стамбульских евреев снизилась почти вдвое – до 47 035 человек.

Дальнейшая история еврейских общин Стамбула определялась уже новыми политическими и правовыми нормами республиканской Турции, в которой были разрушены и сами миллеты, и прежние традиции, и их отношения с центральной властью. Война и послевоенная разруха быстро свели на нет те преимущества, которые еврейская торговля получила в предвоенные и первые годы войны. Оставшимся в республиканской Турции евреям пришлось приспособливаться к новой власти, новым правилам игры, новым условиям существования, отнюдь не сулившим спокойной жизни.

Примечания

¹ Грец Г. История евреев... Т. 10. С. 24.

² Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 6.

³ Idem. P. 6.

⁴ Evliya Çelebi. Seyahatname. Istanbul, 1898. Т. 1. S. 114 (араб. графика).

⁵ Тодоров Н. Балканский город XV–XIX веков. С. 69.

⁶ Evliya Çelebi. Seyahatname. S. 114.

⁷ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 112.

⁸ Idem. P. 112.

⁹ Грец Г. История евреев... Т. 10. С. 25–27.

¹⁰ Belon P. Les observations de plusieurs singularités et choses mémorables... P. 181.

¹¹ Poliakov L. Histoire de l'antisémitisme. Т. I. P. 270–271.

¹² Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 5.

¹³ Idem. P. 19.

¹⁴ Gerlachs St. Des Aeltern Tage-Buch der von zween glorwürdigsten Römischen Kaysern Maximiliano und Rodolpho

beyderseits den Andern dieses Namens... Frankfurt am-Mayn, 1674. S. 402.

¹⁵ Mantran R. La vie quotidienne à Istanbul au siècle de Soliman le Magnifique. P. Hachette, 1990. P. 68, 305.

¹⁶ Fevre M. Théâtre de la Turquie... P. 138–139.

¹⁷ Evliya Çelebi. Seyahatname. T. I. S. 345.

¹⁸ Idem. S. 510.

¹⁹ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 17.

²⁰ Idem. P. 23.

²¹ Idem. P. 26–27.

²² Galanti A. Küçük türk tettebbüler. Istanbul, 1925. S. 44–46.

²³ El National. Istanbul, 24.04.1874.

²⁴ Цит. по: Kushner D. The Rise of Turkish Nationalism 1876–1908. L., 1977. P. 88.

²⁵ Loeb I. Biographie d'Albert Cohen. P., 1854. P. 53.

²⁶ Ubcini A., de Courteille P. État présent de l'Empire Ottoman. P., 1876. P. 205–208.

²⁷ Цит. по: Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 202–203.

²⁸ Idem. P. 239.

²⁹ Baudin P. Les Israélites de Constantinople. P., 1872. P. VIII–XI.

³⁰ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир... Ч. 2. С. 645.

³¹ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 34–35.

³² Gökalp Ziya. Türkçülüğün esasları. Istanbul, 1990. S. 59.

³³ Цит. по: Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 261.

³⁴ El Tiempo. Istanbul, 27.03.1914.

³⁵ El Tiempo, 3.01.1912.

³⁶ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 37.

БУДИНСКИЙ ПАШАЛЫК. ЕВРЕИ В ОСМАНСКОЙ ЧАСТИ ВЕНГРИИ. XVI–XVII века*

Турецкое господство на венгерских территориях в XVI–XVII вв. европейские историки (советские в том числе) оценивают как препятствие для развития этой части Европы. Имеются в виду, конечно, венгры. Эта же эпоха в различных исторических источниках, и еврейских, и христианских, отмечена как самая благоприятная для венгерских евреев. Венгерские власти в своих репрессиях против евреев нисколько не отставали от правителей других европейских стран. Евреев изгоняли из многих городов Венгерского королевства, в котором они жили еще во времена первых королей династии Арпадов (IX–X вв.). По традиции они служили там придворными врачами, финансовыми советниками, работали на монетном дворе.

В XVI в. Буда оказалась под властью турок, и тогда-то, по свидетельству Иосифа ха-Коэна, евреи обрели известное покровительство властей. Еврейские источники характеризуют общину Буды того периода как одну из процветающих. Правда, они сообщают о кратковременном ее упадке начиная с 1526 г., когда султан Сулейман I Кануни вывез в Стамбул еврейских ремесленников и торговцев. Расселенные в Стамбуле и других османских городах, они десятилетиями хранили традиции покинутой общины.

Военным успехам турок в Венгрии способствовал упадок королевства, симптомами которого были разорение крестьянства, внутренние распри, снижение боеспособности королевских войск.

После разгрома венгерско-чешских отрядов при Мохаче в 1526 г. Восточная и Центральная Венгрия подпали под власть турок. Небольшая часть этих территорий вошла в состав образовавшегося Трансильванского княжества, а западные земли вместе с Чехией и Хорватией были захвачены австрийскими войсками. Султан посадил на венгерский трон князя Трансильвании Яноша Заполью, а сам с богатой добычей отбыл в Стамбул.

* В этой главе использованы документы венгерских архивов, опубликованные в работе: Raj Tamás-Vasadi Peter. Jewish life in Turkish Buda. Budapest, Makkabi, 2003.

Вокруг австрийского императора объединились все антитурецкие силы. С 1526 г. и до конца XVII в. шла непрерывная борьба турок с Австрией за обладание всей венгерской территорией.

О сражении королевских войск за Буду с турками (1526 г.) источники дают подчас противоречивые сведения. Оно состоялось после битвы при Мохаче. Выиграв битву, султан Сулейман I Кануни направил войско на север, к Буде. Еврейское население осталось в городе, надеясь на толерантность турок¹. Да и деваться евреям, в сущности, было некуда, поскольку венгры изгнали их с западных земель. Именно оттуда они и прибыли в Буду. Вот как трактует сложившуюся ситуацию турецкий хронист: «Здесь, в крепости Буды, остались лишь бедняки да евреи. Когда наши знамена засверкали, как солнце, и свет их озарил город, вышеупомянутые евреи повязали вокруг шеи похоронные покрывала и вышли встречать победоносную армию с опущенными головами, моля о милосердии».

Еврейский источник сообщает о прибытии султана в город и приводит его слова: «У меня сегодня 200 000 солдат. Осмелитесь ли вы противостоять мне?» Жители Буды в страхе бежали. Евреи же остались и воззвали к Г-споду о милости. Еврейская делегация вышла навстречу султану, поклонилась, вручила ключи от города и подарки...»

Христианские летописцы по-разному излагают события, связанные с захватом города. Один из них свидетельствует, что турки, взломав ворота, ворвались в город. Начались резня и грабежи. Однако на евреев турки не нападали.

Иную картину рисует другой христианский автор. Он утверждает, что турецкие отряды грабили и жгли все и всех без разбору. Дошли они и до еврейского квартала, где якобы убили около 3500 человек. И только 20 обитателей квартала сумели спастись. Есть еще одна версия. Султан будто бы спросил евреев, не хотят ли они отправиться с ним в Малую Азию? И когда те ответили, что предпочли бы остаться, он приказал убить стариков, а женщин, детей и мужчин помоложе в качестве пленных увез с собой.

При всем разном наборе сведений многие христианские тексты, где велся подсчет погибших при взятии Буды евреев, сходятся в одном. Турки, по их мнению, считали евреев врагами, поэтому они заслуживали смерти. Однако нашедшие эти документы позднейшие венгерские исследователи полагают, что вывод христиан не надо принимать на веру. Скорее

всего это пропаганда, имевшая целью изобразить турок кровожадным, не ведающим милосердия народом. Позиция христианских авторов отнюдь не была продиктована сочувствием к евреям – эти авторы лишь стремились вызвать страх в европейцах и консолидировать антитурецкие силы.

В ряде христианских источников вообще нет упоминания о каких-либо людских потерях, но сообщается, что «турецкий император приказал посадить евреев на корабли и отправить их в города Османской империи»². Султан будто бы обещал пощаду тем, кто согласится уплыть с ним в Малую Азию. Версия эта подтверждается и другими источниками. Султану приписывается такая фраза: «После взятия Буды я захватил евреев и погрузил их на корабли». Турецкие источники однозначно оценивают этот факт как благо, избавившее евреев от нищеты. Они сообщают, что после захвата Мохача более 2000 семей были вывезены в Османскую империю, однако нигде не упоминают о резне. Впрочем, другой османский автор, описывающий захват Буды в 1526 г., сомневается в том, что евреи действительно были депортированы из города. По его сведениям, глава общины Иосиф бен-Шлёмо получил от султана Сулеймана указ, дарующий особые привилегии ему самому и его потомкам. Это подтверждено и преемниками Сулеймана, в частности султаном Абдулом Азизом, в 1868 г. продлившим действие привилегий.

Некий христианин, объявивший себя очевидцем описываемых событий, утверждал, что за три дня осады турецкие войска понесли столь крупные потери, что убитых негде было хоронить, и турки вынуждены были для погребения своих воинов воспользоваться еврейским кладбищем. Это он написал спустя три года после взятия города. Однако точную дату не привел, отчего степень достоверности его текста определить весьма трудно. Город неоднократно отвоевывался у турок австрийцами и венгерскими отрядами, правда, на непродолжительное время, и лишь в 1541 г. турки окончательно укрепились в Бude, превратив захваченные земли в обычную турецкую провинцию (Будинский пашалык). Только тогда город стал крупным административным и торговым центром западных владений султана. Поэтому быстрый, но непродолжительный успех турок в 1526 г. вряд ли мог сопровождаться такими уж огромными потерями.

Возможно, автор записок хотел убедить читателей в том, что турецкие войска вовсе не были столь непобедимы и что их успех – следствие сговора с евреями. В противном случае

разве могли бы они хоронить убитых на еврейском кладбище? Вывод его, по-видимому, один: если турки – враги, то евреи – тоже³.

Исходя из этих разнородных суждений и фактов, можно все же допустить, что в соответствии с обычной практикой турок султан Сулейман действительно мог отправить часть еврейского населения вглубь османских территорий. Вряд ли евреев о чем-либо спрашивали. Вряд ли у них был хоть какой-нибудь выбор. Насильственные перемещения малых и больших групп завоеванного населения были известны с глубокой древности. Правители стран-победительниц расселяли побежденных на своих землях для оживления хозяйственной деятельности или ради предотвращения возможных восстаний. В XV–XVI вв. османские правители вообще практиковали депортации. В 1514 г. с завоеванных иранских территорий в Стамбул была переселена группа ремесленников, а уж в 1572 г. десятую их часть вместе с семьями оттуда переместили на Кипр, дабы пополнить число сельскохозяйственных рабочих.

Известно, что после взятия турками Константинополя в 1453 г. в новую османскую столицу вместе с христианскими этническими группами были отправлены и евреи. Им предстояло содействовать восстановлению города. В Османской империи не хватало ремесленников и торговцев. Во многих турецких документах отсутствуют имена переселяемых людей. Указаны лишь их число и вероисповедание. Кстати сказать, переселенных евреев не принуждали принимать ислам. У них не отбирали детей для подготовки к службе в янычарском корпусе, от чего страдало христианское население Балкан.

Путешественник Ганс Дерншвам был удивлен, увидев, что турки не обращаются с евреями как с рабами, что их не продают на невольничьем рынке, как это часто случалось с пленными. Впрочем, в обычае евреев было выкупать из неволи своих единоверцев⁴.

В еврейской общине Буды преобладали ашкенази. Во многих других османских городах большинство составляли сефарды. Евреи, прибывавшие на новое место жительства, должны были следовать принятым там обычаям. Однако группа евреев из Буды сумела сохранить свои установления. Религиозные предписания и праздники для всех общин, конечно, были едины, но время молитвы, иногда даже тексты, за исключением псалмов Торы, не всегда совпадали. Были раз-

личия и бытового характера. Есть сведения, что полигамия, запрещенная в ашкеназских общинах, имела место у некоторых сефардов вплоть до XX в.

На новом месте евреев Буды называли «хагар», «унгурус», «будун». Их речь отличалась от языка других ашкенази. Устроились в Стамбуле они неплохо; в основном занимались торговлей. В 1554 г. их синагога была уничтожена пожаром. Пришлось ходить в синагогу других ашкенази.

Двенадцать семей венгерских евреев в 1554 г. поселились в Цфате. К 1564 г. в городе таких семей было пятнадцать. Они основали собственную ешиву, финансируемую неким Р. Ноахом, евреем из Буды, благотворителем, помогавшим бедным⁵.

Евреи Буды, волею судеб осевшие в нескольких балканских городах: Софии, Видине, Салониках и Плевне, оказались ближе к родным местам. В Плевне, правда, им не повезло. Евреи этого города отнеслись к пришельцам враждебно, с предубеждением. Запрещено было всякое общение с ними, оказание им какой-либо помощи, а также совместное обучение плевенских детей с их детьми. Отвергнутые общиной не имели права на совместное с ней обращение к воеводе в случае необходимости. Ситуация изменилась только после смены раввинов. Новые главы общины, Иосиф Леви и Леви Ицхак бен-Иаков, объявили решения своих предшественников «ничтожными», то есть недействующими. Они руководствовались принципом, по которому отлучению от общины могут быть подвергнуты только отдельные люди за конкретные провинности, но отнюдь не целые группы единомышленников⁶.

Как правило, прибывшие приспосабливались к новым порядкам, через одно-два поколения устанавливали с местной общиной семейные и деловые связи. И определить их происхождение теперь можно было лишь по имени.

Часть увезенных из Буды евреев в 1534 г. все же сумела вернуться обратно. Однако дома их к тому времени уже захватили местные жители, воспользовавшиеся нестабильностью ситуации в те годы, когда город переходил из рук в руки. Венгерские короли подтвердили «законность захватов еврейской собственности» тем обстоятельством, что евреи якобы были заодно с турками. О таких «захватах» говорится в нескольких сохранившихся документах.

Но даже в годы нестабильности (1526–1541) евреи по-прежнему занимались посредничеством, связывая между

собой таким образом различные части Венгрии. Ненавидевшая и презиравшая их венгерская знать не могла обойтись без их содействия.

Итак, турки сумели захватить Буду и укрепиться там лишь в 1541 г. В одной из венгерских хроник говорится, что в числе защитников города были евреи. Свидетельство это вряд ли достоверно. Известно, что турки добились успеха скорее в результате внутреннего раскола в среде защитников крепости, чем в ходе ожесточенной битвы. Как правило, евреи, за очень редкими исключениями, о которых будет сказано ниже, не участвовали в военных действиях и старались не поддерживать ни одну из конфликтующих сторон.

Захватившие Буду в 1541 г. турки не преследовали еврейскую общину. Они не стремились обратить в ислам местное население и делали это не в последнюю очередь из экономических соображений. Мусульмане платили налогов и таможенных пошлин значительно меньше всех прочих.

Роль евреев в деловой жизни города при турках возросла. Завоеватели не держали в Буде большой гарнизон, однако стремились обеспечить четкий контроль над доходами с паромной переправы, с таможенных сборов, с рынков и меняльных лавок, которые новые хозяева отдавали на откуп.

В 1542 г. Муса бин-Балко под сумму в 21 300 акче подписал с турецкими властями договор на трехлетнюю аренду меняльной конторы в Буде. Поручителем выступил стамбульский еврей Закария Дабос⁷.

На страницах документов, хранящихся в венгерских архивах, указаны имена сборщиков налогов и собранные ими суммы. В османских финансовых ведомствах было немало евреев. Они служили в портах Буды и Пешта (в ту эпоху двух разных городов на правом и левом берегах Дуная), занимались сбором таможенных пошлин и торговыми сборами – в частности, за продажу вина, которое для мусульман было под запретом.

Торгово-финансовые операции, нередко выполнявшие еврейями, связывали османские территории с неподвластными туркам другими венгерскими землями. Связывали они их и с городами враждебной султанам империи Габсбургов. Из Вены в Стамбул везли полотно, а из османского государства в обратном направлении отправлялись хлопок и окрашенная пряжа.

В свою очередь, паши (наместники султана) оказывали евреям содействие в сборе денег с должников Тырнова, Пре-

сбурга (ныне Братислава) и других городов на Балканах. Известно, что Мустафа-паша, заместитель вали (наместника) Буды, предписал судьям Тырнова незамедлительно обязать некоего Денеса Фекете уплатить долги двум евреям из Буды, Моисею и Абрахаму. За возврат хотя бы половины долга Фекете была обещана годовая отсрочка на остальную часть.

В более сложных случаях паша объявлял, что спорная собственность либо невыплаченный долг являются достоянием султана. В таких обстоятельствах исход дела был предreshен заранее. Но далеко не всегда отношения евреев с новыми властями складывались бесконфликтно. Есть свидетельства о чудовищных принципах «османского правосудия». Сообщается, например, о казни еврея-врача, обвиненного в 1547 г. в отравлении турок. Приговор обычно приводился в исполнение с чрезвычайной быстротой, и невинно осужденный врач не дожил до момента, когда ложность предъявленного ему обвинения стала очевидной.

Однако гораздо чаще евреи Буды, главным образом торговцы, оказывались жертвами венгерских отрядов, совершавших набеги на пограничные укрепления и требовавших выкупа за пленных. Для солдат, получавших ничтожное содержание, это был обычный способ обогащения. Зная, что евреи не оставляют в беде своих единоверцев, солдаты требовали с захваченных в дороге торговцев огромные деньги. Тот же самый Мустафа-паша в сентябре 1567 г. был оповещен, что богатый торговец из Буды по имени Моисей оказался жертвой предварительного сговора и нападения. В заговоре принял участие Симон Форгаш из Эгера. Турецкие власти не могли преследовать похитителей на неподвластной им территории, поскольку в мирное время запрещалось предпринимать военные действия. Паша отправил императору Максимилиану II письмо, требуя его вмешательства и освобождения Моисея. Имперская канцелярия запросила власти Эгера о местонахождении торговца. Капитан Форгаш солгал, ответив, что Моисея в Эгере нет. 9 февраля 1569 г. паша снова послал в Вену письмо, где утверждал, что Моисей находится именно в Эгере. Тем временем торговец и сам ухитрился отправить императору послание из Эгера, где подробно живописал и похищение, и свое ужасное положение. Из Вены командировали нескольких офицеров, которым надлежало лично допросить Форгаша. Но когда они прибыли в Эгер, пленника там уже не было. Его успели переправить в другое место. В конце концов, накануне христианского Рождества

Форгаш отпустил Моисея, взяв с него выкуп в 9000 золотых монет. Свою долю из общей суммы получил организатор похищения Гергели. Из этой истории Моисей сделал надлежащие выводы и более уже не покидал стен Буды. Турки тоже извлекли урок из случившегося. В 1582 г. некто Иштван Ньяри дал знать архиепископу Эрно, что венгерские солдаты захватили в плен трех неимущих евреев, а паша в ответ на это приказал похитить трех христиан, что и было незамедлительно сделано. О дальнейшем сведений нет⁸.

Существование евреев в галуте всегда было ненадежным, опасным, чреватым бедами и гибелью. И все же многим жизнь еврейской общины Буды при турках представлялась не такой уж скверной.

Датский дипломат Хрислэйн Бусбек, в 1553 г. посланный в Стамбул королем Кристианом III, проезжал через Буду и был удивлен тем обстоятельством, что янычары не делают различий между христианами и евреями и осуществляют за ними равный надзор.

Германский посол Стефан Герлах, тоже посетивший Буду проездом в июне 1573 г., не сомневался, что увидит погибающий под властью турок город. Однако убедился в обратном. Город процветал, чего не было прежде, многие его жители преуспевали на поприще ремесел и торговли. Все это посол объяснил присутствием в Буде многочисленного еврейского населения.

Есть документ, датированный 1587 г., где сказано, что евреи Буды жили в красивых домах, что они входили также в число богатых людей соседнего Пешта. В Буде их дома располагались внутри крепости на Еврейской улице, а большая часть общины, та, что победнее, обитала в прибрежном районе вне крепости, прямо под ее стенами⁹.

На всех подвластных им территориях османские власти регулярно проводили перепись населения, подлежавшего налогообложению. Собственность делилась по величине на три категории; это определяло налог. Минимальная оценивалась в 5000 акче, и с нее взимался налог в 12 акче. Собственник имущества, стоимостного не меньше 5000 и не больше 40 000, платил 24 акче. Если собственность стоила свыше 40 000, ее владелец платил 48 акче¹⁰. Вследствие порчи и обесценивания монеты стоимость акче постоянно снижалась, и сборщики налогов всеми способами стремились возместить убытки. Они обязывали каждого налогоплательщика клясться на Священном писании в том, что он не утаивает часть

своего имущества. Еврейская традиция, однако, запрещает приносить клятву кому бы то ни было, кроме Г-спода, а потому, имея дело с евреями, сборщики были вынуждены обходиться без этой процедуры. Позднее турецкая администрация ввела фиксированный ежегодный налог.

В качестве налогоплательщика выступал глава семьи. Подушный налог (джизье) в 1546 г. в еврейском квартале платили 50 человек, через год их осталось 48. Тогда же в черте города проживали 24 беженца-сефарда. В 1559 г. были зарегистрированы 40 плательщиков джизье. В переписи указывались имена умерших либо выбывших из города. В дальнейшем численность еврейской общины постепенно увеличивалась. В 1590 г. налогоплательщиков было уже 103 человека. К концу столетия община насчитывала около 700 человек.

Первым раввином, упомянутым в документах Буды за 1545 г., был Хаим Хакман бен-Ицхак. Назначенные им в 1569 г. два других раввина, Симха Фридман бен-Хаим и Давид Коэн бен-Яков, вошли в состав религиозного суда бетдин. Главный раввин Буды поддерживал контакты с раввином Салоник, более крупного религиозного центра, где главенствующее положение занимали сефарды. Их влияние со временем усилилось и в Буде. Глава будинской общины взаимодействовал также с раввинами Вены, Кракова, Стамбула...¹¹

Выше уже говорилось, что между 1541 и 1686 гг. венгры и австрийцы неоднократно пытались отвоевать Буду. Есть документы, содержащие описание осады города христианскими отрядами в 1602 г. Тогда евреи защищали свои дома и приняли участие в военных действиях. Нападавшие сумели пробиться к еврейскому кварталу. Начались грабежи и поджоги. Кто-то из хронистов описывал, как одна из жительниц квартала неумоимо стреляла из огромной пушки по воротам, через которые врывались нападавшие, и сумела все-таки обратить их в бегство. Об этом же эпизоде сообщил и турок Эвлия Челеби, добавив, что за активное участие в обороне города турки освободили евреев от уплаты налога в пользу паши¹².

Вот как описывает сражение очевидец-еврей:

«Турки, защищавшие крепость, уступили яростному натиску имперских отрядов. Видя, что дело принимает опасный оборот, евреи обратились к турецкому военачальнику: «Позвольте нам самим защитить наших детей, жен, имущество. Да свершит Г-сподь предначертанное!» Евреи сражались с воодушевлением и мужеством, сумели защитить себя и принудили неприятеля к позорному бегству».

В христианском источнике сказано, что во время осады нападавшие через ворота ворвались в еврейский квартал, но защищавшие его люди быстро восстановили укрепления. Великую стойкость духа проявили женщины. Они вышли на улицу с пением псалмов. В руках у них был крысиный яд, и они готовы были погибнуть, но не сдаться в плен.

Известно, что незадачливые участники осады люто мстили евреям других городов за свое поражение в Буде. Они нападали на людей, по тем или иным делам выезжавшим из города, и убивали всех без разбору, не щадя ни женщин, ни детей. Приближенные советовали австрийскому императору расправиться с евреями, жившими в его государстве. Но тому хватило здравого смысла этого не делать...

После осады Буды в 1602 г. евреи ухитрялись поддерживать торговые и прочие деловые отношения с независимой частью Венгерского королевства, а также с османской администрацией. Зимой 1615 г. султан Ахмед I удостоил особых привилегий Иосифа, сына Салти, и его брата Аламана Исраэлиса, за то, что их дед будто бы собственноручно вручил ключи от города Сулейману Кануни и помог туркам занять город в 1526 г. Братья и их потомки были освобождены от уплаты налогов «отныне и впредь»¹³.

Неудачная попытка австрийцев взять Буду была лишь одним из эпизодов в длительной австро-турецкой войне за Венгрию, которая велась с переменным успехом. Ни одна из сторон не получила в ней значительного перевеса. 11 ноября 1606 г. в Ситватороке (Венгрия) был заключен мирный договор на 10 лет. Ни Османская империя, ни Австрия не сделали при этом новых территориальных приобретений. Трансильвания попала под двойную зависимость от обеих стран (раньше она зависела только от турок). Султан отказался от ежегодной дани с Австрии в размере 30 000 дукатов, установленной по договору 1568 г. Теперь австрийцы должны были единовременно уплатить султану сумму в 200 000 дукатов. Обе стороны были признаны равноправными. Впервые в договоре австрийский монарх был назван императором, а не «господином Вены», как именовали его до сих пор султаны.

Известный историк Фернан Бродель так оценивал военные действия австрийцев против турок и их последствия для общины: «Трагические события... Во время австрийского наступления 1593–1606 гг. евреи Буды оказались между двух огней – имперцев и турок...»¹⁴ В 1615 и 1616 гг. в Вене были подписаны новые договоры: слабевшее османское государ-

ство делало очередные уступки. Но Буда пока что оставалась во владении турок.

Евреи, покинувшие город во время осады 1602 г., позже вернулись в свои дома. Согласно переписи, в 1627 г. в еврейском квартале было 11 домохозяйств. В 1633 г. в Буде, Старой Буде и Пеште числилось уже 20 еврейских домохозяйств. Общее количество жителей в реестрах не указано. За пределами еврейского квартала евреи тоже иногда арендовали дома, принадлежавшие иноверцам. Есть сведения, что к 1680 г. в общине было 80 человек. Рост численности еврейского населения происходил в основном за счет тех, кто прибывал в Буду из других мест. Город был удачно расположен на стыке мусульманского и христианского миров той эпохи. Еврейские семьи Вены посылали детей в Буду изучать турецкий язык и знакомиться с восточным образом жизни. В свою очередь еврейские семьи Буды отправляли детей в Вену изучать немецкий и основы европейской культуры.

Современники отмечали, что османские евреи, как правило, говорили на 4–5 языках, а некоторые даже на 10–12. Контакты между двумя общинами были тесными. Когда в 1670 г. австрийский император Леопольд I изгнал евреев из Нижней Австрии, многие из них поселились в Буде¹⁵.

Традиционно еврейское население Буды занималось торговлей и финансовыми операциями. Евреи давали деньги в рост под высокий процент, но на более длительные сроки, чем другие заимодавцы, что было сопряжено с большим риском. Они занимались обменом денег и бартерными сделками. В торговле на османских территориях евреи тоже играли заметную роль. С юга Венгрии они привозили в Австрию готовую одежду, кожу и металл. Из Вены, в свою очередь, в Стамбул и другие города вывозились различные готовые изделия. Например, в финансовом отчете о строительстве церкви в венгерском городе Надькёрёш за 1639 г. отмечено, что Моисей, еврей из Буды, поставлял строителям стулья и гвозди. В других отчетах за тот же период указывается, что некто Балац купил в Буде ковры у еврея Орослана (странное и скорее турецкое имя).

Случалось, что турки обращались к евреям по поводу доставки каких-либо товаров или поручали им финансовые операции. В 1625 г. паша Буды Сулейман отправил в Эгер письмо торговцу Салику, в котором просил выдать еврею Харуму в долг 5000–6000 акче наличными.

Деловая активность евреев была ограничена религиозным запретом на любую деятельность в субботу. На этом настаивали раввины, не разрешавшие в Шабос ни путешествовать, ни участвовать в ярмарках, ни вести переговоры, ни совершать сделки вопреки неоднократным просьбам отдельных лиц допустить исключение из правила. Иногда торговцы были вынуждены нарушать установленные запреты¹⁶.

Древним традиционным занятием евреев оставалась медицина. Есть сведения, что еврей-медик из Буды оказывал профессиональную помощь правителю Трансильвании Габору Бетлену. В 1676 г. в Буде обосновался хирург Иосиф, состоявший, как сказано в документах, в близком родстве с медиком по имени Ашер из Белграда. Врач Элия бен-Иехуда, живший в Буде, поддерживал контакты с христианскими докторами Вены. Огромную роль сыграли медики Буды в 1670 г., когда в городе разразилась эпидемия чумы.

В раввинистских документах ха-Козна Эфраима содержится упоминание и о большом пожаре в Буде в 1699 г.¹⁷

В середине XVII в. примерно половину еврейской общины Буды составляли ашкенази. Они говорили на идише. Треть составляли сефарды, пользовавшиеся ладино (наречие испанского) или турецким. Остальные были выходцами с Ближнего Востока, преимущественно из Сирии. Равби Эфраим сообщает, что в городе стояли три синагоги – в соответствии с составом общины. Синагоги в те времена были не только культовыми сооружениями, но и странноприимными домами. Раввины, отправлявшиеся из Германии в Святую землю, останавливались в помещении при синагоге. Случалось, что они на год–два задерживались в Буде, где активно участвовали в жизни общины. Посещавший город в 1602, 1660 и 1664 гг. турецкий путешественник Эвлия Челеби в своих записках отмечал, что он видел два еврейских квартала и две синагоги; Исаак Шулхоф писал о трех синагогах. Такое расхождение обусловлено, вероятно, тем, что Эвлия Челеби не учел синагогу, находившуюся за стенами крепости.

В «Хрониках Буды» Шулхоф так описывает жизнь еврейской общины второй половины XVII в.: «Город находился под властью Османской империи, но наше положение в этот период было цветущим, как зеленое оливковое дерево. Мы чувствовали себя в безопасности... Народ мог спокойно жить под сенью виноградных лоз и смоков. Еда была очень дешевой. Фунт мяса стоил 4 мелкие монеты, пинта вина – 2 имперских фартинга...» О фруктах и сладостях хронист не говорит, настолько

они были дешевы. В османской Буде, судя по хроникам Шульхофа, имели хождение как турецкие, так и австрийские деньги¹⁸.

В 1683 г. еврейская община Буды участвовала в экономической и культурной жизни города, чувствовала себя защищенной и поддерживала контакты с единоверцами в других городах. Последнее подтверждается иерусалимскими документами за 1617 г. В них сказано, что община Цфата имела постоянные контакты с девятью другими общинами, в том числе и с общиной Буды.

Внутренняя жизнь еврейских общин в Османской империи была полностью автономной. Общинные структуры занимались обустройством и нуждами отдельных ее членов: благотворительностью, уходом за больными, одинокими и престарелыми людьми, организацией похорон. Вся эта работа шла при каждой из трех городских синагог. Кроме того, там распределяли одежду среди бедных к празднику Хануки, собирали средства для выкупа евреев, захваченных в плен, а также деньги для евреев, проживавших на Святой земле и бедствовавших. Были просветительские общества, занимавшиеся изучением и толкованием Торы и Талмуда. В документах города сохранились отрывки комментариев к Талмуду известного тогда раввина Эфраима ха-Коэна. Его суждения по различным спорным вопросам свидетельствуют об относительной толерантности взглядов, допускавшихся в общине. Так, например, девушка имела право отказаться от навязываемого ей замужества, если помолвку устраивали ее родители, когда она была ребенком и не могла сознательно отнестись к церемонии. В других еврейских общинах такой либерализм исключался.

В общине Буды было много грамотных людей. В каждой семье имелись священные тексты. Помимо традиционной Торы, в синагогах хранились самые разные книги. Известно, что после осады города в 1686 г. Карл Лотарингский приказал вынести из синагог 35 свитков Торы с целью получить за них выкуп¹⁹.

На протяжении XVI–XVII вв. положение в Венгрии оставалось сложным, нестабильным. Войны нередко велись и под религиозными лозунгами. Католическая Австрия противостояла не только туркам-мусульманам, но и быстро распространявшемуся в Европе протестантизму, у которого в Венгрии оказалось немало приверженцев. В начале 60-х гг. XVII в. турки воспользовались борьбой Западной Венгрии с Габсбургами и подчинили себе Трансильванию. В 1683 г. турецкие войска

вторично осадили Вену (первая осада была в 1529 г.). Положение спас польский король Ян III Собеский, пришедший на помощь австрийцам.

Европейские монархи осознали, наконец, что никто из них не способен в одиночку противостоять туркам и что угроза дальнейшей турецкой экспансии вполне очевидна. В 1684 г. сложилась антитурецкая коалиция европейских держав – Священная лига. В нее входили Австрия, Польша, Венеция и Мальта. В 1686 г. к ним присоединилась Россия. К этому времени военное состояние Турции сильно ухудшилось. Турки теперь заметно отставали от европейцев. Они не смогли вовремя модернизировать не только армию, но и другие государственные институты.

Граф Марсильи, француз, оставивший мемуары по истории Османской империи конца XVII в., пишет, что турецкая сухопутная армия, судя по отчетам, насчитывала более 232 000 человек, а морской флот и десантные части – 60 000 с лишним. Всего 293 000. В действительности, без учета огромного числа вспомогательных частей, сухопутная армия имела 102 000 человек (вдвое меньше), а флот – около 60 000²⁰. Этого было явно недостаточно для войны с пятью странами, входившими в Лигу. На сведения Марсильи можно положиться, поскольку он был очевидцем многих событий. Желая изучить состояние османской армии, Марсильи поступил на службу к послу Венецианской республики в качестве секретаря и отправился с ним в Стамбул. Там он пробыл 11 месяцев, затем перешел на службу к австрийскому императору Леопольду I, участвовал в его войне с турками и попал к ним в плен. Его продали в рабство какому-то паше, и в качестве его слуги Марсильи оказался среди турецких войск, осаждавших в 1683 г. Вену. Венецианский посол выкупил его из рабства, после чего граф вернулся на службу к императору Леопольду, вновь участвовал в боях с турками и присутствовал при заключении мирного договора в Карловицах в 1699 г.

Султанские военачальники стремились напугать противников огромной численностью войск и с этой целью набирали в армию всех без разбора. Но эта мера не принесла военного успеха.

Австрийские войска вторглись в Восточную Венгрию. Перед взятием ими Буды в городе заговорили о плохих предзнаменованиях: стаи птиц с пронзительным криком носились над городом, внезапно появились змеи и скорпионы. Во время неудачной осады турками Вены на Буду опустилась тьма

и разразилась ужасная гроза. Молния ударила в одну из городских церквей и разрушила ее. Жители были напуганы и подавлены.

Исаак Шулхоф стал очевидцем захвата города австрийцами в 1689 г. и описал это событие. Осажденный турецкий гарнизон отказался сдаться. Нападавшие заняли кварталы Буды, расположенные вне крепостных стен. Они захватили и дома евреев, не успевших бежать из города. По оценке английского военного инженера, население Буды тогда равнялось 21 000–24 000 человек; евреи составляли 1000. Примерно те же цифры называют венгерские исследователи на основе отчета о числе пленных и погибших в сражении 1689 г. 2 сентября осаждавшие ворвались в крепость. Австрийские отряды с равной беспощадностью расправлялись и с турками, и с остальным населением города. Евреи попытались укрыться в большой синагоге, но никто из них не уцелел. Мирные люди были убиты в Доме Б-га.

Шулхоф обещал солдатам все свое имущество в обмен на жизнь и свободу. Уже после уплаты им выкупа на него напали гусары. Однако получивший деньги солдат держал слово. Он взял Шулхофа в плен и тем самым спас ему жизнь. Позднее пленнику удалось бежать вместе с семьей, но вскоре он потерял жену. Еще какое-то время спустя он оказался разлученным с сыном Самсоном и лишился остатка денег. Солдат, получивший выкуп, вывел беднягу из крепости и даже помог ему добраться до Вены, где чудом спасшийся еврей обратился за помощью к Самуэлю Оппенгеймеру.

Сохранилось свидетельство военного врача об осаде крепости и гибели многих евреев. Но и пленных было немало, поскольку солдатам было известно, что общины собирают деньги на выкуп единоверцев. Те, кто сумел спастись во время безумной резни или спрятался (отдельные христиане и тогда укрывали евреев во время погромов и войн) отступили вглубь крепости. Осада длилась еще два дня. Молодые женщины, влиятельные турки и богатые евреи были отправлены в Берлин. Один из германских источников сообщает о 72 убитых членах еврейской общины. По другим документам, погибло более 500 человек. Австрийцы сожгли большую синагогу со всеми, кто в ней укрывался (их было около сотни). Собственность общины и ее членов разграбили²¹.

Евреи Праги, узнав об осаде Буды и бедствиях единоверцев, с которыми у них были постоянные контакты, попытались им помочь. Один из очевидцев осады города, еврей

Тауск, сложил поэму о том, что видел. Принц Лотарингский, возглавлявший отряды, находившиеся под стенами крепости, знал Тауска и в ответ на его просьбы пощадить евреев обещал, что их не тронут. Тауску даже было позволено войти в крепость, дабы лично защитить соплеменников. В поэме принц Лотарингский изображен великодушным командиром, который приказал своим мушкетерам собрать евреев в синагоге и выставить охрану. В действительности ничего подобного не было.

Когда Тауск попал в крепость, он увидел следы страшной резни и реки крови. Победители не щадили ни турок, ни иудеев. В еврейском квартале Тауск пытался утешить тех, кто уцелел. Он сумел освободить часть пленных и решил их переправить в Пресбург. Во время переправы через реку на них напало несколько отрядов мародеров, и многие из 247 человек, которых он освободил, погибли. Тауск пытался защитить оставшихся измученных, потерявших близких людей. До Пресбурга добрались только 70 человек. В Вену отправился посланец просить влиятельного и богатого Оппенгеймера о помощи.

Тауску удалось получить рекомендательное письмо от австрийского императора и пропуск, подписанный королем Польши. В Пресбург с ним вернулись еще 62 еврея, освобожденные из плена. Но здесь его ждало неожиданное препятствие. Алчная городская стража потребовала с Тауска 21 000 рейнских золотых в качестве выкупа. Такой суммой он не располагал, и его арестовали под каким-то вздорным предлогом. Пришлось отправить письмо в свою общину и просить о помощи. Пробыв 39 недель в заточении, Тауск все же получил деньги и освободился. Ему удалось вывезти из Буды 270 пленных евреев и 35 свитков Торы, за что он получил благодарственные свидетельства²². Свою историю, свои злоключения он описал в поэме.

В Европе быстро распространился слух о том, что евреи защищали Буду бок о бок с турками. Это стало поводом к погромам во многих городах, включая Падую, где одержимые местью безумные толпы уничтожали еврейское гетто. Известно также, что австрийские отряды, взявшие Буду, грабили город ничуть не меньше турок. После изгнания турок из Буды евреи надолго исчезли из города. Вновь они появились только в конце XVIII в.

По Карловицкому мирному договору 1699 г., подписанному в царствование султана Мустафы II с Австрией, Польшей

и Венецией, Австрия получила почти всю территорию Венгрии, которая принадлежала Османской империи, а также Трансильванию, Бачку и почти всю Славонию. К Польше отошли находившаяся под властью турок часть Правобережной Украины и Подолия. Венеция закрепила за собой Морею, шесть крепостей в Далмации и несколько островов Архипелага.

Примечания

¹ Galanti A. *Türkler ve Yahudiler*. S. 36.

² *Nouvelle Revue de Hongrie*. Budapest, 1944, mars. P. 114.

³ Raj T. – Vasadi P. *Jewish life in Turkish Buda*. P. 16–17.

⁴ *Idem*. P. 17.

⁵ *Idem*. P. 19.

⁶ *Idem*. P. 20.

⁷ *Idem*. P. 24–26.

⁸ *Idem*. P. 29–34.

⁹ *Idem*. P. 32–33.

¹⁰ *Idem*. P. 34–35.

¹¹ *Idem*. P. 36–37.

¹² [Evliya Cselebi] *Turkish Traveller Evliya Chelebi's journey in Hungary 1660–1664*. Budapest, 1985. P. 69–70.

¹³ Raj T. – Vasadi P. *Jewish life in Turkish Buda*. P. 40.

¹⁴ Бродель Ф. *Средиземное море и средиземноморский мир...* Ч. 2. С. 650.

¹⁵ Raj T. – Vasadi P. *Jewish life in Turkish Buda*. P. 43.

¹⁶ *Idem*. P. 41–42.

¹⁷ *Idem*. P. 44–45.

¹⁸ *Idem*. P. 46–49.

¹⁹ *Idem*. P. 53.

²⁰ [Марсильи] *Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком*. Сочинено чрез графа де Марсильи... Ч. 1–2. СПб., 1737; ч. 2, с. 140–144; 147–151; 153.

²¹ Raj T. – Vasadi P. *Jewish life in Turkish Buda*. P. 53–56.

²² *Idem*. P. 58.

ЕВРЕИ НА БАЛКАНАХ. ЭПОХА ОСМАНСКОГО ГОСПОДСТВА В БОЛГАРИИ И МАКЕДОНИИ

На Балканах евреи жили еще в эпоху Александра Македонского. После раздела Римской империи на Западную и Восточную (395 г.) часть территорий с обосновавшимся там еврейским населением отошла к Византии и другим балканским государствам. В своей «Истории хазар» М.И. Артамонов рассказывает о торговых поездках балканских евреев по Черному морю в VIII–X вв. Они возили на юг самые разнообразные товары: кожи, оружие, медикаменты, амулеты. Не чурались и работорговли. В 1360 г. венгерские евреи были изгнаны из страны. Убежище им дал правитель Болгарии Иван Шишман. Они пополнили общины единоверцев в Видине, Никополе и Плевне. Какое-то время спустя некоторые из них оказались в Сересе и Салониках, где уже тогда имелись довольно многочисленные еврейские поселения.

В 1354 г. турки захватили укрепления на полуострове Галлиполи; отсюда и началось их дальнейшее продвижение на Балканы. В 1361 г. войска султана Мурада I заняли Охрид. В Охриде было две еврейских общины. Романиоты обосновались тут уже давно. Вторая община – ашкенази – состояла в основном из эмигрантов, подвергшихся преследованиям в Венгрии, Германии, Польше, Австрии. Они бежали из этих стран во второй половине XIV в.

После успешной битвы на реке Марице в 1371 г. турки вскоре завоевали всю Македонию. Болгария пыталась противостоять им, но тщетно. Героически сопротивлялось Тырново, однако и оно пало в 1393 г. По призыву папы турецкую экспансию пытались остановить крестоносцы; успеха они не достигли и были разбиты под Никополем в 1396 г.

Завоеватели принесли на Балканы собственную религию. Прежде об исламе здесь мало что знали. Подавляющее большинство жителей Балкан и после нашествия турок продолжало держаться привычной христианской веры; тем не менее эта вера теперь оказалась подчиненной многим мусульманским нормам и ограничениям. Та же судьба постигла иудаизм, однако положение евреев при турках изменилось к лучшему. Турки не разделяли антисемитских воззрений христиан. Иудеям даны были те же права, что и другим иновер-

цам: свобода вероисповедания, внутреннее общинное самоуправление, возможность иметь собственные религиозные суды, собирать в общинах государственные налоги и вносить их в султанскую казну. Евреи свободно перемещались по территории Османской империи. Собственность их была сосредоточена главным образом в городах, где они преимущественно и жили. По османским переписям XVI в. в болгарских городах евреев было немного*.

	1520–1530 гг.	1571–1580 гг.
Русе	13 вдов	–
Видин	7	48
София	40 вдов	52 (6 вдов)
Пловдив	94 (13 вдов)	54

Первая волна еврейских беженцев из Испании достигла Македонии не ранее 1391 г. Евреи, оказавшиеся в плену и попавшие в руки работорговцев на Крите, выкупались соплеменниками и чаще всего селились в городах Македонии и Болгарии. О судьбе еврейских общин Охрида, Бера и Костура, захваченных турками, сообщал в первой половине XV в. известный своей ученостью раввин Эфраим бен-Герзон из Бера. В марте 1430 г. пал крупнейший македонский город Салоники. Многие семьи, включая еврейские, успели бежать оттуда до прихода турок. Возглавлявший осаду города султан Мурад II (1421–1451) был удивлен малочисленностью жителей, представших его взору. Султан предложил беженцам вернуться, гарантируя им жизнь и свободу, право на выбор профессии. Постепенно Салоники приобрели характерные черты восточного города. Многие церкви были превращены в мечети, в том числе и знаменитый храм Святого Димитрия. В эпоху молниеносных завоеваний, в пору разрастания османского государства турки не препятствовали строительству синагог в тех городах, куда евреи переселялись добровольно. Иногда, правда, их перемещали силой; власти со времен глубокой древности делали это с различными группами населения по собственным соображениям. Евреи стремились жить в городах с развитой торгово-ремесленной инфраструктурой. Некоторые из них, главным образом беженцы из стран Западной Европы, сохранили часть своего со-

* Данные реестров стамбульских архивов в кн. Н. Тодорова «Балканский город XV–XIX веков» (с. 443).

стояния и сумели оживить ремесленное производство и торговлю целого ряда балканских городов: Одрина, Салоник, Софии, Белграда, Скопья, Видина, Адрианополя, Сараева, Пловдива... Там в эти времена уже были компактные еврейские общины. Население балканских городов в конце XV и в XVI в. значительно возросло за счет сефардов, несколько раз большими группами бежавших из Испании, Португалии и Сицилии. В Европейскую Турцию евреи переселялись также из малоазийских городов Османской империи.

В одном из турецких документов конца XV в. сообщалось, что в Салониках в ту пору имелось 636 домохозяйств сефардов и 68 хозяйств ашкенази (15 из них принадлежали неженатым людям). Вскоре город стал главным торговым центром Восточного Средиземноморья. В первой половине XVI в. число еврейских хозяйств там колебалось от 2500 до 3500. Согласно переписи 1518 г., население Салоник имело 1374 мусульманских хозяйства (282 из них принадлежали неженатым), 3143 еврейских хозяйства (из них неженатым принадлежали 530) и 1087 немусульманских, преимущественно христианских, хозяйств.

В других балканских городах еврейских домохозяйств было значительно меньше. Конечно, данные эти приблизительны, так как число личных хозяйств в течение столетия менялось, но сведения составлены по налоговым реестрам и дают известное представление о соотношении этих хозяйств в различных городах в XVI–XVII вв.

София – 1500
Серес – 56
Битоль – 200
Пловдив – 300
Кавала – 500
Трикала – 387
Морея – 464
Никополь – 205

Навпактос – 84
Видин – 50
Янина – 34
Енидже-Вардар – 24
Гюмюрджина – 19
Галлиполи – 23
Кратово – 11
Корони – 10

В султанских реестрах начала XVI столетия Салоники значились как город с доходом в 3 149 659 акче. Это большой доход. В последующие десятилетия число еврейских хозяйств в Салониках несколько снизилось, по всей вероятности, вследствие перемещения еврейского (и не только еврейского) населения в Стамбул и другие города. В Адрианополе в 1529 г. было 3269 мусульманских хозяйств, 472 христианских и 207 – еврейских. К концу XVI в. в Пловдиве было

300 еврейских хозяйств, в Никополе – 205, в Видине – 50. В целом же на Балканах еврейские хозяйства в середине XVI в. составляли лишь 0,4% от общего количества. Другими словами, их было 4134. Христианские хозяйства численностью в 814 777 хозяйств составляли 81%, а мусульманские – 18,6%, (их было 186 952)².

В Салониках, равно как и в других крупных городах Османской империи, сформировались три основных еврейских общины: романиотов, ашкенази и сефардов.

Выше говорилось об эмиграции на Балканы евреев из Западной и Центральной Европы. Новая волна баварских евреев задержалась в Салониках (дело происходило в последней трети XV в.). В 1475 г. раввин Ицхак Царфати призвал еврейские общины Европы покинуть христианские города, где им постоянно угрожали, и перебраться в Османскую империю в XV–XVI вв. гораздо более безопасную³. В Салоники и в другие города на Балканах прибывали евреи из Германии, Польши, Моравии, Венгрии.

В 1493 г. евреи были изгнаны из Южной Италии и Сицилии, в 1497–1498 гг. из Прованса и Португалии. Большая их часть нашла прибежище в землях, где царил ислам, в том числе в османских владениях на Балканах. Новые еврейские поселения в Салониках обрели названия, связанные с родными местами эмигрантов: Кастильское, Арагонское, Толедское, Сицилийское, Калабрийское, Кордовское, Португальское... Прибывшие в Салоники сефарды численно превосходили членов других еврейских общин. Многие из них были носителями высокой культуры, учились в испанских и португальских университетах, сами преподавали в школах. Они знали латынь, арабский, французский, немецкий, итальянский, не говоря уже, разумеется, об испанском и португальском. Богатый и образованный дон Иуда Беневиста, бывший прежде финансовым советником короля Кастилии Жоана II, на собственные средства открыл в Салониках библиотеку и учредил известную во всей Европе Талмудическую академию⁴. Город постепенно становился крупным культурным центром.

Набиравшему силу османскому государству весьма пригодились многовековой коммерческий опыт беженцев, их знание ремесел, иностранных языков, их связи с единоверцами в различных частях мира. При султанском дворе ценили предприимчивость эмигрантов, обширные познания их в медицине, фармакологии, химии, производстве оружия и боеприпасов. Коренные жители Салоник – романиоты – сохранили све-

дения о производстве текстиля еще с тех времен, когда городом правили венецианцы. Однако наибольшего подъема текстильная отрасль достигла лишь после массового притока сефардов.

Именно они создали в Стамбуле первую типографию. Несколько позже, в 1515 г., сефарды открыли типографию и в Салониках. Книги в ней печатались преимущественно на древнееврейском⁵.

В конце XVI в. западные путешественники описывали Салоники как большой живописный город с широкими улицами, водопроводом, развитыми ремеслами и торговлей.

Переселение евреев на Балканы продолжалось и в следующие столетия, но теперь оно уже не носило массового характера. На полуостров приезжали небольшие группы беженцев, отдельные семьи и даже эмигранты-одиночки. Путешествие было длительным, небезопасным и требовало немалых денег. В 1502 г. несколько еврейских семей отправились на корабле в Апулию, надеясь через Валону попасть в Салоники. В море матросы убили пассажиров, похитили их имущество и продали его затем в Дубровнике⁶.

Завоевав Балканы, турки утвердили на этой земле собственные социально-политическую и экономическую системы. Немусульманское население покоренных территорий должно было платить налоги, самым большим среди которых был джизье. Помимо главного раввина, у евреев от него освобождались отдельные должностные лица общины, а также те, кому султанским указом (бератом) были пожалованы привилегии за те или иные заслуги.

Евреи распределяли налоги внутри общины сами, учитывая материальное положение каждой семьи. Раз в три года общиной производилась оценка всех хозяйств. Назначались оценщики, определявшие сумму платежа. Если какой-либо член общины не соглашался с объявленной суммой, он мог под присягой сделать заявление о стоимости своего имущества. Если налогоплательщик в тот момент не располагал деньгами, за него платила община. При этом она получала право взыскать с должника деньги и удержать в свою пользу половину долга.

В документах португальской и арагонской еврейских общин Битоля за 1634 г. числились три категории налогоплательщиков: богатые платили по 48 драм серебром, менее обеспеченные – 12 драм, а бедные – 6 драм. Каждая община занималась сбором налогов отдельно⁷.

Сохранилось и опубликовано немало документов, касающихся налогообложения еврейских общин на Балканах в период османского правления. Эти документы (они назывались дефтерами) составлялись ежегодно. В них уточнялось количество хозяйств, облагаемых податью на данный год, а также нередко менявшаяся по разным причинам сумма.

В реестре для сбора джизье с неверных вилайета Силистра за 1030 г. хиджры (ноябрь 1620–1621 гг.) указано, что в местной еврейской общине числится 34 хозяйства.

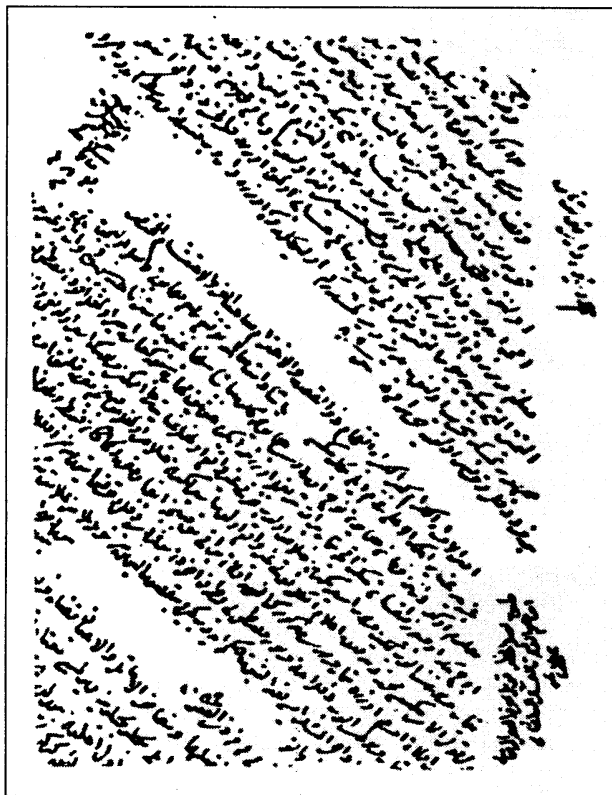
Аналогичный реестр Пловдива за 1633–1634 гг. сообщает, что в городе имеется 16 налогооблагаемых еврейских хозяйств. Многие документы свидетельствуют о том, что взимаемые с евреев суммы нередко превышали то, что община должна была уплатить по закону⁸.

В подобных случаях община направляла в Стамбул ходатая с прошением о снижении платежей, что было сопряжено с немалым риском. Кроме того, снарядить ходатая в Стамбул в те времена стоило немалых денег.

Был случай, когда местные власти решили обложить еврейских торговцев новым налогом – на куплю-продажу отдельных товаров. Торговцы отправили своего представителя ходатайствовать об отмене этого налога. На поездку в Стамбул пришлось потратить 3000 курушей – огромные деньги, которые обязались возместить другие торговцы (куруш – денежная единица, в рассматриваемое время по стоимости значительно превосходила акче). Скоро, однако, выяснилось, что они не торопятся выполнить свое обязательство, поскольку решили, что указанные товары проще продавать через подставных лиц – неевреев. Возникла тяжба, которую решал раввинатский суд.

Община Софии должна была внести в казну 29 580 акче (серебряная монета, основная денежная единица с середины XVI до конца XVII в., вскоре быстро обесценилась) в счет налога испендже (подушный налог с немусульман – как мужчин, так и женщин, достигших совершеннолетия). В действительности же сборщик Ибрагим Челеби взял с евреев 30 000 акче. В документе говорится, что разница в 420 акче якобы засчитана в пользу казны⁹.

В 1682 г. вышло распоряжение османских властей собирать два налога – джизье и испендже – вместе. Оно нашло отражение в берате 1683–1684 гг. о сборе налогов с евреев. В этом документе говорится, что город Салоники перестает быть прежней административной единицей – санджаком – и считается отныне менее крупной территорией – казой. Ука-

*Разъяснительное письмо сборщику джизье
с евреев Битоля и Костура*

зом султана Мехмеда IV от 1685–1686 гг. сумма налогов джизье и испендже в городе Монастир увеличивалась с 42 750 до 43 750 акче. В Белграде эта же сумма была немного снижена: с 6390 до 6290 акче¹⁰. В ряде балканских городов злоупотребления администрации при сборе налогов носили систематический характер. По этому поводу евреи жаловались и местным судьям, и султану. Их возмущали к тому же способы исчисления налогов, когда требуемая сумма сильно превышалась сравнительно с той, что была обозначена в договорах с верховной властью. Приводили в негодование и криминальные методы сбора. В 1634 г. евреи Битоля жаловались султану, что вместо установленной суммы в 60 000 акче с общины было собрано 150 000. Жалобы были многократными. В 1655 г. наконец появился ферман султана Мехмеда IV

(1648–1687) в ответ на жалобы евреев Битоля на злоупотребления сборщиков налогов.

Уполномоченный еврейской общины сообщил властям следующее: «Налоги джизье, испендже и рав акчеси (налог за право иметь главного раввина. – *И.Ф.*) установлены для нашей общины в сумме 42 750 акче. Установлены согласно дефтеру. Ежегодно мы платим налоги по закону и в соответствии с дефтером. Больше мы платить не можем, но сборщиков налогов это не устраивает. Вопреки закону и реестру они нас терроризируют». В фермане поэтому прямо говорится о недопустимости и самого вымогательства большей, чем положено, суммы трех налогов, и безобразных методов ее выколачивания¹¹. Указанные в дефтере 42 750 акче ежегодно шли на производство шерстяной одежды для янычарского корпуса Высокой Порты. Существовало специальное султанское предписание для Салоник, где производилась эта одежда. Местным властям приказано было не допускать злоупотреблений при взимании налогов, дабы не возникла нужда в последующих жалобах по этому поводу. В султанском фермане содержалось также требование ознакомить с этим документом представителей еврейской общины.

Подобные ферманы в ответ на поступавшие в центр жалобы рассылались местным властям, главным образом кади (судьям), и позднее. В 1663 г. Яков Кальдерон жаловался судье в Битоле на то, что его обязали уплатить налог джизье, от которого он был освобожден по причине глухоты и слепоты. Калек всегда освобождали от платежей.

Евреям Битоля, задержавшим выплату налога джизье в 1708–1709 гг., грозило жестокое наказание. В посланном из центра фермане говорилось: «Тот, кто не платит налоги или делает это с опозданием, подлежит отправке на длительную морскую службу в качестве гребца на султанском судне». Чтобы избежать постоянной борьбы с грабителями-сборщиками (джизьедарами), с воеводами и судьями, помимо установленных сумм, вымогавшими в качестве подарков шерстяные ткани и другие ценные товары, некоторые евреи бежали из города. Чаще всего их находили и водворяли на прежнее место.

Помимо джизье, приходилось платить и другие налоги: на содержание войска, на наследство, на содержание султанских пастбищ, на убой скота и продажу мяса. Был еще и религиозный налог...

Если везир Румелии (европейская территория Османской империи) или какой-нибудь иной важный сановник посещал

город, где жили евреи, с последних взимали по 19 курушей и 5 акче с каждого. Деньги шли на постой сановника и его свиты.

Существовали и чрезвычайные налоги: на одежду для войска, составивший в 1696 г. 2500 курушей с небольшой общины; на продовольствие для него же в 1714 г. – 56 240 акче. На военную подготовку в том же Битоле брали налог с каждого хозяйства 3072 акче¹². Как уже говорилось, от налогов в еврейской общине освобождались только единицы и только по высочайшему указу. Сохранился документ 1673 г., являющий собой обращение бывшего врача крымского хана Селим Гирея I к султану Мехмеду IV. После пышного, как было принято, славословия султану медик излагал суть дела: «Я, Ваш раб, пребывающий в городе Эдирне, являюсь врачом. Находился на службе Его превосходительства высокочтимого хана. Теперь я стар и неимущ. Нижайше прошу Ваше Величество на основании дефтера, где указано мое положение, освободить Ваших рабов, меня и моего сына, от уплаты джизье, испендже и других налогов». Далее указывалось, что в еврейской общине Эдирне по дефтеру числилось 700 хозяйств. К прошению медика присоединил послание и сам Селим Гирей-хан. 3 реджеба 1084 г. хиджры (14 октября 1673 г.) был подписан берат об освобождении от налогов еврея Макар-оглу Кемаля и его сына Кемаля¹³.

Что касается налоговых льгот для раввинов, членов советов, учителей и других служащих общины, то это было сугубо внутренним делом последней и не касалось османских властей. Суммы налогов распределялись внутри общины, а раввины пользовались не только религиозным авторитетом, но и большой административной властью. Одному из почитаемых знатоков религиозной традиции и закона был задан вопрос: «Должен ли раввин, занимающийся духовным трудом, платить налоги и сборы, которые государство требует от общины?» Ответ был таков: «Тот, кто занят изучением закона и традиции, освобождается от уплаты налогов»¹⁴.

Вся деятельность евреев диаспоры, в том числе и на Балканах, была сосредоточена в пределах общины: и экономическая, и духовная, и культурная. Законы мусульманского государства, помимо еврейских религиозных законов, тоже обособляли евреев от остального населения. Религиозная община (кехила) существовала во многих городах на Балканах и во времена Византии, но при османах она значительно выросла. В еврейских общинах действовал собственный религиозный суд бет-дин, с помощью которого решались все

гражданские дела. Суд запрещал евреям обращаться по каким бы то ни было вопросам в шариатские суды Османской империи, однако, разумеется, далеко не все дела находились в его компетенции. Он не мог разрешить, например, уже упомянутые многочисленные конфликты, связанные с взиманием налогов, не мог уладить недоразумения, в которых играла роль местная турецкая администрация. В наиболее сложных случаях перед верховной властью интересы общины отстаивал главный раввин. От него требовались широкая образованность и компетентность не только в религиозных вопросах.

Спор еврея с неевреем обычно решал кади. Отношение еврейской общины и раввинатского суда к методу ведения дел, а также к решениям османского шариатского суда отнюдь не было обусловлено лишь традицией и религиозными различиями. В одном из имущественных споров вдова предъявила братьям своего покойного мужа претензии на наследство, на которое имела разрешение (хюджет) шариатского суда. Однако раввинат вдове отказал. Он решил, что полученный в шариатском суде документ не имеет силы, поскольку судьи Османской империи известны тем, что смотрят сквозь пальцы на лжесвидетельства, берут взятки и нередко толкуют собственные законы, как им заблагорассудится¹⁵.

Не без оснований община стремилась ограничить контакты своих членов с неевреями. Естественно, кроме самых необходимых и неизбежных. Такие контакты нередко плохо заканчивались. Не приветствовалась работа еврея у неевреев, особенно у религиозных иерархов.

Случилось так, что один еврей хотел получить согласие совета общины и четырех раввинов на работу у муллы. Разрешение он получил. Однако вскоре местный паша, т.е. городской голова, поссорился с муллой, и тот был вынужден уехать в Стамбул искать справедливости. Тем временем паша угрозами и шантажом принудил жителей, как турок, так и христиан, подписать составленный им самим же лживый донос на уехавшего. Он потребовал, чтобы его подписали и евреи. Те отказались, сказав, что знают муллу как честного человека. Тогда паша приказал схватить служившего у муллы еврея. Его заковали в цепи, пытали, вымогая деньги. В тюрьму были отправлены еще 11 его единоверцев, которым угрожали смертью. В конце концов арестованные были вынуждены уплатить паше за свое освобождение 900 курушей¹⁶. Незаконные поборы не были чем-то исключительным. Влия-

тельный турок с целью вымогательства денег мог арестовать и членов совета.

Юридические постановления религиозного суда в Салониках были обязательными и выполнялись раввинатскими судами общин Белграда и Сараева. Суд в Салониках был старейшим и рассматривался как центральный суд балканских общин. В каждой из них был совет, состоявший из наиболее почтенных людей – хаскамот. Раввин изучал решения совета с точки зрения его соответствия еврейским законам. Эти решения он мог комментировать, но не отменять. Совет принимал участие в сборе налогов, регулировал отношения ремесленных и торговых корпораций, стараясь свести к минимуму внутреннюю конкуренцию. Крупные еврейские общины, такие, скажем, как стамбульская или салоницкая, имели два специализированных совета – *meclis-i ruhani*, занимавшийся религиозными проблемами, и *meclis-i cezmani*, посвятивший свою деятельность гражданским делам. Религиозным и одновременно светским лидером общины был главный раввин.

Еврейские общины средневековья имели тщательно разработанные правовые нормы – *ascamot*. Как утверждают некоторые исследователи, отдельные его положения впоследствии были заимствованы и вошли в гражданские кодексы ряда европейских стран. В еврейском праве существовала юридическая норма, которая запрещала совершать торговые операции с жилыми или рабочими помещениями. Это давало владельцу помещения право сохранить принадлежавшую ему собственность в любых обстоятельствах. Никто другой без специального разрешения не мог осуществить ни наем, ни куплю его дома или лавки, что было чрезвычайно важно в условиях нестабильности и правовой незащищенности евреев в чужом государстве¹⁷. Кроме того, четкие правила найма и приобретения недвижимости имели целью предотвратить конкуренцию между евреями в ремесленном производстве, в торговле и откупах и тем самым устранить поводы для противостояния внутри общины. Ее члены старались соблюдать принятые установления из страха оказаться в одиночестве, лишенными защиты во враждебном мире.

Страшным наказанием был херем, то есть изгнание из общины. Существовало четыре формы отлучения. Первая предусматривала полную и бессрочную изоляцию осужденного. Запрещалось общение и с членами его семьи. Вторая означала наказание на определенный срок. Третья и четвер-

тая формы наказания были менее строгими. Изгнание как особая церемония совершалось в синагоге в субботу; считалось, что в этот день все небесные и земные силы принимают участие в процедуре наказания. Осуждению подвергались лица, замеченные в чтении светских философских книг, в нарушении религиозных норм, в пристрастии к карточной игре... Осуждали, бывало, отдельных евреев-предпринимателей за деловые контакты с неевреями, в которые те вступали без санкции раввината.

Обычное еврейское право содержалось в Талмуде. Раввины опирались на него при решении религиозных споров, сообразуясь, однако, с конкретными историческими условиями. Традиционное средневековое еврейское право включало в себя так называемые заемные записи, в которых были необходимы, помимо подписи должника, еще и подписи двух свидетелей. Без этого они считались недействительными. Ввиду регулярного обесценивания денег в записи учитывался курс монет на момент заключения сделки.

В наиболее сложных случаях обращались в арбитраж, причем арбитры избирались от обеих спорящих сторон. В средневековом еврейском праве в силу необходимости были тщательно разработаны нормы торговых отношений – «юс меркаториум».

На балканских территориях Османской империи действовал торговый обычай «минаг асохарим». Позже он был возведен в ранг закона, распространявшегося на все виды сделок. Сделки утверждались в присутствии тех, кто их заключал. Затем, однако, требовалось еще присутствие трех членов религиозного суда и двух свидетелей, поскольку в государстве не было такого института, как нотариат, известного в Европе с очень давних времен. Все торговые сделки заключались письменно и заверялись раввинатским судом.

При заключении их широко практиковалось поручительство, причем нередко коллективное. Нарушение договора одной из сторон считалось серьезным проступком, в некоторых случаях каравшимся даже отлучением от общины¹⁸.

Салоники были известны как средоточие еврейской духовной жизни еще до прибытия беженцев из европейских стран, но с появлением сефардов и ашкенази город воистину стал крупнейшим религиозным и культурным центром. Среди эмигрантов было немало людей, получивших образование в университетах Европы. Кроме того, в Салониках обучались раввины из многих балканских городов, были откры-

ты школы, где преподавали математику, теологию, астрономию, философию и другие дисциплины. В ешиве, помимо священных книг, учащиеся изучали математику, иностранные языки, основы естественных наук. Девочки школу не посещали, но дома подолгу читали молитвы, учили древнееврейский язык. Каждая община имела библиотеку при синагоге, где хранились рукописи и первые типографские издания: книги из Стамбула, Измира, Салоник, из Италии, Голландии и других стран. В духовной жизни Салоник оставил след Дье-го Перец, известный также как Шломо Молхо. Он был нотариусом при португальском дворе, но в начале XVI в. бежал на Балканы и обрел убежище в Салониках. Перец мечтал об освобождении Палестины и даже состоял членом тайной организации, поставившей себе именно эту цель. В Салониках он много лет занимался изучением Кабалы и преуспел в этом деле. Есть мнение, что в XVII в. одним из его последователей был Саббатай Цви. В 1529 г. Перец опубликовал несколько молитв о приходе Мошиаха, которого ждал в 1540 г.¹⁹ Выжить тогда можно было, только мечтая о чуде.

Вот как описывал еврейский квартал в городе Скопье раввин Аарон Хаим Акозн: «В течение многих лет евреи жили в одном месте. Это была крепость посреди города, окруженная стеной с прочно закрытыми воротами. Крепость возвели, дабы сохранить еврейский народ в чести и славе, дабы уберечь и защитить скромных дочерей Израилевых. Жители этого города, неевреи, люди дурные, часто непонятные, да не проникнут в это место, где стоят наши дома, наши дворы. Наши синагоги и училища»... В 1697 г. квартал был сожжен австрийскими войсками²⁰. В средневековой Европе факты такого рода не были чем-то исключительным. В результате еще несколько столетий многие евреи предпочитали власть турок, несмотря на унижения и ограничения в правах.

В Османской империи не было погромов и таких гонений на иудейское племя, как в Европе. Но евреи были второсортными поданными – подобно христианам, значившимся в официальных документах как «неверные». В 1563 г. кади Битоля приказал изгнать евреев, заподозренных в продаже вина мусульманам, ибо последнее было нарушением законов ислама. В 1595 г. султанским указом Мурада III евреям запретили носить шелка, другие дорогие ткани и ценные украшения. С 1620 г. им не позволялось ходить в турбанах, носить оружие, ездить верхом, а также приобретать одежду зеленого и красного цветов. Воспрещалось ношение желтой обу-

ви²¹. Сохранилось письмо от 15 реби-уль-эввель 1091 г. хиджры (15 апреля 1680 г.) кадиаскера* Румелии Ахмед-эфенди Бейяз-заде. Это обращение к кади, наместнику вали (главы вилайета) Эль-Хадж Сефер-аге и другим представителям власти в Софии. После приветствий Ахмед-эфенди переходит к делу. Он напоминает, что в городе существуют специальные общественные бани для «неверных», то есть для евреев и христиан, которым строго запрещено посещать мусульманские бани. Однако вопреки запрету женщины «неверных» все-таки ходят в бани для мусульманок, и это нарушает издавна заведенный порядок и традицию. Установленные правила следует выполнять. «И поскольку женщинам евреев и христиан не дозволено посещать бани для мусульманок, – пишет кадиаскер, – вы должны предотвращать нарушения. Вышеназванный приказ – один из важных постулатов нашей веры. Необходимо обратить на него особое внимание. Вы должны предотвращать посещение мусульманской бани женщинами “неверных”. Вы должны наказывать в соответствии с шариатом всякого, кто нарушил этот приказ»²².

Но, конечно, больше всего осложняли жизнь еврейскому населению янычары, нападавшие на «неверных» среди бела дня и в людных местах. Их все боялись. В марте 1634 г., в праздничный день, Хасан-бек ворвался в синагогу Битоля и ограбил прихожан, отобрав у них в общей сложности 80 000 акче. При этом он уверял всех, что собирал деньги «на случай войны». Он же схватил некоего Давида, обезглавил его и прилюдно бросил голову в реку.

Красивые еврейские женщины нередко становились объектом домогательства турок, если попадались им на глаза. Их принуждали к замужеству или брали в гарем как одалисок.

На Балканах, как, впрочем, и в других местах, время от времени распространялись клеветнические слухи. То был пресловутый «кровавый навет». 27 июня 1656 г. еврей Маслим был обвинен в похищении мусульманского ребенка и убийстве его в синагоге. Еврею якобы была нужна кровь мальчика. Дело закончилось благополучно: власти вскоре установили лживость доноса и арестованного отпустили.

Все же реальная жизнь оказывалась и противоречивее, и сложнее общепринятых стереотипов и тех рамок, в которые ее пытались втиснуть. В подавляющем большинстве своем евреи были горожанами, однако в силу различных обстоя-

* Главный войсковой судья, управление которого ведало юстицией и просвещением в соответствии с нормами ислама.

тельств изредка оказывались жителями сельской местности. Если они жили на землях сипахи – землевладельца, получившего надел за военную службу, то относились к категории реайя, как и все остальные земледельцы. Ряд документов XVII в. свидетельствует о том, что некоторые евреи занимали в селах небольшие административные должности. В этих документах упоминается, в частности, еврей Ицхак. В мае 1636 г. он числился субаши* в селах Лозани и Добрушево, расположенных в окрестностях Битоля. Жители обоих сел выступили против субаши-турка, обвинив его в жестокости и недостойном поведении. По требованию крестьян новым субаши назначили Ицхака, и с их решением согласились и сипахи Лозани Али-бек, и сипахи Добрушева Мехмед-эфенди. Видимо, противостоять населению обоих сел было бы себе дороже. Известны и другие случаи подобного рода. В документе, датированном ноябрем 1640 г., говорится: «Бег-заде Мустафа, Ибрагим-ага, Мехмед Челеби и Дервиш-ага, сипахи, избрали в качестве субаши еврея Ментеша, поскольку реайя не могли больше терпеть несправедливость прежнего субаши»²³. Чиновнику пришлось смириться. Он покинул село и переехал в другой вилайет.

В силу своего статуса в Османском государстве евреи не могли владеть землей, не могли заниматься сельским хозяйством. По крайней мере, за очень редкими исключениями. Основная их деятельность была связана с ремеслами, торговлей, финансовыми операциями, откупом. Зажиточные евреи уже в XVI в. организовывали торгово-промышленные ассоциации. По договоренности со стамбульскими властями в Салониках были созданы мануфактуры для производства шерстяных тканей. Из них шили одежду для янычар, в чем было заинтересовано правительство. Оно даже засчитывало эти ткани в качестве натурального налога с общины. Хозяева мануфактур получили монопольное право закупать шерсть на значительной части османских территорий, поставлять сырье для производства тканей синего и красного цветов, а также обеспечивать регулярный сбыт готовой продукции. Свободная продажа оставшейся шерсти другим торговцам разрешалась только после закупок, произведенных еврейской ассоциацией. Такая же монополия распространялась на красители. Большая часть производимой в Салониках продук-

* Представитель администрации; чиновник, исполнявший поручения начальника полицейского участка; чиновник, ведавший водоснабжением.

ции предназначалась для нужд столицы. Тем не менее одежду из Салоник продавали также в Скопье, Софии, Битоле, Сливене, Белграде. Однако при всей важности мануфактурного производства приходилось подкупать столичных чиновников: в противном случае те наверняка стали бы чинить препятствия в работе мануфактур. Имели место практика вмешательства центральной и местных властей в экономику, строжайшая регламентация торгово-промышленной сферы и контроль за ее доходами. В странах Запада производители и торговцы были более свободны, надежнее защищены от произвола и корпоративной солидарностью, и государством.

Евреи в Османской империи лишь в редчайших случаях получали поддержку государственных институтов. В основном приходилось самим отстаивать свои интересы и бороться за выживание. Скажем, изгнание итальянских евреев из Анконы в 1556 г. побудило евреев Салоник к торговому бойкоту этого города²⁴. Поводом послужили действия новоизбранного папы Павла IV, фанатика-юдофоба, который предал суду инквизиции евреев Анконы, бежавших из Португалии. Как известно, в дело вмешался султан Сулейман I, направивший папе послание с требованием оставить евреев в покое.

Есть сведения, что уже в первые десятилетия XVI в. почти все еврейское население Салоник было вовлечено в мануфактурное производство, а социальная дифференциация углублялась. Существовала сложная система отношений между поставщиками сырья, владельцами рабочих помещений, ткачами и продавцами готовых изделий. Вся система производства и производственных отношений контролировалась раввинами. Отношения внутри нее были далеко не безоблачными. Неоднократно собственники мануфактур жаловались в центр, что рабочие покидают мастерские и уезжают из города. Уезжали по разным причинам: могла не устраивать сама работа или плата за нее, люди бежали и от частых пожаров. Но поскольку производство тканей было крайне необходимо правительству, власти ни перед чем не останавливались, чтобы вернуть беглецов на место. Это было похоже на закрепощение работников. 7 февраля 1622 г. появился султанский ферман, обращенный к властям балканских городов, с предписанием вернуть всех, кто покинул мастерские²⁵. Такие предписания рассылались и в последующие годы. Но особенно драматический оборот принимали дела в общине, когда ее представители вынуждены были сталкивать-

ся со стамбульскими властями. Правительство требовало от еврейской общины неукоснительного выполнения всех взятых ею на себя обязательств невзирая ни на что. Себе же власти, судя по дальнейшим событиям, оставляли полную свободу действий, что привело к произволу и беззакониям.

В 1619 и 1620 гг. община поставляла в Стамбул ткань, количество которой было заранее обусловлено договором, но денег не получила. Ранее, еще во второй половине XVI в., в столицу была направлена делегация с прошением: пересмотреть величину налога, который выплачивался не деньгами, а тканями. Османские власти ежегодно в качестве натурального налога получали 1200 рулонов тканей по фиксированной цене. Именно на этих условиях община выплачивала свой налог до конца XVIII в. Однако вследствие обесценивания османских монет, явного уже со второй половины XVI в., производители не могли закупать сырье для тканей по прежней цене. К этим неурядицам прибавились несколько случаев пожаров в городе и разразившаяся в начале XVII в. эпидемия чумы. Евреи Салоник оказались не в состоянии осуществлять поставки в прежнем объеме. Их долг государству возрос до 4000 рулонов²⁶. Многие из них, не видя иного выхода, решились покинуть город. В связи с оттоком населения раввинат был вынужден ужесточить условия отъезда. Отменили правила, в соответствии с которыми евреи, уезжавшие в другой город, по истечении года освобождались от уплаты налогов на прежнем месте. Дело доходило до абсурда. Некий торговец из Салоник привез товар в Белград и пробыл там полтора года. На новом месте ему сопутствовала удача, поскольку налоги здесь были значительно ниже, чем в Салониках. Он решил остаться в Белграде. Написал письмо жене и просил ее приехать в Белград. Та отказалась. Выяснилось, что переселенец теперь был обязан платить налоги и в Салониках, и в Белграде. Общины других городов с твердой целью не допустить уменьшения суммы взимаемых налогов всячески препятствовали отъезду своих людей в другие места. То же самое происходило и в Белграде. В сборнике документов тамошней общины описан случай, когда братья Авраам и Шмуэль Альбалаг решили переселиться в Костур, откуда были родом их жены. Еврейская община Белграда не дала им разрешения на отъезд, не желая терять налогоплательщиков, в том числе и потому, что остающимся пришлось бы оплатить их долю налогов. Братья были вынуждены дать общине обязательство об уплате 50 000 акче в качестве возмещения воз-

можных убытков. Кроме того, они должны были на длительный срок отказаться от продажи своих белградских домов.

Впрочем, далеко не всегда община столь удачно возмещала свои убытки, связанные с отъездом ее членов. Некий житель Адрианополя, вступив в брак с иностранкой, пожелал уехать из города. Местные евреи потребовали от него уплаты налогов за 10 лет вперед. Однако раввин встал на сторону этого человека, и тот выиграл тяжбу.

Долг общины Салоник перед государством по поставкам шерстяных тканей тем временем все возрастал. У производителей не было возможности его погасить и из-за отъезда и даже тайного бегства многих рабочих.

В 1637 г. община Салоник направила в Стамбул делегацию с просьбой отсрочить выплату долга в связи с названными обстоятельствами. Возглавил делегацию раввин общины Иеуда Ково. Закончилась поездка трагически. Впервые за все годы работы салоникских мануфактур община была обвинена в поставке некачественного товара, а Иеуду Ково по распоряжению султана повесили. Вдова покойного раввина потребовала от общины денежной компенсации в связи с гибелью мужа. Об этой семье известно также, что сын раввина Илие родился в Салониках в 1620 г., учился в еврейской академии Стамбула, а в 1670 г. вернулся в Салоники, чтобы занять пост главы раввинатского суда...²⁷

В конце XVII в. стамбульские власти назначили специального чиновника для оценки качества поставляемых из Салоник тканей.

В XVI–XVII вв. в Македонии успешно развивались ремесленные и торговые центры. Евреи занимались производством металла, хотя ввоз его из Европы, надо заметить, иногда обходился дешевле. Македонские евреи владели технологией производства оружия и пороха, выделки меха и кож, обработки разного сорта сукон, шелков, хлопчатобумажных тканей. В 1639 г. вышло специальное распоряжение: производимая евреями Салоник грубая шерстяная ткань, из которой делались плащи и одеяла, больше не подлежала обложению налогом. Есть сведения, что в 1667 г. в Салониках жили около 100 000 евреев и они изготавливали шапки и плащи для 40-тысячного янычарского корпуса. Эти же евреи ткали голубые шелковые шарфы с красной бахромой и полотенца; ткали и небольшие ковры. Их изделия продавались в разных частях Балканского полуострова, в арабских землях и в Крыму²⁸.

До начала XIX в. мастерские Салоник, помимо шитья упомянутой одежды из сукна, ткали простыни и скатерти. Однако позже мастерские этого города (как и мастерские других крупных османских городов) начали приходить в упадок: османские рынки наводнили более дешевые европейские ткани. Местное производство чахло, будучи не в силах угнаться за несравненно лучше оснащенным технически английским производством. Некоторые из местных мастерских закрылись, другие перешли на выпуск ковров.

В документах 1634–1709 гг. отмечено, что в Салониках, Битоле, Костуре и Скопье евреи рубят мясо, изготавливают свечи, конкурируя в этой работе с цыганами и турками; правда, после 1709 г. им пришлось уступить первое место туркам²⁹. На Балканах, как и в других частях Османской империи, евреи занимались, кроме всего прочего, производством виноградного вина, водки, сыра и некоторых других продуктов.

Из статистических данных XVII–XIX столетий явствует, что евреи жили, по крайней мере, в половине городов тогдашнего Дунайского вилайета: Смокове, Кюстендиле, Дупнице, Враце, Ломе, Видине, Русе, Берковице, Шумене и Варне. В Одринском вилайете их кварталы были в Казанлыке, Стара-Загоре, Пловдиве, Хаскове, Пазарджике. После Салоник больше всего евреев жило в Софии³⁰. Что же до их участия в экономической жизни Дунайского вилайета в 60-е гг. XIX в., то, по данным реестра профессиональных занятий, в сравнении с представителями других этноконфессиональных групп оно было незначительным³¹:

	Немусульмане	Мусульмане	Армяне	Евреи	Общее число
Предприниматели	1047	1582	86	55	2770
Торговцы	362	508	40	57	967
Земледельцы	507	640	3	4	1154
Наемные работники	403	326	7	9	745
Служащие	19	58	3	1	81
Необозначенные лица	105	147	22	7	281
ВСЕГО	2443	3261	161	133	5998

Французский путешественник Шерво оставил следующую статистику этнорелигиозных групп, населявших некоторые балканские города в 1867 г.³²:

Салоники	мусульмане	20 000
	греки	5000
	евреи	45 000
	другие	1000
	всего:	71 000 человек
Серес	мусульмане	4000
	греки	4600
	евреи	400
	всего:	9000 человек
Вероя	мусульмане	1200
	греки	1600
	евреи	200
	всего:	3000 человек

Вообще же данные начала и середины XIX в., данные путешественников и даже консулов, заметно разнились, поскольку в османском государстве тогда еще не было надежных источников информации.

В силу сложившихся исторических обстоятельств евреи столетиями традиционно занимались торгово-финансовыми операциями независимо от страны пребывания. Как уже говорилось, владеть землей им было запрещено (и в христианских, и в мусульманских государствах), что исключало их из аграрного сектора экономики. Жили и работали они в основном в городах. Сами турки почти не занимались торгово-финансовой деятельностью. В первые столетия существования Османской империи они вели войны, совершая набеги на соседние страны, жили за счет налогов и дани, занимали посты в религиозных, административных и военных учреждениях. У евреев не было, в сущности, большого выбора занятий, ко многим они попросту не допускались. Коран вообще накладывал запрет на ростовщичество, Тора же предусматривала ограничения лишь в отношении своих единове-

цев: «Если дашь деньги взаймы бедному из народа моего, то не притесняй его и не налагай на него роста» (Исх. 22, 25). Есть и еще предписания того же рода: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост» (Втор. 23, 19). Однако на иноземцев-иноверцев этот запрет не распространялся: «Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Г-сподь Б-г твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею» (Втор. 23, 20)³³.

Талмуд объясняет происхождение столь разного отношения к ростовщическому проценту. В эпоху античности процент этот был широко распространен между язычниками, и они, конечно, брали его с евреев. Потому-то и евреям дозволялось брать его с неевреев. При рассмотрении спорных случаев, то есть ежели кто-то из евреев брал процент с единоверца, раввинат обычно решал дело в пользу должника. Исключение составляли лишь те дела, где процент взимался в пользу сирот, что соответствовало принципам Торы.

Бывали сложные ситуации в самом толковании роста. Например, вследствие обесценивания османской монеты обесценивались и деньги, отданные в долг. Тогда заимодавец решил зачесть образовавшуюся разницу как процент роста. Однако раввинатский суд не согласился с заимодавцем и решил спор в пользу должника³⁴.

Торгово-промышленный капитал на Балканах существовал до прихода турок. Он сохранился и после их нашествия. Если на Западе в торгово-промышленной деятельности были заняты представители складывавшихся государствообразующих наций, то в Османской империи изначально торговый и ростовщический капитал сосредоточился в руках нетурок – остатков византийской аристократии, а также венецианцев, евреев, армян. Значительную роль в торговле Малой Азии с Европой вплоть до конца XVII в. играли евреи. Успеху их торговых операций способствовали родственные связи, землячества в различных районах мира, точная и быстрая по тем временам информация о спросе-предложении, другими словами – о конъюнктуре рынков различных стран. Об этом свидетельствует донесение французского посланника в Голландии за 1689 г.: «Евреи раньше всех и наиболее точно располагают информацией о всяком изменении в свете благодаря постоянным контактам их общин в Салониках, Амстердаме и многих других городах, благодаря посредничеству их едино-

верцев в Венеции, соединяющей торговлю Запада и Востока в Средиземноморье. Вот откуда их богатство и влияние в этих землях»³⁵.

Почти монопольное положение в левантийской торговле XVI–XVII вв. стало источником значительного капитала отдельных еврейских семей. В страны Европы с Востока поставляли живой скот, ковры, шерсть, хлопок, слоновую кость, кожи, мех, воск, шелк-сырец; в обратном направлении везли разного вида и качества текстиль, стекло, ремесленные изделия. В османской торговле с Венецией, Анконой, Францией, Англией и Голландией евреи нередко выступали как посредники. Они связывали производителей с рынками и ярмарками – как в городах, так и в селах. Рационально организованная торговая сеть включала в себя такие крупные центры, как Стамбул, Дубровник, Белград, Салоники, Эдирне (Адрианополь), Веройя, Дуррес, София, Сараево, Скопье, Пловдив, некоторые порты на Дунае. Благодаря своим капиталам еврейские торговцы могли регулировать и экспорт, и импорт. Они содержали на торговых путях трактиры, харчевни, обменные пункты. Посредники и агенты участвовали в получении и отправке товаров, в переговорах с судовладельцами, в различного рода сделках; организовывали конвои для сопровождения грузов. Они следили за состоянием складов. Конечно, в международной торговле европейские страны и Османская империя не были равными партнерами. Инициатива была за такими странами, как Англия, Франция и Голландия, правительства которых учреждали крупные компании для торговли на Востоке. Они добились учреждения консульств в торговых центрах империи: Стамбуле, Александрии, Алеппо, Измире, Каире. Внешняя торговля была подчинена особым правилам. Агенты следили за погрузкой-разгрузкой товаров, оформляли корабельные книги. Неотъемлемой частью торговых операций стала морская страховка. Нередко евреи выступали в качестве представителей иностранных торговцев. Ферманом от 23 января 1635 г. султан разрешил некоему Истраде стать легальным представителем нескольких европейских фирм в Битоле³⁶.

Реализацией крупных партий товаров занимались фактории – торговые представительства в Венеции, Анконе, Генуе и других городах Средиземноморья. Они определяли нормы продажи, отслеживали цены на рынках и ярмарках, оценивали степень риска в каждом конкретном случае. Иногда несколько человек объединяли свои капиталы, чтобы предо-

ставить кредит отдельным производителям, в том числе и сельскохозяйственной продукции. Сельское население в окрестностях Салоник, Ларисы, Скопья, Софии и Видина получало деньги на условии последующей закупки их продукции по монополюно установленным ценам. Причем наемными работниками были и евреи, и христиане. Торговые фактории были связаны с откупам – мукатаа, поскольку откупщики являлись обладателями больших капиталов, полученных, в свою очередь, от внешнеторговых операций. Главы таких факторий имели влияние не только в своей общине, с ними считались и турецкие власти. Иногда право на откуп передавалось по наследству³⁷.

Морская торговля в средние века была крайне рискованным предприятием из-за регулярных кораблекрушений, военных действий на воде, пиратства. Евреи называли пиратов «шолелим», а их корабль именовался «дагланом». На суше караваны с товарами грабили банды гайдуков. Известен единственный случай, когда в такой банде оказался еврей. В апреле 1705 г. гайдуки напали на караван, направлявшийся из Битоля в Скопье. Они захватили 12 груженных товарами лошадей, а двух сопровождавших убили. Но и в городах богатые еврейские торговцы не были в безопасности. Летом 1634 г. банда гайдуков напала на дом Мойзо – богатого торговца, жившего в Битоле. Пытками они заставили хозяина и его сына Авраама отдать деньги, серебро и другие ценности на сумму около миллиона акче. Мойзо и Авраам были убиты. Существовала версия, что банду подослали к Мойзо жители окрестностей Битоля, многие из которых были ему должны. Не такой уж редкостью были похищения еврейских детей из состоятельных семейств с целью получения за них выкупа³⁸.

В грабежах, случалось, участвовали и люди власть имущие. В протоколах еврейских судов Битоля и Салоник записаны показания свидетелей об ограблении и убийстве слугами паши Битоля торговцев-евреев, ехавших из Салоник в Битоль³⁹.

Богатство отдельных еврейских семей далеко не всегда могло защитить его владельцев от произвола не только бандитов, но и крупных чиновников. Не гарантировало оно, увы, спасения и от других превратностей жизни: опустошительных пожаров, религиозных преследований, грабежей, которые учинили вторгшиеся на балканские территории австрийские солдаты. Уже говорилось об уничтожении еврейского квартала в Скопье в 1697 г. Многие дома сожгли, часть насе-

ления увели в плен. Правда, турки вскоре отбили город. Известие об этом событии сохранилось в документах, поскольку пришлось восстанавливать квартал, заново строить стены, школу, синагогу. Средств не было, и члены общины обратились к раввину с просьбой продать священную серебряную утварь из синагоги, дабы на вырученные деньги реконструировать порушенное⁴⁰.

Постоянная угроза жизни и имуществу членов еврейских общин вынуждала их вести замкнутый образ жизни, подчиняться жесткому контролю раввината, сохранять в первозданном виде незыблемые религиозные нормы и традиции. Нередко сама община предоставляла право сбора налогов или право на какое-либо производство конкретному человеку, поскольку это имело значение для общины в целом. Весьма прибыльным, хотя и рискованным, делом была система откупов различных доходов: налогов, таможенных сборов, портовых пошлин и т.п. За участие в откупах в условиях жесточайшей конкуренции с выходцами из других немусульманских общин – греками, влахами, армянами – боролись и евреи. Зажиточные евреи тратили деньги на подкуп османских властей, на дорогие подарки не только в личных целях, но порой и в интересах единоверцев, всей общины. Нестабильные условия существования, постоянный страх перед конфискацией капиталов и ценностей в османскую казну вынуждали владельцев скрывать размеры своих состояний, переводить деньги из одного города в другой, из одной страны в другую, создавать фиктивные фирмы и компании, наконец, в соответствии с мусульманскими нормами учреждать вакф в пользу своих детей и их наследников.

При неукоснительном следовании религиозной традиции еврейские общины иногда отличались удивительной толерантностью к ее нарушителям. Например, торговцев, отправлявшихся в длительное путешествие и вынужденных по соображениям безопасности надевать чалму, выдавая себя за мусульман, ничуть не осуждали, равно как и тех коммерсантов, что по тем же самым причинам меняли свои имена на христианские в европейских странах. Община не раз проявляла терпимость и понимание даже в тех случаях, когда отдельные ее члены в чрезвычайных обстоятельствах и под сильным давлением переходили в ислам или христианство. В отличие от иудеев, менявших веру отцов из корыстных побуждений, насильственно крещенные или обращенные в ислам евреи не считались вероотступниками. Некоторые из них

ухитрялись не порывать связи с общиной; нередко при малейшей возможности они возвращались в иудаизм. В XVI–XVII вв. сохранялась общепринятая практика рассмотрения имущественных дел таких лиц в раввинатских судах наряду с делами прочих членов общины. В случае смерти крещенного еврея – выходца из Испании – оставленное им имущество балканская община была обязана хранить до прибытия с Пиренеев его наследника, нередко тоже христианина.

Что касается отношения еврейской общины к семьям, селившимся отдельно от единоверцев, то оно сохранилось в ряде поговорок: «Еврей в деревне – головешка ада», «В деревне еврей – наполовину гой». Речь в данном случае шла о невозможности соблюдения необходимых религиозных ритуалов в условиях оторванности от культовых центров, от раввинов. Существовало также незыблемое убеждение, что длительное пребывание в иноконфессиональной, иноязычной среде не может не повлечь за собой постепенной скрытой ассимиляции, влияющей на культурный облик человека, создающей предпосылки для «эрозии» его еврейского самосознания. Самосознание же, между тем, было важнейшим условием выживания евреев как этнорелигиозной общности.

Обособленность еврейских общин была обусловлена не только внутренними традициями, но и отношением местного населения к иудеям, отношения, если не открыто враждебного, то, по меньшей мере, настороженного, сдержанного. Всюду они воспринимались как чужие, как ненужные пришельцы. Какие-либо контакты, помимо самых необходимых (по большей части вынужденных), ни одной из сторон не одобрялись. Смешанные браки были явлением исключительным. Кому-то из супругов в подобном случае приходилось отказываться от веры отцов; это, конечно, чаще всего выпадало на долю женщин⁴². Но при всем том на территории Болгарии не происходили такие погромы, как на украинских землях или в других частях Российской империи. У болгар не было столь ожесточенного соперничества с евреями, как у греков. Не было и такой вражды к ним.

В середине XIX в. среди владельцев относительно крупных предприятий Македонии встречались и евреи. Братьям Аллатини, итальянским евреям, принадлежали мельницы, пивоварня (на паях с Саулом Модiano и Фернандесом Мизрахи) и черепичная фабрика. Торрес Модiano был хозяином ниточной фабрики, Риччо и Будалика имели небольшую мыло-

варенную фабрику. На этих предприятиях работали и евреи, и христиане.

Владельцами известных торговых домов в Салониках второй половины XIX в. были Геделия Абрахам Эррера, Ихес, Коэн и другие. Они торговали шелком и шелковыми изделиями. Сайяс и Нипоти организовали производство хлопковой пряжи, выпуская примерно 80 000 тюков ежегодно. Тем же занимался упомянутый Торрес Модiano, поскольку запрет на конкуренцию среди евреев в это время уже не действовал. Евреям принадлежали предприятия по производству спирта, несколько мыловаренных заводов, мастерские, выпускавшие металлическую фурнитуру. Большая часть машин и оборудования для этих предприятий привозилась из Франции. Упоминанные выше Аллатини, а также Модiano были и крупными домовладельцами; некоторые из них, к примеру Саул Модiano, владели паровыми судами. Однако вывод, что еврейские общины Македонии процветали, был бы ошибочен. Крупных торговцев, предпринимателей и финансистов было совсем не много, а среди самого бедного, почти нищенствовавшего македонского населения преобладали евреи. Обитали они в крохотных, жалких домишках на городских окраинах. Их многодетные семьи ютились в страшной тесноте, в антисанитарных условиях, отчего именно они становились первыми и наиболее многочисленными жертвами эпидемий чумы, холеры и других заразных болезней. Население Македонии, жившее в деревнях, в горных районах, небольших городишках или поместьях, конечно, страдало меньше.

В этой среде было много безработных и нищих. Некоторые выживали, занимаясь мелкой торговлей в деревнях, служа разносчиками, уличными продавцами зелени и фруктов. Англичанин Эдвард Леар, посетивший Салоники в 1848 г., обратил внимание на то, что многие еврейские бедняки работали там носильщиками. На его глазах разыгралось настоящее сражение: несколько носильщиков яростно дрались из-за багажа, который он привез в город. Полицейские разгоняли дерущихся, используя ремни и палки⁴³.

Усугубившееся социальное расслоение и обнищание значительной части еврейского населения было в известной мере следствием общего упадка Османской империи. Торговцы разорялись из-за непомерных и все возрастающих налогов. Общины на Балканах, как и в других османских регионах, сопротивлялись попыткам властей провести светские реформы, которые стали бы для еврейских религиозных сообществ

губительными. Важнейшей задачей еврейских религиозных лидеров сделалось сохранение целостности общины в ее средневековых формах, устранение или сглаживание серьезных внутренних противоречий. К несчастью, это было невыполнимо: развитие всегда сопровождается конфликтами. Община оказалась бессильна противостоять и процессам углублявшегося социального расслоения, и неизбежным реформам. Время реформ все-таки наступило, хотя и с большим опозданием (христианские этносы Балкан еще в XVIII в. начали побеждать в конкурентной борьбе с евреями в различных сферах экономики). От реформ Танзимата в XIX в. выиграли в основном состоятельные евреи, которые теперь могли меньше, чем раньше, опасаться грабежей янычар (корпус был уничтожен в 1826 г.), конфискации имущества и дискриминации со стороны чиновников.

В середине XIX в. болгарские евреи сохраняли свои позиции в торговле. 10 декабря 1857 г. известный болгарский ученый и общественный деятель Найден Геров прочитал доклад «О торговле, промышленности и сельском хозяйстве в Пловдивском санджаке». В нем говорилось, что значительная часть торговли на этой территории велась евреями, которые занимались и посредническими операциями. Благодаря им осуществлялась торговля колониальными товарами. Они держали большие склады; товары поступали из Лондона, Мадраса и иных мест. На складах хранились английское сукно, хлопчатобумажные ткани из Англии, Германии, Швейцарии, Франции, имевшие большой спрос на Балканах⁴⁴.

В конце XIX в. евреи часто занимали немаловажные государственные должности. Главным инспектором Битоля был еврей Хаджиман-эфенди, начальником почты – еврей Бенцион-эфенди. После Младотурецкой революции 1908 г. представители балканских еврейских общин попали в парламент. Попали не случайно. В этой революции наряду с другими этническими группами социал-демократов многонациональных Салоник принимали участие и евреи. На ладино издавался еженедельник рабочих «Giornale Lavor». Подобные издания выходили и на греческом, и на болгарском, и на турецком языках. В Салониках находилась известная библиотека, содержавшая большое количество марксистской литературы, в основном на европейских языках. В 1910 г. салоницкое отделение вошло в Социалистический Интернационал. Активную роль в этой организации играл Бенароя, за что его и посадили в тюрьму. Однако волна внутренних и междуна-

родных протестов вынудила турецкие власти вскоре его выпустить⁴⁵.

Членом социал-демократической фракции Салоник был еврей Влахов. Фракция поддержала его на выборах в парламент, и летом 1910 г. он стал депутатом от городов Салоники и Струмица. Влахов заявил о себе как страстный защитник угнетенных, прежде всего рабочих, каковы бы ни были национальные или религиозные различия между ними. Когда арабские землевладельцы Палестины потребовали от турецкого правительства безоговорочного запрета еврейских поселений на этой территории, Влахов произнес пламенную речь в защиту еврейских и арабских сельхозрабочих и столь же пламенно обличал землевладельцев. Понятно, что это не только не проясняло, а попросту затушевывало суть конфликта. Отнюдь не социального, а этнического⁴⁶.

Тем не менее в Салониках какое-то время удерживалось некое подобие международной солидарности трудящихся. Тон там задавали рабочие-активисты и интеллигенты еврейского происхождения. В дни майских праздников 1911 г. они организовали многолюдную (12-тысячную) демонстрацию, в которой приняли участие болгары, македонские греки, турки и, конечно же, евреи. «Интернационал» пели на четырех языках. Несли красные флаги. На митинге выступили Влахов, Ардити, Бенароя и турок Ихсан. В 1912 г., после падения младотурецкого режима, новые власти арестовали Самуила Иона, Ицхака Леви и Бенароя. Влахов и представитель армянских социалистов в парламенте Захарьян потребовали освобождения этих лидеров социалистического движения. К протестам турецких депутатов присоединились социалистические партии Европы. В Салониках проходили митинги в защиту арестованных. Представитель городской секции Социалистического Интернационала Саул Нахум мобилизовал на борьбу европейскую левую прессу. Под мощным давлением общественности заключенные были освобождены⁴⁷.

Приближалась 1-я балканская война. Воспользовавшись внутренними конфликтами в Османской империи, недавно освободившиеся от власти Стамбула Болгария, Греция, Сербия и Черногория попытались захватить Македонию и Фракию, требуя предоставить автономию этим территориям.

В ходе 1-й балканской войны (9 октября 1912 г. – 30 мая 1913 г.) между Турцией, с одной стороны, и Грецией, Болгарией, Сербией и Черногорией – с другой, 9 ноября 1912 г. греческие войска (112 000 человек и 196 орудий), более чем

вдвое превосходившие турецкие (50 000 человек и 96 орудий), захватили Салоники. К началу декабря турецкая армия была в основном вытеснена с Балкан. Ей удавалось удерживать всего несколько крепостей. 17 января 1913 г. стамбульская газета «L'Aurore» (№ 273) поместила заметку одного из жителей Салоник, мусульманина, перепечатанную из турецкой газеты «Anadolu», выходившей в Измире. Заметка описывала смену власти в Салониках:

«К приходу греческих войск Салоники повсеместно были изукрашены греческими флагами, которые свисали с балконов и окон домов, с деревьев. Их можно было видеть на судах в порту и даже на минаретах мечетей. Повсюду говорили о том, как город вот уже несколько столетий ожидал прихода греков. Греческие флаги водрузили даже на домах мусульман и в резиденции муфтия. Исключение составили евреи. Они осмелились продемонстрировать свое сожаление об уходе турок и приверженность прежней власти».

В то время как муфтий лицемерно приветствовал греческого короля Константина от имени мусульманского населения, главный раввин сказал следующее: «Ваше Величество, было бы несправедливым осуждать евреев за то, что они не выражают радости по поводу занятия города Вашей армией. Это было бы неблагодарностью в отношении единственной страны, которая открыла доступ евреям на свои территории, когда все другие их изгоняли»⁴⁸.

Евреям было о чем жалеть еще и потому, что все конфликты у них при османской власти возникали в основном с греками.

Дележ отобранных у Турции в ходе 1-й балканской войны земель стал поводом ко 2-й балканской войне – теперь уже между бывшими балканскими союзниками. В этих условиях в Стамбуле состоялось совещание членов социал-демократических фракций. Туда прибыли представители румынской социал-демократии Кристо Раковски и небезызвестный Парвус* от российской социал-демократии, приехали и посланцы двух армянских социалистических партий. Влахов представлял социалистическую секцию Салоник, Бен Гурион и Бен Цви – сионистскую организацию «Поалей Цион». Они подписали манифест, осуждавший войну и призывавший к

* Псевдоним А.Л. Гельфанда. В 1910–1915 гг. жил в Турции и на Балканах.

объединению всех стран Восточной Европы, включая Македонию, на принципах европейской социал-демократии⁴⁹.

В первое десятилетие XX в. в политической жизни Салоник большую роль играли исламизированные евреи – дёнме, чьи предки в XVII в. приняли ислам под воздействием проповедей Саббатая Цви. Именно у них Влахов находил убежище, когда его преследовали турецкие власти. Заключенному в тюрьму будущему депутату от Салоник дёнме носили еду столь обильную, что он, по собственному признанию, мог подкармливать и других узников.

Сразу же после окончания 2-й балканской войны, когда армии балканских стран занимали земли расчлененной Македонии, социал-демократическая фракция Салоник в газете «Аванте» подвергла разоблачению преступления войск, вторгшихся в эту страну. Штаб-квартиру социал-демократической фракции посетил английский публицист Генри Ноэль Брэксфорд, возглавивший комиссию Карнеги по урегулированию македонской проблемы. Там же побывал и российский историк П.Н. Милюков. Активисты фракции Ардити, Реканати, Хазан, Бенароя и Влахов рассказали обоим о преступлениях войск балканских государств против мирного населения. Они просили поддержать их обращение к Социалистическому Интернационалу, в котором требовали, чтобы члены его возвысили голос протеста против совершаемых жестокостей и раздробления Македонии. Секция обратилась также к основателю и главе Лиги по защите прав человека Франсису де Прессансу с просьбой выступить в защиту Македонии.

По окончании 2-й балканской войны секция социал-демократов оказалась в греческой части разделенной Македонии. В 1913 г. рабочие табачных предприятий эгейского побережья Македонии созвали свой первый съезд, на котором председателем центрального комитета профсоюза был избран еврей Иона, а секретарем объединения рабочих табачной промышленности Салоник – Бенароя. За свою деятельность Бенароя, Ардити и Иона в 1914 г. были посажены в тюрьму, но под давлением рабочих греческое правительство вскоре их освободило. Правительство Венизелоса в те годы попыталось взять под контроль социалистическое движение в Салониках, чтобы путем распространения антиеврейских настроений среди рабочих подорвать авторитет социал-демократических лидеров и секции в целом. Греческие власти действовали совместно с сербским правительством, которое

арестовало Бенаройю, скрывавшегося на его территории, и подвергло допросу. С 20 по 23 февраля 1918 г. в Лондоне проходила конференция европейских социалистических партий, куда пригласили и представителей салоникинской секции. Греческое правительство тоже послало в Лондон своих представителей, рассчитывая, что среди обсуждаемых вопросов зайдет речь и о судьбе Македонии. Как и правительства других балканских государств, оно хотело бы получить всю ее территорию. Прозвучавшее на конференции предложение о создании на Балканах демократической федерации было подвергнуто резкой критике в греческой печати⁵⁰.

4 ноября 1918 г. в Афинах был созван первый Всегреческий социалистический конгресс. Салоники на нем представляли А. Бенаройя, К. Андонью, Н. Бендури, П. Петру, Э. Карасо и А. Леви. От редакции газеты «Аванте» приехал Альберто Ардити. Конгресс призвал к объединению всех социалистических групп в единую Социалистическую рабочую партию Греции. Был избран центральный комитет партии, в который вошли евреи-активисты салоникинской секции.

Их вклад в укрепление и распространение социалистических идей в Македонии и Греции несомненен. Однако балканские государства добились независимости в ходе именно национально-освободительной, а не только социальной борьбы, поэтому идеи социал-демократии, идеи интернационализма, в отличие от национальной идеи, не получили в этих странах широкого развития. Евреи не обрели равноправия, которого добивались десятилетиями. Накануне Второй мировой войны, когда усилилась пропаганда фашизма и антисемитизма, в выигрыше оказались те из них, кто успел эмигрировать в США или Палестину.

Примечания

¹ Калдерон С. Историја Јеврејског народа. II. Београд, 1935. С. 6.

² Тодоров Н. Еврейското население в балканските провинции на Османската империя пред XV–XIX в. – Проучвания за историята на еврейското население в българските земи XV–XX век. София, 1980. С. 8–11; Gökbilgin T. Kanun-î Sultan Süleyman devri başlarında Rumeli eyaleti livaları, şehir ve kasabaları. – Belleten, XX, 1956. S. 78, 250–258.

³ Грец Г. История евреев... Т. 9. Одесса, 1907. С. 175–176.

⁴ Franco M. Essai sur l'histoire des Israélites de l'Empire Ottoman. P., 1897. P. 23, 40.

⁵ Matkovski A. A History of the Jews in Macedonia. Skopje, Macedonian Review Editions, 1982. P. 42.

⁶ Idem. P. 42–43.

⁷ Idem. P. 47.

⁸ Ottoman Documents on Balkan Jews XVI–XVII centuries. Sofia, 1990. P. 22.

⁹ Еврейски извори за обществено-икономическото развитие на балканските земи. Т. II, XVII век. Составители, переводчици и комментаторы Ашер Ашкенази и Ели Ешкинази, под ред. Николая Тодорова. София, 1960. С. 79; Ottoman Documents on Balkan Jews... P. 23.

¹⁰ Ottoman Documents on Balkan Jews... P. 40–41.

¹¹ Idem. P. 23–24.

¹² Matkovski A. A History of the Jews in Macedonia. P. 47–48.

¹³ Ottoman Documents on Balkan Jews... P. 26–27.

¹⁴ Еврейски извори... Т. II. С. 111.

¹⁵ Там же. С. 158.

¹⁶ Там же. С. 295.

¹⁷ Emmanuel J. S. Histoire des Israélites de Salonique. T. I. P., 1936. P. 72–81.

¹⁸ Панова С. Еврейската община в българските земи пред XVI–XVIII вв. – Проучвания за историята на еврейското население... С. 28–30.

¹⁹ Matkovski A. A History of the Jews in Macedonia... P. 59.

²⁰ Еврейски извори... Т. II. С. 313–315.

²¹ Matkovski A. A History of the Jews in Macedonia... P. 48–49.

²² Ottoman Documents on Balkan Jews... P. 33.

²³ Matkovski A. A History of the Jews in Macedonia... P. 46.

²⁴ Еврейски извори за общественно-икономическото развитие на балканските земи през XVI век. Т. I. София, 1958. С. 314.

²⁵ Там же. С. 45.

²⁶ Emmanuel J.S. Histoire de l'Industrie des Tissus des Israélites de Salonique. P., 1935. P. 47.

²⁷ Еврейски извори... Т. II. С. 178, 387, 125, 21.

²⁸ Matkovski A. A History of the Jews in Macedonia... P. 55.

²⁹ Idem. P. 56.

³⁰ Тодоров Н. Балканский город XV–XIX веков. С. 321.

³¹ Тодоров Н. Еврейското население в балканските провинции... С. 20.

³² Цит. по: Matkovski A. A History of the Jews in Macedonia... P. 44.

- ³³ Библия или книги священного писания ветхаго и новаго завета в русском переводе. Изд. 3. Киев, 1904.
- ³⁴ Еврейски извори... Т. II. С. 100.
- ³⁵ Там же. С. 9.
- ³⁶ Matkovski A. A History of the Jews in Macedonia... P. 54.
- ³⁷ Тодоров Н. Еврейското население в балканските провинции... С. 15–17.
- ³⁸ Еврейски извори... Т. I. С. 95, 287.
- ³⁹ Там же. Т. II. С. 475.
- ⁴⁰ Там же. С. 315.
- ⁴¹ Там же. С. 454–455, 519–520; Там же. Т. I. С. 101–102, 453–454.
- ⁴² Макарова И.Ф. Проблемы этногенеза евреев в болгарских землях и особенности межэтнического взаимодействия в XV–XVII вв. – Славяне и их соседи. Вып. 5. М., 1994. С. 120.
- ⁴³ Matkovski A. A History of the Jews in Macedonia... P. 57.
- ⁴⁴ Панова С. Еврейската община в българските земи... С. 50.
- ⁴⁵ Симовски Т. Активността на «Federation» и нејзините врски со балканските и другите социалдемократски партии (1909–1918). ГИНИ, год IX, бр. 1. Скопје, 1965. С. 15–16.
- ⁴⁶ Влахов Д. Мемоари. Скопје, 1970. С. 147.
- ⁴⁷ Там же. С. 155–171.
- ⁴⁸ L'Aurore, 17.01. 1913.
- ⁴⁹ Симовски Т. Активността на «Federation»... С. 20–21.
- ⁵⁰ Там же. С. 21–22.

ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ НА БАЛКАНАХ. ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА

Данные археологии свидетельствуют о том, что иудеи жили в Дакии во II в. н.э. (ныне это территория Трансильвании, Валахии, Баната). В ходе римских завоеваний 101–107 гг. в правление императора Траяна Дакия была превращена в римскую провинцию со смешанным, как и во многих других регионах империи, населением. О существовавших здесь в ту эпоху еврейских поселениях можно судить по найденным румынскими археологами похоронным текстам в Сармиседжетусе и Хыршове, а также по иудейским печатям, относящимся к 133–134 гг.

Из более поздних источников известно описание еврейской общины, которую в 1165 г. посетил еврей Беньямин из Туделлы. Его внимание привлекли деловые контакты общины с южнодунайскими племенами влахов. Судя по некоторым торговым документам XIII в., евреи поддерживали торговые отношения с Византией, русскими землями и Польшей. Торговые пути пролегали через Болгарию и придунайские земли. Историк Николай Йорга сообщает, что евреи пользовались этим транзитом в торговле с Константинополем до 1480 г. Есть документы, подтверждающие наличие в Аккермане еврейского поселения в первой половине XIV в.

Историки Б. Хашдеу и М. Когальничану сообщают о том, что евреи поселились в румынских землях после их изгнания из Венгрии королем Людовиком I (1342–1382) якобы за отказ общины перейти в католицизм. Этот король, известный не только религиозным фанатизмом, но также агрессивной внешней политикой, ослабил возможности соседних славянских народов к сопротивлению надвигавшейся турецкой угрозе.

Известно, что поощрявший торговлю на своих землях воевода Валахии Дан I (1383–1386) предоставил евреям возможность поселиться в ее пределах, даровал им привилегии, а среди них право арендовать землю сроком на один год, после чего аренду можно было продлить по усмотрению властей.

Есть сведения, что небольшие еврейские поселения в Молдавии сохранялись в период правления Стефана III (1457–1504). Евреи торговали зеленью, фруктами, рыбой, солью, предметами одежды, лисьими и беличьими шкурками, кожей, медью и другими товарами.

В трудные для княжества времена надвигавшихся польских и турецких войск Стефан III принял посланника правителя персидских земель еврея Исаака Бега, врача и дипломата. Они обсуждали возможность союза против турок¹. Очевидно, переговоры не увенчались успехом, поскольку воевода вскоре был вынужден стать вассалом Османской империи. Такое решение в известной мере позволило ему противостоять агрессии польского короля, войско которого ему удалось разбить в 1497 г. при поддержке великого князя московского Ивана III.

В 1476 г. Валахия была объявлена вассальной территорией османского государства, в 1501 г. Молдавия также стала вассальным княжеством. Оба Дунайские княжества во внутренних делах сохранили самостоятельность, то есть они не были превращены в пашалыки. В этих княжествах не располагались ни турецкие гарнизоны, ни представители османской администрации, но они обязаны были вносить в султанскую казну ежегодную дань. Сумма ее возросла с 3000–4000 золотых дукатов в конце XV в. до 60 000–80 000 в конце XVI в.

Первоначально господарей (воевод) в княжествах избирали бояре из знатнейших семей, а султан их утверждал². Но спустя некоторое время эти высшие должности подверглись той же тотальной коррупции, которой была поражена вся османская администрация и которая была и остается по сей день нормой в ряде стран Востока.

Должности господарей вскоре начали продавать тем претендентам, которые платили за них дороже. Господари часто менялись, что, конечно, не лучшим образом сказывалось на внутреннем положении в этих землях. Каждый новый воевода старался выжать из населения по максимуму, чтобы и с турками рассчитаться, и себя не обидеть. С 1711 по 1716 г., а затем спустя некоторое время до 1822 г. турки сажали на троны Молдавии и Валахии только греков-фанариотов.

Для султанов территории Дунайских княжеств были важны не только в силу их географического положения, не только из-за воинской повинности молдавских и валашских отрядов, которые обязаны были участвовать в военных походах турок, но также оттого, что правители княжеств в значительной мере снабжали продовольствием турецкие крепости в европейской части Османской империи, включая столицу. Они поставляли мясо, рис, соль, сыр, сало, мед и т.д.³

Некоторые источники, в том числе еврейские, относят время активизации еврейской торговли в княжествах к середине XVI в., то есть к периоду турецкого господства. Известно, что в это время в Бухаресте обосновалась община сефардов, бежавших из Испании и Португалии. Примерно тогда же в Стамбул, Салоники и в города Молдавии из Западной Европы прибывали ашкеназские евреи. Они были активными участниками торговли с Польшей и другими европейскими странами. Торговля осуществлялась через Дунайские княжества. Продавали скот, кожи, воск, вино, одежду. Кроме того, в этот период они занимались розничной торговлей товарами польского производства, обменом денег – польских злотых, венгерских и итальянских дукатов. Евреи-кредиторы имели неплохие позиции и в Порте, и при польском дворе.

Однако обосновавшиеся на территории Дунайских княжеств евреи и здесь не обрели покоя и стабильности. События в тех странах, куда их заносила судьба, так или иначе сказывались в первую очередь на пришельцах, остававшихся чужими для местного населения и подвергавшихся грабежам и преследованиям при малейших внутренних волнениях.

Высокая Порта, нуждаясь в деньгах, прибегла к вымогательству и принудила молдавского господаря заплатить в казну вместо обычных 40 000 злотых 80 000. В 1572 г. Ион Лютый призвал народ к восстанию. Его поддержала часть населения и бояр. Султан сделал свой ход, назначив новым господарем Петра Хромого и приказав санджакбею (командующему) Никополя и князьям Трансильвании и Мунтении (южная часть Валахии с Бухарестом) уничтожить войско Иона. Но тот сумел нанести поражение своим противникам и занять Бухарест. Султан рисковал утратить Бессарабию – важнейший плацдарм в Северо-Западном Причерноморье. В 1574 г. он направил в Бессарабию армию в 130 000 человек и еще 100-тысячное татарское войско. В сражении у озера Кагул Ион Лютый потерпел поражение, попал в плен и был заколот.

Новое восстание против султана было организовано в 1594 г. – на очередном этапе войны между Османской империей и Австрией. Трансильванский князь Сигизмунд Баторий, валашский господарь Михаил Храбрый и молдавский правитель Арон Воевода рассчитывали на союз с австрийским императором Рудольфом II (1576–1612).

Михаил Храбрый собрал во дворце своих заимодавцев, в основном нетурок, и поджег его. Это был повод к восстанию. Однако помощи, на которую надеялись, повстанцы не

получили. Они были разгромлены значительно превосходившей их турецкой армией.

В дальнейших военных действиях против турок Михаил Храбрый сумел добиться некоторых успехов, но они не привели к освобождению Дунайских княжеств. Этому мешало несколько причин, в числе которых были вспыхнувшие разногласия в лагере повстанцев. Вскоре князь был убит⁴.

В последней четверти XVI в. в Порте активно обсуждался вопрос об изменении статуса Дунайских княжеств, о превращении их в пашалык, такой же как и прочие османские провинции. Данный вариант поддерживал великий везир Синан-паша. Но тогда не удалось осуществить эту идею. Войны с Австрией и Ираном, восстания в Анатолии и других частях империи связывали руки султану, нежелавшему ввязываться в новый конфликт, чреватый серьезными военными действиями.

В XVI–XVII вв. и позднее территории Дунайских княжеств были яблоком раздора между Османской империей, Австрией, а в начале XVIII в. и крепнувшей Россией. В условиях частых войн и восстаний население этих территорий, евреи в том числе, могло думать лишь о выживании.

Османские власти отказались от идеи посадить в княжествах мусульманского наместника и приняли решение непосредственно без всяких выборов назначать христианских правителей, притом из среды собственных подданных греков-фанариотов, обитавших в Стамбуле в квартале Фанар. Среди них сохранились семьи византийской аристократии. Практика эта началась в 1659 г., а с 1711 г. она стала постоянной. С этого времени и до 1822 г. турки назначали правителями Молдавии и Валахии только греков. Они же занимали и другие высокие посты в княжествах⁵. В исторической литературе этот период изображается как особенно тяжелый для местного населения. Вероятно, для простого населения особой разницы не было, кто был господином – назначенцы султана из местной знати или из знати греческой, поскольку войны, восстания, а также крупные выплаты в турецкую казну не способствовали процветанию края. Но есть сведения, что положение местной знати при греках заметно ухудшилось.

В XVIII в. в европейских странах быстро развивались промышленность и торговля, для которых сырье доставляли из колоний. Возникли новые производственные отношения. Буржуазия вводила собственные правовые нормы, собственные

правила игры. В известной мере опосредованно новые отношения достигали и стран Восточной Европы. Возросла еврейская иммиграция в Дунайские княжества. Приезжали в основном ремесленники и торговцы, мечтавшие о достатке в более свободных от турецкого контроля землях. Они способствовали развитию внутреннего рынка на этих территориях, а также его постепенной интеграции в общеевропейский рынок. Именно в период фанариотского правления евреи получили статус, обеспечивавший им религиозные свободы и общинное самоуправление. Главный раввин звался, как и в Стамбуле, хахам-баши. Его утверждал воевода княжества. Главный раввин пользовался некоторыми льготами, свидетельствовавшими о его высоком положении: освобождением от уплаты налогов и таможенных сборов. Главный раввин общины осуществлял «совет и управление» общиной, собирал налоги в казну княжеств. Из документов середины XVII в. известно, что в Яссах существовала очень давняя еврейская община, там были синагога и древнее еврейское кладбище. Известно, что раввин Натан Хановер, бежавший с Украины от резни, учиненной бандами Богдана Хмельницкого, нашел убежище в Яссах. Членом этой же общины был некто Коэн, лекарь воеводы Василия Лупу. Сведения эти относятся к 1646 г.⁶

Сохранились дворцовые записи, относящиеся к более позднему времени, в которых указано, что новоприбывшим евреям предлагали селиться в городах и местечках. Они пополняли число налогоплательщиков и оживляли хозяйственную жизнь. Иммигрантам давали землю под строительство жилых домов, синагог, устройства микв, школ, странноприимных домов, лечебниц и т.д. Такие поселения в основном возникали в Молдавии, где они назывались штетлы. Это были небольшие местечки с преимущественно еврейским населением.

В общинах были и ашкенази, и сефарды. Религиозные традиции составляли основу их бытия.

Как уже говорилось, правление фанариотов было наиболее благоприятным для еврейских общин. Позднее были введены для них ограничения на право владения землей, их лишили возможности свидетельствовать в суде против православного христианина, а затем их и вовсе начали изгонять из страны. Если репрессии против той или иной христианской конфессии провоцировались войнами, религиозным конфликтом католиков Австрийской империи с православными, то

евреи страдали от преследований и тех, и других. В сравнении с относительной толерантностью мусульманской Порты к иноверцам – христианам и иудеям, католики христианской империи действовали против православных христиан с крайней жестокостью. По приказу генерала Адольфа Буккова в 1761 г. были разграблены и сожжены православные монастыри Трансильвании, всего пострадало около 150 монастырей.

В конце XVIII в. Османская империя все больше утрачивала свои позиции в Дунайских княжествах. По Кючук-Кайнарджийскому договору, завершившему русско-турецкую войну 1768–1774 гг., турки вернули себе занятые российскими войсками Бессарабию, Молдавию и Валахию. Но это был временный успех, лишь этап на пути к независимости княжеств.

Постепенно было отменено османское право преимущественной покупки турками экспортных товаров из княжеств, каждое из которых могло посылать в Стамбул своего представителя. В 1822 г. в княжествах было восстановлено право избрания воевод из местной знати вместо греческих правителей, назначавшихся Портой.

Правители Молдавии и Валахии получали все большую власть в своих землях, что, как правило, сопровождалось все большим притеснением еврейских общин. В 1817 г. в Молдавии был принят кодекс Каллимахи, а в Валахии в 1818 г. кодекс Каража. Они содержали новые правила пребывания на этих территориях иностранцев, а также переселявшихся сюда евреев. Согласно статье 1430 кодекса Каллимахи, евреи могли покупать дома и лавки в городах Молдавии, но им запрещалось приобретать земли в пригородах и сельских местностях.

К концу фанариотского правления евреи имели право жительства на всей территории Молдавии и во многих регионах Валахии. Власти княжеств подразделяли их на три категории по статусу: местные евреи – те, кто ранее приехал в страну и растворился в среде автохтонных евреев; вторая категория – так называемые хризовелиты, недавно поселившиеся здесь по специальному правительственному акту; и третья категория – судиты-евреи, пользовавшиеся иностранной защитой от фискального произвола той эпохи. Такие различия в статусе еврейского населения укоренились скорее в силу местных обычаев того или иного района, нежели по какому-то фиксированному закону. Они действовали до принятия Дунайскими княжествами Органического статута (1831–1832).

Адрианопольский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1828–1829 гг., в которой турки потерпели поражение, обеспечил фактическую автономию Молдавии и Валахии. Этот договор имел далеко идущие последствия и для еврейского населения княжеств. Формально Дунайские княжества продолжали считаться владениями султана, но в действительности он сохранил за собой лишь право на получение ежегодной дани, при этом у него не было достаточных средств принуждения к ее уплате в случае отказа правителей. По этому договору Порты не могла вмешиваться во внутренние дела княжеств. Она не имела права селить в этих землях мусульман по своему усмотрению.

Молдавия и Валахия получили право самостоятельно избирать господарей. Их правление теперь стало пожизненным (ранее оно ограничивалось семью годами). Заметно расширились права господарей во внутреннем управлении. Княжества теперь могли иметь земское войско, охранять и укреплять собственные границы. Россия взяла на себя гарантию прав Дунайских княжеств, что, конечно, увеличило ее влияние на Балканах⁷. По сути, это был российский протекторат над княжествами при сохранении их номинальной зависимости от султана. Молдавия и Валахия постепенно уходили из-под власти турок, а позиции России здесь укреплялись. По этому договору Россия получила земли в устье Дуная⁸.

Следствием изменившейся внешнеполитической ситуации в княжествах стало принятие упомянутого Органического статута (1831–1832), своего рода конституции, которая положила начало ряду европеизаторских реформ. И вместе с тем, согласно статуту, начал действовать закон, лишивший гражданских и политических прав нехристианское население. В постановлениях, разработанных на основе этого закона, говорилось, что если какой-либо еврей не сможет подтвердить наличие стабильного источника к существованию, то его приравняют к бродягам и он в любое время подвергнется изгнанию из страны. Новые постановления упраздняли институт главного раввина вместе со всеми его привилегиями. Менялась система взаимоотношений еврейской общины с властями. Евреям было оставлено право на государственное начальное образование. Органический статут с некоторыми изменениями действовал до объединения княжеств в 1859 г.

И все-таки вопреки ограничительной в отношении евреев политике правящих кругов княжеств число переселенцев

в этих землях в течение XIX в. возрастало, особенно после заключения Адрианопольского мирного договора России с Османской империей в 1829 г. Как уже говорилось, Дунайские княжества открывались западному капиталу, а евреи не стояли в стороне от этого процесса. Политика князя Михаила Стурдзы была направлена на привлечение евреев в Молдавию, несмотря на противодействие значительной части элиты.

Согласно молдавской переписи 1803 г., еврейское население составляло около 12 000 человек, а к 1859 г. его численность возросла до 130 000, что составило 3% от числа всех жителей княжества. Рост еврейского населения имел место и в Валахии: в 1838 г. там насчитывалось 1960 человек, а в 1859 его численность достигла 17 000⁹. В эти годы в общинах княжеств шли медленные, сложные процессы социально-экономической интеграции и частичной культурной ассимиляции евреев в инациональной среде. Такие процессы неизбежно сопровождали модернизацию еврейских общин диаспоры и очень часто они оканчивались взрывами этноконфессионального противостояния и ненависти к евреям со стороны местных элит. Латентный антисемитизм подогревался завистью к финансовым успехам отдельных еврейских семей, а также использовался властями в качестве безотказного средства консолидации и мобилизации масс в борьбе с политическими противниками. Приверженцы антисемитских доктрин, которые изобиловали вздорными вымыслами, рассматривали интеграцию евреев в общества Молдавии и Валахии как настоящую трагедию. И, тем не менее, их старания настроить общество против евреев не всегда оказывались успешными, поскольку вступали в противоречие с вполне рациональными экономическими интересами государства. Вопреки раздражению антисемитски настроенной немалой части общества настоятельная потребность экономики в иностранном капитале для ее модернизации вынуждала правительство смягчать жесткие правила пребывания евреев в стране. Именно евреи во многом способствовали становлению рынка и капиталистических отношений на этих территориях.

Экономист Виржиль Маджару соотносит начальный период развития капитализма в княжествах с прибытием первых еврейских банкиров: Михаэля Даниэля Хальфона в 1820 г., братьев Элиас в 1837 г., а также Хилеля Маноаха и Якоба Марморша в 1848 г. В 1836 г. доктор Цукер построил в Бухаресте железообрабатывающее предприятие¹⁰.

Революции во Франции и других государствах Западной Европы нашли отклик в политических событиях Дунайских княжеств. В марте 1848 г. представители оппозиционного боярства и либеральных кругов Молдавии, недовольные правлением господаря Михаила Стурдзы, составили петицию с протестом против административного произвола, с требованием отмены внутренних таможенных пошлин и проведения давно назревших преобразований. Часть требований, в которых было заинтересовано оппозиционное боярство, господарь принял. Нараставшее революционное движение в Молдавии было подавлено российским правительством, которое ввело на территорию Молдавии 12-тысячный корпус.

В Валахии революционные события способствовали приходу к власти части оппозиционного боярства и представителей буржуазии, правда, на короткий срок. 21 июня 1848 г. члены политического общества «Справедливость и братство», среди которых были и евреи, устроили в деревне Излаз собрание местных крестьян, солдат и офицеров расквартированных там войск. Собрание приняло ряд требований, которые были изложены в декларации: полная независимость Валахии, свобода печати, создание национальной гвардии, созыв Учредительного собрания для выработки конституции. В излазской декларации содержались также пункты, касавшиеся национальных меньшинств – цыган и евреев. Пункт 21 принятой декларации требовал освобождения угнетаемых и дискриминируемых меньшинств и предоставления политических прав всем соотечественникам, независимо от национальности и вероисповедания. Упомянувшийся выше банкир Хилель Маноах тогда же был избран членом муниципального совета Бухареста¹¹.

Постепенно открывались возможности для развития местного ремесла и промышленности, создавалась большая свобода для местных предприятий, отменялись внутренние таможи, причем начали работать такие мануфактуры и фабрики, которых раньше здесь не было. Первоначально инициатива их создания принадлежала иностранцам, среди которых было немало евреев.

Главным препятствием для развития промышленности в Молдавии и Валахии был общественный строй, блокировавший предпринимательскую инициативу. В княжествах нашлось очень мало людей, способных вложить капиталы в промышленность, поэтому среди предпринимателей были большей частью иностранцы, готовые рискнуть своим состояни-

ем. Сильным тормозом к экономическому развитию были также отсутствие квалифицированных рабочих, чрезвычайно узкий рынок сбыта, господство во многих местах натурального хозяйства, малочисленность городов и конкуренция лучших по качеству иностранных товаров, которую местное производство проигрывало. К тому же нередко происходили столкновения между молдавскими или валашскими предпринимателями. В середине XIX в. между поставщиками скота обоих княжеств возник спор о продаже скота на консервную фабрику Гольднера в Галаце, поскольку перегон скота из Валахии заметно сокращал цены на молдавский скот¹².

Многие еврейские интеллектуалы с пониманием и сочувствием отнеслись к революционным событиям 1848 г. Они надеялись на то, что их унижаемым, бедным и забитым в массе своей единоверцам будут предоставлены политические права. В революционном движении приняли участие художники Барбу Иковеску и Даниэль Розенталь, создавший известное полотно «Революционная Румыния». Несколько банкиров, в их числе Хилель Маноах и Давиелон Балли, пожертвовали крупные суммы на нужды революционного движения. Сохранились документы, свидетельствующие об участии евреев в сражениях с турками¹³.

После поражения революционного движения в княжествах удару подверглись и борцы за гражданские права евреев, а сама идея таких прав оказалась «замороженной». Новые попытки в этом направлении были предприняты после объединения Молдавии и Валахии в единое Румынское государство, главой которого стал Александр Куза (1859–1866). Он правил под именем Александра Иоанна I. В опубликованном манифесте «К румынам Моисеева культа» говорилось о намерениях правительства «стать на путь освобождения румын израильского вероисповедания». Но даже небольшие реформы (расширение сферы избирательного права и т.д.) вызвали ожесточенное сопротивление влиятельных кругов. В 1866 г. Александр Куза был свергнут с престола, изгнан из Румынии, а его место при поддержке Франции, Италии и других держав занял Карл Гогенцоллерн вопреки возражению Турции, не желавшей избрания иностранного принца.

В том же 1866 г. была принята первая румынская конституция. Один из ее разработчиков, Ион Братиану, обещал включить в ее текст пункт о гражданстве для всех жителей, однако итоговый документ оставил в силе бесправие еврейского населения. Принимавший участие в редактировании текста

конституции Аристид Паскаль говорил о том, что первоначальный вариант статьи 7 был сформулирован следующим образом: «Религия не может быть препятствием к получению гражданства». Такой вариант вызвал общее недовольство почти всех остальных членов конституционной комиссии, настроенных не в пользу румынских евреев. К тому же имели место массовые протесты антисемитской улицы. В итоге параграф 2 статьи 7 был принят в следующей редакции: «Только иностранцы христианского вероисповедания могут приобрести румынское гражданство». А для местных евреев и хризивелитов гражданство осталось недостижимым. Они остались бесстатусной группой вопреки тому факту, что они выполняли все обязанности граждан: служили в армии, платили налоги и пошлины, соблюдали законы страны пребывания. Румынские евреи были отнесены к категории иностранцев нехристианских вероисповеданий, то есть к лицам, в тот период дискриминируемым¹⁴. Антиеврейские выступления и погромы 1867 г. стали поводом к активным протестам Англии, Франции, Турции и США в адрес румынского правительства¹⁵.

С развитием капитализма, помимо традиционных предубеждений и религиозной вражды, евреи в полной мере испытывали на себе меры по ограничению или удушению их бизнеса. Нередко успешных конкурентов-чужаков просто изгоняли. Никто не принимал во внимание того, что евреи внесли свой вклад в войну за независимость 1877 г., участвовали в военных операциях и были отмечены за храбрость. В приказе генерала Серната, командующего румынской армией, в числе награжденных за особые заслуги упоминались сержант Флорин Беркович и младший лейтенант Маурицио Бросинер, участвовавшие в сражениях 27, 30, 31 августа и 5 сентября 1877 г. Евреи создавали комитеты поддержки воинских формирований, собирали для них деньги и продовольствие. По инициативе одной из первых еврейских организаций «Сион», созданной в 1872 г. и защищавшей интересы евреев Бухареста, был открыт румыно-израильский госпиталь. Им руководил доктор А. Коэн-Косин. Госпиталь передали в распоряжение военно-медицинской службы для оказания помощи участникам сражений под Плевной и Видином во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

На Берлинском конгрессе 1878 г., завершившем войну, великие державы Запада поставили перед румынским правительством вопрос о пересмотре позорной, дискриминиру-

ющей евреев статьи 7 конституции 1866 г. В новой редакции текста статьи 7 речь уже шла о том, что румынское гражданство может быть предоставлено и жителям страны нехристианского вероисповедания. Однако и в новой формулировке содержалось разъяснение, по сути сводившее на нет действие статьи: «Право натурализации предоставляется только на индивидуальной основе законодательным учреждением». Таким образом, этот вопрос был отнесен к компетенции парламента, систематически отклонявшего прошения евреев о натурализации.

Только 888 евреев – участников войны за независимость вскоре получили гражданство Румынии. А значительная часть еврейского населения снова оказалась жертвой дискриминационного законодательства. В отношении подавляющего числа евреев действовали ограничения в доступе к ряду профессий и торговле. Они были лишены права на образование в государственных учебных заведениях.

Результаты подобной политики не замедлили проявиться. В конце XIX в. еще существовала возможность свободной эмиграции. Десятки тысяч евреев, преимущественно квалифицированных специалистов, выехали из Румынии. По переписи 1899 г. в этой стране проживало 299 632 человека, а в 1912 г. их число сократилось до 239 967 человек, что составило 3,4% от всего населения.

Постоянные попытки исключить евреев из социальной жизни страны либо существенно ограничить их участие в ней отражались на политическом и экономическом развитии Румынии, в которой заметным было значение еврейских капиталов, профессионального и организационного опыта евреев, а также их участия в торговле и банковском деле. Статистический отчет за 1913 г. содержит следующие показатели участия евреев в экономике страны: 12,2% были заняты в промышленности в качестве наемных рабочих и служащих; 12,2% имели собственные предприятия, что втрое превышало процент в численности всего населения; 31,3% работали в торговле и на транспорте, что более чем в 8 раз превышало их процент в составе всех жителей; 70% составляли служащие банков и системы социального страхования; более 5,3% были представителями свободных профессий, что также превосходило их долю в общей численности населения.

Рассматривая значение еврейского элемента в хозяйственной и культурной жизни страны, экономист Жорж Таш-

ка указывал на его динамизм, вовлеченность в среду мелкой, средней и крупной буржуазии, на достижения евреев в различных сферах румынской культуры, в частности в румынской лингвистике и литературе¹⁶.

Примечания

¹ Benjamin L. The Jews in Romnia. A Historical outline. – Romania: A Historic Perspective. N.Y., 1998. P. 533–534.

² Maxim M. The Romanian Principalities and the Ottoman Empire (1400–1878). – Romania... P. 115.

³ Idem. P. 110.

⁴ Новичев А.Д. История Турции. Т. I. Эпоха феодализма (XI–XVIII века). Л., 1963. С. 136–137.

⁵ Maxim M. Romanian Principalities... P. 111.

⁶ Benjamin L. The Jews in Romania... P. 535.

⁷ Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса. М., 1975. С. 154.

⁸ Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30 годы XIX века). М., 1966. С. 195–200.

⁹ Benjamin L. The Jews in Romania... P. 537.

¹⁰ Idem. P. 537; Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах... С. 346.

¹¹ Benjamin L. The Jews in Romania... P. 537.

¹² Гросул В.Я., Чертан Е.Е. Россия и формирование румынского независимого государства. М., 1969. С. 50.

¹³ Benjamin L. The Jews in Romania... P. 537.

¹⁴ Idem. P. 537–538.

¹⁵ Гросул В.Я., Чертан Е.Е. Россия и формирование румынского независимого государства. С. 153.

¹⁶ Benjamin L. The Jews in Romania... P. 538–539.

ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ. СТРАНЫ МАГРИБА*

Многие авторы считают еврейские поселения в Северной Африке очень давними. Предполагают, что евреи прибыли в этот регион в то время, когда финикийский флот набрал силу в Средиземноморье, то есть к концу II тыс. до н.э., и составили часть контингента этого флота, имевшего опорные пункты в ряде городов североафриканского побережья. На древность происхождения этих поселений указывает длительное время сохранявшаяся в общинах доталмудическая религиозная практика.

По свидетельству Страбона евреи составляли значительную часть тогдашнего местного населения.

После захвата и разрушения Иерусалима в 70 г. римскими войсками Тита на побережье Северной Африки хлынула новая волна беженцев. В 115 г. взбунтовавшееся еврейское население Ливии и Киренаики начало избивать римлян. Репрессии императора Траяна своей жестокостью превзошли эксцессы бунта. После трехлетней борьбы и кровавых преследований часть населения бунтовавших римских провинций сумела найти убежище у берберов. Во II в. евреи обосновались в Карфагене, крупнейшем городе на побережье, их община тогда насчитывала около 30 000 человек¹. Они занимались торговлей. В Алжире сохранились остатки еврейских кладбищ со следами древнего культа и надписями на древнееврейском языке. Очевидно, местные власти оказались достаточно толерантными, поскольку община разрасталась и пользовалась влиянием. В Карфагене жили такие выдающиеся личности, как рабби Аба и рабби Ханинах, имена которых упомянуты в Талмуде. О несомненном влиянии еврейской общины свидетельствуют усилия таких известных отцов христианской церкви, как Тертуллиан, Киприан, св. Августин, предпринятые для подавления распространявшегося в этих землях иудаизма. К концу римского господства в Северной Африке евреи еще пользовались свободой торговли и мореплавания, несмотря на ряд гражданских ограничений.

Обосновавшиеся на руинах Римской империи вандалы уважали религиозную свободу евреев. Однако после захвата

* Речь идет о странах, включенных в XVI в. в состав Османского государства — Алжире и Тунисе.

Северной Африки войсками византийского полководца Велизария в 533–534 гг. преследования евреев возобновились. Император Юстиниан (527–565) запретил евреям отправлять религиозный культ и отмечать праздники. Многие синагоги были перестроены в церкви. Евреев принуждали принимать христианство. Большая их часть укрылась во внутренних районах у берберских племен. Некоторые из них следовали закону Моисея, что также являлось поводом для византийских преследований.

Миграция евреев в Магриб в средние века началась, по видимому, в конце VII в., когда из Испании сюда переселились новые группы беженцев, спасавшихся от вестготов.

Вторжение арабов в Северную Африку и кровавые сражения сторонников ислама с местным берберским населением отмечены со второй половины VII в.

Территории Магриба в ту отдаленную эпоху еще не имели сегодняшних границ Туниса, Алжира, Марокко. Представители правящих кланов постоянно вторгались в соседние земли, добывались их оружием, дробили на произвольные части.

По свидетельству арабских историков, в их числе Ибн-Халдуна, многие берберские племена исповедовали иудаизм. Одно из таких племен Джерауа возглавляла женщина Кахена, организовавшая сопротивление арабским отрядам Хассана и одержавшая над ними победу в 688 г. Остатки разбитых отрядов Хассана отступили и укрылись в Триполитании. Однако в 693 г. арабы вернулись, и в этот раз удача сопутствовала им. Отряды Кахены были разбиты. Она бежала со своими приверженцами, но вскоре была убита².

Новый наместник завоеванных североафриканских территорий Муса ибн-Носейр принудил перейти в ислам берберские племена, часть которых исповедовала христианство или иудаизм, но многие оставались язычниками, поклоняющимися силам природы.

Берберы, оказавшиеся упорными приверженцами иудаизма, бежали в оазисы юга, а позднее присоединились к еврейским общинам городов.

На протяжении многих столетий положение евреев в Северной Африке оставалось нестабильным. Оно зависело от произвола конкретного правителя и от расстановки политических сил.

В X–XII вв. община Кайруана, как и многие другие, процветала. Здесь жили известные медики, раввины, философы. Ситуация изменилась в эпоху правления династии Альмоха-

дов в XII в. В 1142 г. еврейские поселения на юге были почти полностью уничтожены. После учиненной резни алжирский иудаизм оказался на грани исчезновения. Евреи постепенно утрачивали знание древнееврейского языка. Все чаще им приходилось по своим делам обращаться в мусульманский суд.

Внутренние междоусобицы, военные столкновения не могли способствовать сколь-нибудь длительному процветанию населения. Война кочевников против оседлых племен, династийная борьба создавали условия хаоса для всего населения. А евреи не могли остаться в стороне. Отчасти их спасали высокие толстые стены обособленного квартала (меллаха), но ярость враждебных толп могла их настигнуть за пределами квартала, тем более что некоторым из них приходилось жить и среди мусульман. Некоторые авторы полагают, что эксцессы против евреев в истории Северной Африки носили скорее характер грабежа, чем религиозных репрессий. Они считают, что еврейские погромы в этом регионе были обусловлены не столько религиозной ненавистью, как в Европе, сколько алчностью и чувством превосходства тех, кто заявлял о себе как о хозяевах страны³. Однако алчность вполне сочеталась и с религиозной нетерпимостью. Скорее всего мотивы были очень сходные с теми, какие имели место в Европе.

Султаны Хафсидской династии, под властью которой в XIII в. оказался Тунис после распада обширного государства Альмохадов, были заинтересованы в развитии торговли. Они терпимо относились и к христианам, и к евреям. От них требовали уплаты подушного налога (джизье) и ношения отличающей их одежды. В их внутренние дела они не вмешивались. При султанах еврейскую общину представлял избранный ею раввин. Внутриобщинные конфликты регулировал раввинатский суд, а конфликты между евреями и мусульманами подлежали юрисдикции шариатского суда. Евреи занимались ремеслами, ювелирным делом, торговлей и денежными операциями, в которых они нередко выступали посредниками.

Хафсидские султаны, правившие до 1534 г., признавали за ними право собственности⁴. Конечно, никому не пришло бы в голову рисовать идиллическую картину отношений арабов и евреев в стране, где имела место анархия междоусобных войн. Однако если учитывать весь комплекс существовавших обстоятельств: традиционное презрение к иноверцам, ожесточенную борьбу племен между собой, уничтожавших в пылу столкновений всех, кто попадет под руку, то участь евреев Северной Африки была не более безысходной, чем

участь низших категорий мусульманского общества, которые подвергались столь же жестокому обращению со стороны правящей элиты. В пользу такого предположения приводятся факты, когда евреи вместе с остальным населением праздновали победы мусульман над испанцами, которые их попросту уничтожали.

Конечно, произвол местных мусульманских властей мог подчас нарушить фундаментальный принцип, приписываемый «хартии Омара», а именно уважение к жизни и имуществу зимми, но бывала и совсем иная практика.

Отдельные евреи добивались богатства, расположения принцев и даже султанов, которые ценили их за какие-то заслуги. Они могли даже занимать должности советников, но в строго определенных рамках. В XI в. Маварди четко обозначил условия доступа зимми к государственным должностям⁵. Зимми при дворе мусульманского правителя не должен был располагать какой-либо юридической прерогативой, не должен был жаловать должностями мусульманских чиновников, располагать вооруженными силами, а также распоряжаться казной. В то же время не имело особого значения, был он свободным или рабом, знал ли религиозный закон, имел ли специальные познания в военном деле или налогообложении, что, конечно, не способствовало эффективности системы управления.

Вообще же случаи, когда зимми исполнял важные функции при мусульманском правителе, были очень редки. Чаще еврей в мусульманском городе рассматривался не как враг-иностранец, а как хотя и низший, презренный, но протезируемый человек, который должен компенсировать свое презренное состояние уплатой налогов и выполнением необходимых мусульманам функций. Как правило, еврей в мусульманском городе был универсальным посредником. Именно еврей осуществлял торговые контакты крупных городов с внутренними частями. Он снабжал продовольствием и другими товарами и города, и сельские местности до самых отдаленных оазисов. Он же способствовал регулярным торговым контактам Магриба с Европой. Из его многочисленных свертков и узлов появлялись необходимые всем привычные и новые предметы. Поэтому отношение к евреям мусульманского населения на протяжении столетий было неоднозначным.

Бегство евреев с Иберийского полуострова началось в конце XIV в. и составило новый этап еврейской истории в целом и общин Северной Африки в частности. В 1492 г. ты-

сячи евреев, еще остававшихся в Испании, вынуждены были покинуть страну. Большая их часть направилась в Северную Африку.

Испанские евреи, прибывшие в Алжир, Оран, Константин, Тлемсен и другие города, отличались от местных евреев не только внешним видом. Алжирские евреи носили тюбаны, а пришлые – береты. Их так и называли – «носящие береты». От местных евреев, пребывавших в упадке из-за нескольких веков мусульманского господства, испанские евреи отличались более высокой общей культурой, образованностью, уровнем интеллектуального и профессионального развития. Некоторые сумели сохранить часть своего состояния. Обе группы евреев объединял только закон Моисея. Чтобы сблизить их в повседневной жизни, понадобились долгие и упорные усилия.

В сравнении с ужасами испанской инквизиции жизнь в Магрибе казалась более спокойной, а арабское господство в то время при всех издержках выглядело сносным.

Во главе немногочисленной еврейской общины Алжира в XIV в. был Симон Дуран (род. в 1439 г., ум. после 1510 г.), сын философски образованного раввина Соломона Дурана. Он принял участие в судьбе 50 единоверцев, которых испанцы продали в рабство в Алжире. Стараниями Симона Дурана эти люди были выкуплены за 700 дукатов, собранных общиной⁶.

Испанский король Фердинанд II в 1510 г. отправил флот под командованием Педро Наварры для завоевания городов Бугия и Тунис. После двухнедельной осады город Бугия был взят и разграблен. Тунис капитулировал перед войсками Педро Наварры. Евреи, не успевшие бежать, в лучшем случае платили ежегодную дань испанскому королю.

В 1541 г. император Карл V, внук испанской королевы Изабеллы, попытался осадить Алжир, но потерпел неудачу. Радость и ликование евреев были столь велики, что сохранились надолго как алжирский Пурим, поскольку многие из них знали, что, взяв Тунис в 1535 г., Карл V отдал его на разграбление в течение трех дней, а еврейское население, не успевшее бежать, было убито или продано в рабство.

На побережье Северной Африки в XVI в. испанцы основали несколько крепостей и установили там контроль, что лишало жителей Алжира возможности свободно торговать. Они обратились за помощью к корсару Аруджу, который сумел разбить испанцев, но вскоре был убит в одном из сражений. Чтобы окончательно изгнать испанцев, его брат Хайреддин

Барбаросса (1518–1546) признал верховную власть над Алжиром османского султана. Он получил титул бейлербея, финансовую помощь и военные отряды. Опираясь на могущественное покровительство, он завершил объединение страны под своей властью, перестроил и укрепил порт Алжира и разбил в 1541 г. экспедиционные войска Карла V. Большая часть побережья была освобождена от испанцев.

Население Алжира в XVI в. составляло около 60 000 человек, не считая примерно 25 000 пленных христиан, многие из которых жили в предместьях. Среди горожан было 12 500 коренных алжирцев, 6000 морисков, бежавших из Андалузии и Гранады, 3500 кабилов, несколько тысяч арабов. Около 5000 евреев жили в особом квартале.

Сложное по составу население гетто включало небольшое число евреев африканского происхождения, почти не отличавшихся от туземных бедняков и многочисленных эмигрантов, прибывших с Болеарских островов в конце XIII в. (шеклиин), затем оказавшихся здесь столетие спустя кибусиин, бежавших из Испании. Кибусиин, появившиеся в 1391 г., представляли собой духовную и торговую аристократию. Среди них было много раввинов.

Хайреддин Барбаросса, союзник, а затем вассал султана Селима I, получивший в 1518 г. титул бейлербея, разрешил евреям обосноваться в подвластных ему землях на постоянное жительство. Со временем пришельцы из Испании приобрели влияние в деловой жизни, и все же постоянно подвергались оскорблениям со стороны других жителей. Они были обязаны носить особую одежду и платить подушную подать.

В 1574 г. турки захватили Тунис, разгромив испанский гарнизон и его ставленника, положив конец испанским вторжениям и грабежам. Бесконечные военные действия на этих территориях разоряли все население, но в первую очередь евреев, наиболее беззащитную его часть. Их дома подвергались разграблению. Есть свидетельства, что с приходом турок в Алжир положение еврейской общины ухудшилось. Община облагалась тяжелыми налогами и большими штрафами. Тех, кто не мог или отказывался платить, нещадно избивали. Турецкая юстиция была источником скандальных вымогательств.

И евреев, и христиан подвергали страшным наказаниям: отсечению членов, давлению. Их замуровывали в стену, сажали на кол. Евреев обязали носить только темную одежду: черные бурнусы, штаны и ермолки. Они имели низший ста-

тус. Некоторые привилегии в первый период турецкого господства сохранили несколько евреев испанского происхождения и несколько богатых алжирских семей. Заметно сократились розничная торговля и ремесла. Основная масса еврейского населения обеднела, многие оказались в нищете. Деградировала и некогда процветавшая духовная жизнь. Однако в этих очень неблагоприятных условиях происходило постепенное сближение местных и испанских евреев. К сожалению, первые не смогли подняться до уровня вторых. Наоборот, выходцы из Испании опускались до магрибинских жителей.

Однако примерно с середины XVII в. в стране появился новый еврейский элемент – франкские евреи, прибывавшие сюда из Центральной Европы. Благодаря достаточно либеральной и меркантильной политике герцога Тосканского город Ливорно в это время становится крупнейшим торговым и финансовым центром, рынком рабов с многочисленными складами товаров, привозимых корсарами.

В XVI–XVII вв. в странах Северной Африки, как и во многих странах Европы, получило распространение пиратство. XVII век был периодом наивысшего подъема этого промысла в Алжире, где существовал один из самых сильных флотов в Средиземноморье. Многие государства платили дею Алжира ежегодную дань за свободу мореходства для своих судов. Быстроходность, маневренность, новые приборы, хорошее вооружение позволяли алжирцам нападать на прибрежные города, захватывать богатую добычу и пленных, за которых они получали выкуп либо использовали их как гребцов на галерах и на сельскохозяйственных работах.

Порт Алжир, защищенный в XVII–XVIII вв. хорошо укрепленными фортификационными сооружениями, использовали как базу также многие европейские корсары. В этом бизнесе принимали участие и местные, и франкские евреи. Привлеченные торговым процветанием, а также большими возможностями обмена континентальной мануфактуры на колониальные товары, привозимые из Африки и Азии, многочисленные евреи, обосновавшиеся в Ливорно, играли в торговле этого порта первостепенную роль. Некоторым из них было выгодно размещать свои конторы или их филиалы в странах Магриба. Левантийские евреи много времени проводили в Алжире, Боне, Ороне и других городах, где их рассматривали как иностранцев, находившихся под защитой французских консулов. Поэтому им удавалось избегать всяческих ог-

раничений, унижений и наказаний, которым подвергались местные евреи. Франкские евреи могли одеваться как хотели, жить за пределами еврейского квартала – меллаха. Они не подлежали одиозной юрисдикции деев⁷.

Первоначально присоединенные к Османской империи территории Алжира и Туниса управлялись бейлербеями, затем утверждаемыми султаном пашами, а позднее власть перешла к военным предводителям. С 1671 г. власть находилась в руках дея, которого избирали в Диване, состоявшем из янычарских начальников – ага и пиратских капитанов – реисов. Морские силы рекрутировались из разных слоев населения и авантюристов разных стран.

Деи и его министры распоряжались огромными денежными суммами, составлявшимися из платы за утверждение в должности, доли в пиратской добыче и прибылях от различных предприятий (например, торговли хлебом). В то же время алжирский дей находился в зависимости от янычар, которые зачастую смещали и убивали неугодных им деев.

Избранные Диваном деи получали утверждение от Порты и считались вассалами османского султана. На деле же они проводили достаточно самостоятельную политику и поддерживали дипломатические отношения с другими государствами. После избрания деи посылали в Турцию подарки – одежду, драгоценности, красивое оружие и лошадей. Взамен они получали инвеституру, военное снаряжение (суда, пушки, селитру и т.д.) и разрешение на вербовку в Турции янычар. Заинтересованность дея в этих подкреплениях и поступлении судов и вооружений поддерживала связи отдаленных территорий Северной Африки со Стамбулом⁸.

Деи был самодержцем, так как его власть лишь номинально ограничивалась Диваном, который был скорее совещательным органом. Дей сам назначал пятерых министров: государственного казначея, командующего сухопутным войском, министра морского флота, своего домоправителя, а также попечителя выморочного имущества и сборщика дани.

Одной из основных обязанностей дея было отправление правосудия. Он направлял дела в соответствующие инстанции. Турки и местное население были подсудны разным судам и подчинялись разным блюстителям порядка. Турки-ханифиты решали конфликты у кади своего религиозного толка, тогда как арабы-маликиты обращались к кади своего толка. В уголовных судах дела турок разбирал ага, глава янычарского корпуса, дела арабов находились в ведении его по-

мощника кяхи. Приговоры, о которых уже говорилось, приводились в исполнение незамедлительно. На костер нередко отправляли вероотступников и евреев.

Гражданские дела дей направлял кади, более сложные поступали на рассмотрение маликитским или ханифитским муфтиям.

С 1689 г. выдвижение на пост дея перешло в руки командования янычарского войска. Корпус (оджак) предпочитал того или иного кандидата в зависимости от случайных обстоятельств, что вызывало многочисленные внутренние столкновения и бунты, хотя дея по-прежнему утверждал султан.

При попустительстве консулов европейских держав, с которыми деи вынуждены были считаться, европейские купцы нередко торговали товарами, захваченными корсарами. Такие товары продавали и евреи. Они попадали в Ливорно и даже на Антильские острова.

Вывозили они главным образом кожи, воск и шерсть. Экспорт в Европу был невелик: изюм, инжир, финики, кое-какие ткани и табак. Правители Магриба продавали лицензии и патенты на право торговли. В обычае был также бахшиш посредникам. Евреи настолько сумели приспособиться к местным условиям, что в конце концов получили возможность стать менялами, маклерами дея и хозяевами многих сфер экономики страны. Одновременно имели место, как и раньше, избиения и погромы. Однако при всех неблагоприятных обстоятельствах конкуренцию с ними выдерживали немногие, в основном марсельские ренегаты, ни перед чем не останавливавшиеся в борьбе.

К концу XVII в. в конкурентной борьбе евреи столкнулись с протестантами из Лангедока, с 1685 г., во время войн с католиками и гонений, искавшими убежища в Алжире, Тунисе, Марокко⁹.

Местные евреи, как и большая часть населения, говорили на магрибском диалекте арабского языка. Официальным языком был турецкий, которым пользовались командиры сухопутных и морских сил, а также ренегаты, делавшие карьеру. В ходу был *lingua franca* – язык деловых отношений, представлявший собой смесь арабского, испанского, турецкого, итальянского и провансальского. Потомки выходцев из Испании и Португалии говорили на ладино (или юдесмо), и не только говорили, но и писали, используя древнееврейский алфавит.

В середине XVII в. в еврейских общинах Туниса происходили существенные изменения. Иммиграция европейских

евреев, начавшаяся с преследований их инквизицией, вновь приняла широкий размах вследствие их активного участия в ливантийской торговле. Вновь прибывшие евреи из Ливорно, Палермо и других городов взяли в свои руки значительную часть местной торговли. Они принимали участие и в выкупе захваченных пиратами христианских пленников. Известно, что с XVII в. еврейские конторы зафрахтовывали для своих нужд корабли и подписывали коллективные контракты.

Прибывшие франкские (европейские) евреи отказывались интегрироваться в местные общины. Они брали на себя заботу о том, что в той или иной мере касалось их собственного бытия: синагогу, раввинатский суд, торговлю мясом и другими продуктами, церемонии захоронения и содержание кладбища.

Этот вполне очевидный раскол в еврейских общинах Туниса был зафиксирован актом от 1741 г., в котором говорилось, что местные евреи Touansa (мн. число от Tounsi, означавшее по-арабски тунисец) признавали ливорнийскую общину Grana (мн. число от Gorni, искаженное от Leghorn — Ливорно) автономной¹⁰. Каждая из этих общин имела свою синагогу, свой раввинатский суд, свое кладбище, свои мясные лавки т.д. Такое разделение просуществовало несколько столетий, и лишь к концу Второй мировой войны структуры этих общин стали едиными.

Первая еврейская типография, основанная в Фесе португальскими беженцами в 1516 г., просуществовала несколько лет. А в Тунисе в 1768 г. появилась первая книга на древнееврейском языке, выпущенная в Северной Африке. Это было сочинение раввина Ицхака Ломброзо. В общине тунисских евреев надолго осталась память о раввине Хаиме Иосифе Давиде Азулае, человеке образованном и очень наблюдательном¹¹.

В XVIII в. появляются признаки упадка экономической жизни во многих городах североафриканского побережья.

Османская империя слабела, терпела военные поражения, начала утрачивать некогда завоеванные территории. Резко ухудшились дела корсаров: не хватало опытных экипажей для пиратских судов, участились их столкновения с враждебными эскадрами, имело значение и действие мирных договоров, которые султаны вынуждены были подписать с европейскими державами. Алжир разоряли внутренние смуты, эпидемии чумы, засухи. Деи не способствовали возрождению экономики.

В начале XIX в. население города Алжира сократилось до 30 000 человек. Снизилось даже число янычарских рекрутов, которые прибывали из центра Османской империи. Их не хватало даже для обороны города.

В начале XIX в. в Алжире жило около 3 млн человек. В основном это были арабские и берберские племена, которые в значительной мере смешивались между собой.

Во главе племени стоял шейх, избираемый общим собранием племени, обычно из наиболее богатого и влиятельного рода. Шейх должен был быть ловким дипломатом, хорошо информированным о внешнем мире и об отношениях между другими племенами и этническими группами. Шейх решал вопросы войны и мира, командовал вооруженным отрядом племени. Шейхи имели личных дружинников, которых могли набирать из других областей и которым выплачивали жалованье. Имели место случаи, когда города, входившие в территорию сильного племени, были зависимы от него. В таком случае наиболее уязвимыми оказывались иноверцы, прежде всего евреи, к которым такие племена относились с презрением.

Население городов делилось на замкнутые корпорации. Так, в городе Алжире в начале XIX в. жили 4000 турок-янычар (всего в стране их было 87 000), 2000–3000 кулоглу – потомков турок и местных женщин. Они не наследовали привилегий своих отцов. Самой крупной этнической группой были мавры (12 000–16 000) – потомки арабов, изгнанных с Иберийского полуострова в годы Реконкисты. Они занимались ремеслами, торговлей. Среди них было немало образованных людей свободных профессий. В городе жили 5000 евреев – торговцев, ремесленников, посредников в торговле. В XVII–XVIII вв. в Алжире, как уже упоминалось, находилось несколько десятков тысяч христианских пленников, а в XIX в. их уже почти не было. Все эти группы жили изолированно в своих кварталах, почти не смешиваясь¹².

В городах Алжира проживало лишь 5–6% всего населения. Они представляли собой административные центры, где размещались турецкие власти. Большая часть городов составляла базы небольших янычарских гарнизонов.

Сокращение доходов от пиратства заставило деев искать другие источники пополнения казны. Увеличение налогов, к которому они прибегали, привело к ряду крупных восстаний в начале XIX в., которые возглавили мусульманские братства.

Так, восстание 1803–1813 гг. янычары смогли подавить с большим трудом.

Ремесло в городах Алжира в начале XIX в. оказалось в упадке. По сравнению с XVII в. число мастерских в стране сократилось в 8 раз.

Собственно алжирского купечества не было. В крупной торговле основную роль играли иностранные компании и еврейские торговые дома

В глазах дея и европейских консулов только франкские евреи заслуживали внимания. В XVIII в. они составляли религиозную и культурную аристократию местного еврейства. Семьи Жаке, Бушара, Бакри, Буснаш, выходцы из Ливорно, в течение многих лет доминировали среди евреев Алжира, а также в финансово-торговой сфере всей страны. Коэн Бакри, четверо его сыновей и его зять Нафтали Буснаш создали консорциум, контролировавший большую часть алжирской торговли. Еврейские банкиры деов получили монополию на торговлю зерном. Агенты Бакри работали в городах Африки, Леванта и в крупных центрах Европы. Помимо торговых операций, они следили за событиями текущей политики великих держав, вовремя оповещая обо всем своих работодателей. Консул Франции времен Директории Девуаз сообщал своему шефу Тайлерану: «Если Директория сама не сумеет добиться мира с Алжиром, нам не останется ничего иного, как прибегнуть к тайному содействию Бакри»¹³.

Зять Бакри Нафтали Буснаш был назначен главой еврейской общины. Он не ограничивался ее делами, а выполнял с согласия дея и функции управления.

Кровавые внутренние междоусобицы и жестокая конкуренция за доступ к власти заполняют историю Алжира первых десятилетий XIX в. Кровавый бунт во дворце в 1805 г. стоил жизни дею Мустафе и его фавориту Нафтали Буснашу. Оба были убиты янычарами. Бунтовщики захватили еврейский квартал, убили 42 его жителя, многих ранили, разграбили лавки. Зачинщик бунта Ахмед стал новым деом Алжира, поскольку к этому времени турки почти не вмешивались во внутренние дела этой страны. Ахмед конфисковал все имущество Буснаша, его родственников Давида и Мишеля Бакри бросил в тюрьму. Главой еврейской общины он назначил Давида Дюрана из враждебного Бакри клана. К тому же, очевидно, за этой враждой крылось противостояние общины местных евреев и их ливорнских единоверцев. Однако Давид Дюран недолго удерживался во главе общины, через не-

сколько месяцев его заменили его же соперником Давидом Бакри. Кровопролитная борьба двух семей продолжалась. Через пять лет по приказу дея Бакри обезглавили. Но вскоре и Давида Дюрана постигла та же участь.

Основная масса еврейского населения по-прежнему жила в нищете. К этому времени одинаково беспросветная судьба сблизила потомков местных и пришлых евреев, иудаизированных берберов и сефардов. Несмотря на почти изолированное существование в гетто, они не могли не испытывать воздействия мусульманского окружения в языке, в быту и даже в некоторых церемониях.

Что касается правителей Туниса, то они сочли нужным решить проблему фактически неподвластного им населения по-своему. В 1822 г. бей Махмуд сумел договориться с великим герцогом Тосканским о том, что подданные великого герцогства Тосканского, проживающие в Тунисе более двух лет, впредь будут рассматриваться как подданные бея со всеми вытекающими отсюда последствиями. Соглашение вызвало гнев многих жителей Ливорно, которые при содействии нового консула Тосканы сумели добиться отмены ущемлявшего ливорнских евреев соглашения.

В 1823 г. возникло так называемое «дело о шляпе». В начале XIX в. все еще существовал принудительный порядок в отношении одежды. Тунисских евреев обязывали носить темные тюрбаны и одежду, похожую на длиннополые кафтаны. Европейские евреи носили европейскую одежду.

Некоторые из местных евреев также начали одеваться на европейский манер и носить шляпы, что вызвало гнев узавшего об этом бея. Он распорядился наказать палками тех, кто нарушил давний порядок. Однако в компании местных евреев, надевших шляпы, случайно оказался еврей из Гибралтара, подданный Великобритании. Дело принимало скандальный оборот. Ввиду угрожающей реакции возмущенного английского консула наказание палками было отменено¹⁴.

Режим правителя Ахмед-бея (1835–1855) для евреев был относительно благоприятным. У него на службе состояли евреи на должностях интендантов, медиков, чиновников, влияние которых приносило пользу и общине в целом.

Тогда же, как уже говорилось, община алжирских евреев испытывала большие трудности из-за упадка и разорения страны в целом. После опустошительной эпидемии чумы в 1787 г. городское население сильно сократилось. Внутриобщинная организация и в начале XIX в. оставалась такой же,

какая существовала в XV в. В каждом городе, где была еврейская община, существовали общинные советы, возглавлявшиеся мокадемом, назначавшимся деом и отвечавшим за сбор налогов и податей, а также следившим за исполнением решений раввинатского суда.

Мокадем назначал членов общинного совета, которых он мог смещать по своему усмотрению. Раввинатский суд занимался гражданскими делами, касавшимися брака, развода, наследования, дарения и т.д., тогда как все уголовные дела подлежали юрисдикции кади. По предписанию раввина провинившегося могли заключить в тюрьму и еще хуже – отлучить от общины (херем). Наказания, налагавшиеся кади, были гораздо более жестокими.

В Алжире было распространено двоеженство, запрещенное в европейских еврейских общинах еще в XIV в.

Алжирские евреи жили почти в полной изоляции не только от нееврейского мира, но и от своих европейских едиоверцев. Если в крупных городах и портах присутствие франкских евреев, а также накопленные богатства некоторых местных евреев способствовали расширению горизонта и повышению культурного уровня общин в целом, то во внутренних поселениях Алжира по-прежнему царили нищета и страх.

5 июля 1830 г. французские войска заняли Алжир и водрузили над крепостью триколор. Началась новая жизнь для 30 000 находившихся здесь евреев.

Тунис оставался владением османского султана, хотя здесь влияние турок слабело, а правители все больше были вынуждены считаться с европейскими консулами.

Преемник Ахмед-бея Мохаммед возглавил страну в 1855 г. При нем еврейской общине даны были некоторые налоговые послабления, и несколько снижены таможенные платежи для товаров, привозимых евреями. Каид Жозеф Самама пользовался доверием бея.

Однако в правление Мохаммеда произошел инцидент, не оставшийся без последствий. В 1857 г. тунисский еврей Батто Сфец был обвинен в хуле ислама и привлечен к шариатскому суду. Обвинение, истинное или лживое, было смертельно опасным, поскольку в этом случае клятва обвинителя была несопоставимо весомее, чем клятва еврея. К тому же в мусульманских странах судебная процедура отличалась простотой и скоростью. Для спасения жизни Батто Сфеца вмешались европейские консульства, но вопреки всем усилиям Батто Сфец был обезглавлен. Казнь его выз-

вала неожиданную реакцию и волнения в ряде стран. По инициативе Наполеона III в Париже была создана комиссия для оказания экстренной помощи немусульманскому населению Туниса в случае необходимости.

Прибывшая вскоре в Лагулетту французская эскадра вынудила бей принять некоторые ранее несвойственные мусульманским обществам правила. Бей Мохаммед был вынужден опубликовать 9 сентября 1857 г. так называемый «Фундаментальный пакт».

Этот документ устанавливал равноправие всех подданных бей, какую бы религию они ни исповедовали. При этом объявлялась полная свобода вероисповедания и отправления культа.

Статья 4 этого документа содержала предписания блюстителям порядка относительно еврейского населения: «Наши подданные-евреи, – говорилось в пакте, – не должны испытывать никакого принуждения к перемене их веры. Недопустимо также чинить им препятствия в отпращивании их культа. Их синагоги должно уважать и защищать от оскорблений...»

Статья 6 предусматривала обязательное присутствие в уголовном суде представителя еврейской общины в том случае, если судят еврея. Далее говорилось о необходимости уважения чести и достоинства всех подданных бей. Нельзя оскорблять и унижать человека по одному лишь факту выдвинутого против него обвинения, независимо от того, какое положение в обществе занимает обвинитель. Все люди равны перед законом.

Для контроля над выполнением столь прогрессивного пакта бей учредил Высший совет юстиции¹⁵.

Обнародованный пакт дал некоторое удовлетворение европейским консулам, местным евреям и отчасти местной буржуазии, но отнюдь не основной массе мусульманского населения, которая его попросту не восприняла. Поэтому все осталось, как было. Остались прежние произвол и злоупотребления местных властей.

В 1864 г. финансовая ситуация в Тунисе приблизилась к критической. Бей удвоил налоги. В ответ на эту меру в Сахеле вспыхнул мятеж, вскоре охвативший всю страну. Евреи вынуждены были бежать. Они пытались найти убежище в Триполи, Алжире, на Мальте, в Ливорно.

В 1866–1868 гг. на территории Туниса обрушились стихийные бедствия: голод, эпидемии холеры и тифа, уничтожившие до трети населения. Преследования евреев в эти

трудные годы усилились, что вынуждало многих из них искать защиты европейских консулов. Следует отдать должное последним, они не колеблясь оказывали им содействие и поддерживали их обращения к бею. Такая поддержка представителей европейских держав понадобилась еврейской общине и в 1875 г.

Мусульманин из знатного рода шерифов убил еврея днем на многолюдной улице Туниса. Тотчас же евреи по случаю траура закрыли свои лавки и магазины. Впервые похоронная процессия шла открыто, демонстративно через весь город. Виновный укрылся в мусульманском благотворительном заведении – завийя, но был оттуда изгнан и казнен. Вполне очевидно, какие изменения произошли в общественном сознании и политике.

В 1863 г. Всеобщий еврейский альянс создал в Тунисе комитет, отслеживавший преступления и дискриминацию, направленные против местных евреев, а в 1878 г. тот же Альянс открыл в Тунисе первую свою школу. В 1877 г. правительственным декретом были отменены палочные наказания для евреев¹⁶.

Накануне введения французского протектората положение евреев в этой стране заметно улучшилось. Благодаря постоянным усилиям европейских консулов и новой политике беев они получили реальную защиту и поддержку.

12 мая 1881 г. в Бордо был подписан трактат, предоставивший Франции протекторат над Тунисом.

* * *

Большой интерес для изучения еврейских общин Туниса периода турецкого господства представляют собой записки дипломатов, писателей, журналистов, военных, сотрудников Всеобщего еврейского альянса, миссионеров, врачей и т.д. Это взгляд европейцев и американцев XIX в. на быт и культуру населения Туниса, в частности на различные стороны жизни местных евреев. Некоторые отрывки из них приводятся здесь в качестве свидетельства очевидцев, что может служить источником для избранной темы*.

Приложение

Мордехай Мануэль Ноах в 1814 г. прибыл в Тунис в качестве консула США и пробыл в этой должности около года.

* Перевод с французского И.Л. Фадеевой.

Положение евреев Востока, их ужасающая нищета, а также истории бедствий их единоверцев из Восточной Европы произвели на него неизгладимое впечатление. По возвращении в США он решил основать город-убежище для бедствующих евреев всего мира. Он был одним из предшественников политического сионизма. Ноах купил землю близ Ниагарского водопада. Он устроил пышную церемонию по случаю основания нового поселения, которое он назвал Араратом в память о Ное, в честь которого он получил свое имя. Попытка основать город не имела успеха, но его записки свидетельствуют о нем как о человеке наблюдательном и равнодушном¹⁷.

«Я расскажу о случае, который нас близко затронул. Не-которое время назад американский консул (предшественник Мордехая Мануэля Ноаха. – *И.Ф.*) по какому-то поводу ударил еврея, работавшего в таможне. Еврей пожаловался Хамуд-паше, который потребовал, чтобы консул извинился и в знак примирения обнял оскорбленного им человека. Это был справедливый поступок со стороны бея, а выходка нашего консула вовсе его не красила. Он оказался способным преследовать преследуемых и гнать гонимых...

В королевстве Тунис насчитывается около 60 тысяч евреев, хотя есть различные мнения на этот счет. Я лично полагаю, что их вряд ли более 20 тыс. Среди них встречаются итальянские евреи, евреи Барбарии (местные североафриканские. – *И.Ф.*), которые отличаются, прежде всего, внешним видом. Местные евреи носят голубую тунику без рукавов и без воротника, а под ней льняную рубашку с широкими рукавами. Зимой они надевают чулки. Черные шлепанцы без каблука и задника закрывают широкие штаны. В качестве головного убора на выбритой голове у еврея маленькая черная ермолка, которая окружена тюрбаном из голубого шелка. Другие цвета им носить запрещено.

Что касается итальянских евреев, они одеты как христианские резиденты.

Местные евреи живут в особом квартале. Их жизнь регламентируется главой общины, утверждаемым беем. У них принято помогать бедным единоверцам. Богатые облагаются чем-то вроде налога на предметы роскоши, за которые они обязаны платить двойную цену, половина ее идет беднякам.

Дома многих местных евреев бедны и неказисты, но они стараются держать их в чистоте, пользуются для побелки стен известью. Система образования у них архаична и сводится в основном к изучению древнееврейского языка и религиоз-

ных традиций, которые неукоснительно соблюдаются во всех еврейских общинах.

В Барбарии существует полигамия, разрешенная мусульманским законом и не запрещенная строго законом Моисея, но встречается она очень редко. Я слышал лишь об одном случае двоеженства. Альхаик-двоеженец был немолод и очень богат. При этом он сохранял удивительную активность.

В нецивилизованной стране, о которой идет речь, еврейские женщины, как и мусульманки, рассматриваются как существа низшие. Они отличаются дородностью и довольно неуклюжей походкой. Поверх шелковой желто-фиолетовой двухцветной юбки они носят легкое прозрачное платье в многочисленных складках. Их головы покрыты цветным шелковым платком. Незамужние женщины вплетают в две или три косы цветные ленты. Чулок они не носят, ходят в туфлях без задников, а их лодыжки украшают серебряные браслеты. Подошвы ног, ладони, ногти и брови они при помощи хны красят в темно-коричневый цвет. Выходя из дома, эти женщины развязывают обычно повязанный вокруг шеи черный платок и закрывают им рот и подбородок, оставляя открытой лишь верхнюю часть лица. Их домашняя жизнь закрыта, и я никого из них не посещал.

Ночью в нашем консульстве как-то устроили бал по случаю годовщины со дня рождения Джорджа Вашингтона. Приглашенные еврейские маклеры просили разрешения взять с собой жен. Я согласился. Одна из комнат вскоре заполнилась красивыми еврейками, принадлежавшими к сливкам общества. Их роскошные одеяния из бархата и шелка, расшитого золотом, их покрывала и драгоценности были собраны без всякого вкуса и воображения. Как это было у них принято, они пришли в расшитых туфлях на босу ногу с золотыми или серебряными браслетами вокруг лодыжек.

Еврейские дамы имели приятный, свежий цвет лица, красивые глаза и зубы. Но их фигуры, массивные, тяжелые, к нашему удивлению, считались по местным меркам признаком красоты. Тунисские дамы арабского происхождения говорили с еврейками учтиво, находя их весьма достойными и хорошо воспитанными.

Здесь не принято наносить друг другу визиты, и еврейские женщины встречаются и общаются в основном на кладбище, находящемся за стенами квартала, куда, бывает, забредают домашние животные. Могилы отделяются кирпичом и известкой. Они плоские, возвышаются над уровнем

земли не более чем на 15 см. На могилах лежат небольшие сланцевые плиты, на которых по-древнееврейски выгравированы имена покойных.

Каждую пятницу после полудня еврейские женщины приходят на кладбище с кувшином, содержащим известь, и щеткой. Они чистят и белят могилы своих родственников и друзей. Именно здесь в этом мрачном месте я изучал характер этих людей. Я видел, как чья-то мать или жена приходит с кувшином и щеткой, находит дорогую ей могилу, трогает рукой надпись, затем свои губы. Она садится рядом, плачет, разговаривая с покойным, что ее несколько утешает. Она делится с ним домашними проблемами, радостями и бедами и просит ушедшего из жизни о великодушном содействии и защите. Излив свои горести, она чистит могилу, затем присоединяется к другим женщинам, чтобы узнать о новостях, среди которых всегда есть сообщения о новых чьих-то смертях».

Евреи Туниса в 1816 году¹⁸

Военный врач Луи Франк сопровождал наполеоновский экспедиционный корпус в Италию и Египет. Дважды он побывал в Тунисе. В 1806 г. служил личным медиком бея. Его описание евреев Туниса, не свободное от предрассудков и предубеждений большого числа европейцев, все же интересно в силу наблюдательности и живой любознательности этого человека.

«Евреев в Тунисе гораздо больше, чем в других городах Барбарии, хотя их численность точно не известна, поскольку они сами не заинтересованы в таких подсчетах.

Думаю, что их не более 20 тысяч в этой стране. Это наиболее употребительная цифра.

Здесь, как и повсюду, эта раса полна суеверий, хитрости, злобы и ненависти ко всем, кто не является их единоверцем. Некоторые из них занимаются ремеслами, но большая часть живет торговлей. У бей они покупают лицензии для своих занятий. Особенно прибыльна торговля воском.

Значительные суммы они тратят, чтобы получить разрешение на производство водки, которую могут продавать только в своих общинах. Однако вопреки строжайшим запретам сбывать ее арабам или туркам они обычно находят пути обойти их, поскольку большую часть их прибыли составляют доходы от тайной продажи водки.

Многие еврейские торговцы заняты коммерцией в Ливорно и Марселе. Большая часть торговли этих городов с

Тунисом находится в их руках. Долгое время они успешно выполняли посреднические функции в торговых и финансовых операциях между европейцами и местным населением, за что получали процент с одной и другой сторон.

Евреи как немусульмане платят бею подушный налог (джизье), который должен был бы обеспечить их безопасность в мусульманском обществе, но нет ничего более обыденного, чем оскорбления и материальный ущерб, наносимые им арабами. Здесь с ними очень плохо обращаются, но все это они терпят поистине с удивительной покорностью. Хотя если бы кто-либо из них осмелился дать отпор произволу и насилию, он неминуемо оказался бы втянутым в серьезный судебный процесс, который окончился бы пожертвованием со стороны еврейской общины весьма значительной суммы денег. И часто эти оскорбления имеют единственную цель – противозаконное и тираническое вымогательство.

Некоторые евреи одеваются здесь по-европейски. Обычно это уроженцы Ливорно. Местные евреи одеваются на восточный манер. Женщины носят чепец и шаль серого или голубого цвета не потому, что они именно эти тона предпочитают, а потому что их к этому обязывают, чтобы их можно было отличить от мусульманок. Во всем остальном их костюмы сходны.

Несмотря на приниженный статус, они все же могут здесь ездить на лошадях и мулах, что им запрещено в Египте и ряде других мусульманских стран.

Помимо цвета головного убора и шали еврейки отличаются от арабских женщин еще и тем, что закрывают черным платком нижнюю часть лица, тогда как те закрывают лицо полностью.

Я встречал немало красивых, хорошо сложенных евреек. Но грубая восточная одежда мешает видеть их преимущества. Они не занимаются собой, не стараются лучше выглядеть, но прилагают большие усилия, чтобы скрыть любовные интрижки, поскольку, если о них узнает муж или раввин синагоги, они могут быть сурово наказаны и даже отвергнуты мужем.

Для еврея не составляет большого труда развестись с женой, если он сможет привести правдоподобный повод в обоснование своего решения. Далеко не все прибегают к разводу как способу жениться вторично. Некоторые, как и мусульмане, просто берут вторую жену. Закон им этого не возбраняет.

Многие из них занимаются мелочной торговлей в городе. Они носят товар по домам и в гарем. Арабские женщины

в присутствии евреев не закрывают лица, поскольку не видят в них равных себе.

Случалось, что евреев убивали в арабских домах, чтобы захватить их товар. Бей приказал впредь разносчикам-евреям ходить по двое, причем один из них должен был оставаться за дверью дома, тогда как его компаньон входил в дом с товаром. После такого распоряжения, столь простого, сколь и мудрого, больше ни один еврей не стал жертвой алчности и вероломства грабителей-убийц.

В общинах большим авторитетом пользуются раввины. Они не только следят за строгим соблюдением законов Моисея, но и за выполнением всеми членами общин моральных норм. Вскоре после моего прибытия в страну провинции были опустошены страшной засухой. Раввины распорядились два дня в неделю соблюдать строгий пост и молиться, чтобы заслужить милость свыше и ниспослание обильного дождя. Однако, несмотря на посты и покаяния и усердные молитвы, засуха продолжала пожирать страну. Тогда раввины начали убеждать общину в том, что единственной причиной небесного гнева явились грехи и нечестие людей, а особенно вдов и разведенных жен. Во всех еврейских семьях начались тщательные разыскания. Было найдено довольно большое число женщин, покинутых или обреченных на одиночество из-за смерти их мужей. Обнаружилось, что они встречались с развратниками и некоторые оказались беременными. Обычно такие грехи подлежали суровому наказанию, но сейчас новые разыскания обнаруживали многих из тех, кто уже был наказан, но не исправился. Помимо прегрешений такого рода были и другие.

Всякий еврей, уличенный в том, что ел за одним столом с христианином или мусульманином, подвергается суровому осуждению раввина в синагоге в присутствии большого числа единоверцев. А если такое повторится, то его объявляют утратившим гражданские и религиозные права в еврейской общине. Его свидетельство нигде не принималось, его предавали проклятью, объявляли обесчещенным в общине.

Раввины пытались регламентировать манеру одеваться в общине, осуждая страсть молодых девушек к драгоценностям, модным, элегантным европейским костюмам.

Пишут они на языке, представляющем смесь древнееврейских слов с арабскими и многими другими, употребляемыми в Средиземноморье. Однако им строго запрещено использовать в переписке арабскую графику, которая пред-

назначена только для мусульман. Этот запрет имеет силу во всех североафриканских странах, хотя он не основан на каком-либо законе или предписании.

* * *

Протестантский миссионер Жозеф Гревс в 1824 г. вел дневник своего пребывания в Тунисе, отрывки из которого здесь приводятся. Они содержат описание отдельных сторон жизни еврейской общины¹⁹.

Вторник, 16 ноября 1824 г.

У евреев есть свой суд, регулирующий все внутренние разногласия. За эту привилегию им приходится платить местным властям значительную сумму. Если правительство намерено что-либо потребовать от евреев, оно обращается к главному раввину, который представляет общину.

Четверг, 18 ноября 1824 г.

Мордехай Наггяр проводил меня в начальную еврейскую школу при очень бедной синагоге. В школе обучались примерно 50 мальчиков в возрасте от шести до десяти лет. Преподавали два бедных раввина. Один из них обучал детей древнееврейскому алфавиту. Старшие ученики со вторым раввином монотонно читали отрывки из Торы. После начального религиозного образования более продвинутые классы начинали изучать Талмуд. В субботу в синагоге читают 2–3 главы из Торы.

Мне показали одного мальтийца, который несколько дней назад принял иудаизм, чтобы жениться на еврейке...

Пятница, 1 декабря 1824 г.

Жестокость в Берберии. Ее жертвами стали молодой еврей и арабская женщина. Обоих обвинили в адюльтере. Однако обстоятельства сложились столь странно, что очень многие были убеждены в их невинности. Судьи заявили, что преступление было совершено четыре дня тому назад. Оба обвиняемые были арестованы и посажены в тюрьму. Молодого человека привели к бею. Нашли людей, которые свидетельствовали против еврея. Перед неотвратимостью смерти за предъявленное ему обвинение бедняга попытался прибегнуть к последнему средству. Он произнес символ веры ислама, который превращал его в адепта новой религии. Однако ему возразили, что время упущено, так как он стал новообращенным лишь из страха смерти. Молодой человек повторял, что он невиновен, но ему отрубили голову. Труп

его протащили по городу. У казненного остались жена и двое маленьких детей. Они оказались в полной нищете, так как имущество было конфисковано. Арабка, которую я видел, показалась мне очень неприятной и злобной женщиной. Она также была наказана по мусульманскому закону, то есть помещена в мешок и утоплена.

Быстро распространилось мнение, что это был акт произвола и мести против еврея, который по закону пытался взыскать долг с одного араба.

Христиане в этой стране защищены от подобных расправ присутствием консулов, без которых такой приговор невозможен. У евреев подобной защиты нет.

Еврейская свадьба в Тунисе²⁰

Жан Анри Дюнан, один из основателей международной организации Красный Крест, описывает свадьбу тунисских евреев, которую он увидел в 1858 г. Столь тщательное описание граничит подчас с манерой энтомологов. Он словно рассматривает брачную церемонию под увеличительным стеклом.

«За 15 дней до церемонии бракосочетания жених посылает невесте вышитые туфли, духи, мыло, хну и другие подарки. Неделью спустя после этого невеста с подружками и старой родственницей отправляется в баню. Эта торжественная церемония сопровождается музыкой. После бани начинается другая церемония. Невеста молча стоит неподвижно, ее наряжают. Волосы смазывают кремообразной массой, придающей им блеск, лицо покрывают тестообразной смесью. Засыхая, смесь снимает пушок со щек и около губного пространства. Подводят веки, подкрашивают ресницы. Ногти красят темно-красным с коричневым оттенком лаком, в его состав входит хна. Невесту одевают в богатые одежды. В течение восьми дней ее семья занята только этим. Проходит еще неделя, и жених в субботу утром со своими друзьями прибывает в дом невесты. Она в это время готовит курицу и прячет ее в потайном месте у себя дома. Жених с друзьями должен ее найти. Тот, кому повезет, и он найдет курицу, неминуемо женится в течение года.

В воскресенье и понедельник готовят наряды для невесты из очень ярких тканей. Для последующих церемоний готовят самую просторную залу в доме. Готовят угощение для родственников и друзей невесты, которым рассылают приглашения. Сама невеста в подготовке свадебных торжеств не участвует.

Во вторник вечером невеста восседает в кресле. Голова ее украшена огромной прической с венцом. Богато разодетые подружки надевают на нее золотые и серебряные браслеты, закрывают покрывалом и снова красят ногти на руках и ногах хной.

Прибывает жених со своими родственниками и друзьями. Пожилая женщина, родственница невесты, по заведенному ритуалу в течение долгого времени, иногда не один час, перед гостями расхваливает многочисленные достоинства и таланты невесты, ее красоту и прелесть: "Посмотрите на ее руки, как хороши ее пальчики, полюбуйте ее великолепным лбом, прекрасными глазами. До чего хорош ее носик, а рот такой очаровательный! Но все это не идет ни в какое сравнение с ее голосом, ее мудростью, талантами и добродетелью". С последними восхвалениями невесту поднимают с кресла и убирают покрывало. Жених обнимает невесту и вкладывает в ее руку золотую монету. Родственники их обоих также прикладывают золотые и серебряные монеты ко лбу, щекам, носу, подбородку невесты. Одна из подружек собирает подношения, которые с головы невесты падают в большой таз.

Сама невеста сидит неподвижно в кресле. Жених снова подходит к ней со своими родителями и друзьями.

В среду утром происходит самая важная церемония. Жениху выбривают часть головы и семь раз погружают ее в холодную воду, согласно традиции. После этого жених причесывается, нарядно одевается и со всей семьей, друзьями и двумя раввинами отправляется в дом будущего тестя. Жених и невеста вместе садятся на некоем подобии трона, их накрывают большим покрывалом. Один из раввинов берет руку одного из пожилых родственников и вкладывает в нее стакан с вином, затем произносит по традиции священные слова: "Да будет благословенно имя Бога всемогущего, который создал фрукты для этого вина! Да будет благословенно имя Бога, создавшего человека от его начала, который, увидев, что он хорош, дал ему подругу, а нас обязал принять женщину!"

Затем раввин пробует вино и передает стакан жениху. Тот также пробует и передает невесте. После чего стакан бросали в зеркало, он разбивался, а в это время присутствующие произносили священную формулу: "Если я забуду о тебе, Иерусалим, пусть правая рука откажет мне".

Жених надевает на палец невесты золотое кольцо и, взяв ее правую руку, говорит: "Теперь ты моя жена по закону Моисея и Израиля".

После этого родственники и друзья новобрачных под торжественную музыку садятся за накрытый стол, кроме жениха. Он в одиночестве возвращается домой. Церемония с кольцом – последний этап женитьбы. Она окончательно решает судьбу человека. Ведь бывает так, что невесту сватают против ее воли. Бывает, что она любит другого, и это чувство взаимное, они могут дать друг другу клятву. Именно в момент, когда в среду разбивают стакан о зеркало, соперник жениха, пришедший в дом невесты вместе с ее друзьями, заранее приготовив золотое кольцо, быстро надевает его на палец невесты, опередив жениха. С этого момента влюбленные считаются бесповоротно женатыми. А неудачливый жених, потративший немалые деньги на церемонию, отправляется ни с чем домой. Он не осмеливается выразить свое возмущение, опасаясь насмешек.

В случае если все идет обычным путем и невеста не компрометирует подобным образом жениха и его родственников, ее усаживают в кресло, а жених уходит, чтобы вернуться в 9 или 10 часов вечера в сопровождении религиозных певцов с факелами. Пожилой родственник жениха берет за руку невесту, сидящую неподвижно в окружении ее близких. Ее поднимают с кресла. Гости приветствуют новобрачных криками. Родственники ведут новобрачную под руки в дом мужа. Всем своим видом она показывает, как ей тягостно покидать свой дом и семью. Она проходит три шага вперед и делает два назад. Чтобы таким образом миновать одну улицу, требуется час, а то и два. Новобрачной поют хвалы, если она проводит в дороге 3–4 часа. Это рассматривается как образец мудрости.

Во время столь долгой прогулки друзья жениха несут зажженные факелы и пятаются задом, чтобы быть лицом к новобрачной. Музыканты играют и поют, родственники и друзья беседуют и пьют прохладительные напитки, а зеваки, которых всегда и везде предостаточно, смеются и обсуждают столь странный для них спектакль, разворачивающийся на улице.

Наконец кортеж приближается к дому жениха, где и состоится свадьба. Невеста переступает порог дома, жених ее встречает. Наконец она выходит из состояния прострации и неподвижности и сама подходит к жениху.

В четверг утром новобрачный один посещает синагогу. В Тунисе женщины сюда не допускаются.

В пятницу проходят еще некоторые церемонии.

Через неделю молодожены принимают у себя друзей. Новобрачная снимает свадебный наряд и надевает обычную одежду с передником, чтобы всем показать, какая она хорошая хозяйка. Ей приносят сырую рыбу с гвоздем или куском железа во рту. Женщине дают хороший нож, а мужу – плохой. Она должна отрезать рыбий хвост, а он – голову. Жена легко справляется со своим делом и, насмехаясь над мужем, уходит с подругами. Ему мешают кусок железа в голове рыбы и тупой нож, он долго возится со своим делом.

С этого дня женщина начинает закрывать волосы. Случается, что младшую сестру сосватают раньше, чем старшую. В этом случае родители сестер пытаются мошенническим путем подменить младшую сестру старшей, поскольку считают, что она не должна в замужестве опередить свою сестру. Таким образом воспроизводится библейская история Рахили и Лии.

Женская красота туземцев, и в частности у евреев, состоит в их чрезвычайной полноте. Есть как будто бы обычай, когда во время сватовства специально оговаривается условие, по которому в течение 40 дней, предшествующих свадьбе, невеста должна располнеть до принятого стандарта. Девушку запирают в темной, прохладной комнате. Она получает обильное питье, ее заставляют по возможности больше спать. В полночь мать ее будит, чтобы накормить неким подобием кускуса. Ей дают также шарики с семенами масличных культур. Это напоминает способ откармливания птиц в Европе.

Если невеста к концу назначенного срока в 40 дней останется худой, родители еще 15 дней держат ее в таком режиме. Иначе свадьба может расстроиться. Полнота, приобретенная подобным образом, остается на всю жизнь.

Женские украшения в основном составляют массивные золотые и серебряные браслеты на руках и ногах, а также кольца. Если девушка выходит замуж за вдовца или разведенного, к ней переходят украшения, принадлежавшие первой жене. Успешно откармливаемой невесте обычно такие украшения приходится в пору.

Однако впечатляющая процедура откармливания невесты не всегда бывает успешной, поскольку есть женщины от природы худощавые и не склонные к полноте ни при каком рационе. В глазах окружающих такая природная особенность выглядит большим недостатком, может вызвать подозрения насчет здоровья невесты».

Накануне открытия в Тунисе первой школы Всеобщего еврейского альянса Давид Казес, ставший первым директором этой школы, послал комитету Альянса в Париже отчет, в котором описал условия обучения в школах Талмуд-Тора в Тунисе, местной и организованной выходцами из Ливорно.

«Местная школа Талмуд-Тора»

Мне рисовали мрачную картину этого учреждения, и я не ожидал увидеть что-то хорошее, но мое воображение никак не могло представить место до такой степени ужасное. Не понимаю, каким образом находят родителей, соглашающихся подорвать здоровье своих детей, соглашающихся подвергнуть их риску заполучить все те болезни, которые возникают в результате ежедневного девятичасового пребывания в столь сыром, темном месте. Возможна ли такая удручающая жертва из любви к просвещению? Тогда надо заметить, она ничем не оправдана. Понимают ли они все те опасности, подстерегающие их детей? Полагаю нашей первейшей задачей – вытащить несчастных из этого рассадника болезней.

Позвольте, господа, последовательно описать сие заведение, то есть помещение, гигиену, специфику воспитания и образования.

1. Помещение. После того как вы пересечете лабиринт грязных, узких улиц (они едва достигают полметра в ширину), вы попадете в подобие коридора, скорее заслуживающего названия “лужа”. Здесь нельзя ходить, а можно только шлепать по грязи. Рядом небольшое пространство, вымощенное черной плиткой. Это туалет. Он устроен без всякого уважения к прохожим, без разделения отхожих мест в соответствии с полом. Несколько ребят здесь отправляют естественные надобности, как это было в самые примитивные времена.

Через маленький двор можно пройти в небольшие комнаты с низким потолком. Здесь дети и учителя сидят, поджав ноги, кто прямо на земле, кто на расшатанных скамьях. В этих комнатках нет окон. Свет и воздух проникают сюда только через дверь, то есть даже не дверь, а через дыру в стене.

Через первый двор можно пройти во второй, менее сырой и грязный, в небольшом помещении есть единственная комната, используемая как школа Талмуд-Тора. Остальная его часть жилая, где обитают семьи, вовсе никакого отношения к школе не имеющие. Единственное, что связывает школу с жильем – это общий вход. Чтобы закончить описание этого

строения, надо упомянуть еще одну маленькую комнату с высоким потолком, с одним или двумя окнами, в которую можно попасть по узкой, грязной лестнице.

Во внешнем дворе находится открытый колодец. Воду из него достают ведром на веревке. Другое ведро стоит на мощеной площадке. Дети черпают воду руками, моют ноги. Очевидно, они также черпают воду для питья, поскольку я не видел здесь ни одного стакана или кружки.

Посреди двора женщины спокойно стирают белье, а на землю выплескивают грязную мыльную воду. В этой грязной луже плещутся дети.

2. Гигиена. В столь неопрятном, малопривлекательном месте, конечно, здоровье учащихся может только ухудшиться. Из 500 учеников, посещающих это учреждение, ежедневно оказывается от 50 до 60 больных. Это приблизительная оценка самих преподавателей, которые не имеют поименного списка и не проводят ежедневной проверки.

Большинство этих бедных детей слабые, тщедушные, болезненные. Они казались бы призраками, если бы не глаза, обнаруживающие замечательный интеллект, достойный лучшей участи. Одеты они плохо, ходят в лохмотьях. У многих нет головного убора, они закрывают голову частью одежды. Почти все они босые, а те, у кого есть обувь, снимают ее, когда садятся, и оставляют ее у входа в комнату.

Ребятишки мало отличаются друг от друга одеждой или обувью, которую им время от времени дарят отдельные великодушные люди. Мне продемонстрировали несколько пар новых детских ботинок, и это самое лучшее, что, по замечанию сопровождавшего меня члена комитета Альянса, мы видели в этой школе.

Ежедневно в полдень детям приносят сухой хлеб. В субботу кусок хлеба есть в каждом доме. Он хранится во влажном, закрытом шкафу без воздуха.

Хлеб, еще сносный в воскресенье, в понедельник начинает плесневеть. Во вторник его лучше детям не давать, даже если что-то осталось.

Когда вы входите в школьное помещение, вас почти сбивает с ног тошнотворное зловоние, способное подорвать любое здоровье. Отсутствует хоть какая-то вентиляция. Проветривание никак не предусмотрено. Здесь стараются ничего не менять.

Уже говорилось, что дети сидят на скамьях либо на земле, где постланы старые циновки. Некоторые из детей греют

руки на маленьких горелках, которые они приносят из дома в специальных сосудах. Такими же горелками обогреваются и учителя.

Почти все школьники неухожены, неопрятны. Я не видел ни одного причесанного ребенка.

3. Воспитание. Школу Талмуд-Тора посещают в основном очень маленькие дети. Я видел одного малыша, которому было, вероятно, года три. Старшие дети достигли 12 лет. Среди учеников несколько маленьких девочек. Дети приходят в школу в восемь утра, а домой уходят в пять. Никто не контролирует их присутствие либо отсутствие в школе. В классах очень шумно. Дети по собственному усмотрению встают или садятся, выходят или возвращаются на место без малейшего смущения на глазах учителей. В классе постоянный беспорядок. Раздача хлеба происходит с той же небрежностью: кто-то, если активно просит, получает лишний кусок, другим достается меньше.

Единственная форма наказания — палка. Ею поддерживается дисциплина. Малышей бьют по рукам, старших по ногам. Разгневанный учитель может ударить ребенка ни за что. Отсутствует какая-либо методика воспитания.

4. Образование. Оно ограничивается изучением Торы. Я присутствовал на одном из таких уроков. Детей начинают обучать буквам. Ученики выучивают буквы и читают текст, который мало понимают. Хором они поют молитвы, затем с той же интонацией переводят их на арабский. Несколько ребят, более успешные, чем остальные, задают тон. Другие с грехом пополам пытаются следовать за ними. Позднее переходят к изучению Талмуда. Учитель читает отрывок из текста, учащиеся за ним повторяют несколько раз. При такой методике совершенно игнорируются способности учеников. Вместо развития личностного начала из них делают попугаев. При этом ни иудейской, ни арабской письменности их не обучают.

Сейчас в школе 13 учителей. Мне говорили, что их было 14. Один умер. Никогда не удастся найти ему замену. Что станет с этими детьми? Никто не смог мне ответить на этот вопрос.

*Школа Талмуд-Тора,
организованная выходцами из Ливорно*

В школе обучаются 170 детей, из них 120 на бесплатной, а 50 на платной основе. Уроки ведут четыре учителя. Помещение производит лучшее впечатление, чем то, что я видел раньше. Уровень школьного обучения заметен даже на лицах

детей, хотя по ряду пунктов и воспитание, и образование не свободны от недостатков, свойственных другим школам Туниса. Те же шум и беспорядок на уроках, то же отсутствие контроля за посещением, та же архаичная методика обучения. В программе изучение иудео-арабского письма и элементов арифметики.

В этой школе два раза в год ученики получают пару обуви и одежду, состоящую из подобия туники, штанов и плаща. И младшие, и старшие школьники ежедневно получают по куску хлеба, но не все. Эту школу посещают шесть учеников из очень бедных семей. Они не получают ежедневного куска хлеба, так как за них некому заплатить. Возможно, в такой ситуации есть вина администрации. Но ясно и то, что родители этих бедных детей предпочли более качественное обучение, даже с ущербом их здоровью.

Таково положение дел со школами Талмуд-Тора в Тунисе. Срочно нужно им помочь. Беда велика. Чтобы с ней справиться, необходимы ваши усилия. Только вы сможете дать жизнь, здоровье и процветание тысячам здешних детей».

Ги де Мопассан «Жизнь странника»* (Париж, 1909²²)

В последние годы жизни Мопассан разбогател и на собственной яхте объездил многие города Средиземноморья. Свои впечатления он описал в очерках «Жизнь странника». Большое внимание в них уделено быту евреев Туниса.

«...Спустимся с холма и войдем в город. Он состоит из трех частей: французской, арабской и еврейской. Это одно из редчайших мест в мире, где евреи чувствуют себя почти как в своем отечестве, то есть где они почти хозяева, где они почти в безопасности, хотя все еще чего-то опасаются.

Еврейское население интересно наблюдать в лабиринте узких извилистых улиц. Многолюдье здесь самое колоритное, пестрое, закутанное в блестящие и разукрашенные шелковые одежды, каких больше нет на всем восточном побережье.

Эти узкие проходы улиц почти целиком заполнены тучными созданиями, плечи и животы которых при каждом их шаге касаются обеих стен улочки. Головы их венчает остроконечный убор, часто с серебряными или позолоченными украшениями, своего рода чепец чародея с ниспадающей на спину повязкой. На их огромных телах с колышущейся, изо-

* Мопассан посетил Тунис вскоре после его провозглашения французским протекторатом.

бильной плотью развеваются блузы насыщенных тонов. Бедра обернуты белыми облегающими штанами. Ноги, заплывшие жиром, покрыты чулками. Ходят они мелкими шажками, тяжело ступая в легких туфлях, которые приходится волочить, так как обувь закрывает лишь половину ступни, тогда как пятки шлепают по мостовой. Эти странные пухлые создания – еврейки, прекрасные еврейки!

С приближением возраста замужества те, кто хочет лучше устроить свою жизнь, стараются побыстрее растолстеть. Чем женщина дороднее, тем больше у нее шансов быть избранной.

В 14–15 лет это стройные, легкие проказницы чудной красоты, тонкости и грации с бледными нежными лицами. Их изысканные черты свойственны древней, утомленной расе, кровь которой никогда не обновлялась; черные, густые, тяжелые волосы, иногда взъерошенные, обрамляют темные глаза под светлым лбом, а гибкие движения, когда они перебегают от двери к двери в своем квартале, воскрешают призрака маленькой волнующей Саломеи.

Но когда они начинают думать о замужестве, их непостижимым образом откармливают, и воздушные создания превращаются в малоподвижных чудовищ. Теперь каждое утро они получают травяную настойку, возбуждающую аппетит. Целые дни они едят мучное, это их невероятно толстит. Грудь полнеет, живот увеличивается и круглеет, бедра опухают, а зад становится массивным. В тяжелой, массивной плоти тонут запястья и щиколотки. Тут-то появляются любители подобной красоты. Они судят о достоинствах этих женщин, оценивают их, сравнивают с точки зрения качеств, которыми обладают толстые животные. Можно видеть, как эти огромные существа с конусом на голове, именуемым куфья, и ниспадающим на спину покрывалом (баккир) движутся в облегающих штанах из блестящего шелка и туфлях без задника, которые приходится волочить по земле (саба). Эти удивительные существа нередко еще сохраняют красивые лица на фигурах гиппопотамов.

Их открытые в субботу дома посещают друзья. В выбеленных комнатах они сидят как идолы, покрытые шелком и блестящей мишурой из золота и серебра, богини во плоти и в металле с золочеными гетрами на ногах и с золоченым рогом на голове.

Судьба Туниса в их руках, вернее, в руках их мужей, улыбающихся, приветливых, готовых предложить свои услуги.

Через несколько лет, без всякого сомнения, они превратятся во вполне европейских дам, одетых по французской моде и сидящих на диете, чтобы похудеть. Это будет лучше и для них, и для нас, зрителей грядущей отрадной картины».

Примечания

¹ Ansky M. Les juifs d'Algérie du décret Crémieux a la libération. P., 1950. P. 16.

² Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис – Алжир – Марокко. От арабского завоевания до 1830 года. Пер. с фр. А.Е. Аничковой. М., 1961. С. 26–28.

³ Chouraqui A. La saga des juifs en Afrique du Nord. P., 1972. P. 79–80.

⁴ Djait H. и др. Histoire de la Tunisie de mouen age. Tunisie, s.d. P. 382.

⁵ Maverdi. Les Statuts gouvernementaux, traduit et annoté par E. Fagnan. Alger, 1915. P. 53–54.

⁶ Грец Г. История евреев. Т. 10. С. 12–13.

⁷ Ansky M. Les juifs d'Algérie... P. 23.

⁸ Desjobert A. La question d'Alger. Politique, colonisation, commerce. P., 1837. P. 22–23.

⁹ Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. С. 335.

¹⁰ Attal R. A Sitbon C. Régards sur les juifs de Tunisie. Textes choisis, préfaces et présentés par Robert Attal et Claude Sitbon. P., 1979. P. 12.

¹¹ Idem. P. 14.

¹² История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992. С. 15.

¹³ Цит. по: Ansky M. Les juifs d'Algérie... P. 23–24.

¹⁴ Attal R. A Sitbon C. Régards sur les juifs de Tunisie. P. 15.

¹⁵ Idem. P. 16–17.

¹⁶ Idem. P. 17–18.

¹⁷ Mordechay Manuel Noah. Travels in England... and the Barbary States... N.Y., 1819.

¹⁸ Frank L. Les juifs de Tunis en 1816. P., 1862.

¹⁹ Приложение к «Journal de J. Greaves»: Researches in Syria and the Holy Land. L., 1826.

²⁰ Dunant J.-H. Notice sur la Régence de Tunis. Genève, 1858.

²¹ Cazès D. Bulletin mensuel de l'Alliance israélite universelle. Février, 1878.

²² Maupassant Guy de. La Vie errante. P., 1909.

ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ. ТРИПОЛИТАНИЯ

О пребывании евреев в окрестностях Триполи известно со времен римского господства на этих территориях. В V в. евреи жили в одном из районов Триполи. Во второй половине XI в., когда Триполи находился под властью арабов, еврейское население продолжало соблюдать собственные обычаи, в общине действовали еврейские институты, в их числе бет-дин. В 1510 г. город подвергся нападению испанских войск, и 800 еврейских семей вынуждены были бежать в ближайший город Тагира, а также в горные местности страны.

Позднее город захватили мальтийские рыцари. Преследование евреев они обосновывали религиозными догматами и считали доблестью.

С XVI в. территория Триполитании становится плацдармом в борьбе турок с Испанией за господство на морских торговых путях в Западном Средиземноморье, за контроль над транссахарской караванной торговлей.

Драгоценные камни и пряности поступали в Европу из Центральной Африки в пунктах пересечения морских и караванных путей с Востока в Европу.

В 1510 г. город Триполи (Тараблус), как и ряд других городов побережья Северной Африки, был захвачен испанцами. Их флотом командовал Педро Наварра, посланный королем Фердинандом II. Еврейская община Триполи, довольно многочисленная, как было сказано выше, в значительной части попала в плен к испанцам, превратившимся под влиянием инквизиции в шайки разбойников.

В 1520 г. Османская империя сумела закрепиться на алжирском побережье Средиземного моря. Султаны обосновывали новые захваты необходимостью защиты мусульман от иноверных поработителей, от крестовых походов. Они превратили Алжир в бастион для дальнейшего продвижения в Северной Африке.

В 1551 г. турки захватили Триполитанию. До этого городом управляли испанцы, а несколько позже мальтийские рыцари. Город и его окрестности были объявлены Триполитанским эйялетом Османской империи. Успехам турок способствовали постоянные конфликты между европейскими государствами. Испания была занята войной с Францией, однако

она не смирилась с утратой городов на североафриканском побережье, в частности с потерей Триполи. Успехам турок также способствовали грабежи местного населения мальтийскими рыцарями. Для защиты Триполи турки снарядили флот, нанеший тяжелое поражение европейским судам. Попытка султана захватить Мальту привела к большим потерям с обеих сторон. Однако набеги мальтийцев продолжались до 1789 г.

По свидетельству испанца Баттистино де Тонсиса, «город Триполи, с трех сторон омываемый морем, имел порт, способный принять около 400 кораблей и небольших судов. Число его жителей во второй половине XVI века было около 10 тысяч человек, в основном арабы, берберы, евреи»¹. Главным источником существования населения города была транссахарская торговля между странами Востока и Европой. Сухопутным и морским путем в Триполи стекались самые разные товары. Корсар и работорговец здесь были столь же типичными фигурами, как купец и ремесленник.

За годы испанского господства и частых набегов мальтийских рыцарей значение Триполи в посреднической торговле упало. В правление османских наместников население начало возвращаться в город. Начало возрождаться земледелие, восстановились колодцы и ирригационные сооружения, оживились ремесленное производство и торговля, включавшая трафик рабов и государственную поддержку пиратства.

Как уже говорилось, евреи были частью триполитанского населения. Они говорили на арабском диалекте, сходном с речью мигрантов из внутренних районов Магриба. Евреи обычно селились в восточной части города, недалеко от торговых пунктов и правительственной резиденции. Восстановление еврейской жизни в XVI в. после османского захвата города у мальтийских рыцарей стало в значительной мере возможным благодаря усилиям раввина Шимона Леви, изгнанного из Испании. Некоторое время он жил в марокканском городе Фесе, затем хотел обосноваться в Палестине, но остался в Триполи.

В середине XVI в. в Триполи начали переселяться евреи из небольших общин Триполитании, а в конце того же столетия – потомки сефардов, изгнанных ранее из Испании и Португалии. В XVII в. к ним присоединились выходцы из Ливорно.

В Триполитании, как и повсюду в Северной Африке, представление людей о силе и стойкости правителя зависело от его способности защитить наиболее уязвимые категории на-

селения, который, в свою очередь, требовал от них беспрекословного повиновения.

За пределами города Триполи евреи часто целиком зависели от местных племенных вождей или какой-то сильной личности больше, чем от правителя города. Именно такое положение сложилось и в горных районах Джебель-Гариан и Джебель-Нефуса к югу от Триполи. Оно описано в основном еврейском источнике о жизни еврейской общины Триполи, оставленном Мордехаем ха-Коэном.

Одна из важнейших исламских идей – условия существования зимми в мусульманской стране, то есть договор, по которому немусульманскому религиозному меньшинству дозволяется жить под мусульманским правлением, но в обмен за защиту их жизни и имущества они получают приниженный статус и ряд ограничений в правах.

В племенных берберских обществах вождь демонстрировал способность брать наиболее слабых и уязвимых под свой патронаж: «Берберы, хозяева земли, – сообщал ха-Коэн, – не обнаруживают большой ненависти к запуганным, зависимым евреям, от которых требуют знаков покорности, кем бы они ни были: ремесленниками или торговцами». Еще до завоевания Триполитании турками, когда на этих землях не было ни османских наместников, ни судей, евреи жили в полной зависимости, так как каждый из них служил вождю, а тот отстаивал его интересы в каких-либо конфликтах. Если еврея обижали, а его покровитель молчал, это рассматривалось как немилость хозяина к своему слуге. Бывали случаи, когда все племя шло на силовые действия за интересы «своего» еврея.

Вождь берберов рассматривал евреев как своих слуг, а детей евреев – как свое наследство. Если берберский вождь имел сыновей, каждый из них наследовал часть его слуг... Если еврей-слуга проявлял покорность и пользовался расположением хозяина, то, собрав деньги, он мог выкупить себя за приемлемую для обеих сторон сумму и, получив соответствующий документ, пользоваться частично правами свободных членов общества. Установление прямого правления османских властей в первой трети XIX в. имело особое значение для евреев Триполитании, живших среди местных племен. Глава раввинатского суда в Триполи Адади сообщал, что в горах не было ни одной еврейской семьи, которая бы не платила ежегодно деньги хозяину-исмаилиту. Исмаилит мог продать еврея другому хозяину, и такой порядок существовал до тех пор, пока турки не захватили эти земли².

Ха-Коэн приводит сведения об «освобождении» горских евреев при турках, настойчиво требовавших полностью изменить сложившуюся ситуацию. Однако патримониальные отношения берберских вождей с еврейским населением, по-видимому, еще долго сохранялись как элемент родоплеменного строя, господствовавшего у берберов.

Тот же автор сообщал, что когда земли Триполитании были завоеваны турками, султан издал закон, по которому все слуги-евреи стали свободными. И не только ремесленники. Евреям было позволено носить красный мусульманский головной убор. При турках получили свободу и те семьи, которые не имели средств освободиться за деньги. Но и в новом качестве вождь предлагал вчерашнему слуге и зависимому от него человеку содействие в делах и защиту от обидчиков-берберов. Отношение к свободным евреям стало более уважительным³.

Но свобода в мусульманской стране не была адекватна свободе подданных и граждан в странах Запада. То, что некоторые немусульманские рабы или мусульмане достигали очень высокого положения и влияния, вовсе не означало свободы индивидуума как такового, то есть относительно свободного доступа уже в XVIII в. к значительным постам в государстве и при этом достаточно стабильного статуса. В домодернизационных мусульманских странах только некоторые евнухи, священнослужители, рабы, случалось, могли управлять бюрократией, рискуя не только положением, но и жизнью, тогда как в капиталистической Европе особое место занимали евреи-банкиры, евреи-финансисты, а ранее ростовщики, парии капитализма, выходцы из презируемого народа, но иногда обладавшие настоящим могуществом.

Особое положение Триполи в экономике создавало дополнительные возможности для евреев, их гибкость и умение налаживать связи способствовали их вовлечению в различные аспекты городской жизни.

Еврейская община возглавлялась каидом, который официально признавался властями города. Наличие такого поста позволяло властям возложить тяготы налогообложения на одного человека, который распределял налоги внутри общины. В общине собирались специальные фонды для оплаты налогов и для внутренних нужд (благотворительность, оплата служащих и т.д.).

Каид как представитель общины имел доступ ко двору правителя. Есть сведения, что один из каидов покинул город,

спасаясь от чумы. Такие поступки осуждались единоверцами. Вообще же смена главы общины случалась нередко. Это могло происходить из-за финансовой несостоятельности, поскольку, как уже говорилось, высокая должность была чревата рисками. Имевший влиятельного покровителя при дворе еврей мог уменьшить лично для себя налоговое бремя. Очень редко кто-либо из членов общины пытался воздействовать в своих интересах на единоверцев, намекая на свой переход в ислам.

Во времена, предшествовавшие османскому завоеванию, одно неосторожное слово с упоминанием имени пророка Мухаммеда было чревато для иноверца тяжелыми последствиями. Исмилиты ловили его на слове, как птичку в силки. Он становился мусульманином и не мог вернуться к вере отцов, разве что бежав и скрываясь в другом городе, где мог вернуться к своему народу и религии.

Новообращенных из иноверцев окружали вниманием и почетом. Их благословение признавалось особо важным. Каждый из новых друзей старался одарить его деньгами в меру своих возможностей.

Турки на это смотрели совершенно иначе. Они считали новообращенных бесчестными людьми, не заслуживавшими доверия, полагая, что те сменили религию вовсе не из любви к исламу, а из корыстных побуждений, и ждут лишь удобного случая вернуться к вере отцов.

Турецкие власти очень настороженно относились к новообращенным, пока по прошествии длительного срока они не доказывали своей искренности.

В мусульманских деревнях Триполитании не было особой ненависти к евреям, хотя, конечно, местные жители вели себя заносчиво как хозяева земли, считая евреев ниже себя. Евреям не разрешалось носить оружие, ездить верхом мимо мусульманина. Нередко евреев притесняли, могли что-либо украсть, поскольку имущество еврея рассматривалось как бесхозное, ведь он не верил в Аллаха и не имел оружия для защиты.

Наряду со всем этим деревенские мусульмане строго следовали собственным обычаям гостеприимства. Гостю, кто бы он ни был – воин, горец или же странствующий еврей, накрывали стол и великодушно приносили всё, в чем он нуждался. Если в доме чего-либо не хватало, они занимали у соседей, чтобы угодить пришельцу. Такой почет гостю давал дому добрую славу.

Родоплеменное местное общество следовало обычаям кровной мести. Иногда два обычая – гостеприимства и кровной мести – сталкивались в одном доме. Если убийца по какой-то причине, скрываясь от властей или еще из-за других обстоятельств, оказывался в доме мстителя, тот в собственном доме не мог причинить ему вреда. Гость находился под его защитой⁴.

В повседневной заботе о средствах к существованию евреи вынуждены были вступать в регулярные и сложные контакты с мусульманским населением. В сельской местности они занимались доставкой и торговлей сельскохозяйственными продуктами. Они попадали подчас в ситуации, не всегда предусмотренные специфическими религиозными правилами, что могло повлечь за собой конфликт на религиозной почве. Это в полной мере относилось и к городским евреям, которые в Триполи, как и во многих других странах, были ремесленниками и торговцами. Иногда они оказывали различные услуги дворцу. Их вездесущность помогала их присутствию на общественной сцене. Они не могли получить доступ к формальной власти, но неформально участвовали в политической жизни страны.

Торговля долгое время оставалась опасным занятием, но она могла довольно быстро доставить богатство и влияние. В Триполи она считалась в глазах европейцев и многих мусульман более постыдным занятием, чем пиратство. Как и всюду в Северной Африке, в Триполи оно было широко распространено.

Уровень экономического развития страны оставался очень низким. Основным занятием большей части населения было кочевое и полукочевое скотоводство на общинных землях и земледелие в оазисах и прибрежной полосе.

Процветание Триполи в значительной мере зависело от торговли и корсарства. Корабли триполитанских корсаров иногда совместно с турецким флотом грабили восточное побережье Испании и прибрежные районы итальянских государств. Они нападали на корабли европейцев, захватывали их экипажи и товары.

Команды корсарских кораблей принадлежали и наместнику Триполи, и отдельным частным лицам. На службу нанимали турок, левантийских христиан, перешедших в ислам, небольшую часть команд составляли арабы. В качестве гребцов на судах использовались обычно рабы-христиане. Доходы от пиратского промысла обогащали верхушку города⁵.

Среди захваченных триполитанскими пиратами нередко оказывались евреи, занимавшиеся торговлей. В обязанности глав общин входил сбор денег для выкупа захваченных евреев, каково бы ни было их происхождение. Надо заметить, что евреи не только попадали в лапы пиратов в качестве жертв, но иногда вовлекались в этот промысел. Ха-Козн описывает подобный случай, относящийся к первой трети XIX в.

Ицхак Гувета родился в Триполитании и был преуспевающим торговцем. Он оказался вовлеченным в коммерцию, связанную с пиратством. Гувета владел кораблем, перевозившим вино, которое ему было доверено триполитанскими корсарами. Большой доход от подобной торговли шел в казну паше Триполи. Но однажды Гувета продал корабль, а его груз или деньги так и не прибыли в Триполи. Своей новой резиденцией торговец избрал Триест, где продолжал успешно торговать.

Евреи были востребованы для торговли захваченными пиратами пленниками. Состоятельные люди или путешественники-аристократы, отправляясь в море, старались одеться как можно беднее и проще, чтобы их не захватили как заложников с целью получения выкупа. Евреи, свободно владевшие европейскими языками и местными диалектами, опрашивали захваченных пассажиров судов, чтобы установить их происхождение и социальный статус. Исследование рук захваченных помогало обнаружить степень их причастности к ручному труду⁶.

Вовлеченность евреев в пиратский промысел составляет одну из наиболее драматических страниц истории еврейского участия в делах местного общества. Евреи были на официальном уровне отделены от него, но одновременно, хоть это и выглядит парадоксальным, вовлечены в городскую жизнь почти во всех ее проявлениях.

С 1711 по 1835 г. Триполитанией управляла местная династия Караманли, лишь номинально подчинявшаяся Порте. Правители этой династии по собственной инициативе начинали войны и заключали мир.

Правящая династия опиралась на янычар, а также институт кулоглу. В Триполи эту категорию составляли потомки янычар и местных женщин. Городское население в отличие от преобладавших в сельской местности берберов происходило отчасти от изгнанных испанских мусульман (морисков) и арабов Северной Африки, включая кочевников. Небольшую часть жителей составляли берберы из внутренних районов страны, негры Судана, попадавшие в Триполи в качестве ра-

бов и становившиеся мусульманами, а также некоторое число христианских торговцев из Италии и Мальты. Европейские консулы оказывали им содействие. Католические священники занимались выкупом из рабства своих единоверцев. Среди христиан было очень немного ренегатов, бежавших в Триполи от долговых обязательств или грозившей им тюрьмы. Они переходили в ислам, становились уникальными военными или техническими специалистами у караманлийских правителей. Еврейское меньшинство было небольшим. Квалифицированные евреи также поступали на службу к правящей династии⁷.

Ситуация в Триполи была сходна с той, что существовала в других североафриканских городах, где имели место патримониальные отношения, то есть «фундаментальный антагонизм» между центральным правительством города и племенными структурами, составлявшими основу социальной и политической жизни внутри страны. Форма правления была схожа с османской, хотя караманлийские правители себя от нее все же отделяли. В этот период евреи жили в обособленном квартале в западном сегменте недалеко от городской стены и в соседстве с некоторыми европейскими консулами. К западу от городской стены находилось и еврейское кладбище. Возможно, местонахождение еврейского квартала в этом сегменте было связано с мусульманскими запретами помещать неверных между правоверными и священной Меккой.

В случавшиеся время от времени эпидемии чумы половина квартала вымирала. Гибло и другое население города, болезнь не выбирала.

В еврейском квартале были собственные порядки. Сюда из Италии приезжали евреи, желавшие взять вторую жену, поскольку здешний раввинистский закон не налагал запрет на полигамию, которая не практиковалась у европейских евреев. Приезжие нередко мотивировали свое намерение тем, что первая жена была бесплодна⁸.

Последние десятилетия правления династии Караманли были отмечены политической нестабильностью, природными бедствиями – засухой и чумой. Европейские державы прилагали большие усилия, чтобы ограничить активность пиратов с побережья Северной Африки. Победа европейцев нанесла значительный ущерб триполитанской казне. Из-за этого паши были вынуждены увеличить налоги на жителей (тяжелый налог требовали и с евреев), что вызвало всеобщее не-

довольство и в городе и во внутренних районах страны. Та-кими настроениями воспользовались конкуренты правителя из этой же династии, претендовавшие на власть.

Еще при жизни Али-паши Караманли, правившего с 1754 г., вспыхнула ожесточенная борьба трех его сыновей. В 1790 г. младший сын Юсеф убил старшего брата, бея, ко-мандовавшего войском. Убил его в комнате матери на ее гла-зах. Началась гражданская война. Юсеф расположился в при-городе. Его поддержала часть сельских жителей и некоторые племена. Сам Али встал на сторону среднего сына, менее одержимого идеей лидерства.

Междоусобица во власти привела к тому, что каждая груп-пировка устанавливала свои пошлины. Часть триполитанс-ких нотаблей обратилась к османскому султану с просьбой восстановить прямое управление из Стамбула. Ферман на управление городом султан предоставил Али аль-Джезаирли (известному как Али Бургул), корсару-авантюристу, с усло-вием, что тот обеспечит себе власть собственными силами.

Отряды Бургула прибыли в Триполи в 1793 г. Он сумел договориться с местными вождями и сделался пашой, наме-стником султана. Новый правитель начал с того, что физи-чески уничтожил тех нотаблей, которых он заподозрил в ло-яльности к Караманли. Новые налоги были тяжелы, особенно для евреев. Некоторые из них оказались впутанными в заго-вор против Бургула. Среди пострадавших и заживо сожжен-ных был Давид, сын каида рабби Авраама Калфона.

Ха-Коэн сообщает, что еврей Рахамим Барда выступил посредником между враждовавшими группировками и сумел их примирить. В январе 1795 г. совместными силами и с по-мощью бея Туниса жители Триполи сумели избавиться от Бургула⁹. Евреи тоже почувствовали себя более свободны-ми. По этому случаю Калфон сочинил гимн. Община празд-новала местный вариант Пурима.

Вскоре, выслав за пределы страны брата Ахмеда, к вла-сти в городе пришел Юсеф. Энергичный Юсеф попытался восстановить разоренную экономику, как это было принято в регионе, то есть силовыми методами. Прежде всего, с помо-щью государственной поддержки он начал возрождать пи-ратство. Однако мощное противодействие европейских дер-жав, их победы в морских сражениях похоронили этот источ-ник дохода. Юсеф хотел оживить караванную торговлю с Су-даном, включая столь прибыльную работоторговлю, но и эта

попытка не удалась вследствие давления британского и французского консулов, угрожавших военным вмешательством.

В последние годы правления Юсефа против него выступили мятежные племена, отрезавшие караванный путь на юг. Его племянник претендовал на власть как легитимный наследник. Умер Юсеф-паша в 1833 г. Положение евреев при нем не было стабильным. Оно менялось в зависимости от обстоятельств.

Евреи в глазах правителей Караманли были потенциальным источником доходов казны. Но их политика была разной. Али Бургул, получив власть, установил для еврейской общины тяжелые налоги. Несколько лет спустя новый правитель, Юсеф, понял, что евреи способствуют благосостоянию государства, а потому следует поощрять свободу их деятельности. Он отменил обязательную для них прежде черную одежду, оставил лишь черный головной убор и обувь. Вопреки противодействию местной власти он разрешил евреям построить синагогу в одном из западных от Триполи городов.

Юсеф пользовался услугами евреев и в административных делах. Во время конфликта с американцами паша послал одного еврея вести переговоры с командиром эскадры США. Евреям поручали чеканку монет. В 1810 г. секретарем Юсефа был еврей. Сообщается, что при нем евреи служили сборщиками десятины в районе Гариана.

Конечно, следует иметь в виду, что пожалование высоких постов немусульманам было выгодно правителю, так как они не могли претендовать на власть.

Ха-Козн замечает, что в последние годы жизни Юсеф, остро нуждаясь в деньгах, вернулся к практике тяжелых поборов с еврейской общины. Чтобы их избежать, евреи даже пытались использовать свои связи с гаремом паши через женщин общины.

Некоторые авторы сообщают о влиянии одной такой женщины в правление Али Караманли, известной как «королева Эстер», которая была тайной доверенной паши и старалась действовать в интересах общины. Такие женщины обычно носили в гарем шелка, бархат, драгоценности на продажу, а заодно сообщали мусульманкам новости большого мира¹⁰. Известно, что, помимо женщин, доступ ко двору правителя получали певцы, музыканты, развлекавшие приближенных.

Иноземцы и евреи составляли категорию квалифицированных ремесленников, что для них было чревато неоднозначными последствиями. С одной стороны, правители цени-

ли их уникальные возможности и не могли без них обойтись, с другой – их опасались. Они были отличными оружейниками, а оружие могло попасть к кому угодно. Так, Али Бургул заподозрил в измене и казнил одного тунисского еврея, который снабжал его пушечными ядрами и пулями. Ха-Коэн упоминает о Мордехеае Мизрахи, английском подданном, который обучал пушечному делу воинские формирования паши.

Практика, когда властители поддерживали коммерческую деятельность евреев, а затем грабили их, изгоняли и преследовали, хорошо известна. Они использовали их постольку, поскольку это было выгодно в тот или иной период, но всегда имели в виду предрассудки и мифы своих подданных. Всегда и во всех обществах находились лица, умевшие возбудить чернь и обращавшие предрассудки масс к своей пользе.

Ха-Коэн описывает эпизод, случившийся в правление Юсефа-пашы. В 1800 г. из Вадаи в Триполи прибыл один марабут. По обычаю его встретили с почестями, так как в странах Магриба марабуты почитались как приобщенные к святости. Этот человек быстро понял, что может повелевать окружающими его людьми. Его раздражали положение и новая красивая одежда местных евреев, и он сказал Юсефу-паше: «Не боится ли твоя душа судного дня, когда придется держать ответ перед Всевышним в присутствии пророка Мухаммеда? Ты дал свободу евреям, а они настолько презирают нашу веру, что стало невозможно отличить правоверных от неверных евреев?»

Юсеф-паша не внял его обличениям и ответил: «Ведь и они созданы Всевышним, так почему их участь должна быть меньше? Чем бы они ни занимались, они усердны и вполне зарабатывают на красивую одежду. Дурно их преследовать за то, на что они тратят свои деньги».

Но марабут был настойчив, и, в конце концов, Юсеф-паша уступил. Он приказал каиду объявить в синагогах о запрете евреям не только носить богатую одежду, но и продавать ее мусульманам. Марабут вскоре умер, и приказ был отменен¹¹.

Религиозный экстаз местных мусульман принимал экстремальные формы в праздники Маулид ан-Наби (день рождения Мухаммеда), которые отмечало братство Исавийя. В эти дни христиане и евреи не выходили из домов, опасаясь за свою жизнь. Ха-Коэн описывает атмосферу этого мусульманского праздника.

«В этот день, – замечает он, – ненависть ко всем “неверным” возростала семикратно. Ни один из них не мог и носа показать, не мог даже случайно попасть на глаза процессии. Для мусульман он осквернил бы святость действия. В этот день не могли работать ни ремесленники, ни торговцы. Никто не смел протестовать под угрозой собственной жизни против дикого, безумного разгула религиозного фанатизма. Такого смельчака растерзала бы толпа, и никто его не мог защитить. На это удивительное действие посторонние могли смотреть из окна или с крыши дома»¹².

Один из таких наблюдателей стал свидетелем сцены, когда случайно оказавшийся вблизи процессии еврейский мальчик был забит насмерть.

Евреи изначально для мусульманина были «неверными». При всем влиянии отдельных представителей общины они не могли изменить ее статус в пользу единоверцев.

В правление Юсеф-паши евреи, выкупленные у корсаров, селились в двух кварталах – «большом» и «малом». Каждую субботу после утренней трапезы они собирались у западной стены города, примыкавшей к еврейскому кварталу. Члены команды «большого квартала» располагались с красным флагом к северу, а команды «малого квартала» – к югу с белым флагом. Они дрались без оружия, действуя и кулаками, и головой, и ногами. Однако когда соперник оказывался поверженным, его щадили, стараясь не повредить чрезмерно. Можно было брать пленных во время борьбы и освобождать их ловкими приемами. Среди зрителей было много женщин и детей, приходили и мусульмане.

Конечно, члены обеих команд заключали браки и в соперничающей команде, но во время сражения жители одного квартала не могли посещать друзей и родственников другого квартала. По окончании борьбы этот запрет снимали. Подобные игры поддерживали в общине чувство самоуважения. Ха-Коэн приводит случай, когда по какой-то причине чиновник попытался арестовать нескольких человек, членов одной из команд. Они сумели скрыться, ловко спрыгнув со стены возле своего квартала. Чиновник пожаловался паше, но тот ответил: «Вот бы мои солдаты были так ловки, как евреи»¹³. Игры были упразднены турками в 1850 г. Были и другие эпизоды, когда евреи умели защитить свое достоинство и честь.

Один высокопоставленный чиновник зачастил в еврейский дом, а точнее, к жене хозяина, которую склонял весьма

настойчиво к сожительству. Муж, опасаясь за себя и семью, не смел пожаловаться. Некий доброжелатель незаметно проник в этот дом, дожидаясь прихода чиновника, чтобы наказать его. Но слух об этом достиг членов раввинатского суда, и поборнику справедливости было приказано немедленно покинуть дом замужней женщины и не компрометировать ее. К тому же суд принял решение о наказании самочинного заступника, то есть этот план был признан негодным. Каид взялся решить проблему на свой страх и риск. Он пригласил чиновника в свой дом, где была засада. Едва он пришел, как его схватили и связали. Каид объявил пленнику, что его тотчас отведут к паше, что злодеяние его получит огласку, что паша узнает, почему он попал в руки евреев. Чиновник клятвенно заверил всех, что отступится от женщины. Он был отпущен, сохранил честь перед пашой и прекратил домогательства¹⁴.

Евреи старались и были способны постоять за себя в очень неблагоприятных условиях, во враждебном окружении. Нередко паша являлся единственным защитником общины, конечно, если был в этом заинтересован. А двор постоянно оказывался сценой заговоров, интриг, конфликтов.

Американский консул в Тунисе Ноах, еврей по происхождению, отмечал, что «в Триполи евреи пользовались большими возможностями, чем в других частях Берберии». Примерно также считали и другие наблюдатели, которые, возможно, сравнивали положение евреев Триполи с еще более плохими для них условиями в других районах Северной Африки, хотя они были очень древним населением стран Магриба. Они были изолированы и от мусульман, и от христиан, хотя эти группы населения нередко враждовали между собой.

В 1835 г. Триполи перешел под прямой контроль стамбульских властей. С правлением династии Караманли было покончено. С 1551 г., когда турки завоевали страну, османская власть в Триполи длилась два десятилетия, а затем она была захвачена союзом местных племен. С середины XIX в. процессы модернизации по западной модели были инициированы Портой. Если в других районах Северной Африки вестернизаторские реформы, постепенно улучшавшие жизнь евреев, были связаны с европейской экспансией и контролем, то в Триполитании ситуация была иной, более сложной. Турки, которые также были мусульманами, как и арабы, и берберы, нередко поддерживали евреев в качестве партнеров в развитии региона. В то же время турки не могли не учитывать большую напряженность в отношениях местного

населения к евреям вследствие того места в мусульманском мире, которое им отводилось Кораном.

В середине XIX в. в Триполи проживало около 1000 еврейских семей, составлявших треть населения города¹⁵.

Возрождение прямого османского правления в Триполи отчасти совпало с начавшимися реформами Танзимата. Это было время принятия новых законов, базировавшихся на европейских моделях, время административной реорганизации для преодоления экономического кризиса. Начинались реформы в столице и центральных районах страны, но вскоре они дошли и до Триполи. После итальянского захвата Ливии, то есть помимо Триполитании и других провинций, в 1911 г. некоторые итальянские историки пытались принизить роль этих реформ, однако они были важным фактором на первом этапе модернизации Триполитании. Позднее, в последней четверти XIX в., значение этого фактора снизилось. В годы правления султана Абдул Хамида II люди, попавшие в немилость, отправлялись в «почетную ссылку» управлять Триполи. Если колесо фортуны еще раз поворачивалось, то они могли вернуться в центр. Некоторые правители, назначенные в глухую провинцию, каковой тогда был Триполи, действовали в соответствии с новыми законами, имевшими силу в остальной части Османской империи. Попадались вали, энергично проводившие новую политику, касавшуюся, в частности, положения религиозных меньшинств.

Реформы поощряли урбанизацию, административную реорганизацию земельных отношений, развитие торговли и поддержку образования. Многие из этих программ благоприятно отразились на еврейском населении.

Открытие новых ворот в западной стене Триполи в 1865 г. облегчило сообщение жителей города с внутренними районами страны. Кроме того, евреям теперь удобнее стало хоронить покойников, так как сокращен был путь от еврейского квартала к кладбищу. Раньше долгий путь неизбежно огибал мусульманские кварталы города, где процессия сталкивалась с унижениями и насмешками¹⁶.

В программе танзиматских реформ содержался пункт о равных правах в империи для всех конфессий. Конечно, хоть сколь-нибудь серьезное отношение к этому пункту местных властей имело место там, где возрастало влияние европейских держав, постепенно «отгрызавших» от османского государства отдельные территории.

Длительное время евреи Триполи рассматривались как часть местного общества, но даже те из них, кто имел иностранное подданство или покровительство европейских держав, были лояльны Османской империи.

В последние десятилетия XIX в., по наблюдениям некоторых авторов, развивались отношения сотрудничества между рядом османских правителей и еврейской общиной Триполи. Евреи, конечно, не могли не приветствовать любые попытки вали гарантировать закон и порядок в этой провинции. Однако такая позиция турецких властей не разделялась чиновниками, которые рекрутировались из местного населения. Турки не относились к евреям столь враждебно, как арабы. Местное население не поддерживало реформы, и такая позиция была источником напряжения с центральным правительством.

В самих еврейских общинах также не все установления Танзимата получили одобрение. Многие из них противоречили многовековым еврейским традициям.

Вернувшиеся в Триполи в 1835 г. османские власти столкнулись с необходимостью нового завоевания уже некогда покоренной провинции, поскольку местные племена выступили против этой власти. Мир был установлен после нескольких ожесточенных сражений. Один из местных вождей по имени Гома был взят в плен и отправлен в стамбульскую тюрьму. Однако ему удалось вернуться на родину в Джебель-Нефуса. В 1855 г. Гома взял крепость Ефрен. Своих соотечественников он предупредил: «Берегите евреев, не грабьте их! Не чините им препятствий!» Находились берберы, которых евреи раздражали своим обликом, одеждой. Они обращались к вождю и настойчиво требовали: «Запретите им носить красные шапки, какие есть у мусульман. Пусть они ходят в черных шапках, как это было до прихода турок!» Гома на это возразил: «Если при турках евреям было дозволено одеваться, как они хотят, то тем более это будет им разрешено в мое правление»¹⁷.

Такая позиция местного правителя вполне соответствовала представлениям патримониального общества, в котором правитель сам должен был решать все проблемы и защищать слабых. Это становилось насущной необходимостью, поскольку мятежи местных племен против османской власти, как это было в 1839 г., сопровождались погромами и грабежами еврейских домов. Осталось немало исторических свидетельств XIX в. о многочисленных нападениях и даже

убийствах евреев в глубинных районах страны. В небольших городках этих районов обычно евреев насчитывалось в лучшем случае несколько сот человек. Они зависели от местного населения, с которым старались наладить отношения.

В столь частые периоды политической нестабильности евреи становились разменной монетой в борьбе не только местных кланов, но и в конфликтах между правителями и теми, кто им противостоял.

Реформы коснулись также правовой системы и судопроизводства. В годы правления Мехмеда Эмин-паши (1842–1847) глава еврейской общины города раввин Яков Мимун рядом с мусульманскими судьями заседал в местном суде, что раньше было немыслимым, поскольку жизнь различных религиозных общин проходила в строгой изоляции. Не всем это новшество пришлось по вкусу. В 1846 г. непримиримые отправили на этот счет запрос в Стамбул: «Возможно ли, чтобы “неверный” рабби Мимун участвовал в судебных заседаниях на равных с мусульманскими судьями?» В 1847 г. был получен утвердительный ответ. Таким образом, появился прецедент¹⁸.

В соответствии с османским законом о реформах в годы правления Махмуда Недим-паши (1860–1867) местный суд был реорганизован, поскольку появилось уголовное и коммерческое право. Заседавшие в новых судах судьи-евреи, как и мусульмане, получали жалование от правительства. При этом, как сообщает ха-Козн, паша лишился права сидеть в суде и решать все вопросы единолично, как прежде в эпоху династии Караманли. Была сделана попытка разделения исполнительной, судебной и законодательной властей, что стало следствием не только новых идей Танзимата, но заметного и все более усиливавшегося давления на Порту европейских держав. Кроме того, в Триполи довольно активно действовал основанный в 1860 г. в Париже Всеобщий еврейский Альянс. Известно, что еврейская община Триполи обратилась в 1860 г. с жалобой на главу города (шейха-эль белед) Али Керкени и просила Альянс о помощи. Он тиранил все население – и евреев, и неевреев. Альянс добился того, что Али Керкени был призван к ответу за убийство еврея Саула Ракаха, служащего Керкени, который по неизвестной причине попал в немилость патрона. Нашлись те, кто утверждал, будто Керкени знал о готовившемся убийстве, но ничего не сделал, чтобы его предотвратить. Соседи убитого видели даже следы крови возле дома убийцы. Были и другие улики, но суд их счел недоста-

точными. Поэтому единоверцы Ракаха обратились в офис Альянса в Париже и в его стамбульское отделение. В 1861 г. ячейка Альянса была открыта в Триполи. Под давлением Альянса Керкени вызвали в Стамбул. Ему было запрещено возвращаться в Триполи. По сведениям ха-Коэна, все усилия Керкени подкупить османские власти оказались тщетными. Он умер в ссылке через несколько лет. Еще каких-нибудь полвека назад такое развитие событий было бы немыслим.

Во второй половине XIX в. положение евреев в Триполитании постепенно улучшалось наряду с менявшимися к лучшему условиями жизни всего населения. Интересен тот факт, что действия евреев были одобрены местными мусульманами, которым, очевидно, Керкени также досаждал. Они поздравили Альянс и его стамбульского главу Абрахама Камондо с успешным избавлением от неугодного начальника¹⁹.

В целом еврейская община, как уже говорилось, была лояльна к османским властям. Многие новшества ею поддерживались. В 1860 г. открылась регулярная почтовая служба между Триполи и европейскими странами, которую осуществляла одна пароходная компания. В ней были заняты евреи Триполи.

Присланный из Стамбула наместник Ахмед Раззам-паша управлял городом в 1881–1896 гг. Он нередко пользовался советами главного раввина Элияху Бехор Хаззана. Чтобы окружающие не могли понять, о чем идет речь, когда дело касалось очень важных вопросов, паша говорил с раввином по-французски или же объяснялся жестами. Когда же паше нужен был совет рабби Элияху по сугубо секретным вещам, они беседовали ночью²⁰. Этот паша в значительной мере был лишен обычных предрассудков фанатичных людей. Но он следовал политике Порты, протестовавшей против иностранного подданства для жителей Османской империи и против вмешательства консулов западных держав. А иностранное подданство нередко принимали именно местные евреи, нуждавшиеся в защите. Конечно, ему было свойственно недоверие к иностранцам, особенно представителям держав, уже начавших активно вмешиваться в дела османского государства, что, конечно, вызывало сильное раздражение местных мусульман.

В 1874 г. султан учредил должность, широко известную в других османских провинциях – хахам-баши. Он выполнял обязанности официального представителя всех евреев Триполитании.

Под влиянием османских реформ XIX в. и вследствие возраставшего вмешательства итальянцев в дела Триполи в значительной мере изменился характер празднования уже упоминавшегося выше мусульманского праздника Маулид (день рождения Мухаммеда), который ежегодно отмечался в двенадцатый день третьего месяца лунного календаря (рабби-уль-эввель). Как уже говорилось, процессию суфиев, участвовавших в зикре (вращение в экстазе), сопровождала огромная толпа. Всякая работа прекращалась, что очень мешало немусульманам в их повседневной жизни.

Ха-Коэн сообщает, что в 1883 г. запрет на традиционные ограничения в работе и передвижении по городу нарушил христианин, а в 1904 г. – еврей. Они действовали при поддержке итальянского консула, который открыто защищал принцип не только европейский, но и провозглашенный в программе Танзимата – принцип «свободы религий».

В 1905 г. этот же консул настойчиво требовал, чтобы османский наместник Реджеб-паша запретил наиболее одиозные, на его взгляд, проявления этого традиционного празднования, что вызвало возмущение мусульман. Однако борьба продолжалась. Нашлись немусульмане, поддерживавшие требования консула. Они собрались вместе и криками одобряли принцип свободы. Был поднят флаг – символ свободы заниматься своим делом даже в чей-либо праздник.

В 1912 г. (5662 г. по еврейскому летосчислению), когда город уже был захвачен итальянцами, празднование Маулида не было вовсе отменено, но зикр (процессия вращающихся дервишей) было предписано осуществлять в особом месте в доме молитв и не мешать остальному населению²¹.

Несомненный вклад итальянцев в дело «религиозных свобод» не означал, однако, что евреи во всем соглашались с новыми хозяевами страны. Ха-Коэн описывает случай, имевший место в 1862 г. в Бенгази. Французский и британский вице-консулы проигнорировали обращение к ним евреев, которых необоснованно заключили в тюрьму. По-видимому, это было скорее исключением, чем правилом. Обычно иностранные консульства довольно быстро реагировали на подобные жалобы. Под сильным иностранным давлением местные власти вынуждены были осуществлять постоянный контроль над действиями различных служб, что, конечно, шло на пользу всему населению, и еврейскому в частности.

Евреи, служившие при младотурках в османских воинских формированиях, получали кошерную еду, им дозволялось

во время еврейских праздников покидать казармы. Изменились и сами евреи.

Когда в одном из отделений Римского банка еврейских служащих обязали работать в субботу в 1907 г., они призвали всю общину к бойкоту этого банка.

Евреям Триполи в конце XIX – начале XX в. приходилось одновременно ладить с тремя различными, подчас враждебными друг другу силами: Италией, османскими властями и местными мусульманами, которые позднее выступали против младотурок.

К этим сложным внешним обстоятельствам прибавились противоречия внутри самой еврейской общины из-за экспансии европейской культуры и ее воздействия на традиционный уклад, существовавший тысячелетия. Часть общины считала, что евреи не должны избегать современных идей, даже если они возникли в чужом обществе. Такую позицию поддерживал Мордехай ха-Коэн, оставивший важные свидетельства своего времени, и уже упоминавшийся выше Элияху Бехор Хаззан, бывший главным раввином Триполи в 1874–1888 гг. Позднее он стал главным раввином Александрии и находился на этом посту вплоть до своей смерти в 1906 г. Реформаторские идеи рабби Хаззана нашли отражение в некоторых его правовых решениях (халакис). В Триполи этот раввин пытался реформировать еврейское образование. Он считал необходимым включить в программу еврейских школ изучение европейских языков. И хотя в общине нашлись противники этого новшества, которое, как им представлялось, «посеет семена неверия» и подрвет основы традиционного религиозного воспитания, большинство поддержало его усилия. Итальянское присутствие и контроль в стране окончательно решили этот вопрос в пользу европейского образования.

Не часто, но бывали случаи, когда евреи совместно с мусульманами выступали против той или иной инициативы властей, шедшей вразрез с давней традицией и насущными интересами общин.

Турецкие власти приняли закон, по которому государство брало на себя опеку над имуществом человека после его смерти в том случае, если его детям было меньше 20 лет. Местные мусульмане не без оснований восприняли этот закон как отмену традиционного родового управления наследством умерших. Они посчитали, что правительство хочет экспроприировать землю лица, умершего бездетным, и не допустить ее перехода к братьям либо другим родственникам.

Несмотря на протесты населения правительственные чиновники начали переписывать выморочное имущество.

В мае 1910 г. скончался богатый и бездетный еврей по имени Саадан Атийя. Чиновники подошли к его дому, чтобы описать имущество. Толпа евреев не допустила их, а еврейские ремесленники и торговцы закрыли свои лавки и вышли с протестом на улицы. Увидев это, местные мусульмане присоединились к демонстрации евреев. Толпа приблизилась к губернаторскому дворцу. Ибрахим-паша согласился принять нескольких лидеров от мусульман и евреев. На вопрос губернатора о причине протестов лидеры ответили, что они не согласны с новым законом о наследстве. Паша пытался обосновать свое решение ссылкой на Коран: «Разве не ясно в Священной книге сказано, что необходимо назначить хранителей имущества сирот?» (сура 4, аяты 4–9). Присутствующий здесь же ха-Коэн быстро, но почтительно возразил: «Да, действительно, норма Корана применима к малолетним сиротам, но отнюдь не ко взрослому правоспособному человеку. Ведь покойный еврей Саадан Атийя был взрослым человеком, так какое же отношение имеет к нему новый закон?» Паша обратился к лидерам с предложением подождать две недели, затем он объявит свое окончательно решение. Паша связался со Стамбулом, где ему предложили этот вопрос вынести на обсуждение местного совета нотаблей. Совет высказался за отмену закона²². Иногда интересы еврейской общины совпадали с намерениями местных мусульман.

Реформы Танзимата имели неоднозначные последствия для еврейского населения. Некоторые попытки уравнивать в правах всех османских подданных были неразрывно связаны с вовлечением их в общегражданскую жизнь, то есть с обязанностями, налагаемыми государством. При этом большинство населения в соответствии с нормами ислама продолжало считать евреев низшей категорией – зимми, находящейся под контролем мусульманской общины. Их рассматривали по-прежнему не как равных сограждан, а как обособленную низшую группу. Дарованные реформаторами религиозные свободы вовсе не рассматривались мусульманскими массами как нерушимое право индивида. Черты традиционной религиозной культуры сталкивались в обществах Магриба XIX в. с новыми идеями и предписаниями Порты, а позднее европейской власти. Поэтому реальные попытки изменения статуса еврейской общины блокировались местными мусульманами вопреки усилиям стамбульских реформаторов. Для них по-

вышение статуса евреев означало понижение их собственного статуса. Именно такая интерпретация сплачивала самые разнородные мусульманские слои вокруг тех, кто противостоял османским новшествам в целом.

Одним из тестов на надежность и преданность центральной власти назначаемых в Триполи турецких пашей была твердость в отстаивании новых прав еврейской общины. Правитель Триполи в 1900–1902 гг. Хафез-паша пытался ввести новый земельный налог в сельских районах. Земледельцы воспротивились такому решению, взбунтовались, вышли на торговую площадь в Амрусе на окраине Триполи. Попутно они ограбили еврейских торговцев на 33 000 франков. Паша отреагировал незамедлительно, посадив в тюрьму зачинщиков грабежа и потребовав, чтобы они вернули евреям их деньги. Раньше изредка паши решались защищать подобным образом пострадавших евреев, но делали это не опираясь на закон, которого и не было, а из других побуждений. В прежних случаях поборов, грабежей и всяких бесчинств евреи не могли рассчитывать даже на те договоренности и обязательства, которые мусульмане иногда на себя брали. Евреи, как правило, свои обязательства выполняли, чего нельзя сказать об их соседях, а в сущности соотечественниках.

С османскими властями также община не всегда могла договориться. По очень давнему порядку жители Триполитании не служили в армии. Евреи, согласно нормам ислама, и не должны были служить, но обязаны были платить налог. Теперь настали новые времена равенства подданных не взирая на религиозные различия. Хафез-паша, конечно, при всем желании не смог бы заставить местных мусульман служить в армии, но он мог обязать их платить налог за освобождение от воинской службы, поскольку они являлись османскими подданными. Однако начал он не с мусульман, а с евреев. После указа (хатт-и-хумаюна) 1856 г. евреи, как и все османские подданные, также должны были служить в армии. Согласно переписи, которая была проведена по приказу Хафез-паши, годными к службе признали 5500 евреев. За освобождение от воинской повинности паша потребовал налог в 40 500 франков. Выходило во много раз больше, чем раньше, когда брали с общины 6600 франков. Паша настаивал на уплате нового налога, пытался воздействовать на наиболее состоятельных людей. Безуспешно. «У нас всего 200 торговцев, способных уплатить за свое освобождение от службы по 9 франков, остальные же никак не могут. Они, конечно, попадут в тюрь-

му. Но тогда правительство ничего не получит, а казна вынуждена будет еще их содержать», – ответил казначей общины²³.

В разгар этих событий Хафез-паша был отозван в Стамбул. Его преемник Ахсан Хюсни-паша продолжил оказывать давление на евреев. Прибыв в Триполи в конце февраля 1903 г., он вскоре возобновил требование об уплате суммы в 40 500 франков к началу июня этого же года. Снова были вызваны старейшины общины, но они заявили, что такая сумма непомерна и они не в состоянии ее уплатить. Паша распорядился заключить их в тюрьму, что вызвало в общине взрыв негодования.

На следующий день Мордехай ха-Коэн предложил собравшимся по этому поводу единоверцам отправить во все синагоги уполномоченных со следующим посланием: «Братья по вере! Знайте, что мы оказались в большой беде и нам осталось положиться только на отца нашего небесного. А потому мы просим всех собраться утром в главной синагоге и молиться нашему создателю». По своей сути это был призыв к общему протесту, поскольку он привлек внимание и тех евреев, которые были гражданами или подданными других государств. Собравшиеся в тот день в главной синагоге евреи оставили все свои повседневные дела. Закрылись лавки и мастерские, остановилась торговля. Полиция не смогла никого арестовать. Такой поворот событий одобряли и мусульмане. Конечно, в отличие от них евреи не смели вступать в споры с правителем, однако предупредили его, что мусульмане не хотят служить и вряд ли уплатят налог. Мусульмане рассуждали, не особенно скрывая свою позицию: «Их (евреев. – *И.Ф.*) всего-то около 15 000 душ, но они, как обычно, способны к самоорганизации и единству. Если бы мы все могли объединиться точно так же, ни один правитель не посмел бы принимать новые законы вопреки нашей воле».

Борьба еврейской общины против непомерного налога за освобождение от военной службы продолжалась и в последующие годы – в правление Реджеб-паши (1904–1908), которому, по свидетельству ха-Коэна, чужд был антисемитизм, как, впрочем, и его предшественникам. Но он, как и они, тоже оказывал давление на общину из-за налога. Через некоторое время стороны все же пришли к компромиссу. Требуемая сумма налога была значительно снижена. Кроме того, евреи солидарно отказывались платить вообще что-либо раньше, чем такой же налог уплатят мусульмане. Еврейская община предложила часть уплаченных ею сумм внести в благотвори-

рительный фонд, который значительно бы возрос. Вали поддержал главного раввина Хизкийя Саббата (1904–1908), ходайствовавшего об этом же²⁴.

В целом вопрос о воинской повинности жителей Триполитании так и не был окончательно решен до 1911 г. Уже при младотурках и евреев, и мусульман все-таки обязали служить в османских войсках. Из 142 рекрутов от Триполи и его окрестностей 59 человек должна была посылать еврейская община. Эта практика, однако, вскоре закончилась. В результате итало-турецкой войны 1911–1912 гг. Триполитания перешла под власть Италии.

В 1929 г. итальянские колонии Триполитания, Киренаика и Феццан, носившие общее название Ливия, были объединены под властью одного генерал-губернатора.

Примечания

¹ Цит. по: Rossi E. Storia du Tripoli e della Tripolitania. Roma, 1968. P. 20.

² Goldberg H. Jewish life in Muslim Libya. Rivals and Relatives. Chicago and London, 1990. P. 39.

³ The Book of Mordechai. Philadelphia, 1980. P. 74.

⁴ Idem. P. 69–73.

⁵ Прошин Н.И. История Ливии в новое время (середина XVI – начало XX в.). М., 1981. С. 22–23.

⁶ Dearden S. A Nest of Corsairs: The Fighting Karamanlis of Tripoli. L., 1976. P. 20.

⁷ Idem. P. 8–11.

⁸ Goldberg H. Jewish life... P. 21.

⁹ Подробнее об этом эпизоде см.: Прошин Н. История Ливии... С. 89–96.

¹⁰ Dearden S. Nest of Corsairs... P. 114–115.

¹¹ De Felice R. Jews in an Arab Land: Libya, 1835–1970. Austin: Universitet of Texas Press, 1985. P. 7–8.

¹² Goldberg H. Jewish life in Muslim Libya... P. 28.

¹³ Idem. P. 29–30.

¹⁴ Idem. P. 30.

¹⁵ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 8, кол. 1059.

¹⁶ Anderson L. Nineteenth Century Reform in Ottoman Libya. – International Journal of Middle East Studies, 1984. P. 325–326.

¹⁷ Slouschz N. La Tripolitaine sous domination de Karamanlis. – Revue du Monde Musulman, 1927. P. 192–194.

¹⁸ Goldberg H. Jewish life in Muslim Libya... P. 41–42.

¹⁹ Hirschberg H. The Oriental Jewish Communities. – Religion in the Middle East: Three Religions in Concord and Conflict. I, Cambridge, 1969. P. 199–200.

²⁰ Goldberg H. Jewish life in Muslim Libya... P. 44.

²¹ Idem. P. 44.

²² The Book of Mordechai. P. 179.

²³ Idem. P. 59–60.

²⁴ Hirschberg H. A History of the Jews in North Africa. V. 2. From the Ottoman Conquests to the Present Time. Leiden: Brill, 1981. P. 180.

ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ ЕГИПТА

Египет, с которым тесно связана история еврейского народа с глубокой древности, упоминается в Библии чаще, чем какая-либо другая страна. Избавление от египетского рабства – важнейший этап в становлении самосознания еврейского народа как целого, как объединения отдельных племен (колен) Израилевых.

Евреи, жившие в Египте в эллинистическую эпоху, не раз оказывались жителями огромных греческих, а позднее римской империй, в которые входили и территории Эрец-Исраэль.

В 640 г. Египет был завоеван арабами, и евреи, как и прочие «неверные» мусульманских стран, получили зависимый статус зимми.

При Фатимидах, захвативших Египет в 969 г., а позднее при Айюбидах (1171–1250) положение евреев было относительно неплохим. За редким исключением, правители этих династий отличались веротерпимостью. Евреи были в состоянии оказывать помощь своим единоверцам в Эрец-Исраэль. В этот период в Египте селились ученые из других стран. В их числе был Маймонид.

С приходом к власти мамлюков в середине XIII в. положение еврейского населения резко ухудшилось. Мамлюки строго следили за исполнением тех исламских ограничений, которые касались зимми и на которых их предшественники особо не настаивали. Были закрыты многие церкви и синагоги. В середине XIV в. участились случаи нападения на немусульман на улицах Каира. Экономика пришла в упадок, что пагубным образом отразилось, в первую очередь, на еврейской общине.

В начальный период правления Фатимидов была учреждена должность нагида – официального главы еврейской общины. Она существовала и при мамлюках. У нагида был заместитель – мешуллам. При нем действовал бет-дин, в котором было от 3 до 7 членов в разное время. Нагид пользовался самостоятельностью в решении гражданских и уголовных дел общины. Он мог наказывать и сажать в тюрьму провинившихся, сам назначал раввинов, отвечал за сбор податей и сам получал жалованье. По субботам его с чрезвычайной торжественностью сопровождали в синагогу и обратно. В праздник Симхат Тора он читал отрывки Пятикнижия, переводя их на арамейский и арабский языки.

В 1560 г. турецкие власти упразднили должность нагида, и главой еврейской общины считался еврей-казначей при османском губернаторе. Ему был присвоен титул челеби, просуществовавший до конца XVII в.

В начале XVI в. османская армия завоевала огромные территории Ближнего Востока. Длительное соперничество Ирана и Турции за господство в арабских странах закончилось победой последней. Войны между этими державами не в последнюю очередь, помимо материальных интересов, имели религиозную подоплеку. Шиитский Иран противостоял суннитскому османскому государству.

Для султанов шиизм представлял и внутреннюю угрозу, так как его исповедовало население приграничных с Ираном земель. Этот конфликт принял форму военных действий при султани Селиме I, ненавидевшем шиитов. В Османской империи при нем уничтожили от 40 000 до 45 000 шиитов. В 1514 г. султанские войска разгромили армию шаха Исмаила, заняли Тебриз, захватили казну. Военная удача позволила султану предпринять поход против союзника шаха правителя Египта. Этот поход он начал с завоевания Сирии, зависимой от правителя Египта. Под Алеппо он разбил египетские войска и вскоре вступил в Дамаск. После захвата Палестины турки направились в Египет. В январе 1517 г. турецкая армия подошла к Каиру. После непродолжительного сопротивления мамлюков турки заняли город. Столь быстрый военный успех в известной мере был определен поддержкой, которую туркам оказали часть мусульманского населения, восточные христиане армяно-григорианской и коптской православных церквей, а также еврейская община. Очевидно, они рассчитывали, что новая власть ограничит произвол мамлюков. Вступив в Египет, Селим I приобрел некоторую популярность, раздавая населению мясо. Он освободил феллахов и городскую бедноту от трудовой повинности в пользу армии, возложив ее на зажиточную часть населения. Османские чиновники объявили себя защитниками земледельцев.

В 1522 г. Египет был приравнен к прочим османским провинциям (вилаяетам), возглавлявшимся вали, управителями, назначавшимися султаном. На Египет возлагалась ежегодная дань в размере 100 000 динаров¹.

Важнейшим результатом османизации Египта стало перераспределение собственности в стране, прежде всего земельного фонда.

Селим I назначил арендатором монетного двора, чеканившего новые турецкие деньги, еврея испанского происхождения Авраама де Кастро, богатого, влиятельного человека, известного не только в еврейской общине Каира, но и в среде османского чиновничества.

При турках произошли изменения в структуре управления еврейскими общинами. Единоличная власть верховного раввина (нагида) была ликвидирована. Каждая община получила самостоятельность в выборе раввина и устройстве внутренних дел без опеки извне. Последний полномочный раввин-нагид Исаак Шалал был лишен своего сана и отправился со своим немалым состоянием в Иерусалим, где стал опорой возраставшей там еврейской общины. Каирский раввинат после него возглавил испанский еврей Давид ибн-Ави Зимри, пользовавшийся уважением, как говорили, за честность, образованность, благотворительную деятельность, а более всего за свое богатство. О нем шла молва, будто бы он нашел в своем доме клад, который расходовал на поддержку бедных, изучавших Талмуд в городах Египта, Иерусалиме, Хевроне и Цфате. Его авторитет был столь велик, что ему удалось решить очень давний спор между двумя группами каирской общины. Оказавшиеся в вавилонском плену евреи за более чем 18 столетий приняли сирийское, то есть селевкидское, летосчисление, восходившее к дате победы сирийского властителя Селевка над другими полководцами Александра Македонского.

Сирийского царства и Селевкидов давно уже не было. Сирия за прошедшие столетия становилась добычей римлян, византийцев, арабов, монголов, турок. Тем не менее месопотамские и египетские евреи сохраняли прежнее летосчисление, пользовались им в повседневных делах и документации. В то же время палестинские и европейские евреи вели летосчисление от даты разрушения Иерусалимского храма или от сотворения мира. В месопотамских и египетских общинах каждый документ был помечен датой селевкидской эры. Ибн-Ави Зимри отменил это летосчисление, практиковавшееся в Египте, и ввел вместо него датировку от сотворения мира. К этому времени в Египте, а особенно в Каире, появилось множество испанских беженцев, получивших значительный численный перевес над местными евреями. Поэтому вновь прибывшие сефарды осмелились помимо летосчисления отменить старый, по преданию одобренный самим Маймонидом, обычай. Он состоял в том, что местные евреи

в течение более чем трех веков выслушивали в синагогах главную молитву, громко произносимую кантором. Сами же не принимали в ней участия, что казалось ересью вновь прибывшим².

Евреи Египта были обречены переживать все те невзгоды, которые обрушивались на Египет и в столетия османского господства, что требовало от глав еврейских общин особого мужества и ловкости.

После завоевания Египта турки не ликвидировали военную элиту арабских провинций, а пытались в течение нескольких столетий подчинить ее себе, что им далеко не всегда удавалось. Уцелевшие мамлюкские беи создали собственные группировки, весьма влиятельные среди местного населения. Они существовали параллельно османской администрации. Внутри этих группировок шла ожесточенная борьба за верховенство, в которую втягивались и османские воинские подразделения. 18 июля 1523 г. был издан второй канунаме Миср, указ султана Сулеймана I Великолепного, определявший зависимый от Османской империи статус Египта. Это послужило поводом к мятежу мамлюков 1523 г. Мятеж был жестоко подавлен 5-тысячным янычарским войском. Новый паша, правитель Египта, не смог контролировать положение в стране и был отозван в Стамбул. В таких условиях наместником султана был назначен Ахмад-паша, участник османского похода 1523 г. против рыцарей-иоаннитов острова Родос. Ахмад-паша не считал это назначение лестным для себя. За свои заслуги он хотел получить пост великого везира. Но, очевидно, в планы султана входило устранить его из столицы. Вместе с новым назначением в Каир отправили гонца с секретным предписанием для начальника каирских янычар, в котором содержался приказ казнить немедленно вновь прибывшего наместника. Письмо было перехвачено и попало в руки Ахмад-паши. Ему не оставалось иного выхода, как выступить против султана, собрав вокруг себя всех, кто был недоволен турками. Бунт был поддержан бедуинскими племенами и частью мамлюкских отрядов, которые помогли ему захватить власть и объявить себя султаном Египта³.

Воодушевленный успехом Ахмад-паша приказал упомянутому выше арендатору монетного двора еврею Аврааму де Кастро чеканить новые монеты с его именем. Последний для виду согласился, но попросил письменный приказ правителя. Получив необходимую ему бумагу, де Кастро с ней тайно уехал в Стамбул ко двору Сулеймана I, чтобы известить сул-

тана о положении дел. Узнав о побеге арендатора монетного двора, Ахмад-паша начал вымещать свой гнев на близких беглецу людях. Он распорядился бросить в тюрьму друзей и родственников де Кастро, а мамлюкам разрешил разграбить еврейский квартал в Каире. Один из советников вовремя подсказал паше, что имущество евреев и так принадлежит правителю. Грабеж был остановлен, чтобы не уменьшилась доля самого наместника. Затем Ахмад-паша призвал во дворец 12 именитых евреев и потребовал доставить ему в короткий срок громадную сумму денег, угрожая в случае неповиновения убить их всех с детьми и женами.

В качестве заложников были задержаны раввин Давид ибн-Ави Зимри и другие лидеры общины. В ответ на мольбы людей о снисхождении или хотя бы об отсрочке требуемой выплаты угрозы лишь ужесточались. Обреченные люди днем и ночью молились. Молилась за них вся община. Старик Самуил Садило собрал в синагоге детей до 12 лет, которые входили в число приговоренных пашой. Сборщики собрали в общине все, что было возможно, и предложили эти деньги и ценности в счет выкупа. Но полученная сумма составила лишь одну десятую требуемого. Паша приказал заковать в цепи и сборщиков пожертвований. Им также грозила смерть, как повествует предание, тотчас же, как только правитель вышел бы из бани. Однако события приняли неожиданный оборот. В бане на пашу напал один из верных султану везиров, Мухаммед-бей, прикинувшийся сторонником Ахмада, прозванного евреями Шайтаном. Все же тот сумел вырваться и бежать в свой укрепленный замок. Есть версия, что замок будто бы взяли штурмом жители Каира, которым Мухаммед-бей обещал отдать его на разграбление. Ахмад успел до штурма тайно покинуть замок, но был выдан приближенными, закован в цепи и обезглавлен.

Заложники были освобождены. День спасения каирских евреев 27 или 28 адара (6 марта) 1524 г. много лет отмечался общиной как каирский Пурим⁴.

Согласно другой версии, против Ахмад-паши султан послал войско во главе с великим везиром Ибрахим-пашой. При поддержке сторонников султана Сулеймана I он обратил в бегство приверженцев Ахмад-паши. Сам паша был схвачен янычарами и казнен 6 марта 1524 г.⁵

Внутренняя борьба мамлюкских группировок, а также их противостояние Стамбулу продолжались несколько столетий. В начале XVIII в. в Египте установилась мамлюкская система

правления, просуществовавшая до французской оккупации Египта в 1798 г.

В 1801 г. французский экспедиционный корпус капитулировал перед коалицией войск Англии, России и Османской империи. Египет формально вернулся под юрисдикцию Османской империи, что было указано в Амьенском мирном договоре 1802 г.

Наряду с негативными последствиями военного вторжения французов экспедиция Наполеона дала мощный толчок к развитию многих сфер египетской жизни, в том числе военной: появились новые виды вооружений, изменилась тактика ведения боя и т.д. Был нанесен удар многовековому военному засилью мамлюков, на волне перемен выплыл новый молодой лидер Мухаммед Али (1805–1848). Он попал в Египет, будучи албанцем и офицером албанского контингента, боровшегося в составе османских войск против французов. Сосредоточив власть в своих руках в качестве успешного военачальника, он стал фактическим правителем Египта в 1803 г. Официальное утверждение султана в этой должности он получил в 1808 г.

Положение еврейского населения при мамлюках можно охарактеризовать как нестабильное, зависевшее от произвола властей предержащих, о чем говорилось выше. В годы правления Мухаммеда Али и его преемников оно начало меняться к лучшему, что было связано с реформами и модернизацией многих сторон жизни египетского населения в целом. Старый строй в Египте был подорван французской оккупацией. Мухаммед Али оказался перед необходимостью реорганизации войск, налоговой системы, экономики в целом. Он содействовал развитию некоторых видов промышленного производства, направленного прежде всего на оснащение армии и флота. Для этого были основаны государственные фабрики и мануфактуры, систему откупов заменили прямым налогообложением, в 1822 г. ввели рекрутский набор. Проблема финансирования новой армии и флота не вполне была решена, но египетский правитель справлялся с ней гораздо успешнее, чем османский султан, от которого Мухаммед Али добивался независимости.

Конечно, некоторое изменение условий жизни евреев к лучшему не означало, что их статус существенно повысился. Их продолжали притеснять, но теперь их жизнь и собственность защищал закон. Они уже не столь безысходно зависели от исламских религиозных норм в трактовке властей пре-

держащих, что привело, прежде всего, к численному росту общин Египта. Точное число египетских евреев до конца XIX в. неизвестно. Только в конце этого столетия британские власти, фактически утвердившиеся в Египте, начали регулярно переписывать население. В местных архивах все же сохранились некоторые данные о различных этноконфессиональных группах и за более ранний период. Среди них немало тех, которые сообщались иностранцами по разным источникам, не слишком-то надежным, поскольку они основывались на предыдущих документах, предположениях, сильно различавшихся друг от друга.

Согласно местным источникам, относящимся к началу XIX в. и подтвержденным современными исследованиями, в первой половине этого столетия в Египте насчитывалось примерно 7000 евреев. Этой цифры придерживался в 1840 г. французский врач Клот-бей, который много сделал для улучшения египетского здравоохранения в годы правления Мухаммеда Али⁶.

Британский ориенталист Эдвард Вильям Лэйн провел в Египте много лет. Он оценивал численность еврейских общин в 1834 г. примерно в 5000, когда все население страны составляло 2 млн человек. Возможно, что в промежутке между 1834 и 1840 гг. еврейское население заметно возросло, но есть предположение, что Клот-бей включал в свои данные 1200 караимов, которых Лэйн мог пропустить.

В 1882 г. была проведена официальная перепись населения. В общей цифре населения Египта, составлявшего 9 806 381 человек, немусульмане были в значительном меньшинстве. При этом рост численности евреев, живших в Египте между 1897 и 1917 гг., значительно опережал процент роста других групп египетского населения, что видно из данных таблицы.

Религия	1897	1907	Процент роста	1917	Процент роста
Мусульмане	8 977 702	10 269 445	14,3	11 623 745	13,1
Копты-христиане	609 511	706 322	15,8	834 474	18,1
Другие христианские конфессии	121 724	175 370	44,0	191 641	9,2
Евреи	25 200	38 635	53,3	59 581	54,2
Всего	9 734 137	11 189 772		12 709 441	

Такой рост еврейского населения в Египте в этот период объясняется, прежде всего, увеличением иммиграции из-за преследований в Восточной Европе и Марокко. В 1858 г. иностранцам было разрешено приобретать землю, а также правительство создало условия для иностранных инвестиций в Египет. В годы правления Исмаил-паши (1863–1879) иностранные инвесторы вкладывали немалые средства в экономику страны. Среди них было много евреев.

Большая часть еврейского населения постепенно сосредотачивалась в крупных городах – Александрии и Каире. В последнем к 1830 г. насчитывалось около 3000 человек, тогда как вся египетская община составляла, по некоторым данным, до 30 000 человек, что на порядок превышает цифры, указанные Лэйном и Клот-беем⁸. К концу века число евреев в Каире возросло до 15 000, а в Александрии до 25 000, притом, что община в целом в это время возросла не столь значительно.

Занятия египетских евреев были традиционными: торговля, финансы, ювелирное дело, ремесла. В более ранний период успешными занятиями для них считались ростовщичество (ссуды под залог), обмен денег. При этом в странах Востока, в Египте в частности, значительная часть еврейского населения была очень бедна. Многие из них выживали за счет общественных пожертвований. Широко была распространена мелочная торговля фруктами, москательными и другими товарами.

Уже упоминавшийся Клот-бей деятельность евреев считал «требующей чрезвычайных усилий, в которых успех достигается огромным трудом и чрезвычайным риском». Он сам видел неоднократно, как еврейские разносчики подвергались нападениям и грабежам. Были случаи убийств торговцев-евреев на пути из Каира в другие города.

Столь прибыльное дело, как ювелирное искусство, также не давало стабильного дохода. В 1876 г. местные власти конфисковали золото еврейских ювелиров, и только после вмешательства иностранных консулов оно было возвращено владельцам. Даже в период британского правления, с 1882 г., когда британские консулы, казалось, были всевластны, странствующие по стране золотых и серебряных дел мастера могли быть ограблены и убиты, как это случилось в 1894 г. В XIX в. европейская торговля в Египте почти целиком была монополизирована христианами. Но на местных базарах евреи держали лавки. Они торговали в розницу фруктами, хлоп-

ком, табаком, шелком и другими тканями, а к концу XIX в. и сахаром. В этот период они занимались маклерством, включились в торговлю сувенирами и античными раритетами, прежде всего в Каире. Новый импульс деятельности евреев-менял получила от развития туризма⁹.

В последние годы правления хедива Саида (1854–1863) главным менялой Египта был назначен богатый еврей Яков Каттави, поскольку прежде он занимался откупом таможенных сборов. Его новое назначение не вполне соответствовало традиционному занятию менялы. Он скорее стал главным банкиром.

Документы британского консульства упоминают о евреях-красильщиках шелка в Каире, а в Александрии о прядильщиках шелка. Они занимались также пошивом одежды, изготовлением сигарет, ритуальным забоем скота и торговлей мясом в основном для нужд общины.

Улучшение образования еврейских детей во второй половине XIX в. значительно расширило их возможности в выборе профессий. Они уже служат клерками в местных или иностранных коммерческих предприятиях, служат в иностранных консульствах, в египетских гражданских учреждениях. Евреи занимали высокие посты в Министерстве финансов, они были влиятельными чиновниками и в других министерствах (Юлиус Блюм, Селигман, Виктор Харари, Эфраим Адех, Марк Хаим Бьялос). Высокое положение много лет занимали семьи Каттави, де Менас и другие.

В учреждении первых промышленных предприятий евреи участвовали мало, но они поддерживали позднее открытые предприятия. В последней четверти XIX в., когда набирало силу движение египетского арабского национализма, некоторые евреи-банкиры, пользовавшиеся иностранной протекцией, оказывали националистам финансовую поддержку. К ним примкнул журналист, писатель и драматург Якоб Сануа.

К концу XIX в. постепенно увеличивался слой предпринимателей-евреев, чьи капиталы, труд и связи обеспечили значительный вклад в экономику Египта. Появляется западно ориентированная интеллигенция: правоведы, агрономы, художники, клерки. Городская торговля, по преимуществу тканями и одеждой, была в руках евреев, тогда как сельской торговлей и ссудными операциями в египетской провинции занимались преимущественно греки.

Выше говорилось об участии еврейского капитала в промышленных инвестициях. Евреи финансировали железнодоро-

рожное строительство. Богатые семьи Каттави и де Менас владели предприятием по производству сахара в Хельване. Мандельбаум и Хоровиц имели сигаретные фабрики близ Александрии.

В начале XX в. в менеджменте крупных египетских фирм, связанных с сельским хозяйством на больших территориях, были заняты выходцы из богатых еврейских семей Каттави, Харави, Роло, Адех, Моссери, Суарец.

Капиталы богатых еврейских семей в Египте в основном были созданы к концу XIX в., а раньше их было мало, и они не могли еще играть сколь-нибудь заметную роль в банковском деле. Их деятельность долгое время ограничивалась участием в работе филиалов европейских банков, созданных еврейским капиталом. Успешное экономическое развитие позволило евреям получить позиции в менеджменте таких финансовых учреждений, как «Англо-египетский банк», «Сельскохозяйственный кредит», «Лионский кредит» и других. Еврейские торговые компании первыми установили тесные деловые отношения с зарубежными компаниями и фирмами. Особый статус евреев в финансовой деятельности Каира отмечали иностранцы, сообщавшие о том, что во время больших еврейских праздников таможня, обменные пункты и ряд крупных банков закрывались.

Но экономический рост сопровождался значительным повышением стоимости городской земли и ренты, цен на продовольствие и другие товары. Это обогащало собственников земли, но разоряло людей, не имевших большого достатка. Корреспондент одной из каирских еврейских газет Бенцион Тараган писал в 1906 г.: «Приток иммигрантов ведет к увеличению ренты, что разоряет ремесленников и разносчиков, странствующих в поисках заработка. Им трудно платить ренту, составляющую до трети и даже до половины их заработков. Бедные разоряются, но сундуки богачей пополняются...»¹⁰ Нарастало социальное напряжение в бедных слоях еврейского населения. Вскоре к этому добавился кризис банков и меняльных контор в 1907 г. Он задел всю общину – и богатых, и бедных, потерявших все свои сбережения, а многие лишились и работы. Акции и другие ценные бумаги потеряли значительную часть стоимости. Все же традиционный обмен денег сохранялся и в первой половине XX в.

В Египте, как и во многих других странах, евреи выживали не благодаря, а скорее вопреки местным условиям, вопреки враждебности и презрению местного населения, рас-

смаатривавшего их статус как низший, нередко притеснявшего и просто грабившего евреев. В период британской оккупации (с 1882 г.) они получили формально правовое равенство с остальным населением. Однако на их реальном общественном положении это почти не сказалось, поскольку мусульмане и христиане отнюдь не изменили своего к ним отношения как к людям низшей категории.

Помимо религиозной дискриминации, имевшей длительную традицию и в христианстве, и в исламе, евреев презирали как лиц, не имевших собственного государства, то есть убежища, где они могли бы спастись в случае нужды и которое бы их защищало. Евреи не служили в египетской армии, а платили налог за освобождение от воинской службы, что осуждалось местным обществом.

Копты, составлявшие в Египте значительное христианское меньшинство, также норовили унизить евреев. Им запрещалось приближаться к коптским церквям, даже если была необходимость по дороге пройти мимо. К тому же между этими двумя этноконфессиональными группами существовала экономическая конкуренция в городах, где они жили. Они соперничали в финансовой сфере и в торговле.

Мусульмане, составлявшие подавляющее большинство египетского населения, на протяжении нескольких столетий враждебно относились к евреям. Однако и французская оккупация Египта была для них чрезвычайно тяжела. Французы обложили население, евреев в том числе, большим налогом. При Мухаммеде Али евреи и христиане платили весьма обременительный единый налог – джизье. От этого налога они были освобождены Саидом-пашой. Но когда этот правитель остро нуждался в деньгах, он их собирал со всего населения, включая евреев.

Имел место случай, когда евреям Египта была пожалована сумма в 15 000 пиастров (150 фунтов стерлингов) из общей суммы в 900 000 пиастров, которые османский султан Абдул Азиз (1861–1876), остававшийся формальным повелителем этой страны, распорядился распределить между религиозными общинами по случаю своего визита в Египет в 1863 г.¹¹

В Европе изменение статуса евреев к началу XX в. и даже раньше было связано с постепенным изменением культурных стереотипов, все больше отходивших от религиозных предрассудков при нараставших процессах индивидуализации сознания во многих странах. В мусульманских странах

сохранялось общинное массовое религиозное сознание, которое не способно и сегодня, за редчайшим исключением, на сколь-нибудь критическое отношение к религиозным традициям и вековым предрассудкам.

Если арабы бранились между собой и желали больше уколоть оппонента, они называли его «ибн яхуди», то есть сын еврея, притом с чрезвычайно резкой и презрительной интонацией. Иногда евреям приходилось из-за угрозы или реальных преследований покидать и Каир, и Александрию.

Следует заметить, что подобная враждебность к евреям далеко не всегда являлась результатом зависти. Многие евреи были бедны. Иногда им приходилось просить помощи у более зажиточных единоверцев за рубежом. Так, в 1844 г. евреи обратились с такой просьбой к Совету британских евреев Лондона. Сходное обращение к зарубежным единоверцам поступило в 1882 г., когда около 2000 неимущих евреев Александрии вынуждены были бежать на Мальту, спасаясь от бунта против иностранцев.

Евреи следовали принятой во всех странах Востока практике меньшинств, будь то религиозных или этнических, всеми силами старавшихся выглядеть как можно беднее и незаметнее. Иностранцы, посещавшие Египет, описывали перенаселенность, тесноту, грязь и крайнюю бедность еврейских кварталов. Даже дома богатых людей имели маленькие окна, часто были неказисты, весьма сходны с бедными строениями. Конечно, в условиях мусульманского мира, где собственность, чья бы то ни была, а особенно чужаков, не была защищена законом и традицией, бедность большинства населения (евреев в том числе) становилась неизбежной. Но даже те из них, кто что-то имел, старались в мусульманском окружении выглядеть неимущими.

В XIX в. евреи-мужчины носили турецкую феску, введенную в обиход султаном Махмудом II (1808–1839), а женщины ходили с покрывалом на голове. Несколько позднее они приняли европейский стиль одежды. Что касается йеменских евреев, поселившихся в Египте, то они и в манере одеваться, и в поведении были похожи на египтян-мусульман¹².

И в начале XX в. случались нападения на евреев, осквернения еврейских кладбищ. Они были беззащитны и при местных, и при британских властях.

Одним из способов как-то обеспечить свою жизнь и свое имущество была иностранная протекция. Многие евреи старались получить гражданство какой-либо европейской стра-

ны, поскольку в этом случае они пользовались экстерриториальностью по условиям режима капитуляций. Капитуляции давали им значительные привилегии. Они были не подсудны местным властям, которые не могли причинить им ни личного, ни имущественного ущерба; не могли их арестовывать, конфисковывать их собственность, налагать повинности.

Государство, чье подданство приобретал египетский еврей, защищало его интересы, оказывало подчас содействие в делах, требовало возместить причиненный ущерб, если такое случалось. Для этого существовали посольские и консульские службы.

Получить иностранное подданство было очень трудно, но все богатые еврейские семьи в Египте его добивались. Египетские власти, как и власти Стамбула, всячески препятствовали в приобретении иностранного подданства жителями своих земель. Они не хотели распространения иностранных норм юрисдикции и привилегий на собственных подданных, что неизбежно вело к конфликтам. По этому поводу и Мухаммед Али в конце своего правления, и его сын и преемник Ибрахим-паша спорили с иностранными консулами. Однако вопреки такой позиции число иностранных подданных в Египте постоянно росло, особенно во второй половине XIX в. Иностранная протекция давала и большие экономические преимущества.

Чаще всего евреи пытались получить протекцию таких стран, как Австро-Венгрия, Италия, Франция и Великобритания. Для них протекция Австро-Венгрии была доступнее, нежели получение подданства других стран. Община ашкенази довольно широко пользовалась такой возможностью, оказавшейся, однако, палкой о двух концах – однажды австро-венгерский консул обязал всех подданных монархии присоединиться к австрийской армии во время итальянской кампании.

Можно было получить подданство Франции. Облегченный порядок существовал для евреев – выходцев из Алжира и их потомков. Гораздо строже подходили к выдаче документов в британском консульстве, где тщательно проверяли бумаги евреев, утверждавших, что они прибыли в Египет из британских владений: Индии, Мальты, Гибралтара и других. В 1846 г. было отложено решение по делу еврея Леона Нахмиаса. В 1856 г. было отказано группе евреев, которую возглавлял Исаак Харари. В 1874 г. не получили документов Хаим, Соломон, а также Иосиф Леви. В 1856 г. в британском кон-

сульстве Каира было оформлено подданство лишь на 48 евреев. Подавали ходатайство намного больше людей¹³.

Даже в относительно стабильный для себя период британского правления (при формальном сохранении верховной власти османского султана) евреи не могли не думать о том, что с ними будет, когда британскому правлению придет конец. Отдельные евреи ухитрились использовать иностранную протекцию для защиты от собственного раввинатского суда бет-дин. Позднее число лиц, которым предоставлялась протекция Австро-Венгрии, также было значительно сокращено. Консул этой монархии присутствовал на церемонии освящения и открытия новой еврейской школы в Александрии. Влиятельные члены александрийской общины получили приглашение на празднование юбилея императора Франца Иосифа.

Реформы, проводимые властями Египта и Стамбула на протяжении XIX в., постепенно приближали эти страны к европейским нормам жизни. Во всяком случае должны были приблизить. Однако, согласно данным за 1897 г., около половины египетских евреев, то есть 12 507 человек из 25 200, числились иностранными подданными. Притом многие из них прибыли в Египет в последней трети XIX в. В XX в. ситуация изменилась. Все большее число евреев довольствовалось лишь египетским подданством. Но память о пережитых невзгодах была еще очень сильна. В 1901 г. сионистское общество «Бар-Кохба» одобрило намерение евреев искать итальянской или британской протекции. В 1917 г. из 59 581 евреев Египта 34 601 человек числились как иностранные подданные. И такое соотношение почти не менялось вплоть до конца Первой мировой войны, когда Египет добился независимости. Значительная часть египетских евреев боялась быть зачисленной в категорию иностранцев. Они опасались реакции арабских националистов, не сулившей им ничего хорошего. Тем не менее в 1927 г. 31 230 человек из 63 550 еврейского населения были гражданами или подданными других государств, то есть около половины. И лишь к 1937 г. эта пропорция сократилась до одной трети¹⁴.

В османскую эпоху центральные власти не препятствовали перемещению евреев в пределах империи. А им приходилось менять города и страны в поиске менее жестких условий жизни. Те, кто в XV–XVI вв. бежал, спасаясь от преследований, из Италии, с острова Корфу и других европейских территорий в Османскую империю, вновь захотели спустя несколько поколений вернуть себе иностранное подданство.

В середине XIX в. в Александрии насчитывалось 150 еврейских семей, имевших итальянское подданство и 200 таких же семей в Каире. В той же Александрии было 500 еврейских семей без иностранной протекции.

Внутренние проблемы египетских евреев, расколотых на местных восточных, итальянских и других иностранных подданных, в основном ашкенази, не всегда умевших достичь взаимопонимания, вызывали конфликты между общинами. Были разногласия из-за величины налога на мясо и другие.

Итальянские представители в Египте обеспокоились, когда Италия стала объединенным государством, что итальянские подданные-евреи начали искать покровительства Австрии, давнего врага итальянцев. Из-за этого влияние Италии в Египте слабо.

Конфликты и напряженность в отношениях противостоявших друг другу общин сефардов и ашкенази Каира и Александрии возрастали и в начале XX в. Общины ашкенази обоих городов пополнились с прибытием большого числа иммигрантов из Румынии, которым обычаи евреев восточных общин казались еще более чуждыми, чем местным, уже свыкшимся с ними ашкенази. Румынские евреи в 1900–1901 гг. отправляли письма из Каира и Александрии в Париж с жалобами на местных сефардов, с которыми у них было мало общего. Последние же обвиняли ашкенази в полном отсутствии какого-либо стремления к солидарности.

Взаимное недоброжелательство и соперничество имели место вплоть до Первой мировой войны, а затем эти тенденции пошли на убыль в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, поскольку смешанные браки евреев с неевреями в то время были еще чрезвычайной редкостью, то к началу XX столетия постепенно увеличивается число браков между ашкенази и сефардами ввиду заметного сокращения еврейского населения в Египте после Первой мировой войны. Во-вторых, в этот период еврейские общины этой страны вынуждены были сплотиться для защиты своих интересов.

Наиболее многочисленные еврейские общины издавна обосновались в Каире и Александрии. В Каире на протяжении всего XIX в. проживало от 3000 до 4000 человек. К 1882 г. еврейские общины этого города насчитывали уже около 5000 членов, а в 1917 г. – более 29 000. Они традиционно селились в отдельных непрестижных кварталах. По отзывам иностранцев, это были небольшие, грязные кварталы с тесными, узкими улочками. Упомянутый выше британский

ориенталист Лэйн писал, что евреи регулярно давали взятки мухтасибу (инспектору рынка), чтобы иметь возможность продавать свои товары по более высоким, чем требовали власти, ценам¹⁵. В XIX в. евреи всячески пытались привлечь покупателей, особенно туристов, и ассортиментом, и качеством товаров. Многие евреи Египта свободно говорили по-арабски, на ладино, идише, итальянском. В XIX в. они могли уже носить одежду, не выделявшую их из массы местного населения, что нередко раздражало последнее. Конечно, в новом, менее приниженном статусе евреев мусульман больше всего раздражала их успешная конкуренция в мелком и крупном бизнесе. На этой почве нередко обострялись давние конфликты. В 1844 г. евреев обвинили в ритуальном убийстве. Это было проверенное и весьма распространенное не только в мусульманском мире средство расправы с евреями. Однако хорошо знавший цену подобным обвинениям, Мухаммед Али не допустил насилия и добился правды в этом деле. Клеветники были найдены и наказаны¹⁶.

Во второй половине XIX в. богатые еврейские семьи уже не жили в убогом еврейском квартале. Они переместились в более престижные районы Каира, но места в их прежнем обиталище быстро заняли бедные вновь прибывшие иммигранты. Постоянная перенаселенность квартала объяснялась и тем, что у восточных евреев женатые дети обычно никуда от родителей не уезжали и продолжали жить вблизи от них. В 1920 г. в этом квартале обитало около 3000 человек. Они жаловались на перенаселенность, грязь, болезни. Посетивший этот квартал еврейский журналист, приехавший из Европы, так описывал увиденное: «Наши единоверцы живут в невероятной скученности в домах, которые содержат комнатки-клетушки. Тесные, узкие, извилистые улочки грязны, смрадны, завалены мусором. В душных мастерских спина к спине, почти без солнечного света эти люди день-деньской без нормального сна и отдыха стремятся выжить в страшной борьбе за существование. Их обычное питание – хлеб и немного бобов»¹⁷. Сходные описания оставили и другие авторы XIX в. Почти никто из них не писал о евреях, покинувших этот квартал, получивших свободные профессии или занявшихся бизнесом.

О другой крупнейшей общине в Александрии известно, что она, по преданию, существовала здесь со времен Второго храма. В начале XVIII в. этот город приобрел особое значение, поскольку был портовым. Сюда начали прибывать евреи

из Розетты, Дамьетты и Каира примерно с 1750 по 1775 г. Они были рыбаками, морскими торговцами, ремесленниками. Селились на восточном побережье города. Это пополнение еврейской общины Александрии было приостановлено землетрясением, случившимся в конце XVIII в. В XIX столетии еврейская иммиграция в город продолжилась. Среди вновь прибывших были выходцы из Греции, из других регионов Османской империи. В 1805 г. здесь было несколько сот евреев, а в 1847 г. прибывшие составили уже 1200 человек. С середины XIX в. и до его конца численность общины возросла с 2000 до 10 000¹⁸. Конечно, постепенно увеличивалось и все население города. Эти люди не избежали преследований, зависти, «кровавого навета», хотя они, как и их каирские единоверцы, играли большую роль в местной экономике.

В силу пестроты населения Александрия была самым космополитичным городом Египта. Ее считали «воротами» в Европу. Влияние европейской культуры на еврейскую общину здесь было наиболее заметным. Ее члены общались с такими известными еврейскими организациями, как Всеобщий еврейский альянс, «Бней-Брит» и другими.

В середине XIX в. евреи Александрии все еще жили в изолированном квартале, причем восточные и европейские евреи, как и раньше, жили обособленно. Большинство из них занималось мелкой торговлей.

В конце XIX – начале XX в. возросла численность еврейских общин. Теперь евреи селились и в других районах города, включая самые престижные. Их занятия стали более разнообразными. Среди них появились правоведаы, врачи, люди свободных профессий, бизнесмены. Богатые, влиятельные евреи были представлены в финансовых, дипломатических, политических кругах страны. Они занимались финансовыми операциями, сбором налогов, таможенных платежей. Жалование отдельных евреев-чиновников превышало 20 египетских ливров в месяц, по тем временам очень большая сумма! Однако, как и в других городах, было очень много бедных евреев, получавших вспомоществование от пожертвований более благополучных единоверцев.

Некоторое общее повышение статуса евреев Александрии, а также рост их значения в финансовой сфере экономики не в последнюю очередь происходили за счет прибытия в город состоятельных и образованных европейских евреев. С середины XIX в. довольно активно развивается в Александрии школьное образование. В 1854 г. были открыты школы

Талмуд-Тора. Сначала их было две. Учеников в обеих школах было немного, и они объединились в одну. Известно, что в мае 1857 г. школу Талмуд-Тора посещали 78 учеников.

В 1862 г. были открыты первые школы для девочек в небольших помещениях. Такие школы могли посещать лишь немногие учащиеся, поскольку обучение было платным. В 1865 г. богатые члены александрийской общины передали значительные суммы на строительство и содержание новой школы. Члены семей Бехора и Исаака Агиона передали пожертвования на одежду для учеников из бедных семей, а также на школьные принадлежности. Первые еврейские школы создавались на пожертвования богатых членов общины. Таким образом было организовано школьное образование за небольшую плату, а для самых бедных оно и вовсе было бесплатно.

Школа Талмуд-Тора, открытая на пожертвования семьи Агион, была выстроена на морском побережье. Посетители отмечали чистую, опрятную одежду учеников. Однако некоторые из них жаловались на перекося в программе школы. Очень большое внимание уделялось изучению языков в ущерб другим дисциплинам. В программе школы Талмуд-Тора предусматривалось одновременное изучение нескольких языков: древнееврейского как языка священных текстов, арабского – разговорного языка страны пребывания, французского как средства общения в деловом мире и культуре, итальянского – языка, на котором в Египте говорили многие европейцы. Несмотря на критику ущербности школьной программы, она просуществовала до Первой мировой войны.

В школе для девочек, также созданной на пожертвования семьи Агион, в конце XIX – начале XX в. обучалось итальянскому языку, шитью и другому рукоделию 130 учениц.

В феврале 1897 г. были открыты специализированные школы для девочек, где обучали швейному делу, и для мальчиков, которых обучали навыкам торговли и плотницкому ремеслу.

Финансовую помощь школам оказывал Всеобщий еврейский альянс. При его содействии мальчиков начали обучать кузнечному ремеслу и резьбе по мрамору. Детей в этих школах обучали и арабскому языку.

Плата за обучение постепенно снижалась и стала доступной многим семьям. Имеются данные о местах происхождения учеников, посещавших александрийские школы в 1896 г.¹⁹

Место происхождения	Мальчики	Девочки	Всего
Египет	57	59	116
Сирия	19	20	39
Измир	6	10	16
Стамбул	6	7	13
Крит	1	1	2
Янина	5	1	6
Марокко	21	19	40
Тунис	3	9	12
Греция (Корфу)	6	2	8
Италия	1	1	2
Россия	–	2	2
Австрия	–	1	1

Из приведенной таблицы видно, что большая часть учеников жила в Османской империи. Примерно половина из них родилась в Египте, многие прибыли из Марокко и Сирии. Ашкенази среди них было мало. Они прибыли из России, Австрии, Италии. Эти цифры со временем менялись. Возрастала эмиграция ашкенази из Восточной Европы. Открывались новые школы. В 1885 г. в Александрии барон Якоб де Менас основал частную школу. Она занимала большое здание в пригороде с садом и спортивными сооружениями. Школу посещали 139 учеников.

В отличие от общинных религиозных школ школа де Менас была светской. Большинство учителей были католиками, чисто еврейских предметов осталось мало. Секулярные занятия были оторваны от реальности, от потребностей жизни в Египте. В школе не изучали ни египетскую историю, ни египетскую географию. Вместо этого в основу программы были положены история и административное устройство Франции со множеством имен и дат.

В школе для девочек, основанной семьей де Менас в 1892 г., помимо рукоделия, обучали древнееврейскому, английскому и итальянскому языкам. Число учащихся возрастало. В 1916 г. их было 365.

В Каире также были школы, открытые на пожертвования. Согласно оценке египетского Министерства внутренних дел, в Каире из 18 школ 4 были еврейскими. Их посещали в 1872 г. 155 учащихся, а в 1875 г. их число достигло 225.

В 1884–1885 гг. в школах Талмуд-Тора в Каире обучалось 175 мальчиков и столько же девочек. Программой предусматривалось изучение древнееврейского, арабского, итальянского и французского языков. Последний был языком обу-

чения. Стандарт образования считался довольно высоким. Однако посетивший школы в конце XIX в. инспектор Альянса Бенедикт, а в 1904 г. прибывший в Каир президент Англо-еврейской ассоциации Клод Монтефиоре отметили невысокий стандарт обучения. Возможно, что этот уровень падал либо требования инспекторов оказались завышенными.

В Каире были и профессиональные школы, в которых обучали шитью, сапожному и плотницкому делу. В 1892 г. при поддержке местного отделения «Бней-Брит» была открыта школа Маймонида, где в пяти классах обучались 130 учеников на французском языке. В школе также преподавали древнееврейский, арабский и английский языки.

В конце XIX – начале XX в. в Каире появились сионистские организации, которые открыли свою школу. Вначале ее посещали 100 учащихся, а позднее их число достигло 290 человек обоего пола. Большинство их были ашкенази. В ней также изучали древнееврейский язык.

Из-за отсутствия необходимого финансирования школа постепенно пришла в упадок. К 1903 г. в ней осталось 40 учеников, остальные перешли в школу Альянса и в миссионерские учебные заведения. Школ не хватало. Из-за этого дети из еврейских семей обучались и в нееврейских школах, включая христианские миссионерские. По какой-то, очевидно, другой причине сын главного раввина Александрии Элияху Хазана посещал нееврейскую, хотя и не миссионерскую, школу. Вообще же обучение детей из богатых семей в нееврейских школах было довольно распространенным явлением, что не одобрялось ортодоксальными членами общины.

В XIX в. христианские миссионеры активно пытались привлечь еврейское население к своей религии. Используя обращенного еврея по имени Лурия, в 1847 г. попечительский совет одной из протестантских школ объявил о льготном приеме еврейских учеников. Однако им удалось обратить в христианство очень немногих.

Представители англо-еврейской ассоциации в Александрии сообщали, что треть еврейских детей школьного возраста не посещала регулярно школу, 10 еврейских школ города посещали 453 мальчика и 44 девочки, 14 секулярных нееврейских школ посещали 233 мальчика и 184 девочки, еще 6 католических школ посещали 42 еврейских мальчика и 58 девочек. Такую ситуацию разъяснила публикация в еврейской газете «Ха-Магид» в Александрии 1888 г. В ней сообщалось, что учителя еврейских школ Египта не говорят ни по-

немецки, ни на идише, а дети иммигрантов-ашкенази не знали никаких других языков. Вот по этой причине ашкенази предпочитали посылать своих детей в миссионерские школы, где обращенных в христианство детей учили также и идишу.

В 1893 г. александрийское отделение «Бней-Брит», чтобы воспрепятствовать наметившейся тенденции обращения еврейских детей, открыло свои профессиональные ежедневную и вечернюю школы. Спустя четыре года эта же ассоциация основала еще одну школу в Порт-Саиде. Помимо школы Талмуд-Тора, были открыты еще и курсы древнееврейского языка. Но и это не решило проблему, поскольку миссионеры настолько активизировались, что приходили в еврейские школы и пытались привлечь учеников всяческими льготами. Некоторые родители поддавались на такие посулы.

Некто Меир Зебулон Леви из Александрии послал Альянсу небольшую справку, убеждая открыть в городе еще одну школу. Вот эта справка²⁰.

Миссионерские школы	Число еврейских учащихся в них
Колледж братств	250
Итальянская школа	250
Швейцарская школа	150
Шотландская школа	100
Всего	750

Период XIX и начала XX в. был временем больших перемен в истории Египта. Он все больше становился ареной столкновения интересов европейских держав. Процессы модернизации страны ускорились. В них было вовлечено не только основное мусульманское население, но и этнорелигиозные меньшинства. Хотя они все еще были изолированы друг от друга, имели собственные религиозные институты, собственную общинную организацию, школы и правовые системы, постепенно эти грани становились менее жесткими, а контакты между различными группами населения возрастали. Конкуренция евреев в основном с христианами-сирийцами и греками, а также с итальянцами в торговле, бизнесе, банковском деле оставалась ожесточенной, но уже не принимала столь экстремальных форм, как раньше.

Возраставшая в этот период еврейская иммиграция привела к тому, что еврейское меньшинство стало третьим по численности после мусульман и коптов. Британская администрация давала евреям относительную безопасность, что

благоприятно сказалось на положении общин. Но все это закончилось с уходом англичан.

Сионистские организации пытались вовлечь в свою деятельность местных евреев примерно с конца XIX в. и до Первой мировой войны, но без особого успеха. Пассивность большей их части объяснялась стабильностью и относительным процветанием под британским управлением.

Формально Египет входил в состав Османской империи до Первой мировой войны. С 1882 г. он продолжал считаться османской провинцией, находящейся под «временной английской оккупацией». Фактически же вся власть в стране принадлежала генеральным консулам Великобритании.

В начале Первой мировой войны 1914–1918 гг., несмотря на то что Египет все еще считался частью Османской империи, египетское правительство по требованию английских властей 5 августа 1914 г. порвало отношения с враждебной Великобритании коалицией государств и призвало население Египта оказывать Англии всяческую помощь. 2 ноября 1914 г. после вступления Турции в войну на стороне Германии в Египте было объявлено военное положение. 18 декабря 1914 г. Англия объявила об отделении Египта от Османской империи и о переходе этой страны под британский протекторат.

Примечания

¹ Зеленов Е.И. Египет: Средние века. Новое время. СПб., 1999. С. 169–173.

² Грец Г. История евреев с древнейших времен... Т. 10. С. 16–17.

³ Зеленов Е.И. Египет... С. 173.

⁴ Грец Г. История евреев... Т. 10. С. 17–19.

⁵ Зеленов Е.И. Египет... С. 173.

⁶ Landau J. Jews in nineteenth century. Egypt. N.Y. – L., 1969. P. 4.

⁷ Mboria L. La population de l'Egypte. Caire, 1938. P. 125.

⁸ Samuel S.M. Jewish life in the East. L., 1881. P. 6.

⁹ Adler E.N. Jews in many land. L., 1905. P. 25.

¹⁰ Цит. по: Landau J. Jews in nineteenth century. Egypt. P. 14–15.

¹¹ The Jewish Chronicle, June 26, 1863.

¹² Clot-Bey A.-B. Aperçu général sur l'Egypte. P., 1840. Vol. 2. H. 139–140.

¹³ Landau J. Jews in nineteenth century. Egypt. P. 22–23.

¹⁴ Nantet J. Les juifs et les nations. P., 1956. P. 192–193.

¹⁵ Lane E.W. An account of the manners and customs of the modern Egyptians. L., 1836. Vol. 2. P. 344.

¹⁶ The Jewish Chronicle, October 18, 1844. P. 6–7.

¹⁷ Цит. по: Landau J. Jews in nineteenth century. Egypt. P. 31.

¹⁸ The Jewish Chronicle, August 10, 1849.

¹⁹ Landau J. Jews in nineteenth century. Egypt. P. 78.

²⁰ Idem. P. 79–84.

ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ СИРИИ И ПАЛЕСТИНЫ В ПЕРИОД ОСМАНСКОГО ГОСПОДСТВА

Турецким завоеваниям территорий Ближнего Востока предшествовало многовековое господство здесь также мусульманских народов. Отношение их к евреям Палестины было неоднозначным и менялось в зависимости от внешней и внутренней конъюнктуры. Несмотря на неблагоприятные условия в целом приток еврейского населения из Европы имел место в XIV и XV вв. Сколь-нибудь заметное, хотя и небольшое, увеличение еврейского населения служило поводом к нараставшим антиеврейским настроениям среди мусульман-фанатиков. Существовал запрет на строительство новых синагог. Без особого разрешения, т.е. без взятки, еврей не мог построить или отремонтировать дом, время от времени евреев обвиняли в оскорблении ислама и вынуждали откупаться от угрозы преследований. Основное еврейское население страдало от произвола и нищеты. Переселение на Ближний Восток, в частности в Палестину, евреев Испании, Португалии явилось для жителей этих земель, находившихся тогда под властью правителей-мамлюков, очень важным событием. Они селились в основном на севере Палестины, но также в Алеппо и Дамаске.

Разгромив египетские войска, а затем мамлюков Северной Сирии в августе 1516 г., османский султан Селим I захватил все ее города, в числе которых был Дамаск. В начале 1517 г. была завоевана Палестина. Эмиры Южного Ливана перешли на сторону победителя, за что были оставлены правителями своих территорий. Владетели Северного Ливана, оставшиеся верными египетским правителям, вынуждены были бежать. Сирия и Палестина попали под управление турецких пашей, которые имели власть в основном в некоторых городах. Но большая часть Сирии и особенно ее горные районы остались во владении наследственных эмиров и шейхов, имевших собственные отряды. Они, как и прежде, заключали между собой союзы или сражались друг с другом, не спрашивая позволения пашей, против которых время от времени устраивали бунты.

С точки зрения размера территории, численности населения, природных ресурсов Палестина не была из ряда выходящей провинцией для османских султанов. Она не могла

стать источником значительного дохода и военного потенциала для постоянно воюющего государства, каковым тогда была Османская империя. Тем не менее относительно большое число ферманов, касавшихся Палестины, указывает на то, что для правительства это была очень значительная провинция. И главным ее значением было местоположение святынь, почитаемых адептами трех религий: иудаизма, христианства, ислама.

Кроме того, Палестина располагалась близ дороги, по которой паломники совершали хадж в Мекку. Охрана этих путей входила в почетные обязанности султана. Паломники, направлявшиеся в Мекку, как правило, платили за право посещения Иерусалима, Хеврона, Наби-Муса и других святых мест в Палестине. Иудеи и христиане, посещавшие святые места в Палестине, пополняли султанскую казну, а по мере развития отношений Порты с европейскими державами эти доходы увеличивались.

Помимо всего этого, существовали еще причины, которые поднимали значение Палестины, являвшейся в период османского господства частью провинции Дамаск, в глазах стамбульского правительства. «Провинция Дамаск, – указывалось в документе XVI в., – граничит с пустынными территориями мятежных бедуинов, совершающих набеги на оседлое население Восточного Средиземноморья»¹. В ответ правительство вынуждено было посылать экспедиционные османские карательные отряды. Эта транзитная территория на пути из Дамаска в Египет являлась одной из наиболее процветавших на Ближнем Востоке. В XVI в. на этом пути были построены крепость, караван-сарай и почтовые станции.

В этот период значительная часть Палестины входила в эйялет Дамаск (Şam), который с 1548 г. управлялся бейлербеем. В составе эйялета Дамаск были пять санджаков: Газа, Иерусалим, Наблус, Шхем и Цфат. Впоследствии состав провинции несколько изменился.

Важнейшей функцией османского управления было поддержание порядка: сбор налогов и мобилизация мусульман во время войны. Пестрота населения Палестины в этнорелигиозном и социально-культурном отношении порождала большие трудности для османской администрации. Эти группы находились в постоянных конфликтах, нередко выливавшихся в открытую вооруженную борьбу. Местное население время от времени поднимало мятежи против турок, бедуинские племена против феллахов, мусульмане против немусуль-

ман (местных христиан различных толков, иудеев, самаритян), ортодоксальные сунниты против друзов, ханифиты против шафиитов и приверженцев других мусульманских школ. Наконец, имели место постоянные межплеменные распри, а также периодически отказ платить налоги.

Оценить численность населения городов Ближнего Востока в эпоху османского господства затруднительно из-за отсутствия надежной статистики. Первая перепись населения в современном понимании имела место лишь во второй половине XIX в. Османские хроники XVI–XVIII вв. в основном описательны и содержат очень мало количественных характеристик. Османские документы также почти лишены точных демографических данных. Представители европейских держав редко получали доступ к османским документам. Что касается османских переписей населения, то они не были регулярны и полны. В XV–XVI вв. османские власти проводили переписи (Tahrir) в целях налогообложения. Но они учитывали не численность всего населения, хотя бы и определенных категорий, а лишь количество домохозяйств (hane), с которых брали налоги. Такие переписи проводились несколько раз в столетие.

Европейские путешественники и агенты оставили описания османских провинций, содержащие некоторую информацию о численности населения тех мест, которые они посетили. Но и у них не было надежных данных, а подчас они переписывали их из более ранних источников. Авторы мусульманских источников мало интересовались теми или иными иноверцами. Столь же неполными являются и данные о Палестине еврейских источников: это письма местных евреев, дневники еврейских паломников из Европы.

Первый османский кадастр после турецких завоеваний в Палестине появился в 1525 г. Согласно его данным, все население Палестины составляло около 300 000 человек. Во всех городах эйялета Дамаск были еврейские общины: в Цфате, Наблусе, Иерусалиме, Газе, а также в Хевроне. В Газе и Наблусе жили и самаритяне. Самое значительное еврейское население было в Цфате, где оно занимало 4 квартала. В 1525/26 г. (932 г. хиджры), согласно переписи, там насчитывалось 130 домохозяйств местных арабговорящих евреев-мустариба, 48 принадлежали франкским евреям ашкенази, 21 – португальским евреям сефардам и 33 – североафриканским магрибинским евреям. Всего значилось 232 еврейских домохозяйства, помимо холостяков, которые не указывались².

Немусульманское население в течение XVI в. возрастало, но гораздо медленнее, чем мусульманское, которое в этом столетии почти удвоилось. Еврейское население увеличилось за счет притока европейских евреев. В Иерусалиме евреи составляли около 12% всего населения. В первое время после турецких завоеваний число их сократилось, как и численность всего населения этого города, вследствие разорения и упадка. Но другие группы пострадали все же меньше: убыль мусульман составила 2%, христиан – 7%, а евреев около – 25%. Поэтому с количественной точки зрения Иерусалим становился все более мусульманским городом. По переписи 1562/63 г. (970 г. хиджры), там было 237 еврейских семей и 12 холостяцких хозяйств.

Согласно османским источникам, население Иерусалима в XVI в. имело следующий состав:

Даты переписей	евреи			христиане			мусульмане			все население
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	
1525/26 (932 хидж)	199	1194	–	119	714	–	616	3696	3	5607
1538/39 (945 хидж)	224	1344	19	136	816	68	1168	7008	109	9364
1553/54 (961 хидж)	324	1944	14	303	1818	138	1987	11 922	156	15 992
1562/63 (970 хидж)	237	1422	12	281	1686	144	1933	11 598	204	15 066

Колонка 1 указывает численность домохозяйств, 2 – число семей, 3 – число живущих одиноко без семьи.

В среднем число членов еврейских домохозяйств было меньше, чем в мусульманских семьях, однако в Иерусалим постоянно прибывали евреи, желавшие умереть на Святой земле.

Сирийские реестры за XVI в. показывают, что евреи жили в Алеппо, Триполи, Дамаске, Баальбеке, Бейруте, Сайде и других городах эйялета. Согласно переписи 1548/49 г. (955 г. хиджры), там было 237 еврейских семей и 12 холостяцких хозяйств.

жры), местные и европейские евреи, а также караимы и самаритяне жили в нескольких отдельных кварталах. В Дамаске они составляли следующее число домохозяйств⁴:

европейские евреи – 101 домохозяйство
сицилийские евреи – 28 домохозяйств
местные евреи (мустариба) – 255 домохозяйств
караимы – 36 домохозяйств
самаритяне – 60 домохозяйств

Согласно мусульманским законам, немусульмане в мусульманских государствах платили подушный налог джизье, введенный еще при халифе Омаре. Налог взимался с каждого свободного здорового взрослого человека. По шариату женщины, дети, старики, калеки, душевнобольные, рабы и неимущие, существовавшие на пожертвования, от налога освобождались. Его не платили также иноземцы, временно находившиеся на османских территориях.

Джизье взимали либо со всей немусульманской общины в целом, либо индивидуально с каждого плательщика. И хотя в Иерусалиме налог с иудеев и христиан взимался индивидуально, но собирала его и выплачивала община по трем категориям плательщиков в зависимости от материального достатка. Подать от эйялета Дамаск долгое время почти не менялась и вносилась в казну империи в одной и той же сумме. Но это не означало, что паши собирали ее в одном размере. Платежи менялись в зависимости от конкретных обстоятельств, а бывало, что и произвольно. Имели место также ошибки и неувязки в списках плательщиков. В 1568 г. и позже евреи Иерусалима жаловались дефтердару Сирии, что в списки включили временно пребывавших в городе паломников, а также умерших лиц. Дефтердар Хасан-эфенди посетил Иерусалим в связи с жалобой и разъяснил кади, что необходимо отличать постоянных жителей от приезжавших на время. Администрация города в конце концов была вынуждена снизить сумму налога. Но, по-видимому, учет числа евреев-налогоплательщиков составлял проблему для местных властей. По распоряжению султана вали Дамаска уведомил власти Иерусалима о том, что нет точных данных о числе евреев, проживавших в этой провинции. Для контроля над учетом и составлением списков из Стамбула прибыл высокий чиновник. Его уполномоченный лично исследовал положение дел в Иерусалиме, Наблусе и Газе. На каждого плательщика завели отдельный документ, в котором указывались его имя,

возраст, дата появления в городе, физические данные и особенности внешности.

В результате тщательного учета выяснилось, что за 10 лет, с 1562/63 по 1572/73 г., еврейская община Иерусалима сократилась на треть, а следовательно джизье должны были платить 60 человек, а не 90, как значилось в списках. Сокращение еврейского населения Иерусалима после 1560 г. имело разные причины: отъезд паломников, смертность в общине, особенно среди неимущих, живших подаванием.

Позднее, в середине 1580-х гг., власти Иерусалима притесняли жителей, не считаясь ни с их собственностью, ни с личным достоинством, вследствие чего некоторые бежали в другие места, причем не только евреи, другие тоже думали об отъезде⁵.

Недовольство местного населения турецким правлением проявилось очень быстро после появления здесь турок. В начале правления султана Сулеймана I Великолепного (1520–1566) местный правитель завоеванной недавно провинции поднял мятеж. Вскоре его убили, а все местные правители были заменены турками. В стране была введена османская административная система. Эйялет Дамаск делился на санджаки, представлявшие собой административную, военную, экономическую и судебную единицу, в свою очередь, подразделявшуюся на более мелкие округа.

Османское правительство держало в провинции Дамаск вооруженные подразделения, отличавшиеся коррумпированностью и плохой дисциплиной. Они сами участвовали в местных беспорядках и грабежах. Стабильности не способствовала и частая смена правителей провинции. Одних пашей Порты меняла из-за их слабости, когда они не могли платить положенную сумму налогов, других за то, что они сумели приобрести слишком большое влияние, особенно в отдаленных местах, что было чревато бунтом. Тогда Порты посылала войска для его усмирения. Случалось, что она тайно вооружала одного местного правителя против другого.

В конце XVI в. некоторых местных арабов, в основном глав бедуинских племен, назначали санджак-беями. Однако бунтов на территории Сирии и Палестины меньше не стало. Участники подавления мятежей и завоевательных походов получали земельные пожалования. Постепенно коррупция затронула прежде отлично организованные янычарские отряды. Это происходило по мере того, как в янычарские формирования начали допускать местных горожан, связанных с

местными интересами. Торговцы постоянно жаловались в центр на произвол местных властей, хищения и грабежи. Порта пыталась что-то сделать, отдавала распоряжения об устройстве крытых и охраняемых рынков.

Известны жалобы евреев Цфата на то, что местные власти принуждали их работать в субботу, что запрещается религиозным законом, а также на произвол и вымогательства.

Положение санджак-беев и других высоких официальных лиц, присылаемых из Стамбула, в начале XVII в. становилось все менее надежным, что было связано с началом упадка механизмов центрального управления.

Исламский закон в османском государстве гарантировал сохранность святых мест иудаизма и христианства, которые уже существовали на момент мусульманских завоеваний в Палестине. Эти святыни не подлежали обращению в мечети. Однако на османских территориях не разрешалось строительство новых церквей и синагог. При необходимости ремонта запрещалось возводить какие-либо пристройки. Религиозные фонды для немусульман могли учреждаться при соблюдении ряда жестких условий. В Иерусалиме право евреев содержать синагогу Рамбам стало предметом долгих рассмотрений и нескольких указов. После рассмотрения статуса еврейской общины одним из указов предписывалось конфисковать синагогу и передать ее здание соседней мечети⁶.

Сохранились документы и о конфликтах иудеев с самаритянами, которые состояли на службе властей Дамасской провинции, особенно в финансовом управлении. В Стамбул поступали жалобы на их злоупотребления.

Официально турки рассматривали караимов и самаритян как часть еврейской общины, хотя правительство дифференцировало толки и секты христиан. Из центра шли приказы отстранить виновных самаритян от службы, но они не возымели действия. Гораздо больше местные власти были обеспокоены не злоупотреблениями в отношении немусульман, а тем, что самаритяне и христиане этой провинции одеваются как мусульмане.

В связи с жалобами мусульман в Порту 4 сентября 1578 г. (2 реджеб 986 г. хиджры) из Стамбула поступил следующий указ: «Бейлербею, кади и дефтердару Дамаска. Самаритяне и христиане в провинции Дамаск одеваются как мусульмане. Они покупают тонкий муслин, красят его в желтый цвет и оборачивают вокруг головы, нанося этим ущерб мусульманам. Все это строго запрещается»⁷.

Во внутреннем распорядке и управлении собственными делами еврейская община пользовалась некоторой автономией. Для контактов с властями община избирала уполномоченного, именовавшегося «шейх таифат аль-яхуд», или короче – «шейх аль-яхуд», т.е. глава общины. Он представлял общину Иерусалима, но претендовал и на власть в Хевроне, хотя тамошние евреи ему не подчинялись.

Утверждение в должности шейха аль-яхуд производил кади Иерусалима на заседании шариатского суда. Пред этим зачитывалось прошение евреев утвердить предложенную ими кандидатуру. Утвержденный глава общины назначал казначея, ведал распределением налогов в соответствии с имущественным положением каждого члена общины. Если кади поступали жалобы по поводу распределения налогов, он сам не пытался решать конфликты, а действовал через шейха аль-яхуд. Глава общины принимал участие в церемониях бракосочетания и похорон. При всем том его авторитет не был исключительным. Нередко ему приходилось прибегать к поддержке кади, который формально был вовлечен и в процедуру уплаты налогов. Кади должен был одобрять каждое заключение брака, а также на нем лежала ответственность за то, чтобы в случае смерти еврея, не имевшего наследников, его имущество поступило в казну (*beyt-ul-mal*), чиновник которой выдавал разрешение на похороны.

Если шейх-аль-яхуд не мог в установленный срок собрать всю сумму *джизье*, недостающие деньги он выкладывал из собственного кармана, а позднее нередко при содействии кади выколачивал их из должников, случалось, что и прибегнув к насилию. В свою очередь, незаконно собранные с общины деньги возмещались ее членам с помощью шейха-аль-яхуд. Он же нанимал и оплачивал ночную стражу для защиты еврейского квартала от воров, следил за покупкой и продажей зерна и других продуктов, за выпечкой хлеба, убоем скота и продажей кошерного мяса. Он отвечал за деятельность служб общины, за функционирование синагог всей провинции, занимался наказанием провинившихся. То есть глава общины отвечал за совокупность административных и хозяйственных отношений, за поддержание социального и правового порядка, за обеспечение безопасности и благосостояния общины.

Шейх аль-яхуд мог занимать эту должность неопределенный период – от 1 года до 14 лет. Шейх Шамвил ибн-Аби Юкар служил несколько сроков: в начале 1550-х гг., в начале 1570-х гг. и в конце 1580 г. Жалование и деньги на необходи-

мые расходы он получал от общины, хотя и утверждался, а иногда назначался кади. Если после ухода главы общины с должности оказывались долги, то община должна была их оплатить. Шейху помогал секретарь (*kâtib*), которому предоставлялась реальная власть, а не только техническая работа. Он занимался и финансовыми делами⁸.

Правовые вопросы входили в сферу деятельности религиозного судьи, который ведал также оформлением бракосочетаний и похорон. Кандидатуру религиозного судьи (*dayyan*) утверждал кади по рекомендации нотаблей общины.

По существу, судья выполнял функции раввина общины. Хотя османские власти не вмешивались в отправление церемоний бракосочетания или похорон, все же для них требовалась письменная санкция кади, а за это следовало уплатить деньги. Судья представлял членов общины в шариатском суде при необходимости, он отвечал за нравственность своих единоверцев. Иногда он обучал детей в школе, занимался общественными делами, в частности управлением еврейским вакфом.

Сефарды и ашкенази имели обособленные общины и каждая своего судью. Обособленно существовала община каримов. Она также имела собственное управление. Кади, который был мусульманином ханифитского толка, судью сефардов рассматривал как более значительное лицо, чем его ашкеназского коллегу. Наконец, в еврейских общинах были кантор и ритуальный резчик скота. Судья отвечал за правовые коллизии общины в целом, в отличие от него глава общины отвечал также и за каждого члена. Ему приходилось участвовать поручителем и гарантом сделок, когда, например, еврей выступал в качестве кредитора, а заемщиками были мусульмане или христиане. Нередко шейх представлял отдельных членов общины перед кади.

В мусульманском обществе практиковалась коллективная ответственность. Конечно, она была персонифицирована. Глава семьи отвечал за всех ее членов, назначенный глава квартала отвечал за его обитателей, шейх отвечал перед верховной властью за всех членов общины. Именитые и обеспеченные люди, коих в общине было не более 10–15 человек, отвечали за менее обеспеченных соседей.

Известны случаи жалоб евреев на мусульманских соседей. В 1556 г. евреи обратились к кади с просьбой защитить их от шейха соседнего мусульманского квартала (*mahalle*) аль-Риша, который их притеснял. Выше говорилось, что турки

считали караимов евреями, а потому их обязывали платить налог джизье вместе с еврейской общиной, а не отдельно, как это имело место с различными христианскими толками. Караимы должны были подчиняться администрации еврейской общины во главе с шейхом аль-яхуд. Сравнительно с числом раввинистов караимы были малочисленны, но в управлении еврейской общины они все же были представлены.

Очень долго различия и обособленность сефардов и ашкенази сохранялись. В начале 1590-х гг. шейхом аль-яхуд стал раввин Бецалель Ашкенази. Он попытался объединить ашкенази и сефардов. Различия стирались медленно. Самая крупная община сефардов постепенно интегрировала выходцев из Марокко, Йемена, которые долго сохраняли свои особенности. В начале XVII в. община ашкенази еще существовала обособленно и не хотела платить налоги совместно с сефардами.

Внутренние конфликты в общине, как правило, были связаны с деньгами. Иногда они заканчивались смещением шейха с должности. Именно это случилось с главой общины Якубом Фаллаком, против которого в конце 1551 г. в общине выдвинули обвинения в присвоении денег, собранных в качестве налога. Один из членов общины обвинил его перед кади в том, что шейх Якуб не передал субаши деньги, полученные в качестве платежа за утверждение срока. Якуб отрицал факт присвоения денег, но евреи свидетельствовали против него, и он был признан виновным. Это был не первый случай, когда евреи обращались к мусульманскому кади с жалобой на официального представителя своей общины.

Одна женщина также обвинила Якуба перед мусульманскими властями в том, что он якобы пытался проконтролировать ее завещание, составленное в пользу сына. Очевидно, отношения шейха с другими единоверцами не улучшились, что в конце концов привело к его смещению. Якуб Фаллак не смирился с решением о своей отставке. Он даже угрожал самоубийством, шантажируя нотаблей и официальных лиц общины. Они, опасаясь последствий в будущем, попросили кади предоставить им официальный документ о причинах отставки Якуба, а его убедили покинуть Иерусалим. Незадолго до своей смерти бывший шейх аль-яхуд все же вернулся в Иерусалим вместе сыном и занялся торговлей. Умер он в 1557 г. Собственность его была продана за долги⁹.

В Сирии, попавшей под османский контроль в XVI в., в этот период существовали компактные еврейские общины.

После изгнания евреев из Испании, Португалии, Сицилии и других европейских земель большое их число пополнило население Алеппо и Дамаска. Правители провинции, как и вся османская верхушка, придерживались суннитского толка ислама. Хотя все население Сирии – и мусульмане, и христиане, и евреи – были османскими подданными, но местные правители некоторое время пользовались большой самостоятельностью.

Однако независимо от того, управлялась ли провинция пашой из местных или присланным из Стамбула, произвол и вымогательства являлись бичом для местного населения, особенно это касалось зимми (христиан и евреев). В XVI–XVIII вв. Алеппо был одним из центров левантйской торговли. На севере Сирии располагались консульства и фактории Франции, Голландии, Англии, Венеции.

Местные еврейские общины увеличивались вследствие притока европейских единоверцев, осуществлявших посреднические функции в европейской торговле на Ближнем Востоке. Между местными и европейскими евреями существовали различия в языке (местные в основном говорили по-арабски), в манере чтения священных текстов, в брачных церемониях и других обычаях.

Евреи и христиане Алеппо служили европейским торговым домам в качестве маклеров и переводчиков. Евреи были связаны торговыми, а иногда и родственными отношениями с единоверцами в Ливорно, имевшими в Алеппо склады и торговые представительства. Евреи в Ливорно и Алеппо прибывали в основном из Италии. В середине XVIII в. средиземноморская торговля еще развивалась, а после 1775 г. начала приходить в упадок. В XVII – начале XVIII в. левантйская торговля, в которой участвовали европейские евреи, могла процветать, поскольку местные власти были значительно ограничены в своих аппетитах действовавшей в Османской империи системой капитуляций, которая ограждала европейских торговцев от поборов, налогов и шариатских судов. Христиане и евреи-торговцы европейских торговых домов, а также переводчики иностранных консульств пользовались как иностранные подданные экстерриториальностью. Конечно, при этом возникали и случаи злоупотреблений. В 1793 г. паша Алеппо сообщал, что 1500 человек заявили, что якобы они служат драгоманами в консульствах. После тщательной проверки только 6 из них был оставлен берат неприкосновенности, остальные его лишились¹⁰.

Европейские евреи, жившие в Алеппо, имели паспорта Англии, Голландии, Венеции, Австрии, Франции. Отношения их с местными единоверцами оставляли желать лучшего. Европейские евреи держались обособленно. Они жили в достатке, в красивых домах. Но отдельной синагоги они не имели, хотя молились отдельно. Они не платили взносов в местную еврейскую общину, что, в конце концов, привело к открытому конфликту в середине XVIII в. Главный раввин сефардов Соломон Ланиадо пытался заставить франков (европейских евреев) примкнуть к местной еврейской общине и выполнять все ее обязанности, включая уплату налогов Порте. Франки все же вносили деньги на некоторые статьи расходов общины, например, на содержание синагоги. Франкские евреи, жившие в городах левантийской торговли, придерживались некоторых европейских обычаев. В отличие от восточных женщин их жены появлялись на публике с открытыми лицами. Франки нанимали местных евреев в качестве агентов, клерков, разнорабочих. Их дети учились в школе вместе с детьми местных евреев.

Упадок левантийской торговли в конце XVIII в. ухудшил положение и местных еврейских общин Сирии. Неудачные для турок войны с Россией во второй половине XVIII в. ослабили центральное правительство, что усилило тенденции к неповиновению в османских провинциях. В 1770 г. военные отряды мамлюков из Египта вторглись на сирийские территории. В очередной раз осложнились отношения Порты с бедуинскими племенами, угрожавшими власти турок над священными городами Аравии. Некоторые из этих племен из Аравии были переселены на более контролируемые земли близ Дамаска. Однако несмотря на все принимаемые меры, Порта была вынуждена передавать значительные, в том числе и контрольные, функции управления местным властям, которые ими безнаказанно злоупотребляли¹⁰. Тяжесть налогов ощущалась даже в относительно благополучных общинах. В конце XVIII в. в еврейской общине рассматривался вопрос о продаже украшений синагоги для уплаты налогов. При этом евреи были вовлечены в систему сбора налогов. Паши платили центральным властям за получение должности, и сборщики налогов, как и казначеи, служили гарантами платежей в казну, за что взимали большие проценты, утяжелявшие и без того немалые налоги. В этот период налоги были столь тяжелы, что большая часть еврейского населения прозябала в бедности, а тех, кто занимался финансовыми операциями, были единицы. Их благополучие полностью зави-

село от местных властей, они были озабочены в основном тем, чтобы сохранить свое положение.

Помимо налогов, евреи и христиане занимались сбором таможенных пошлин. В этой сфере требования к иностранным торговцам были большими, чем к местному населению.

Между евреями и христианами, а также среди евреев, получивших доступ к финансовой сфере, имела место жесткая конкуренция. Соперничество местных евреев и христиан шло за расположение как представителей европейских держав, так и османских властей. Оно возрастало по мере усиливающегося влияния европейских держав при османском дворе. Случалось, что евреи становились консулами. В 1788 г. Рафаэль Пиччиото был назначен герцогом Тосканским консулом в Алеппо. В 1806 г. его посвятили в рыцари. Его сын наследовал эту должность. Члены этой семьи занимали должности консулов и других европейских держав. Пикантная ситуация возникла в период наполеоновских войн, когда один из Пиччиото состоял консулом на службе Австрии. В его обязанности входила защита греко-католиков Алеппо, при том что они были не только соперниками евреев в деловой жизни, но нередко враждовали с еврейской общиной города. Конечно, интересы евреев Пиччиото тоже старались защищать¹¹.

В 1798 г. началось наполеоновское завоевание Египта, Сирии и Палестины. Французы попытались реформировать сложившуюся систему управления, но вскоре были вынуждены покинуть эти территории. В городе Акко, который не смогли взять наполеоновские войска, в начале XIX в. паши добились почти полной независимости от центральной власти. У паши Ахмада ал-Джаззара финансовым советником был Хаим Фархи из известной семьи дамасских евреев. Этот сюжет изложен в книге генерального российского консула К. Базили, прожившего 15 лет, с 1839 по 1853 г., в Сирии и Палестине. В «Еврейской энциклопедии» Базили пишет, что советник был изувечен по приказу рассердившегося на него паши. В энциклопедии сообщается, что паша в последнюю минуту отменил свой приказ. Однако после смерти паши Ахмада Фархи в 1804 г. помог получить власть в Акко его бывшему заместителю Сулейману, а позже, в 1818 г., его сыну Абдалле, который через два года приказал убить своего казначея¹².

С 1831 по 1840 г. турки утратили контроль над Палестиной и Сирией. Эти территории были захвачены правителем Египта Мухаммедом Али, который объявил себя почти независимым от Порты.

Появление египетских войск, маршировавших под музыку, исполнявшуюся на европейских инструментах, крайне раздражало местных мусульман. Упрочив свою власть в Сирии и Палестине, Мухаммед Али согласился в 1834 г. платить определенную долю налога султану Махмуду II. Власть над завоеванными территориями Мухаммед Али передал Ибрахиму-паше. Его резиденцией стал Дамаск. Палестина, северная граница которой достигала Сидона, стала единой провинцией.

Египтяне, правившие этими территориями около 8 лет, сумели провести там некоторые реформы по европейскому образцу, что вызвало сопротивление местных арабов. Восстания в ряде городов были подавлены силой.

Ибрахим-паша разрешил деятельность христианских миссионеров, а также научно-исследовательскую и педагогическую деятельность европейцев. В 1838 г. египетские власти разрешили Англии открыть консульство в Иерусалиме (ранее европейские консульства существовали только в портовых городах – Акко, Хайфе, Яффо и некоторых городах Сирии). Немусульманским общинам было разрешено строить и ремонтировать их культовые сооружения без ранее имевшихся ограничений. Их представители были допущены в меджлис наряду с мусульманскими депутатами.

Христианские военные соединения из Ливана принимали участие в регулировании местных конфликтов. Мусульмане начали терять многовековое ощущение собственного превосходства, что настраивало их не только против христиан, но и против египетского режима.

Масла в огонь подлили также новая система налогообложения, меры по централизации управления и попытки дать некоторые права немусульманам. Впервые за много столетий ближневосточные территории оказались открытыми для европейского влияния. Реформы Мухаммеда Али несколько опередили реформы Махмуда II, подготовили почву для дальнейших преобразований эпохи Танзимата.

Провозглашение Гюльханейского акта в 1839 г. при султанах Абдул Меджиде не в последнюю очередь было связано с надеждой на военную помощь западных держав в борьбе за Египет, Сирию и Палестину. Вмешательство европейских держав в турецко-египетский конфликт закончилось возвращением Сирии и Палестины под непосредственный контроль Порты. Прежним пашам не удалось восстановить свою власть, новая администрация была строго централизованной, хотя система пашалыков осталась.

После 1840 г. Сирия была разделена на три санджака: Алеппо, Дамаск и Сидон, в который включили и Триполи¹³. Александретта, порт торгового центра Алеппо, была отделена от пашалыка и поставлена под юрисдикцию вали Аданы, а район Урфы присоединили к Алеппо. Раньше Иерусалим вместе с санджаками Наблус и Газа входил в эйялет Сидон. Городами управлял одно- или двухбунчужный паша, подчинявшийся вали Сидона или в какие-то годы напрямую Порте.

В 1854 г. Иерусалим становится эйялетом, которым управлял трехбунчужный паша, ответственный только перед Стамбулом¹³. Такой же порядок прямого подчинения центру был введен и в Сирии. После 1840 г. евреи оказывались втянутыми в международные конфликты в связи с «восточным вопросом», но приобрели некоторое покровительство европейских держав, конечно, несопоставимое с тем, которое они оказывали христианскому населению Сирии и Палестины.

Численность еврейского населения постепенно возрастала. Большинство его по-прежнему обитало в четырех городах: Иерусалиме, Цфате, Тверии и Хевроне, где были европейские консульства. В других местах было небезопасно. Османские налоги, как и раньше, были разорительны. Тем не менее эти города пополнялись европейскими евреями, особенно этот поток увеличился после открытия пароходного сообщения между Одессой и Яффо. В 1840 г. все население пашалыка Иерусалим составляло 250 100 человек. Оно распределялось по населенным пунктам и вероисповеданию следующим образом¹⁴:

Населенный пункт	христиане	мусульмане	евреи
Иерусалим	10 000	25 000	10 000
Наблус	1500	100 000	100
Газа	500	40 000	—
Хеврон	1000	25 000	2500
Яффо	3000	15 000	1000
Рамалла	1000	7500	—
Лидда	800	6200	—
Всего: 250 100	17 800	218 700	13 600

Египетское правление в Сирии и Палестине в 1830-х гг. улучшило положение значительной части населения. Было установлено более справедливое налогообложение, введены общественные должности, приняты меры к обеспечению жизни и собственности жителей этих земель. В итоге экономические показатели улучшились. Но все это достигалось железной рукой. А с приходом турок пришлось прежде всего озаботиться поддержанием порядка. Бедуины и горцы продолжали жить по своим законам. Коррупция в среде членов меджлиса, местных улемов и нотаблей считалась нормой.

В Сирии большая часть населения имела оружие. Для эффективного налогообложения и рекрутского набора нужны были сильные полицейские и армейские формирования. Из местного населения, состоявшего из групп, враждовавших друг с другом, надежные формирования создать было затруднительно. Следовало заменить прежние нерегулярные отряды башибузуков, сипахи и т.д.

После уничтожения янычарского корпуса в 1826 г. реорганизованная турецкая армия заметно повысила боеспособность. В апреле 1844 г. в Сирию прибыл мяшир Намык-паша с обновленными воинскими подразделениями численностью в 25 000 человек (19 000 пехоты, 4000 регулярной конницы и 2000 артиллерии с неплохой экипировкой). Эти подразделения в основном сосредоточились в Алеппо, но были и в других пунктах Сирии и Палестины¹⁵. Тогда туркам удалось отчасти утихомирить беспокойные провинции, собрать налоги и обеспечить рекрутский набор.

Однако подчинить бедуинские племена и друзей Хейруана не получилось. Вскоре пришлось опять пополнять воинские формирования за счет местного населения, поскольку правительство вело войны и приходилось отзывать подразделения войск из провинций, где они дислоцировались.

Одной из наиболее примечательных деклараций Танзимата была статья об изменении статуса немусульманского населения. Кое-что в этом направлении сделал еще Махмуд II. Однако первым правителем, который де-факто сумел улучшить положение немусульман Сирии и Палестины, был Ибрахим-паша. В его правление были достигнуты некоторые результаты, особенно благоприятные для христиан, в меньшей степени для евреев. Их допустили на гражданскую службу, а некоторые христиане заняли высокие должности в сирийской администрации. Они получили места в меджлисах, для них отменили запрет на верховую езду и ограничения в

одежде. Конечно, все это вызвало раздражение мусульман. Реформы Танзимата, объявленные в сирийской провинции, формально подтвердили здесь статус немусульман, который существовал еще при египетском правлении, но поскольку теперь не было беспощадной, железной руки Ибрахима-паши, то власти столкнулись с более эффективным сопротивлением местных мусульман.

Возобновилось и еще более возросло насилие против иноверцев. Увеличилось число нападения, оскорблений, грабежей и даже убийств. В основном агрессия была направлена против христиан, которые играли гораздо более заметную роль в социально-экономической и культурной жизни провинции. Они лучше сумели воспользоваться новым положением, к тому же у них была сильная защита иностранных держав, что вызывало к ним большую ярость мусульман, чем ко все еще униженным и забитым местным евреям.

При появлении мало-мальской свободы иноверцы оказывались более конкурентоспособными, чем мусульмане. Они были лучше образованы, поскольку росло число миссионерских школ. Им открыли доступ к общественным должностям и к гражданской службе. Официальные лица из христиан в Сирии именовались «бей», «эфенди», что у турок указывало на высокий статус. И хотя большое число прежних казначеев-саррафов из иудеев и христиан было лишено своих должностей, другие члены этих общин заняли высокие должности в финансовой сфере, особенно в таких городах, как Дамаск и Алеппо. Христиане и евреи занимали ключевые позиции во внутренней и внешней торговле. Мусульманские чиновники и нотабли, лишенные прежней возможности вымогательства, оказывались в долгу у христианских и еврейских банкиров.

В мае 1855 г. был отменен налог джизье, но иноверцы платили налог бедел-и аскери за то, что не служили в османской армии. Существовали ограничения на покупку земли немусульманами, а мусульманам запрещалось продавать им землю и недвижимость. Мусульманские суды продолжали вмешиваться в наследование недвижимого имущества христианами и евреями, хотя законы Танзимата это запрещали.

В 1847 г. было признано свидетельство немусульман против мусульман в суде. В Бейруте в 1851 г. начали функционировать смешанные уголовные и коммерческие суды, в Дамаске и Алеппо их ввели в 1854 г. Случалось, что местные меджлисы дискриминировали христиан и евреев в религиозной сфе-

ре, экономической и других. Тогда им приходилось обращаться в европейские консульства с просьбами о защите.

Европеизаторские реформы затронули и систему управления. Раньше вали-правитель провинции формировал диван с чисто консультативными функциями, который не имел никакой формальной власти. Вновь организованные советы-меджлисы занимались решением важнейших вопросов: соблюдением правил налогообложения и сбора таможенных пошлин, надзором за продажей сельхозпродукции, организацией общественных работ и содействием ведомству юстиции в поддержании общественного порядка¹⁶.

К середине XIX в. меджлис Иерусалима состоял из 7–10 мусульман и 4–5 немусульман, тогда как в это время численность последних уже заметно превысила численность первых. Если в Алеппо в 1840 г. в местном меджлисе вопреки правительственному распоряжению не было ни одного депутата-немусульманина, то позднее туда допустили 2 христиан и ни одного еврея. Меджлис Дамаска состоял из 13–20 мусульман, 2 христиан и 1 еврея. На заседаниях меджлиса с мнением немусульман мало считались, но само их присутствие в органах власти в мусульманской стране было большим сдвигом.

Во многих районах Сирии и Палестины христиане заявили о намерении служить в османской армии и отказе от налога бедел-и аскери. Лишь под угрозой ареста в Алеппо и других местах они его уплатили¹⁷. Что касается сирийских евреев, то они платили этот налог без протестов. Это была наиболее бесправная в Сирии и Палестине группа населения. Они подвергались насилию и унижениям со стороны мусульманского и христианского населения. И хотя в годы египетского правления их положение несколько улучшилось, но до подлинного равноправия было очень далеко. В эти годы имели место случаи грабежей и резни в еврейских кварталах со стороны арабов-мусульман, друзов, а бывало, что и египетских солдат.

В перенаселенных городах Палестины, где существовали самые большие еврейские общины, царила страшная нищета. В своей статье «Объявление войны: К истории возникновения восточного вопроса» К. Маркс сообщал:

«Нищета и страдания, испытываемые евреями в Иерусалиме, не поддаются никакому описанию, они живут в самом грязном квартале города, называемом Харет-эль-Яхуд, между Сионом и Мориа, где находятся их синагоги, и непрерыв-

но подвергаются угнетению и проявлениям нетерпимости со стороны мусульман; оскорбляемые православными, преследуемые католиками, они живут лишь скудными подачками, которые получают от своих братьев в Европе...»¹⁸

Халукка* и деятельность таких филантропов, как Моисей Монтефиоре, частично облегчали бедственное положение евреев Палестины. Дважды посетив страну, в 1827 и 1840 гг., он щедро жертвовал деньги на различные благотворительные цели, в том числе на образование еврейских детей. Он поддерживал планы расселения евреев в сельскохозяйственных районах, обучения их не только ремеслам, но и сельскому хозяйству. В 1854 г. в Иерусалиме была открыта первая европейская больница, в 1856 г. – первая светская школа, а позднее открылись и еще школы. М. Монтефиоре финансировал также строительство еврейских домов за пределами обнесенного стенами Старого города.

Постепенно евреи добивались меньшей степени притеснения со стороны местных властей. Об этом свидетельствуют отчеты британских консулов за 1850 г.¹⁹ Улучшилось положение и еврейских общин Сирии. Некоторые османские паши пытались защитить евреев от агрессии мусульман и христиан.

В 1867 г. Порта подтвердила право иностранных подданных следовать нормам своих государств, однако их обязали платить некоторые османские налоги после отмены джизье, был введен контроль османских судов. Принятый в 1869 г. закон о национализации затруднил переход османских подданных-немусульман в иностранное подданство.

Среди евреев Сирии и Палестины ашкенази особенно активно добивались иностранного подданства. Османские власти больше считались с сефардами, преобладавшими в общинах этих стран. Главный раввин сефардов пользовался в общине значительной властью, имел личную охрану.

Постепенно численность ашкенази возрастала, они начали оспаривать приоритет сефардов в общине, не хотели жить под сефардской раввинистской юрисдикцией. Их также не устраивали османские законы и восточный образ жизни. Большая их часть желала оставаться европейцами и на Святой земле. Османские власти платили им той же монетой, рассматривая их как «чуждый элемент», что приводило к большим осложнениям, поскольку османское правительство

* Пожертвования из диаспоры палестинским евреям.

только сефардов считало «евреями как таковыми». Община ашкенази как нечто обособленное никогда не признавалась.

Самаритяне и копты также обращались за поддержкой консулов, но ашкенази были особенно инициативны. В конце 50-х гг. XIX в. Порта заявила, что иностранная защита ашкенази наносит ущерб османским интересам.

В начале 1850-х гг. из 5000 ашкенази в этих провинциях 3000 пользовались австрийской протекцией, 1000 была зарегистрирована в британском консульстве, остальные в прусском, американском, датском и российском. Небольшое их число получило регистрацию в испанском консульстве²⁰. Позже российское правительство исключило евреев из российской юрисдикции. Большая их часть обратилась за содействием в британское консульство.

Возникшая в период османского могущества и процветания империи система капитуляций защищала тогда очень небольшое число иностранцев, которые в мусульманском государстве оказывались вне закона. Эта система повышала безопасность прибывавших в империю иноверцев, стимулировала торговлю и развитие отношений с европейскими державами. Но по мере ослабления Османской империи, когда явными стали признаки ее упадка, эта система все больше становилась ущербной для государства.

В середине XIX в. открывались иностранные банки, торговые дома, почтовые офисы, которые в полной мере использовали слабость османского государства. Тех, кто добивался иностранного подданства, становилось все больше. Протекже иностранных держав не только освобождались от местных законов, но и от местных налогов, создавая проблему для властей. В изменившихся обстоятельствах некогда дарованные европейцам могущественными султанами льготы теперь Порта рассматривала как унизительное присвоение ее прав, покушение на суверенитет. В 1856 г. правительство впервые подняло вопрос о необходимости отмены капитуляций как устаревших и наносящих ущерб османскому государству в новых условиях. Однако европейские державы, союзницы Порты в Крымской войне, не шли ни на какие уступки. В 1871 г. принцип экстерриториальности иностранных подданных был подтвержден. Еще много десятилетий османские дипломаты безуспешно боролись за отмену или хотя бы ограничение этого принципа. Порта всеми способами стремилась уменьшить число собственных протекжируемых подданных, а приток российских евреев со второй половины XIX в. в

Иерусалим и Цфат рассматривала как политически мотивированный. Ужесточение османской политики затронуло и еврейские поселения в Палестине. Прибывших в очередной раз в Палестину М. Монтефиоре и его супругу местные власти приняли с уважением. У них было разрешение султана на восстановление старой синагоги в Иерусалиме. Моисей Монтефиоре хотел приобрести участок земли к западу за стенами Старого города. Как английский подданный он имел на это разрешение. Однако в 1859 г. строительство на этом участке было приостановлено. Понадобился год значительных усилий, предпринятых самим министром иностранных дел Фуад-пашой, чтобы Монтефиоре, наконец, получил «исключительное разрешение» на завершение своего проекта²¹. Но этот случай был скорее действительно исключительным.

Даже если евреи родились в Палестине и унаследовали там недвижимость, она не признавалась законной до тех пор, пока они не отказывались от иностранного подданства и консульской защиты.

Правитель Дамаска заявил, что будет рассматривать всех лиц с двойным подданством как османских подданных со всеми вытекающими отсюда последствиями. А сертификаты таких лиц с отметками о регистрации в иностранном консульстве могут рассматриваться лишь как вид на жительство и должны иметь подтверждение от местных властей. Протесты посольств против введения «вида на жительство», ограничивавшего свободу передвижения как подданных их держав, так и протезируемых лиц, не дали результата.

В эпоху турецкого господства на османских территориях существовали и производственная этническая специализация, и экономическое взаимодействие, но и жесточайшее соперничество и конкуренция между различными этнорелигиозными группами, что приводило подчас к межэтническим конфликтам. Христиане вытесняли еврейских менял и откупщиков, обвиняли евреев в ритуальных убийствах. Мусульмане чувствовали себя ущемленными вследствие экспансии европейских держав, их притязаний на защиту религиозных меньшинств, в основном христиан. Они не могли смириться с унижавшими их реформами, не могли этого понять и возмущались уравниванием прав с «неверными».

Сирийские христиане в отличие от евреев составляли значительную часть местного населения. Они всерьез озаботились достижением равенства с мусульманами, провозглашенного в двух высочайших султанских указах 1839 и 1856 гг.

Вследствие тесных связей местных христиан с европейскими державами их считали опасными как мусульманское население, так и османские власти. Если раньше антихристианские, впрочем, как и антиеврейские, выступления в Сирии и Палестине были спорадическими и носили ограниченный характер, то колоссальная по масштабам резня христиан в 1860 г. все же стала неожиданной не только для европейских держав, но и для османского правительства. Здесь совпало несколько факторов: усиление местных христианских общин, их поддержка европейскими державами, активизация миссионерской деятельности, возросшая экономическая мощь христиан – все это вызывало ярость мусульман. Новые законы Танзимата запрещали их грабить, как это было раньше. Мусульмане, кроме того, были убеждены, что христианская Европа имеет цель оккупировать Сирию и Палестину, опираясь на местных христиан²². Для них все иностранцы-приезжие были шпионами, а местные христиане – информаторами и потенциальными коллаборационистами. Консул Бранд сообщал из Дамаска, что правители провинций получали из центра тайные приказы нейтрализовать влияние европейских консулов²³. Принципы Танзимата вошли в неразрешимое противоречие с традиционными представлениями мусульман об их превосходстве над иноверцами. Эти представления не только черпались из Корана, но подтверждались многовековой практикой. Конкуренции с христианами на равных мусульмане не выдерживали.

В 1843 г. на здании французского консульства в Иерусалиме был водружен триколор, что вызвало бунт мусульман. Тогда пришлось его убрать. Но после Крымской войны европейские флаги висели во всех сирийских городах и ряде городов Палестины. Вспыхнули бунты в Газе, Иерусалиме, Алеппо, Дамаске, Латакии.

Дервиши разжигали ярость мусульман и призывали к погромам. В середине июля 1860 г. по Дамаску прокатилась серия погромов, в которой погибли тысячи христиан. Многие были ранены. Детей насильственно обращали в ислам. Многие христианские дома, церкви и монастыри были разрушены и сожжены. Нападению подверглись иностранные консульства, первым из них оказалось российское. Среди иностранцев, включая консулов, были жертвы. В резне принимали участие полиция и нерегулярные части арабов и курдов. Известно, что некоторые мусульманские нотабли предоставили

убежище многим христианам. Они пытались противодействовать стихии погромов, но тщетно.

Евреев погромщики не трогали, но они оказались в двусмысленном положении. С одной стороны, как и христиане, евреи находились под угрозой насилия. Им также приходилось обращаться за поддержкой европейских консулов. С другой стороны, их отношения с мусульманами при всей их сложности и неоднозначности нередко были лучшими, чем с христианами, которые инициировали преследования конкурентов. Евреи еще не успели забыть «дамасское дело» по очередному «кровавому навету» в 1840 г.

Сразу же после дамасских событий 1860 г. в Сирию была послана хорошо экипированная армия под строгим контролем Фуад-паши. Порта прибегла к чрезвычайным мерам. Многие виновные в резне были арестованы и казнены, у мусульман отбирали оружие, мусульманское население обязали уплатить специальный налог в счет компенсации ущерба, нанесенного христианам²⁴. Эти меры предотвратили дальнейшие эксцессы в провинции, но антагонизм между этнорелигиозными группами населения сохранялся долгие годы. Многие уцелевшие христиане покинули Алеппо и Дамаск, уехали в более безопасные районы или за границу.

Хотя упадок османского государства к концу XIX в. еще более усугубился, султанское правительство прилагало немалые усилия, чтобы продолжать противостояние растущему политическому и экономическому давлению европейских держав, используя противоречия между ними.

Еврейские погромы в России 1881–1882 гг. вынудили многих евреев покинуть страну. Они уезжали в Европу, США, на Ближний Восток.

Значительную часть населения Палестины, куда прибывали евреи в конце XIX – начале XX в., составляли мусульмане-сунниты. Небольшой процент составляли шииты и друзы, около 16% населения – христиане (греки-православные и греки-католики, а также христиане других этносов). Из общего числа жителей этого санджака, которое, не считая бедуинов, оценивалось в 457 592 человека, евреев в 1880 г. было около 25 000 человек, то есть около 5%²⁵.

Большая часть мусульман занималась сельским хозяйством и жила в сельских местностях. Значительное кочевое население – бедуины – обитало в окрестностях Бершеба. Городское население всех вероисповеданий занималось ремеслами, торговлей, в меньшей степени производством сельс-

кохозяйственной продукции. В конце XIX в., как и несколькими столетиями ранее, еврейское население Палестины сосредоточилось в основном в четырех священных для них городах: Иерусалиме, Тверии, Цфате и Хевроне. Многие из них также очень давно существовали на пожертвования, собранные в диаспоре (система шалиах). На пожертвования существовали и религиозные школы. Среди еврейских ремесленников преобладали стекольщики, кузнецы, часовщики, портные, сапожники, переплетчики. Кроме того, они активно занимались обменом денег и банковским делом.

Доминирующее положение в управлении провинцией, помимо назначенцев из Стамбула, занимали представители именитых арабских семей. Реакцией на погромы в России стало создание движения «Хибат Цион» («Возвращение в Палестину»). Волна погромного антисемитизма в России разбила мечты части еврейской интеллигенции и молодежи о перспективах ассимиляции и просвещения в этой стране. Потеряв иллюзии, многие из них обратились к поискам национальных корней и утверждению этнорелигиозной идентичности. Палестина становится центральной темой в новой идеологии. Одной из важнейших национальных задач движения было возрождение древнееврейского языка, национальных культурных традиций, которые консолидируют народ. Часть молодежи из российских университетов из группы «Билу» отправилась в Палестину, где в 1882 и 1884 гг. содействовала основанию еврейских поселений. Они стремились создать модель общественной жизни в соответствии со своими идеалами социальной справедливости. В том же 1882 г. также выходцы из России восстановили поселение Петах-Тиква на севере Яффо, основанное в 1878 г. и позже покинутое из-за вспышек малярии. Возникали новые формы поселений, основанных исключительно на труде самих поселенцев, – киббуцы, а позднее мошавы.

В 1882 г. группа переселенцев из Румынии основала две колонии: Замарин (позднее переименованную в Зикрон-Яков) на пути в Хайфу и Рош-Пина близ Цфата. Иммигранты из Польши основали поселение Иесуд-ха-Маала в Верхней Галилее. В Иудее было создано поселение Нэс-Цион. На средства Карла Нетера и при финансовой поддержке Всеобщего еврейского альянса в 1870 г. были образованы хозяйство Микве-Исраэль в сельскохозяйственной школе под Яффо и небольшое поселение Мотза близ Иерусалима. К 1889 г. в Палестине на пространстве 76 000 акров существовало 22 ев-

рейских сельскохозяйственных поселения. Они были широко разбросаны по территории страны и служили опорными пунктами для будущих поселений. Поселенцы составляли 5000 человек²⁶. Энтузиасты-первопроходцы были плохо подготовлены и экипированы для столь рискованного дела. Они не могли предвидеть всех ожидавших их трудностей и опасностей: неблагоприятный в ряде мест климат, болота, а кое-где пески, малярия, набеги бедуинов, грабивших всех подряд, очень небольшой опыт в сельском хозяйстве. Поселенцы в массе своей были непривычны к тяжелому физическому труду, страдали от недостатка средств. Если бы не финансовая поддержка барона Эдмунда Ротшильда и других филантропов, первые поселения едва ли выстояли бы во враждебном окружении местных мусульман.

В 1880 г. общая численность евреев Палестины достигла 20 000–25 000 человек. Две трети из них жили в Иерусалиме, где они составляли половину населения. В Цфате жили 4000, в Тверии – 2500, в Хевроне – 800, в Яффо – 1000 и в Хайфе 300 человек²⁷.

Более раннее население Палестины состояло из небольшой части местных евреев из сефардской общины, в которую влились иммигранты из Северной Африки, Бухары, Ирана и других стран. Ашкеназская община состояла главным образом из восточноевропейских евреев. Большинство палестинских евреев жило за счет халукки – пожертвований из диаспоры, сумма которых достигала примерно 100 000 ф.ст. в год. Среди сефардов средства распределялись руководством общины. Главными получателями их были ученые талмудисты, вдовы и сироты. В ашкеназской общине средства распределяли благотворительные организации, действовавшие по принципу землячеств.

Поддаляющее большинство евреев придерживалось строгой ортодоксии и подчинялось авторитету раввинов. Они охотно принимали помощь еврейских филантропов из-за границы, но при условии, чтобы от общины не требовалось каких-либо изменений в традиционном образе жизни, сопротивляясь любым новым веяниям. Строились бесплатные жилища для талмудистов и бедняков, больницы, ешивы, однако попытки создания современных школ, обучение евреев сельскохозяйственному труду сталкивались с упорным сопротивлением приверженцев системы халукки. Среди тех, кто принадлежал к поколению досионистского «старого ишува» были люди, призывавшие евреев зарабатывать на жизнь собствен-

ным трудом. Издатели первых газет, выходивших в Иерусалиме на иврите, также придерживались этой позиции. Но и они столкнулись с противодействием ультраортодоксальных кругов.

Чем больше евреев прибывало на Святую землю, тем с большими препятствиями им приходилось сталкиваться. Выше говорилось, что местные арабы противодействовали прибытию евреев. Порта и ранее всячески препятствовала приобретению ими собственности в Палестине. В июне 1882 г. позиция правительства еще более ужесточилась. Евреям были запрещены въезд в страну на постоянное жительство, покупка в ней какой-либо собственности и строительство любых сооружений. Постройки, возведенные без разрешения властей, подлежали разрушению.

Это не означало, однако, что Османская империя вовсе отказалась от традиции допуска на свою территорию беженцев. В следующем месяце Порта объявила, что евреям из других стран разрешено селиться в любой части империи, за исключением Палестины, но число переселенцев в одной группе не должно превышать 100–150 семей. Кроме того, иммигранты должны были стать османскими подданными, дать присягу верности султану и османским законам. Взамен переселенцам предоставлялись некоторые льготы: земли, свободные от обременения, на определенный срок их освобождали от налогов и воинской службы. Евреи по закону пользовались религиозными свободами, как и другие подданные, то есть все это на вновь прибывших распространялось, однако вне рамок Палестины. Возникла курьезная ситуация. Российский посол в Стамбуле А. Нелидов первым выразил протест против запрета еврейской иммиграции в Палестину. Его протест был опубликован в российской газете «Новое время». Кроме того, министр иностранных дел Гирс сообщил руководителям движения «Ховевей Цион» о своей поддержке.

Однако результат таких демаршей был противоположен желаемому. Россия с чередой еврейских погромов на своей территории вызвала подозрения османских властей насчет необходимости предоставления убежища евреям в Палестине, о чем хлопотали российские дипломаты, а также насчет истинных мотивов такого ходатайства. Порта опасалась, что целью антисемитской кампании в Европе было выдворение евреев в Палестину для того, чтобы найти предлог для ее последующей аннексии. Об этом же свидетельствуют некоторые факты.

В феврале 1884 г. глава еврейской общины в Стамбуле и руководитель восточного бюро Всеобщего еврейского альянса М. Фернандес обратился к османскому министру иностранных дел с просьбой принять финансовую помощь Ротшильдов евреям Палестины. В ответ ему было прямо сказано, что Порта опасается возникновения в Палестине «второго болгарского вопроса». Сходное разъяснение получил на этот счет и Эманюэль Венециани, доверенное лицо барона Гирша.

Однако суть любой проблемы состояла в том, что в османском государстве всегда существовала огромная пропасть между законом и практикой его применения.

Какие бы указы ни поступали из Стамбула, отдельный чиновник имел возможность их обойти. Мутасаррыф санджака Иерусалим в 1877–1889 гг. Рауф-паша был известен как решительный и неподкупный администратор. Но также было хорошо известно, что он был исключением, очень редким исключением из общего правила тотальной продажности османских чиновников. Местные судьи и администраторы сами устанавливали себе законы. Евреи-эмигранты вынуждены были прибегать к подкупу как наиболее эффективному средству обойти запрет. Дома, подлежащие разрушению в соответствии с новыми османскими законами, продолжали стоять не столько благодаря ходатайству влиятельных евреев в Дамаске и Стамбуле, сколько благодаря сговорчивости местных жандармов и других представителей османской власти. Барон Ротшильд был вынужден признать, что наилучшие результаты на местах достигались скорее «добрыми словами», сопровождавшимися некими подношениями, нежели дипломатическими усилиями в Стамбуле²⁸.

Еврейские иммигранты просачивались в Палестину через Сирию или Египет, другие приобретали фальшивые паспорта, которые свободно продавали османские официальные лица или посредники на пароходах. Если же кто-либо из переселенцев приобретал американский, австрийский, британский или германский паспорт, он получал надежную защиту.

Показательный случай имел место в 1882 г. в поселении Петах-Тиква. Тогда часть этой земли была зарегистрирована на имя Иоэля Моисея Соломона, имевшего германскую защиту. Поселенцы рискнули на этой земле построить дома без официального разрешения. Рауф-паша тотчас же обратился в суд с требованием разрушить дома и наказать Соломона. Последний обратился за поддержкой к германскому консулу

в Иерусалиме. Консул немедленно выступил с резким протестом. В свою очередь, Рауф-паша возразил, что Петах-Тиква – это отнюдь не «германский квартал», а договоры с Портой не дают иностранным державам права вмешиваться в дела, касающиеся османской собственности. Консул Рейтц на это заявил, что в случае необходимости ему придется призвать из соседнего поселка Сарона германских колонистов и защитить Петах-Тикву силой. Рауф-паша меньше всего желал разжечь международный конфликт и вынужден был отступить.

Что касается еврейских поселенцев, то они понимали, что им не выжить без иностранной защиты.

Большая часть земли в Палестине принадлежала наиболее влиятельным арабским кланам. Но среди землевладельцев были христианские миссии, немецкие колонисты, а позднее всеми правдами и неправдами земельные участки приобретали еврейские поселенцы.

Некоторые мусульмане-землевладельцы не прочь были продать землю новым иммигрантам по выгодной цене. Однако на их землях сидели земледельцы-арендаторы, которых не так просто было с нее согнать. Все было вовсе не просто. В некоторых случаях местные власти готовы были продать землю евреям, поскольку земледельцы не в состоянии были уплатить налоги. В других случаях местные арабы-земледельцы становились жертвами ростовщиков, которые продавали их землю поселенцам. В начале 1886 г. лишенные земли арабские земледельцы напали на новые еврейские поселения, протестуя против того, что в их понимании было несправедливым. Их поддержала часть влиятельных христиан; среди них – ремесленники и торговцы, опасавшиеся, что вместе с вновь прибывшими ужесточится экономическая конкуренция.

Конфликт между еврейскими поселенцами и другими группами населения побудил власти к очередному изданию запрета на въезд евреев в пределы Палестины, особенно на их расселение в Иерусалиме. Об этом сообщал в марте 1887 г. британский консул в Иерусалиме. В 1890 г. арабские нотабли Иерусалима направили в Стамбул жалобу на мутасаррыфа Иерусалима Рашид-пашу за его лояльное отношение к евреям. За жалобой последовала петиция от 24 июня 1891 г. великому везиру с протестом против прибытия в Палестину российских евреев и против продажи им земли. Однако скупка земель продолжилась и в последнее десятилетие XIX в.

Реакция местного населения на поселенческое движение была неоднозначной. От недовольства она переходила к открытой враждебности, но порой принимала форму некоторых уступок и примирения. Муфтий Иерусалима Мухаммад Тахер аль-Хуссейни в 1897 г. возглавил комиссию для исследования оснований к праву мутасаррыфа распоряжаться теми землями, которые были проданы переселенцам в последние пять лет²⁹. Комиссия пыталась приостановить эти сделки.

Антитурецкие бунты в странах Ближнего Востока, завоеванных турками, вспыхивали время от времени в течение всех столетий османского господства. Однако они инициировались вследствие недовольства правлением какого-то паши или желанием главы одного из местных кланов захватить власть. Со второй половины XIX в. растет недовольство османским правлением как таковым. Под воздействием более образованных и отчасти европеизированных арабов формируется движение арабского национализма. Первые десятилетия недовольство османским правлением еще не достигло идеи независимого арабского государства, хотя именно это предлагали некоторые молодые арабы-христиане. Для арабов-мусульман, составлявших большинство населения Палестины, турки при всех безобразиях многовекового господства были единоверцами, «своими». Поэтому на том этапе они отвергали идею расчленения Османской империи, надеясь, что султан сумеет решить их проблемы, поддержит их борьбу с поселенческим движением евреев. Абдул Хамид II окружил себя арабскими шейхами, выступал поборником исламской консолидации на пространствах империи, идеологом панисламизма. И все же восстание Махди в Судане, начавшееся в 1881 г., стало сигналом к выступлениям палестинских арабов против дурного управления и господства турок.

Еврейские поселенцы пытались внедрить в земледелие современные прогрессивные методы, но арабы, занимавшиеся сельским хозяйством, не доверяли ни поселенцам, ни их методам. Цели сионистов и арабских националистов вели к неизбежным конфликтам, а именно они в наибольшей степени влияли на местное население. Вот как в 1903 г. один из лидеров арабского национализма высказался по поводу целей арабского сопротивления: «Мы должны до последней капли крови сражаться, чтобы не увидеть, как Святые места попадут в руки неверных»³⁰.

В конце XIX в. поселенцы продолжали уделять внимание современному образованию. На иврите стали преподавать

общеобразовательные предметы. В 1892 г. был созван съезд учителей для включения в сферу математики и естественных наук терминов, которые отсутствовали в иврите, а также для принятия единой программы сельских школ. У некоторых лидеров сионистского движения еще оставались иллюзии, что интересы поселенцев вполне совместимы с османским гражданством. Первая конференция актива «Ховевей Цион» была созвана 7 ноября 1884 г. в г. Катовице. Ее делегаты единодушно выразили полную лояльность к султану: «Наш народ, – говорилось в резолюции конференции, – хочет жить в “земле обетованной” как честные и лояльные подданные с искренним почтением и послушанием к правительству страны...»³¹ К принятию османского подданства склонял поселенцев и барон Ротшильд.

Однако даже небольшой опыт контакта с местными властями, необеспеченность жизни и имущества очень быстро разочаровали вновь прибывавших поселенцев в османской юстиции. Консульская защита была несопоставимо привлекательнее, хотя министр иностранных дел Порты усердно инструктировал местные власти быть более внимательными к тем, кто принимал османское подданство. Власти пошли на действительные уступки. Принявшим османское подданство евреям было разрешено строить дома, заводить виноградники и фруктовые сады. Каймакам Цфата заявил, что не будет вмешиваться в дела поселенцев – подданных османского государства. Вместе с тем правительство не отказывалось и от репрессивных мер, когда не хватало доводов убедить значительную часть поселенцев принять османское подданство. В конце 1885 г. было учреждено Бюро по натурализации. Оно выявляло лиц, не имевших достаточно веских оснований для обращения за консульской защитой. Такие лица подлежали высылке за пределы империи. Тогдашний посол США в Стамбуле Оскар Страус обвинял Рауф-пашу за приказ выслать 400 задержанных иммигрантов.

В начале 1887 г. Порты приняла новые постановления, запрещавшие евреям-иностранцам задерживаться в Иерусалиме или других частях Палестины на сколь-нибудь продолжительный срок. Паломникам разрешалось пребывание на этих землях не более трех месяцев. Правительство подтвердило запрет на продажу здесь собственности. Официально такие меры объяснялись заботой о здоровье и экономическом благополучии местного населения, но в частной беседе великий везир Кямиль-паша сказал Оскару Страусу, что уча-

стившиеся вспышки религиозного фанатизма среди мусульман и христиан усложняют властям защиту еврейского меньшинства. Он также сообщил послу, что до Порты дошли слухи, будто бы евреи всего мира вознамерились восстановить в Иерусалиме древнее царство. Страус решительно отверг эти аргументы и отметил, что какие бы то ни было беззакония в отношении евреев не могут быть безнаказанными, поскольку они прежде всего наносят ущерб правам и суверенитету османских подданных.

Через год после постановления Порты Оскар Страус ходатайствовал в пользу 45 американских евреев, которым не только не позволили купить землю в Палестине, но и просто приехать туда. В ответ османский министр иностранных дел Тевфик-паша уверял посла, что Порта не собирается дискриминировать американских граждан. Единственное намерение его правительства состоит в том, чтобы предотвратить дальнейшую колонизацию Палестины евреями, что ведет к политическим осложнениям на этой территории³².

Всемирная сионистская организация, созданная в 1897 г. по инициативе Теодора Герцля, первоначально планировала основывать поселения в Палестине только при поддержке великих держав и, прежде всего, при согласии османского правительства. При этом сионисты думали о финансовой базе будущих поселений. С этой целью в Яффо в 1903 г. был создан «Англо-палестинский банк», превратившийся в крупнейший еврейский банк страны. Несколько раньше, в 1901 г., был основан «Еврейский национальный фонд» в целях приобретения и сдачи в аренду поселенцам земель в Палестине. Первоначально фонд располагал небольшими средствами, но и некрупные поселения, им основанные, имели большое значение, поскольку поселенцы сталкивались с огромными трудностями. Все усилия руководителей сионистского движения получить от турецких властей разрешение на право заселения даже пустующих земель наталкивались на постоянный отказ. Большая часть поселенцев и даже те из них, кто родился в Палестине, вынуждены были уехать. Отсюда возникали идеи альтернативного еврейского очага (план колонизации Уганды). И все же VII Сионистский конгресс, созванный в 1905 г., принял окончательное решение об устройстве евреев на землях Палестины.

Очередная большая волна переселенцев также прибыла из Восточной Европы вследствие погромов 1903–1905 гг. в России. Их мировоззрение во многом формировалось под

воздействием широко распространенных в России социальных идей и доктрины сионизма. Прибывшая в эти годы молодежь рассматривала собственный труд как главное средство благосостояния. Она стремилась заменить арабских рабочих в сельском хозяйстве и строительстве. Важной задачей была организация защиты жизни и имущества поселенцев от постоянных нападений. Такая структура – «Ха-Шомер» – была создана в 1909 г. В стране складывался еврейский рабочий класс, создавались кредитные, потребительские и производственные кооперативы, профессиональные союзы городских и сельскохозяйственных рабочих. Поселенцы составляли примерно треть всего населения Палестины, причем наиболее активную часть.

Младотурецкая революция 1908 г. восстановила конституционный режим и парламент, что позволило на некоторое время снизить уровень всеобщего недовольства в Османской империи. Национальные арабские организации требовали полного равноправия арабов с турками в пределах империи, признания арабского языка официальным в административных районах, населенных арабами, образования на арабском языке. В Бейруте был учрежден комитет по реформе. Одновременно возникали и радикальные тайные общества, которые предлагали сформировать двойную арабо-турецкую монархию по типу Австро-Венгерской, а аль-Ахд настаивал уже тогда на полной независимости арабских территорий³³.

Надежда, с которой большинство арабского населения приняло приход к власти младотурок, сменивших коррумпированное правление султана Абдул Хамида, вскоре сменилась разочарованием. Политика туркификации арабских провинций, введение турецкого языка как единственного официального вызвало протесты и антитурецкие выступления³⁴. Местные палестинские газеты указывали на лоббирование западными державами интересов прибывавших евреев уже после Младотурецкой революции. Арабское население не выдерживало конкуренции с ними, поскольку вновь прибывшие не платили тяжелых османских налогов, а также не страдали от чудовищной коррупции местных властей, находясь под защитой консулов. Имела место не только конкуренция индивидов, но и конкуренция общин, их способности к самоорганизации и быстрому развитию.

Выходившая в С.-Петербурге газета «Рассвет» давала представление своим читателям не только о том, что происходит в еврейских общинах России, но в ней уделялось большое место различным событиям в жизни евреев Палестины.

Своих корреспондентов газета имела и в Палестине, и в Стамбуле. В публикациях этого издания содержались сведения о новых поселениях, об условиях жизни колонистов, участии евреев в местных муниципальных органах власти. Газета способствовала финансированию, организации акционерного общества для Палестинской Землеустроительной Компании. Она призывала активных сионистов ряда городов Польши, Украины, Молдавии, где было значительное еврейское население, «приступить, наконец, к исполнению своего сионистского долга и устроить систематическую вербовку акционеров для этого нового, могущего при должной поддержке стать существенным органом колонизационного дела». Далее сообщалась стоимость одной акции и условия рассрочки при подписке³⁵. Палестинская Землеустроительная Компания на те небольшие суммы, которые поступили в ее кассу, успела создать учебную ферму «Кинерет», новое поселение в Галилее. Газета описывала торжество по случаю закладки новой колонии Эйн-Ганим вблизи Петах-Тиквы.

«Колония эта, – сообщалось в корреспонденции, – представляет собой новый тип колонии в Палестине. Она основана Одесским комитетом на средства кредита Национального фонда. Жители ее – рабочие, получая постоянную работу в Петах-Тикве, будут иметь возможность путем обработки маленьких участков в Эйн-Ганим вполне поддерживать свое существование. Владения каждого рабочего состоят из 15 дунамов* земли, из которых 4 дунама предназначены на дороги и другие общественные нужды колонии, 1 дунам – под дом и службы, а остальные 10 – для разведения различного рода овощей. Стоимость земли должна быть выплачена в течение 17 лет, постройка же дома должна производиться всецело на средства самого рабочего. Колодец, глубиною в 18 метров, уже вырыт, и вода посредством мотора направляется в большой бассейн, откуда со временем будет устроен водопровод по всей колонии. Сама колония расположена на здоровом возвышенном месте, откуда открывается прекрасный вид на Иудейские и Эфраимские горы.

В два часа пополудни к Петах-Тикве подошла большая процессия рабочих с бело-голубыми флагами. Навстречу им вышли также с флагами члены комитета новой колонии, и под шум выстрелов и приветственных криков начались взаимные приветствия»³⁶.

* Турец. *dönüm* – мера площади, равная 40 x 40 кв. аршин – 919,3 м².

В газету «Рассвет» поступали многочисленные запросы об условиях приобретения земли в Галилее, о возможности получения кредита и содействия в таком приобретении. Газета дала следующие разъяснения. Хотя формируются новые поселения, но поселенческое движение сталкивается с большими трудностями. Администрация земельного комитета, которая имеет участки в поселениях, продает их очень неохотно. Прежде всего, желающие заняться сельским трудом должны были быть предварительно ознакомлены с условиями земледельческой работы в Палестине и только после того, как убедятся в своей пригодности к этой работе, им стоит обратиться к администрации. Те, кто хотел бы купить участок земли у частных лиц, также сталкиваются с трудностями. Трудно приобрести маленькие участки земли вдали от еврейских поселений. «Дело в том, – поясняет газета, – что арабы, как известно, владеют землей общинно, и никакой член общины не имеет права продавать свой участок без согласия на то всей общины. Общины же обыкновенно соглашались продавать только очень значительные участки. Помимо этого затруднения, существует еще одно – селиться вдали от еврейских колоний не представляется безопасным и удобным...»

Свою лепту в развитие еврейских сельскохозяйственных поселений внесли йеменские евреи. Их отъезд в Палестину начался еще в 80-х гг. XIX в., когда после захвата Англией Адена евреи смогли покинуть Йемен, и туда был открыт въезд сионистам. Йеменские евреи селились большими группами вблизи еврейских сельскохозяйственных поселений, обеспечивая их рабочей силой, которая никогда не была в избытке. Постепенно были созданы биржи труда, столовые для рабочих и фонд медицинского страхования (куппат-холим).

Но традиции восточных евреев, их бытовые привычки, семейный уклад не без трудностей вписывались в совершенно иную систему ценностей европейских евреев, составлявших большинство в сельскохозяйственных поселениях Палестины. Об этом и о чисто материальных сложностях быта поселенцев – выходцев из разных стран сообщали корреспонденты газеты.

«В свое время в некоторых колониях были сделаны интересные попытки употребить в качестве аграрных рабочих туземных сефардийских и йеменитских евреев. Эти евреи, благодаря своим весьма незначительным потребностям, были бы особенно способны удачно конкурировать с арабами. Кроме того, они имеют еще и другое бесспорное преимущество

перед вновь приехавшими евреями – это их акклиматизация. С другой стороны, какая неоценимая услуга была бы оказана этим беднякам, влачащим жизнь париев в душных, спертых еврейских кварталах городов Палестины, если бы удалось открыть для них поприще для здорового труда!»

Этот вариант не был реализован вследствие квартирного вопроса. «Дело в том, – продолжает корреспондент, – что йеменитские евреи, обремененные семействами, не могли найти в колониях сходных квартир, так как цена последних слишком чувствительно обременяла их бюджет... Колонии жалуются на характерное неудобство со стороны этих йеменитских евреев: в то время как мужчины зарабатывают, женщины и дети по старой привычке ходят собирать милостыню, что при более значительном количестве рабочих весьма обременительно для колонии. Нередко и мужчины, особенно в пятницу, кидают работу и идут просить милостыню, хоть это им и немного приносит. Привычка не так легко искореняется»³⁷.

Интересны сообщения о результатах выборов в местные органы власти в ряде городов Палестины, состоявшиеся в октябре 1908 г.:

«Из Яффы сообщают от 3 октября следующие сведения о ходе выборной кампании в Палестине. В Иерусалиме избраны 4 магометанина и 2 еврея. Остальным двум еврейским выборщикам не хватило очень незначительного числа голосов. В Петах-Тикве и окрестностях прошел магометанский кандидат 155 голосами. Еврейский кандидат Шапиро получил только 71 голос... Евреи, располагающие 120 избирателями против 2600 христиан и магометан, вели оживленную агитацию в Рамле и близлежащих поселениях. Надеются, что из 5 выборщиков будет 2 еврея (Эйзенберг и Зегер).

В Яффо администрация противозаконно образовала избирательные участки не по городским административным участкам, а по вероисповеданию избирателей. Так, евреи и христиане, из которых первые насчитывают 100 избирателей, а вторые 800, были включены в один избирательный округ, чем почти совершенно уничтожили шансы евреев провести своего выборщика.

Таким образом, при самых благоприятных условиях евреи могут рассчитывать только на 4–5 выборщиков во всем Иерусалимском пашалыке... От 12 октября получена из Яффо следующая телеграмма: «На только что закончившихся вы-

борах депутатов избраны 3 дружелюбно настроенных к евреям мусульманских кандидата»³⁸.

С конца XIX в. еврейское население Палестины заметно возросло. В 1882 г. оно составляло 24 000 человек и почти целиком было сосредоточено в городах. В 1914 г. оно достигло 85 000 человек (численность всего населения составляла около 700 000), притом 12 000 евреев проживали в 44 сельскохозяйственных поселениях, созданных после 1881 г. К 1914 г. население Иерусалима увеличилось до 45 000 человек, Тверии – до 5000, Цфата – до 7000. Еврейское население Хайфы увеличилось до 1500 в 1900 г. и до 3000 в 1914 г., а в Яффо к 1914 г. достигло 10 500. Вскоре из пригорода Яффо возник город Тель-Авив, населенный в основном евреями³⁹.

Вместе с тем возрастало сопротивление арабов еврейской иммиграции. К 1909 г. их противостояние приобретает все более организованные формы. Арабские журналисты в периодических изданиях приводили список всех еврейских поселений, информацию о поселенцах, а также поименно перечисляли тех, кто продал евреям землю. Они подразделялись на три категории:

1. землевладельцы, нередко ливанского происхождения, которые сами не вели хозяйство на земле;
2. османские власти, конфисковывавшие земли арабских земледельцев за неуплату налогов;
3. арабские землевладельцы, большей частью христиане.

Евреев обвиняли в подкупе паши с целью получить разрешение на покупку участков в Палестине. Представители арабских национальных организаций обращались и в местные ячейки правящей партии «Единение и прогресс» и предупреждали об опасности для турок еврейской иммиграции. Они пытались привлечь к совместной борьбе и арабов-христиан, организовывали протестные кампании в газетах.

В новом османском парламенте, сформированном при младотурках, арабские депутаты постоянно поднимали вопрос о еврейской иммиграции. В начале июня 1909 г. депутат от Яффо Хафез-бей аль-Саид выступил с заявлением о том, что сионизм и национальное движение евреев не совместимы с интересами османского государства. Он потребовал, чтобы порт Яффо был закрыт для еврейских иммигрантов. Много было сказано и написано о намерениях сионистов создать в Палестине еврейское государство. Депутаты-арабы говорили и о якобы подкупе османских властей, вследствие

чего евреи ухитрялись избегать воинской службы, теперь обязательной для всех, и обеспечивать молодежь работой в поселениях, тогда как мусульмане и христиане, не имея альтернативы, были вынуждены терпеть невзгоды воинской службы. Помимо статей в газетах, телеграмм протеста в адрес правительства и делегаций в Стамбул, в 1910 г. арабы призывали к бойкоту еврейских товаров и бизнеса. Впрочем, бойкот был взаимным. В мае 1910 г. арабская пресса обрушилась на семью Сарсак за намерение продать евреям земли деревень Фулах и Афулах. Арабское население Назарета и Хайфы направило в Стамбул телеграммы с протестом против скупки земли. Они обвиняли сионистов в том, что те лишают земли местное арабское население, выступали против деятельности Англо-палестинской компании, дававшей поселенцам ипотеку для приобретения земли, а также требовали от одного из триумвиров младотурецкого правительства, Талаат-бея, полного запрета еврейской иммиграции в Палестину и приобретения в ней земли приезжими.

Вся эта кампания не была тщетной. Когда один из чиновников британского посольства в Стамбуле говорил тому же Талаат-бею о том, что правительство ограничивает возможности обработки фактически брошенной и пустующей земли, последний отвечал, что правительство не может не реагировать на многочисленные жалобы местных жителей, которые настаивали на новом более жестком законодательстве против еврейской иммиграции в Палестину. Очевидно, все-таки эти протесты не дали ожидаемых результатов, поскольку вновь поступали телеграммы протеста председателю меджлиса, великому везиру, а также во многие газеты. Когда разочарование достигло значительной степени, были приняты меры к созданию фонда для скупки арабских земель исключительно арабами. Местные власти ограничили и жестко регулировали продажу земельных участков в Хайфе. Формировались комитеты местных арабов для контроля за числом прибывавших морем в Хайфу евреев. Контроля они требовали и от мутасаррыфа. В период балканских войн 1912–1913 гг. усилилась напряженность между общинами арабов-мусульман и арабов-христиан. Однако Палестина была исключением. Обе эти общины здесь солидарно выступали против «сионистской опасности».

Арабская газета «Фаластин» в ноябре 1912 г. в очередной публикации обвинила мутасаррыфа в продаже земли евреям. В той же газете в ряде статей теперь уже пропаган-

дировались передовые технологии и организационные методы освоения земель, применявшиеся сионистами. При этом в них подчеркивалось, что приобретение арабами новых знаний и навыков способствует более эффективному противостоянию и борьбе с сионистами⁴⁰.

В июне 1913 г. в Париже собрался I Арабский конгресс, в котором участвовали видные деятели арабского национального движения. На этом конгрессе была сделана попытка сформулировать программу на основе партнерства и полного равенства между арабами и турками в Османской империи. Ввиду фактической децентрализации и начавшегося распада империи делегаты требовали, чтобы правительство признало арабскую автономию Палестины с самыми широкими полномочиями, а также ее представительство во всех законодательных и исполнительных органах государства. Они настаивали на культурной автономии и признании за арабским языком статуса официального. На конгрессе были и те, кто заявил целью арабского национального движения достижение полной независимости от Стамбула арабских провинций. Надо заметить, что в этот период имели место попытки некоторых арабских политиков пойти на временный союз с сионистами против турок. Однако очень скоро стало очевидным, что такой, даже временный, союз был неприемлем для обеих сторон. Гораздо успешнее функционировали арабские антиссионистские организации.

В феврале 1914 г. арабские антиссионистские организации действовали в Стамбуле, Иерусалиме и Яффо. Лидеры этих организаций планировали открыть их филиалы во всех городах Палестины. Они объявили следующие задачи:

1. Противодействие сионистам всеми возможными методами. Активизация общественного мнения, объединение всех арабских сил, пропаганда программы обществ среди всех категорий арабского населения Сирии и Палестины.

2. Активизация экономической деятельности, осуществление коммерческих и сельскохозяйственных проектов. Просвещение земледельческого населения для поднятия его конкурентоспособности.

3. Противодействие еврейской иммиграции⁴¹.

В июле 1914 г. в антииммигрантскую борьбу включились арабские женские организации.

Арабская палестинская пресса в эти годы не пренебрегала откровенной демагогией. Делались попытки дифференцировать евреев на местных – «хороших» и прибывших сио-

нистов – «плохих». Эти газеты сообщали читателям, что 10 лет назад евреи жили в Палестине как «османские братья», любимые «всеми османскими расами...» Не кто иной, как сионисты, положили всему этому конец. Именно они препятствуют взаимодействию местных евреев со всем остальным местным населением, «бойкотируют арабский язык и арабскую торговлю, к тому же собираются очистить страну от ее жителей»⁴².

Массированная антиссионистская кампания продолжалась до начала Первой мировой войны. В условиях упадка многие институты Османской империи работали неэффективно. Власти не могли поддерживать порядок и обеспечить безопасность ее жителей. Участились нападения арабов на еврейские поселения, убийства, ограбления, кражи. Поселенцы вынуждены были заниматься охраной поселений. Эту задачу выполняла организация «Ха-Шомер».

Развитию провинции способствовало железнодорожное строительство. Железная дорога из Яффо в Иерусалим была построена французской компанией в 1892 г. Она содействовала увеличению числа паломников и туристов в Иерусалим, развитию небольших городов, таких как Лидда и Рамалла. Несколько дорог, построенных в конце XIX в., плохо содержалось и приходило в упадок⁴³.

В 1908 г. несколько французских и турецких предпринимателей ходатайствовали перед правительством о концессии на постройку железнодорожной линии Яффо – Порт-Саид через Газу и Эль-Ариш. В этом же году приступили к строительству линии Хайфа – Иерусалим⁴⁴.

Газета «Рассвет» сообщала как о достижениях, так и о многочисленных проблемах палестинских евреев. В 1913 г. был основан Естественнонаучный институт. Одним из первых его мероприятий стало воззвание к евреям-врачам всех стран, в котором говорилось, что санитарное состояние в палестинских городах и сельских районах, несмотря на некоторый прогресс, оставляет желать лучшего. Руководство института предполагало сотрудничать с другими медицинскими учреждениями в стране и за рубежом. В программу института входили борьба с малярией и трахомой, забота о надлежащем уходе за грудными младенцами и о школьной гигиене, распространение брошюр по санитарии и гигиене, забота о более эффективной врачебной помощи с использованием природных условий страны, поддержка уже существующих медицинских учреждений и научных работ.

Случались неблагоприятные годы, когда население нуждалось в самом необходимом, прежде всего в продовольствии. Газета сообщала, что такая нужда в Цфате сказалась и на положении дел в местной больнице. Община была не в состоянии больше ее содержать. Ее руководство обратилось к заграничным единоверцам за помощью для этого столь необходимого учреждения. А пожертвования в еврейские общины поступали. Из сообщения одной местной газеты стало известно, что супруги Тиц из Берлина во время своего последнего посещения Палестины пожертвовали 15 000 марок для устройства еврейского театра в Иерусалиме⁴⁵.

Первая мировая война обнажила назревавшие противоречия европейских держав на Ближнем Востоке. Палестина и в XIX в. была объектом их соперничества, что не в последнюю очередь привело к Крымской войне. Каждая из держав пыталась в борьбе с турками и между собой использовать внутренние конфликты в Палестине.

Конфликт турок с эмиром Хуссейном, шерифом Мекки, возник задолго до мировой войны. Турки держали его в заключении в Стамбуле, и он сумел вернуться в Хиджаз в 1908 г. Его сын Абдалла обещал англичанам поддержку своих сторонников еще до того, как Османская империя вступила в войну. Он настаивал на разрыве с турками. Тогда англичане отказались от этого союза.

Турция вступила в войну в ноябре 1914 г. Лорд Киченер, с которым Абдалла вел переговоры, считал теперь выгодным привлечь арабов на сторону Великобритании. Султан вознамерился объявить джихад «неверным», т.е. странам Антанты, тогда как другие «неверные», та же Германия, воевали в союзе с султаном.

В 1914–1915 гг. между Хиджазом и Великобританией существовали контакты. Арабы надеялись на создание независимого Арабского королевства, которое на севере простиралось бы до границы с Ираном, на востоке – до залива Басры, на юге – до Индийского океана, исключая Аден, на западе – от Красного и Средиземного морей до Мерсина. В это обширное Арабское королевство арабы предполагали включить вилайеты Алеппо и Бейрут. Но эти территории входили в сферу интересов Франции, и требовались дополнительные переговоры. В переписке Хуссейна с верховным комиссаром в Египте Генри Мак-Магоном Палестина не упоминалась. Англичане исключили Палестину из обсуждавшихся тогда границ Арабского королевства. В 1917 г. арабы настаивали на включении

в него Палестины. В самой Великобритании тогда не было единого мнения по этому вопросу. Англичане указывали на значительные интересы христиан всего мира в этой стране.

Однако существуют ссылки на якобы найденный в 1964 г. в университете Стэнфорда документ от 24 октября 1915 г., где говорится о некой договоренности Мак-Магона с шерифом Мекки о передаче Палестины Арабскому королевству⁴⁶. Но гораздо больше данных о том, что англичане изначально, а тем более позднее, не собирались включать Палестину в состав арабского государства.

В 1916 г. между Великобританией и Францией было заключено соглашение, подготовленное английским дипломатом М. Сайксом и французом Ф.Ж.-Пико. По этому соглашению палестинские территории между Хевроном и озером Кинерет, между средиземноморским побережьем и рекой Иордан должны были перейти под совместное англо-франко-русское управление, обеспечивавшее бы на этих землях права всех религий. Заиорданье и пустыню Негев предполагалось включить в состав арабского государства под британским протекторатом, а Сирия должна была стать арабским государством под французским протекторатом. Державы Антанты спешили, поскольку у Германии был свой план устройства Палестины, для чего было организовано германо-еврейское общество, начались переговоры с великим везиром Талаат-пашой, который весьма смутно ответил, что чаяниями евреев нельзя пренебрегать. В феврале 1917 г. М. Сайкс встретился для обсуждения перспектив поселенческого движения в Палестине с сионистскими лидерами, понимая, что их нельзя вовсе игнорировать в нелегко складывавшихся переговорах европейских держав.

Письмо лорда Бальфура лорду Лайонелу Уолтеру Ротшильду от 2 ноября 1917 г., ставшее известным как декларация Бальфура о планах создания еврейского очага в Палестине, окончательно развеяло иллюзии значительной части арабов на включение этой османской провинции в состав арабского государства. Бальфур высказал мнение лишь части британской элиты, рассчитывавшей на поддержку в войне евреев США. 11 декабря 1917 г. британский экспедиционный корпус вошел в Иерусалим вопреки резким протестам арабов-мусульман и арабов-христиан. Жители северной части страны оставались под турецкой властью до сентября 1918 г.

На международной конференции в Сан-Ремо 24 апреля 1920 г. было принято решение передать управление Палес-

тиной Великобритании и возложить на нее ответственность за осуществление принципов декларации Бальфура, от которой впоследствии Англия фактически отказалась.

Вопрос об окончательных границах Палестины должен был решиться в ходе переговоров между Великобританией и Францией. Соответствующие параграфы вошли в текст Севрского договора от 10 мая 1920 г., подписанного державами Антанты и султанским правительством. Из-за сложных международных переговоров о статусе Святых мест, форме правления в Сирии и Ливане и границах между Сирией и Ираком британский мандат в Палестине был утвержден Советом Лиги Наций почти два года спустя – 24 июля 1922 г. Дело в том, что республиканское правительство Мустафы Кемалю отказалось ратифицировать Севрский договор, подписанный султанским правительством, как несовместимый с интересами Турции. Мандат вступил в силу лишь 29 сентября 1923 г. после ратификации Лозаннского договора, по которому Турция отказалась от тех частей Османской империи, которые фактически ею были утрачены.

Примечания

¹ Цит. по: Heyd U. Ottoman Documents on Palestine 1552–1615. A Study of the Firman according to the Mühimme Defteri. Oxford, 1960. P. 39.

² Notes and Documents from the Turkish Archives... P. 5–6.

³ Cohen A. Jewish life under Islam Jerusalem in the sixteenth century. Harvard University press, Cambridge and London, 1984 P. 16.

⁴ Notes and Documents from the Turkish Archives... P. 22, 24.

⁵ Cohen A. Jewish life... P. 21–24.

⁶ Heyd U. Ottoman Documents on Palestine... P. 163.

⁷ Idem. P. 163, 173.

⁸ Cohen A. Jewish life... P. 36–41.

⁹ Idem. P. 54–56.

¹⁰ Gibb H., Bowen H. Islamic Society and the West: a study of the Impact of Western Civilization on Moslem Culture in the Near East. T. 1. L., 1950. P. 122.

¹¹ Deshen Sh., Zenner W. Jewish Societies in the Middle East. Community, Culture and Authority. Lanham – N.Y. – L., 1982. P. 161–164.

¹² Базили К. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Ч. I. Одесса, 1862. С. 114–115; Краткая еврейская энциклопедия. Общество по исследованию еврейских общин. Т. 3. Иерусалим, 1986. С. 178.

- ¹³ Ma'oz M. Ottoman Reform in Syria and Palestine 1840–1861. The Impact of the Tanzimat on Politics and Society. Oxford, 1968. P. 30–33.
- ¹⁴ Khader B. Histoire de la Palestine. T. I. Maison Tunisienne de l'Édition, 1976. P. 75.
- ¹⁵ Ma'oz M. Ottoman Reform... P. 46–49.
- ¹⁶ Deshen Sh., Zenner W. Jewish Societies... P. 166.
- ¹⁷ Ma'oz M. Ottoman Reform... P. 198, 204–205.
- ¹⁸ Маркс К. Объявление войны: К истории возникновения Восточного вопроса. – Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 10. С. 172–173.
- ¹⁹ Williams G. The Holy City. L., 1845. P. 432.
- ²⁰ Friedman I. The System of Capitulations and its Effects on Turco-Jewish Relations in Palestine 1856–1897. – Palestine in the late Ottoman period. Political, Social and Economic Transformation. Ed. by Kushner D. Yad Izhak Ben-Zvi, Jerusalem – E.J. Brill. Leiden. P. 281.
- ²¹ Idem. P. 283.
- ²² Ma'oz M. Ottoman Reform... P. 227.
- ²³ Davison R. Reform in the Ottoman Empire 1856–1876. Princeton, 1963. P. 71–72.
- ²⁴ Ma'oz M. Ottoman Reform... P. 231, 240–241.
- ²⁵ Kayyalı A. Palestine. A Modern History. L., б.д. P. 11.
- ²⁶ Friedman I. The System of Capitulations... P. 284–285.
- ²⁷ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 3. С. 183.
- ²⁸ Friedman I. The System of Capitulations... P. 286.
- ²⁹ Kayyalı A. Palestine... P. 16–17.
- ³⁰ Mandel N. Turks, Arabs and Jewish Immigration into Palestine 1882–1914. Oxford, 1965. P. 133.
- ³¹ Friedman I. The System of Capitulations... P. 287–288.
- ³² Straus O. Under Four Administrations. N.Y., 1923. P. 80–84.
- ³³ Khader B. Histoire de la Palestine. T. I. P. 153.
- ³⁴ Graham-Brown S. Palestinians and their society. 1880–1946. L.–Melbourne–N.Y., 1980. P. 158.
- ³⁵ Разсвѣтъ, № 41. СПб., 26 октября 1908 г. С. 16.
- ³⁶ Там же С. 18.
- ³⁷ Разсвѣтъ, № 47, 7 декабря 1908 г. С. 18.
- ³⁸ Разсвѣтъ, № 41, 26 октября 1908 г. С. 17.
- ³⁹ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 3. С. 188.
- ⁴⁰ Kayyalı A. Palestine... P. 25, 28–29.
- ⁴¹ Idem. P. 29–33.
- ⁴² Idem P. 39.
- ⁴³ Graham-Brown S. Palestinians and their society 1880–1946. P. 94–95.
- ⁴⁴ Разсвѣтъ, № 47, 7 декабря, 1908. С. 18.
- ⁴⁵ Разсвѣтъ, № 13, 29 марта 1913. С. 22.
- ⁴⁶ Khader B. Histoire de la Palestine. T. I. P. 155–158.

ЕВРЕИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ

В течение нескольких столетий религиозно-правовой системой османского государства был шариат. При султанах турки-мусульмане составляли господствующий слой населения – народ-завоеватель. Они были не только солдатами и чиновниками, но и земледельцами. Пропуск в привилегированный слой давала, прежде всего, религиозная, а не этническая принадлежность. Везирами, вали, каймаками, служащими налоговых ведомств могли быть этнические нетурки. Великими везирами были не только турки, но и другие мусульмане: албанцы, сирийцы, курды. Один из высших постов в государстве занимали греки и армяне, принявшие ислам.

Реформы XIX в. не смогли консолидировать и удержать в одном государстве разнородное этнически и конфессионально население. Не помогла идеология османизма – общего отечества мусульманских и немусульманских народов. Османская империя до самого конца своего существования оставалась конгломератом турок, греков, албанцев, курдов, армян, лазов, евреев, друзов, арабов, татар, славянских народов и т.д., отличавшихся языком, и религией, и культурными традициями. Разные общины имели собственные социальные институты, и хотя они вынуждены были подчиняться господствовавшему в империи нормам шариата, но имели и собственные судебные системы, которые регулировали внутриобщинную жизнь. Межобщинные связи были очень слабы. Люди столетиями жили в одном государстве, но не ощущали и не признавали друг друга соотечественниками. Такого понятия в ориентированном на исламские нормы государстве просто не существовало.

Среди немусульман было немало предприимчивых и энергичных людей, находившихся в жесточайшей конкуренции друг с другом. Очень сильны были внутриобщинные связи, без которых было просто не выжить в условиях такой конкуренции. Немусульмане становились коммерсантами, лавочниками, финансистами, медиками, посредниками в торговле турок с другими народами. Постепенно они скапливали капиталы, тогда как турки сражались в многочисленных войнах империи.

К началу XX в. немусульманские общины занимали ключевые позиции во многих сферах экономики. В распадавшейся

империи чиновники и офицеры, большинство из которых были турками, всё хуже оплачивались обедневшим государством.

В империи набирала обороты идеология пантюркизма, позднее трансформировавшаяся в турецкий национализм.

С завершением Первой мировой войны и оккупацией Стамбула странами Антанты еврейская община оказалась разоренной, как и все население Турции. В годы оккупации главный раввин общины Нахум пытался побудить своих единомышленников солидаризироваться с армянами и греками против турок, но без особого успеха. Его преемники Исаак Ариэль и Хаим Бежорано пытались участвовать в мероприятиях турецких властей в то время, когда армянский и греческий патриархи прервали с турками всякие отношения.

Евреи участвовали в парламентских выборах, греки и армяне – нет. В период оккупации странами Антанты части турецкой территории греки и армяне исключили из школьных программ изучение турецкого языка, евреи – нет.

После победы кемалистов в национально-освободительной войне 1918–1923 гг. новая идеология на несколько десятилетий стала господствующей в Турецкой республике.

Начавшееся в XIX в. в годы реформ султана Махмуда II, а затем в годы Танзимата сближение османских норм в политике, экономике и культуре с европейскими существенно изменило структуры мусульманского государства.

Однако слом старых структур и подлинное обновление общества и государства начались уже в период становления Турецкой республики. Столь радикальному обновлению способствовало поражение османского государства в Первой мировой войне. Это был развал некогда могущественной империи. На смену полиэтническому, поликонфессиональному обществу пришло общество более однородное, где мусульмане составили подавляющее большинство. Большинство оказались турки.

Население республиканской Турции в первые годы ее существования составило 17 004 043 человека (исключая провинцию Карс, присоединенную позднее). Из них:

мусульман	13 721 854	80,7%
греков	1 555 936	9,2%
армян	1 449 431	8,5%
других христиан	139 273	0,8%
евреев	130 592	0,8%
езидов	6957	

Евреи сосредоточились в основном в крупных городах Западной Турции. 84% жили в Стамбуле, вилайетах Эдирне и Айдын. В центре и на востоке Анатолии их общин было совсем немного и они были малочисленны¹.

После победы кемалистов в войне за независимость прежняя имперская теократическая система управления была упразднена. Новая власть ликвидировала институт шейх-уль-ислама и шариат как источник права.

В 1923 г. Турецкая республика была объявлена светским государством. В этих условиях отношения между турецким большинством и немусульманскими меньшинствами должны были стать другими, нежели в Османской империи.

В том же 1923 г. Турция подписала Лозаннский мирный договор с европейскими державами. Статьи 37–45 этого договора определяли личностный и семейный статус, а также права меньшинств. В статье 42 говорилось о том, что турецкое правительство обязуется учитывать специфику личностного и семейного статуса немусульман, который регламентируется их собственными обычаями.

Законодательные положения на этот счет следовало разработать специальным комиссиям, состоящим из равного числа представителей турецких властей и каждого из меньшинств. В случае могущих возникнуть разногласий турецкое правительство и национальные советы по общему согласию могли назначить верховного арбитра из числа европейских юрисконсультов.

В Лозаннском договоре 1923 г. был раздел, озаглавленный «Защита национальных меньшинств», который гарантировал им международную защиту. Были еще пункты, с которыми кемалистское правительство не хотело согласиться, которые, как полагал первый турецкий президент Мустафа Кемаль, державы Антанты пытались навязать Турции:

а) вернуть в прежние места проживания всех нетурок, покинувших свои дома в период военных действий. Для контроля над восстановлением прав нетурок должна была быть создана арбитражная комиссия, а ее председатель назначался Лигой Наций.

В договоре говорилось и о необходимости возвращения имущества беженцев и насильственно перемещенных лиц, а также о наказании виновных в депортациях групп населения.

б) Турецкое правительство должно было представить в двухлетний срок правительствам стран Антанты проект из-

бирательного закона, обеспечивающего пропорциональное представительство меньшинств в парламенте.

в) Все привилегии Константинопольской патриархии и других подобных религиозных институтов требовалось восстановить и расширить. Причем право контроля турецких властей над школами, больницами и другими социальными учреждениями национальных меньшинств следовало отменить.

г) После консультаций с советом Лиги Наций державы Антанты намеревались определить те меры, которые следовало принять для выполнения всех этих решений².

Следует заметить, что эти положения Лозаннского мирного договора 1923 г. были разработаны европейскими державами еще до принятия нового турецкого законодательства, в основу которого был положен швейцарский гражданский кодекс. Раздел Лозаннского договора «Защита национальных меньшинств», ставивший часть турецкого населения под международную протекцию, не в последнюю очередь подтолкнул республиканское правительство к принятию единых для всех турецких граждан законов. Наряду с декларируемыми равными правами для всех граждан власти покончили и с существовавшей несколько столетий общинной автономией немусульман, и с капитуляциями для иноподданных.

Евреи с настороженностью отнеслись к продекларированным в Лозаннском договоре правам и предпочитали избегать малейшей конфронтации с турецкими властями. Они составили формальный отказ от новых прав, содержащихся в Лозаннском трактате. Вот содержание этого отказа:

«В связи с тем, что в Турецкой республике был принят и провозглашен принцип разделения религиозных и светских институтов государства, принцип существующий давно в других цивилизованных странах, были разработаны новые законы на светской основе. Мы созвали чрезвычайное заседание совета еврейской общины под председательством главного раввина. На этом заседании присутствовали члены и светских и религиозных советов, а также именитые люди, приглашенные главным раввином из еврейских общин Турции для рассмотрения семейных прав и личного статуса членов общины в связи с новыми нормами турецкого права. На этом заседании были приняты следующие решения, которые мы сочли своим долгом представить нашему республиканскому правительству.

Поскольку положения статьи 42 Лозаннского трактата, касающиеся традиций и обычаев национальных меньшинств,

должны быть доработаны специальной комиссией, то нужно заметить следующее обстоятельство.

Ставя подпись под этим трактатом, наше национальное правительство принимало в расчет личностный статус и семейные права, в основе которых были религиозные принципы мусульман, но которые не могут быть применимы к немусульманским меньшинствам. Для каждого из них должны быть разработаны специальные положения.

Но так как, с принятием нового гражданского кодекса и полного разделения религиозных и светских сфер, новые законы не содержат религиозной специфики, то в силу прогресса современного права в Турции больше нет необходимости в разработке особого семейного права евреев. Но даже в случае какого-либо противоречия [с нашей традицией нового законодательства] параллельная разработка исключительных положений означала бы лишение евреев личного статуса, основанного на светских принципах.

Впрочем, как свидетельствуют источники и исторический опыт, евреи не только не безразличны к политическим и социальным революционным движениям тех стран, в которых они живут, но, напротив, они в этих движениях участвуют и вносят в них свое понимание вещей.

Однако поскольку теперь политический и социальный режим в Турецкой республике целиком основан на разделении светских и религиозных начал, а евреи всегда считали себя истинными чадами этой страны, то они не могут понять, почему к ним должны быть применимы положения, противоречащие тому статусу, который принят в цивилизованном мире.

Что же касается наших гражданских потребностей, то, безусловно, они будут учтены в той же мере, как и потребности всех граждан, живущих в пределах современной Турции.

Что же касается вопросов бракосочетания и развода, то евреи могут их решать так же, как это принято в Европе и США, в соответствии с провозглашенным и утвержденным в Органическом статуте Республики принципом свободы совести, принципом, подтвержденным главным раввином для всех еврейских религиозных центров Турции. Эти церемонии выполняются в соответствии с нашим религиозным законом, к соблюдению которого нет никаких препятствий.

Учитывая всё вышеизложенное, мы, турецкие евреи, как и другие граждане, желаем руководствоваться светскими законами и положениями, которые республиканское прави-

тельство сочло необходимым опубликовать относительно семейного права и личностного статуса всех граждан, и мы ему выражаем чувства нашей неизменной признательности*.
15 сентября 1925 г.»

Далее следуют подписи.

Республиканские власти оценили позицию еврейской общины в сложное время оккупации части страны и в период национально-освободительной войны 1918–1923 гг.

10 декабря 1922 г. община турецких евреев Женевы организовала банкет в честь турецкой делегации на Лозаннской конференции. Глава делегации Исмет-паша Иненю очень тепло отозвался о турецких евреях и их взаимоотношениях с турками. Он отметил их трудолюбие и патриотизм. «Они, – заметил Исмет-паша, – не подставляют свои уши эху из-за границы и считают нашу страну своей»³.

Столь же благожелательно отозвался о турецких евреях Мустафа Кемаль 2 февраля 1923 г. на конференции в честь взятия Измира турецкими войсками. Ататюрку задали вопрос: «Паша, каково Ваше мнение о еврейских согражданах, которые пережили вместе с турками и радости и беды?» На что последовал ответ: «У нас действительно есть оставшиеся нам верными соотечественники, разделившие участь доминирующего элемента, каковым является турецкий народ. Евреи в особенности доказали свою приверженность нашей нации и стране, в которой они до сих пор чувствовали себя благополучно, и в дальнейшем мы сохраним для них такие же условия жизни»⁴.

Подобным же образом первый президент Турецкой республики неоднократно высказывался по разным поводам.

Действительно, в течение нескольких веков существования османского государства, а затем и в первые десятилетия Турецкой республики турецкие евреи, главным образом сефарды, не доставляли особых хлопот правительствам этих государств. Они не претендовали на территории и независимый государственный статус, как греки и армяне. Сионисты, со второй половины XIX в. активизировавшиеся в Палестине и добивавшиеся прав на ее земли, в подавляющем большинстве ашкенази, были выходцами из Российской империи, включавшей тогда Украину и Польшу, а также из других стран Европы. Многие поколения турецких евреев столетиями со-

* Документ опубликован в книге: A. Galanté. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 235–236.

хранили память о предоставленном им убежище в годы изгнания и преследований в Европе.

Европейцы – свидетели агонии османского государства и становления новой Турции, в частности француз Поль Жантисон, обратили внимание на складывавшиеся в первые годы Республики относительно благоприятные условия для сильно поредевших еврейских общин. Учитывая условия разорения страны в войнах начала XX в. и бедности еврейских общин, можно говорить об очень относительном благополучии.

«Природная смекалка и неизменное трудолюбие, – отмечал француз, – позволили турецким евреям в эти годы приобрести исключительные позиции в деловой сфере: в банках, на бирже, в торговле и промышленности. В первые годы Турецкой республики они оказались способными занять множество освободившихся вакансий вследствие депортации греков и трагедии армян»⁵.

Турецкая конституция 1924 г., вполне светская и отвечающая потребностям новой власти, была обращена к гражданину-индивидууму, а не к инородцам и «неверным». В ней содержалось европейское понятие о политической нации. Турком считался не только этнический турок, но также гражданин Турции любого этнического происхождения, подобно тому как гражданином Франции, т.е. французом, считался и этнический поляк, и алжирский араб, и русский, и еврей.

Конституция значительно опередила самосознание людей, процесс формирования нового общества. При всех достижениях новой Турции оставались прежними культурные традиции и стереотипы сознания отдельных этнических групп, их представления о собственном месте в обновленном турецком государстве и о том, каковым должно быть место других.

Нельзя не отметить, что турки одни сражались за независимость Анатолии и помнили о позиции немусульманских общин, большинство из которых было на стороне Антанты, против турок. Они не слишком доверяли заверениям глав общин в лояльности к новому режиму. А кроме того, турки помнили и о своем прежнем главенствующем положении в империи.

Таким образом, принятие общих для всех законов не означало решения всех конфликтов на религиозной и цивилизационной почве. С упрочением новых институтов и положения властей придерживающих всех уровней постепенно возобладал обычный универсальный националистический лозунг «Турция для турок». Турецкие националисты не скрывали своей

цели – создать полностью однородное в этноконфессиональном плане население в национальных границах. Они призывали турок занять места в банках, промышленности, торговле.

По указу Управления стамбульской торговли ее учреждения обязаны были представить списки всех служащих. Все эти учреждения в составе своего персонала должны были иметь не менее 50% турок. Тогда же анкарское правительство приняло закон об обязательном употреблении турецкого языка во всех иностранных учреждениях на территории Турции, какие бы то ни было операции, оформление контрактов, деловая корреспонденция, бухгалтерская отчетность, торговые книги должны были вестись на турецком языке⁶.

После объявления Турецкой республики национальным государством турок Всеобщий еврейский альянс прекратил там свою деятельность. Теперь он не мог вмешиваться в процесс обучения детей – граждан Турции. Прежние школы Альянса стали общинными школами, в которых преподавание велось на турецком языке. Обязательными предметами в еврейских школах стали также турецкая история, география, турецкая литература.

Однако при всех усилиях интегрироваться в новое турецкое общество турецкие евреи резко выделялись собственными культурными традициями, языком, а также на первых порах они все еще доминировали в различных сферах экономики, что раздражало националистов.

Новая Турция не могла легко и быстро преодолеть специфику традиционного разделения труда, хотя турецкая молодежь все более вовлекалась в сферу техники, торговли, деловой активности.

По мере обретения уверенности в завтрашнем дне часть турецкой элиты в качестве оборотной стороны исповедуемого турецкого национализма проникалась духом ксенофобии – неприязни и даже ненависти к инородцам. Для нее антисемитизм становился чем-то вроде моды. Евреев упрекали в том, что они оставались чуждыми турецким национальным идеалам и недостаточно интегрированы в турецкое общество, что они свои частные интересы ставят выше общетурецких.

Масла в огонь подлила группа стамбульских евреев, направивших в Мадрид поздравительное послание по случаю очередной годовщины открытия Колумбом Америки. В этом послании будто бы выражались теплые чувства к некогда покинутой родине. Тысячи евреев осудили этот поступок и поспешили высказать лояльность к анкарским властям. Ту-

рецкая пресса быстро раздула скандал. Позднее слух об этом послании был опровергнут. Вскоре два депутата Великого национального собрания, Бессим Аталай-бей и Мехмед Васфи-бей, поднялись на трибуну и объявили о «еврейской угрозе». Последний даже потребовал «национализировать биржу» и призвал «следовать решительной антиеврейской политике». Однако министр финансов от имени правительства высказался против столь агрессивных мер. «Если еврейская община, – заявил он, – динамична, работоспособна и активна – это проявление ее внутренних и наследуемых качеств. Единственное, что мы могли бы сделать, – это последовать их примеру и работать так, как они... У нас нет никаких поводов жаловаться на еврейский элемент Турции. Из всех налогоплательщиков евреи, конечно, наиболее добросовестно выполняют свои фискальные обязанности... Турецкая юстиция очень редко может обвинить их в каких-либо нарушениях законов. Они не вмешиваются в политику, а спокойно занимаются своими делами... Большую часть своих капиталов они инвестируют в недвижимость, которая украшает города».

Тогда же Исмет-паша выразил одобрение турецким евреям «как надежному и полезному элементу», тем самым закрыв развязанную антисемитскую кампанию. Все-таки стамбульскую биржу временно закрыли⁷.

Сложившиеся обстоятельства вынудили еврейское меньшинство ускоренно адаптироваться к требованиям нового режима. Как уже говорилось, во всех еврейских школах даже в ущерб родному для сефардов ладино, а также широко распространенному ранее французскому, с начальных классов обучение велось на турецком языке. Постепенно еврейская молодежь начала свободно говорить и писать по-турецки. Ладино остался разговорным языком в еврейских общинах Стамбула, Измира, других городов, хотя в некоторых семьях начали говорить по-турецки. Усвоению нетурками турецкого языка значительно способствовал перевод его с арабской графики на латиницу.

Реформа, основанная на принципе разделения светской и духовной сфер жизни, затронула все без исключения общины, мусульман в том числе. Реорганизации подвергся также институт главного раввина, который теперь не вполне соответствовал нормам лаицизма, закрепленным в турецкой конституции.

Деятельность главного раввината была ограничена только отпращиванием культа: обрезанием, ритуальным забоем

ската, благословением новобрачных, контролем за производством мацы и т.д.

Школы, больницы, благотворительные учреждения стали автономными и подотчетными непосредственно общине. Что касается самого главного раввина, то он, как и Константинопольский патриарх, как шейх-уль-ислам, не получал каких-либо привилегий. Главный раввин согласился сменить свое традиционное одеяние и начал носить европейский гражданский костюм.

В целом же, если оценивать положение турецких евреев сравнительно с тем, каким оно было в России, Польше, Венгрии, Румынии и других европейских и ряде азиатских стран, оно было относительно благополучным. В Турции не было черты оседлости, погромов, преследований на этнической и религиозной почве; евреи в отличие от греков и армян не подвергались депортациям; в турецких образовательных учреждениях не было процентной нормы, хотя, как уже говорилось, в государственных учреждениях она существовала. В Турции евреи не подвергались судебным репрессиям и расстрелам, как это случилось в СССР с «Еврейским антифашистским комитетом», не было гонений на «безродных космополитов».

Но, конечно, безоблачным их положение назвать нельзя. В сентябре 1927 г. кровавое событие осложнило отношения стамбульских властей с еврейской общиной.

Молодая девушка-еврейка Эльза Ньюго несколько месяцев подвергалась домогательствам некоего 45-летнего Осман-бея, сына бывшего члена султанского кабинета Ратиб-паши. Этот человек был известен как прожигатель жизни. Раньше он служил морским атташе в Лондоне, где женился на англичанке. Не разведясь с первой женой, он вторично женился в Турции, хотя новые турецкие законы не поощряли многоженство. Заметив как-то Эльзу на пароходе, курсировавшем между Стамбулом и Принцевыми островами, он начал ее назойливо преследовать.

Эльза, вначале польщенная настойчивыми ухаживаниями турка из высокопоставленной семьи, все же отклонила их. Она уже была помолвлена с ровесником-единоверцем. Осман-бей подстерег жениха и набросился на него с угрозами физической расправы. Семья Ньюго подала жалобу в полицию, и виновный был арестован на несколько суток. Но едва он вышел на свободу, как возобновил домогательства. Он решил похитить девушку. Нанял двух человек, которые дожи-

дались ее в автомобиле рядом с местом ее работы. Однако умысел был обнаружен, а полиция возобновила расследование по жалобе семьи Ньего. Взбешенный перспективой повторного ареста, Осман-бей принял большую дозу раки (рисовой водки), купил кинжал и спрятался на улице, по которой Эльза возвращалась домой. Едва она появилась в сопровождении сестры и кузины, как Осман-бей сзади нанес ей удар в сонную артерию. Не обращая внимания на крики сопровождавших ее женщин, убийца схватил девушку за волосы и нанес еще несколько ударов в живот.

Это случилось в 6 часов вечера в еврейском квартале Стамбула Догруйол, близ районов Пера и Галата. Очень быстро собралась толпа. Убийцу избивали кулаками и палками. Говорили, что какой-то сапожник разбил скамейку о его голову. Полиция прибыла очень быстро и предотвратила самосуд.

На похоронах Эльзы звучали крики возмущения и протеста. Особенно активные были арестованы по обвинению в беспорядках, но спустя несколько недель затеянный против них процесс захлебнулся. Подсудимые были оправданы⁸.

А. Галанти дополнил сведения об этом деле. Он сообщал, что убийца страдал психическим расстройством. Десять лет спустя он был помещен в психиатрическую клинику, где погиб от руки одного из пациентов⁹.

Несомненно, подобные истории имели место и в прошлом, в эпоху янычарской вольницы. Но изменилось отношение к таким преступлениям не только со стороны властей, но и самих евреев. Их протест был услышан, хотя освещение произошедшего в турецкой прессе было различным. Снова появились статьи, осуждавшие евреев за старания сохранить собственную идентичность, за отсутствие интеграции в турецкое общество, как это понимали авторы статей, ссылавшиеся на результаты многолетних интеграционных процессов во Франции, Англии, Италии, других европейских странах.

С приходом к власти нацистов в Германии в 1933 г. пронацистские настроения оживились во многих европейских странах. Идеями нацизма заразилась и часть элиты США, что на первых порах мешало президенту Рузвельту активизировать борьбу с германским режимом. Составной и значительной частью этой идеологии был антисемитизм. Вчерашние граждане многих европейских стран превратились в беженцев, а их соседи нередко участвовали в расстрелах и грабежах имущества вчерашних соотечественников. Ни одно правительство, даже зная правду о теории и практике нациз-

ма, не спешило защитить уничтожаемый народ. Границы европейских держав, свободных от немецкой оккупации, как и границы США, оказались закрытыми перед еврейскими беженцами.

Спасти удалось очень немногим. Проблему беженцев пришлось решать и турецким властям.

В январе 1938 г. бывший министр сельского хозяйства, ставший депутатом меджлиса, Сабри Топрак внес в повестку дня два законопроекта. Первый предлагал существенно ограничить иммиграцию в страну и касался исключительно евреев. Второй обязывал всех граждан под угрозой штрафов говорить только по-турецки. Он был направлен против всех нетурок. Оба проекта были отвергнуты комиссией, которую возглавлял Шюкрю Кайя. Дело в том, что уже существовали правительственные постановления и об иммиграции, и насчет обязательности повсеместного употребления турецкого языка.

Тогдашний премьер-министр Джеляль Баяр и министр внутренних дел Шюкрю Кайя выступили в Ялова перед группой журналистов. Они заявили следующее: «У нас нет еврейского вопроса или какого-либо иного, касающегося меньшинств. Мы бы не хотели их искусственно инициировать, имитируя то, что происходит за границей. Турецкие законы содержат вполне определенные положения на этот счет, а законы должны исполняться»¹⁰.

Турецкие законы, как и степень их исполнения в предвоенные и военные годы, подвергались серьезным испытаниям. После аншлюса Австрии несколько стамбульских евреев, имевших австрийское гражданство, в январе 1939 г. оказались апатридами, поскольку немецкое консульство, в ведение которого перешли все дела австрийцев, не признало их в качестве теперь уже германских граждан. Согласно турецкому закону, лица, не могущие подтвердить свое гражданство, должны покинуть страну. На этом основании полиция предприняла меры к выдворению оказавшихся без защиты людей. Бывшие австрийские граждане обратились к центральной власти в Анкаре и нашли там понимание.

Правительство в чрезвычайных обстоятельствах сочло возможным задним числом аннулировать ранее принятые полицейским ведомством постановления против проживавших в Турции евреев, давних граждан Австрии. Чтобы разъяснить это решение правительства, тогдашний председатель Совета министров д-р Рефик Сайдам на пресс-конференции

сказал: «Турция никогда не озадачивалась еврейским вопросом. Если сейчас была допущена ошибка в отношении конкретных лиц, мы ее исправляем. Тем, кто в данное время находится на нашей территории, разрешено остаться, но мы не можем допустить массовую иммиграцию евреев, преследуемых в других странах. Иностранцы специалисты, работающие в Турции, могут привезти сюда свои семьи. Что же касается турецких евреев, то они для нас не кто иные, как турки, в соответствии с нашей конституцией. Их религия никак не является предлогом для ограничения их гражданских прав. Наша конституция имеет светскую основу и не делит людей по расовому или религиозному признаку».

Суть этого заявления была повторена литератором и депутатом меджлиса Хусейном Джавидом Ялчином, который сослался также на Органический статут, подтвердивший все гражданские права турецких евреев.

«Хотя благо и процветание страны, – продолжал он, – обеспечивает руководство одной партии*, светский принцип истолковывается очень широко. В Великом национальном собрании Турции есть независимые депутаты, которые не состоят ни в одной партии, а среди них есть лица, исповедующие религию Моисея.

Турецкие граждане иудаистской конфессии могут свободно посещать государственные школы. Они имеют доступ ко всем должностям, могут свободно перемещаться по всей территории страны, издавать свои газеты. Короче говоря, их возможности в Турции ничем не отличаются от возможностей наших граждан-мусульман.

То, о чем я говорю сейчас, не обещание, не пожелание, не цель для достижения в будущем. Я имею в виду сегодняшнюю реальность...»¹¹.

В сентябре 1933 г. еврейская организация «Союз общин в защиту благополучия еврейских граждан» направила турецкому правительству письмо с просьбой разрешить видным ученым переехать в Турцию и спасти их от нацистских преследований. Письмо подписал Альберт Эйнштейн, который тогда был почетным президентом этой организации. Речь шла о сорока профессорах и докторам из Германии, желавших продолжать научную работу в Турции:

* Речь идет о Народно-республиканской партии (вначале народной), основанной Ататюрком в 1923 г. и бессменно правившей до 1946 г.

«Вышеупомянутая деятельность, – говорилось в письме, – не может более продолжаться в Германии в связи с существующими там законами. Эти люди обладают огромным опытом, знаниями и достижениями в науке. Они могли бы принести большую пользу новой стране пребывания...»¹²

В американских университетах и больницах существовали антисемитские ограничения при приеме на работу. Эти проблемы усугублялись политикой Госдепартамента США, не торопившегося выдавать визы европейским евреям, даже высококласным специалистам.

Турция нуждалась в притоке мозгов для модернизации всех сфер жизни.

Разрешение было выдано президентом Турции Мустафой Кемалем Ататюрком. Еврейские ученые из Германии, оказавшиеся в Турции, внесли весомый вклад в модернизацию системы образования, научных исследований, в реализацию социальных реформ. По окончании Второй мировой войны большинство их покинуло Турцию, переехав в США и европейские страны.

Но, как уже говорилось, в страну допускались в качестве иностранцев-беженцев только ученые и специалисты высокой квалификации. «Однако, как официально сообщалось, – Турция не может открыть крупные порты для приема большого числа беженцев-евреев, которых выслали или скоро вышлют из некоторых европейских стран. Мы не можем им помочь, несмотря на симпатию и сочувствие к ним, ввиду того обращения, какому они подвергаются в Европе. Но наше сочувствие не может позволить нам принять всех беженцев».

Интересно изложение причин европейского антисемитизма, которое приводили турецкие официальные лица.

«Почему некоторые европейские страны не хотят их (т.е. евреев. – *И.Ф.*)? Конечно, во многих исторических работах антисемитские выступления объясняются доводами экономического порядка. Их авторы нередко приводят в качестве доказательства цифры, статистику. Нет ни малейшего сомнения, что во всех подобных расчетах, продиктованных враждебностью, большую роль играет двухтысячелетний фанатизм.

Едва ли люди, управляющие некоторыми странами, руководствуются в своей политике личной враждой к людям этой нации, но скорее всего они пользуются антисемитскими настроениями и изгоняют евреев в угоду алчным, жаждущим жертвы народным массам. Они пытаются изобрести псевдонаучные теории и предлоги для морального оправдания соб-

ственной бесчеловечности. Это можно расценить лишь как пример поразительного безумия, попирающего все духовные, все моральные достижения человечества.

Они нисколько не скрывают при этом, что с экономической точки зрения их действия очень выгодны, так как в результате изгнания евреев другие граждане смогут занять освобождаемые ими места».

Заканчивался этот пассаж тем, что дух терпимости и справедливости не позволяет туркам понять и оправдать такие действия¹³.

В турецком обществе времен Второй мировой войны действительно дух антисемитизма не достиг таких высот, как в Европе, но он, несомненно, присутствовал вопреки официальным декларациям высокопоставленных лиц. Возможно, эти лица были и толерантны, и справедливы, но не всё было в их власти, хотя, конечно, они могли препятствовать низменным страстям и не допустить их разгула.

В начале января 1940 г. в Эрзинджане (Восточная Анатолия) произошло сильное землетрясение. Пострадало много людей, провинцию постигли страшные разрушения. По всей стране собирали пожертвования по подписке. Значительные суммы удалось собрать большой стамбульской общине евреев. Однако отличавшаяся антисемитской тенденциозностью центральная газета «Джумхуриет» в своих публикациях от 5 января 1940 г. преподнесла весь обычный набор обвинений евреев в безразличии к чужой для них беде, отсутствии турецкого патриотизма и т.д.¹⁴ В действительности активное участие евреев в помощи пострадавшим было столь очевидным, что вали Стамбула счел необходимым лично и публично дать разъяснения по этому поводу.

Вали Стамбула доктор Лютфи Кирдар начал с обращения к евреям города, который он возглавлял: «Вы, – сказал он, – ежедневно оказываете помощь пострадавшим людям. Но еще не настал момент, когда страна сможет в полной мере оценить ее масштаб, так как пожертвования и в натуральной, и в денежной форме продолжают к нам поступать. Я могу назвать более или менее точно лишь то, что к нам поступило до вчерашнего вечера: а это – 586 986 ливров. Сегодня же эта сумма будет отправлена в Центральный комитет помощи в Анкаре, куда стекаются все пожертвования.

В сложившихся печальных обстоятельствах население Стамбула, граждане всех конфессий все без исключения проявляют альтруизм, солидарность, единство перед постигшей

нас катастрофой. Все они заслуживают восхищения и чувства гордости за наше общество.

В помощи жертвам стихийного бедствия в полной мере участвуют наши соотечественники-евреи. Считаю своим долгом отдать им должное».

Вали не забыл и про инициаторов газетных инсинуаций: «Газета, употребившая в качестве упрека словосочетание “богатые евреи”, и сама является одной из богатейших в нашей стране. Но до сих пор ни в списках Комитета помощи пострадавшим, ни в собственном списке жертвователей, публикуемом газетой “Джумхуриет”, нет цифры ее собственных пожертвований. Прежде чем поднимать шум для дискредитации соотечественников, которые вносят значительные суммы для помощи жертвам стихийного бедствия, может быть, стоило поместить собственное имя во главе списка благотворителей?»¹⁵

Очевидно, что жизнь еврейской общины как в султанской, так и в республиканской Турции не была ни беспроблемной, ни благополучной вопреки тому, о чем не раз упоминали власти страны. Но надо отдать должное турецким властям, они не поощряли ни в какой форме преследования евреев, а если не допустили массы беженцев на свою территорию в годы Второй мировой войны¹⁶, то это только отчасти была их собственная политика нейтралитета, политика балансирования между двумя могущественными коалициями держав. В самой Турции тоже набирали силу националисты, сочувствовавшие гитлеровской Германии. Однако несомненно и то, что в Турции в течение многих веков формировалась политика относительной толерантности к еврейскому меньшинству, и традиция эта пока что не прервана окончательно вопреки усилиям исламистских правительств современной Турции.

Примечания

¹ Panzac D. Turquie. La croisée de chemins. P., 1989. P. 49–50.

² Мустафа Кемаль Ататюрк. Речь. Пер. с турец. Анкара, 2005. С. 623–624.

³ Journal d'Orient, 17.XII. 1922.

⁴ Levant d'Izmir, 3.II.1923.

⁵ Gentizon P. Mustafa Kemal ou l'Orient en marche. P., 1929. P. 252–253.

⁶ Idem. P. 265.

- ⁷ Economiste d'Orient, № 434, 25.I.938.
- ⁸ Gentizon P. Mustafa Kemal... P. 256–257.
- ⁹ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 42.
- ¹⁰ La Boz de Oriente, février 1938.
- ¹¹ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 45–46.
- ¹² Еврейское слово, № 22 (344), 13 июня – 19 июня 2007.
- ¹³ Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul... P. 46–47.
- ¹⁴ Cumhuriyet, 5.I.1940.
- ¹⁵ Tan, 6.I.1940.
- ¹⁶ Лехаим, ноябрь 2008. С. 34–35.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XV–XVI вв. евреи, бежавшие из европейских стран от преследований, получили убежище в Османской империи и дополнили ранее существовавшие на ее территориях общины единоверцев. В начальный период формирования империи султаны отличались веротерпимостью, государственные институты только складывались. Необходимо было с помощью евреев и христианских народов наладить экономику. Положение еврейских общин в этом государстве отличалось от того, что их побудило к бегству из стран Европы, откуда их попросту изгоняли. Но, конечно, и в османских землях они не процветали.

Парадокс существования евреев в средневековой Европе отметил Генрих Грец: «Удивительно, что евреи, несмотря на страшную ненависть к ним христианского населения, стали для него необходимыми... Всего через несколько лет после кровавого бешенства вследствие черной смерти (эпидемии чумы. – *И.Ф.*) граждане и их выборные в Германии не имели более спешного дела, как вновь приглашать евреев. Они быстро забыли свою клятву, что в течение ста или двухсот лет в их стенах не будет жить ни один еврей». Очень быстро после этого евреев позвали в Бреславль в 1350 г., в Страсбург в 1368 г., в Нюрнберг в 1352 г. С 1353 по 1357 г. их приняли в Цюрихе, Вене, Эрфурте, Базеле и других городах. В 1364 г. Карл V восстановил нарушенные его отцом Иоанном привилегии евреев, поскольку нуждался в деньгах, а в 1368 г. распорядился вновь изгнать их из Франции¹.

Подобные сюжеты использованы в романах Вальтера Скотта, Лиона Фейхтвангера.

В погромах принимали участие низы, питаемые вековыми религиозными предрассудками и мифами. К тому же это давало возможность вымещать злобу за собственные унижения и нищету на тех, кто вовсе не имел ни правовой, ни судебной защиты.

Таких систематических преследований евреев в османском государстве не было, поэтому многие из них предпочли власть султанов покровительству европейских государей.

За тысячелетия вынужденных скитаний евреи приобрели восприимчивость к чужой культуре и языкам, приспособляемость к иноверческой среде. Они отличались прочностью внутриобщинных связей (хотя есть примеры и разобщенности, и нетерпимости), поразительной конкурентоспособнос-

тью, выработанной столетиями как способ выживания. Нельзя не согласиться с наблюдением Фернана Броделя: «Евреям противостояли все цивилизации, причем с подавляющим перевесом. Сила и массовость были не на их стороне. Как правило, евреи составляли ничтожное меньшинство. Но если один государь их преследовал, другой начинал оказывать им покровительство. Если в каких-то экономических условиях они не могли прижиться, то в других чувствовали себя как рыба в воде...»²

Постепенно ситуация в ряде стран Западной Европы менялась. Всё большее распространение получали идеи гуманизма, равенства сословий перед законом, позднее идеи равенства и общего гражданства для всего населения без религиозных и этнических ограничений. В конце XVIII–XIX вв. в этих странах евреи тоже получали права гражданства, что, с одной стороны, ускорило процесс их интеграции в европейские общества, с другой – давало им больше возможности для экономической и политической деятельности, а также более справедливые условия конкуренции на любом поприще. В этих странах появились образованные, состоятельные граждане-евреи, помогавшие своим нуждавшимся единоверцам не только в Европе, но и в других частях мира. Сформированный во Франции Всеобщий еврейский альянс оказывал содействие в становлении новой системы образования османских евреев с последней трети XIX в. и до начала Первой мировой войны.

Эволюция законодательства и государственных институтов Османской империи стала особенно заметной в XIX в. в ходе реформ Танзимата. Менялось положение населявших османское государство народов. Евреев эти изменения коснулись в очень небольшой степени. Их положение в империи не в последнюю очередь зависело от стабильности центральной власти. Несколько столетий они сохраняли автономность внутриобщинного уклада (раввинатский суд, религиозные школы, благотворительные организации, внутреннее распределение налогов и т.д.).

При всем этом они зависели и от произвола османских чиновников всех уровней, и от преобладавшего в конкретной османской провинции местного населения: турок, славян, греков, арабов, венгров и т.д., которое хотя и вынуждено было подчиняться завоевателям-туркам, но считало завоеванную территорию по-прежнему своей, а всех прочих – нежелательными, чужаками. С местным населением евреям нередко

приходилось вступать в жесткую конкурентную борьбу. Иногда они пытались опереться на османских чиновников.

С XVIII в. еврейские общины Османской империи начали приходить в упадок вместе с некогда приютившим их государством. Они беднели, деградировали, проигрывали в конкурентной борьбе другим этносам.

Возможности экономического и культурного развития еврейских общин Европы и Востока были обусловлены параметрами цивилизаций, в которых они существовали. В конце XVIII–XIX в. в Западной Европе евреи получили права гражданства. Чтобы добиться успеха, многим из них приходилось порывать связи со своей средой, своей религией. Среди ассимилированных евреев появилось много выдающихся личностей в науке, литературе, экономике, искусстве.

Структуры восточного общества, окостеневшие за несколько веков и развивавшиеся гораздо медленнее европейских в новое время, не давали простора для становления и свободного развития личности как таковой, будь то турок, араб, еврей или кто-либо еще. Однако не стоит идеализировать и европейские общества. Чем успешнее проявляли себя евреи на любом поприще, тем жестче и подозрительнее к ним относилось никогда не терпевшее свободной конкуренции государствообразующее большинство. Исключения, подобные Нидерландам, были редки.

Как уже говорилось, помощь еврейским общинам Османской империи в трудный для них период оказали европейские евреи. Обновление программ и стандартов образования, строительство новых школ были несомненной заслугой Всеобщего еврейского альянса, а также европейских благотворителей, жертвовавших значительные суммы на поднятие уровня жизни еврейского населения. Влиятельные евреи Англии и Франции сделали очень много, чтобы спасти от окончательной расправы евреев Дамаска и Крита, ложно и провокационно обвиненных по «кровавому навету».

Интересы народов, оказавшихся в едином османском государстве вследствие турецких завоеваний, не совпадали. Когда империя находилась в зените могущества, эти интересы подавлялись во имя имперских целей. В эпоху ослабления, а затем и распада османского государства вместе с национально-освободительной борьбой обнажились и противоречия между обретшими независимость народами. Эти противоречия привели к двум балканским войнам.

Во вновь образовавшихся балканских государствах положение евреев заметно ухудшилось сравнительно с тем, каким оно было при турках. В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и позднее усилилась еврейская эмиграция в США, страны Западной Европы и в пределы Турции. В ряде балканских стран возобладала националистическая идеология, а этнорелигиозные меньшинства рассматривались как «пятая колонна». Обратной стороной поднявшегося национализма стал все более усиливавшийся антисемитизм.

Не в последнюю очередь идеи сионизма набрали силу на волне европейского антисемитизма, погромов в России, Румынии и других странах. Во многих провинциях Османской империи за пределами Палестины идеи сионизма не нашли такой поддержки, как в Европе. Большая часть османских евреев не верила в успех сионистских планов и предпочитала веками отлаженные контакты с турецкими властями. Среди тех, кто всеми правдами и неправдами стремился попасть в Палестину, кто позднее с оружием в руках отстаивал свое право на эту территорию, кто упорно, преодолевая большие трудности, ее осваивал, поначалу были в основном европейские евреи. Значительное их число эмигрировало из России.

Первая мировая война обострила конфликты, длительное время существовавшие в Палестине. Воюя на стороне Германии со странами Антанты, турки одновременно пытались подавить национальные движения и арабов, и евреев.

Что касается османских евреев других провинций, то лишь незначительная их часть приветствовала силы Антанты, когда в 1918 г. они оккупировали Стамбул, а греческие войска вошли в Западную Анатолию. Большинство же приняло сторону турок, а впоследствии поддержало национально-освободительную борьбу кемалистов в 1918–1923 гг. Поражение турок в Первой мировой войне привело к краху Османской империи. Страны Ближнего Востока, включая Палестину, турки утратили. С большими потерями им удалось отвоевать территории Малой Азии, в пределах которых сложилась Турецкая республика. Во внутренней политике правительство Мустафы Кемаля придерживалось новых принципов, важнейшим из которых стал турецкий национализм. Согласно конституции 1924 г., всякий, рожденный в границах Турции, признанных Лозаннской конференцией 1923 г., объявлялся турком и полноправным гражданином Турецкой республики независимо от этнической и религиозной принадлежности. Правда,

незадолго до принятия конституции состоялся обмен населением с Грецией. Греческое население, за небольшим исключением, было выдворено из Турции, а турецкое из Греции. Армян к этому времени в Турции осталось совсем немного. Что касается евреев, то им было предложено интегрироваться в турецкое общество.

Для занятия должности на государственной службе необходимы были свободное владение турецким языком и безоговорочная лояльность к новым властям. Эти требования считались вполне адекватными конституционным нормам европейских стран. При всем том на всех мало-мальски значимых должностях и даже в частных компаниях кемалисты предпочитали видеть этнических турок.

В отличие от армян и греков еврейское население Турции не подверглось депортациям. Но в первой трети XX в. оно значительно сократилось вследствие массовой эмиграции в годы Первой мировой войны и в последовавший период.

Накануне и в годы Второй мировой войны Турция не последовала примеру большинства европейских государств и не выдала гитлеровцам своих сограждан-евреев.

После образования государства Израиль и до недавнего времени турецкие власти поддерживали с ним дипломатические и торговые отношения. По инициативе турецкого правительства Эрдогана в настоящее время эти отношения сведены к минимуму. На турецкую политику влияют исламский компонент, более тесные связи с арабским миром и претензии исламистского правительства на лидерство на Ближнем Востоке.

По данным турецкой статистики, в Турции сейчас проживает примерно 20 000 евреев², то есть с конца XIX – начала XX в. их численность сократилась примерно в 20 раз*.

Примечания

¹ Грец Г. История евреев с древнейших времен. Т. 9. С. 8–10.

² Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Т. 2. С. 643–644.

* По данным Э. Бенбасс и А. Родрига. Они совпадают с данными Института Всемирного еврейского Конгресса.

АВРААМ ГАЛАНТИ: УЧЕНЫЙ И ПОЛИТИК

Галанти – личность уникальная, сформировавшаяся на стыке двух эпох – заката Османской империи и становления Турецкой республики.

Галанти родился 4 января 1873 г. в небольшом городке Бодрум Измирского вилайета. Его отец Мишон Галанти принадлежал к роду раввинов, известному с XVI в. Около 40 лет он состоял на государственной службе и, судя по всему, был вполне лояльным османским подданным, чего нельзя сказать о его сыне. Мать Авраама – Джойя, происходила из семьи родосских Кадронов.

В 6 лет, как было заведено в общине, мальчика отдали в еврейскую начальную религиозную школу Бодрума, где он изучал основы Торы, а через три года отправили на остров Родос. На Родосе тогда была большая еврейская община, к которой принадлежали родственники его матери. Там он продолжил еврейское религиозное образование, завершив которое, в 1887 г. вернулся в Бодрум и поступил в государственную школу второй ступени – рюшдие. Такие общеобразовательные светские османские школы впервые были открыты в Стамбуле в начальный период либеральных реформ в 1839 г. Они существовали наряду с прежними мусульманскими религиозными училищами – медресе и были предназначены для обучения всех османских подданных независимо от вероисповедания и этнической принадлежности. Программы школ рюшдие предусматривали преподавание восточных языков – турецкого, арабского и персидского, а также европейского – французского. Кроме того, детей обучали каллиграфии, арифметике, началам геометрии, истории и географии.

Следующим этапом в образовании Галанти стал измирский лицей – идадие, где он продолжил изучение иностранных языков, всеобщей истории и географии. К этим предметам добавились основы османского законодательства, политэкономия, бухгалтерский учет, логика, алгебра, геометрия, физика, химия, естествознание, рисование.

К двадцати годам Авраам стал широко образованным человеком, владевшим несколькими языками: древнееврейским, ладино, турецким, арабским, персидским и французским. Знание французского наряду с турецким было желательным на государственной службе.

В конце 1894 г. Галанти вернулся на Родос уже в качестве преподавателя тамошнего лицея, а вскоре при поддержке Всеобщего еврейского альянса и местной еврейской общины основал новую школу. В школах, основанных Всеобщим еврейским альянсом, так же как и в турецких лицеях, обязательным было преподавание французского языка, что вызывало протест некоторых влиятельных членов общины. Не все одобряли включение в программу еврейской школы турецкого языка, на чем Галанти сумел настоять. Впоследствии, как бы ни менялось руководство Альянса, в еврейских школах Родоса учащиеся изучали турецкий язык.

В эти годы в местной печати широко обсуждались проекты реформирования государственной системы образования. В дискуссии принял участие Галанти. В газете «Hizmet» («Служба») появилась его статья «Каким путем наше образование может достичь успеха?»

На Родосе сформировались политические пристрастия Галанти. Он сблизился со ссыльным поэтом Эшрефом и другими опальными турецкими интеллектуалами, вступил в местную ячейку тайного младотурецкого общества «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»).

В 1902 г. Авраам переехал в Измир, где наряду с преподаванием в школе сотрудничал в еврейских газетах, выходивших на ладино и на французском. Ему претил чрезмерный консерватизм отдельных влиятельных членов местной общины, которых он критиковал в своих статьях. Новый этап ужесточения полицейского режима вынудил молодого человека в 1904 г. уехать в Египет, подальше от центральных властей. Там он присоединился к местной младотурецкой ячейке и организовал издание сионистских газет: одна из них – «Сионистское послание» – начала выходить в 1902 г., другая – «Мицраим» – в 1904 г. На ладино издавалась газета «La Vara» («Ветвь»). Она печаталась в Александрии, а распространялась в Каире, где жил Галанти. Относительную свободу от слежки и давления османских властей Галанти получил, став раввином местной еврейской общины. В издававшейся на французском языке газете «Прогресс» он пропагандировал идеи младотурок. Программа нелегального общества «Единение и прогресс», в которое он вступил еще на Родосе, выглядела весьма либеральной. Она предусматривала свободу слова, печати и собраний, ограничение всевластия султана и увеличение полномочий парламента, ответственность министров перед парламентом и право законодательной инициа-

тивы депутатов, которой они тогда не обладали, а также изъятие 113-й статьи османской конституции о праве султана на высылку неугодных ему лиц. На основе такой младотурецкой идеологии Галанти пытался создать тайное «Общество египетских евреев». В 1907 г. он познакомился с посетившим Каир одним из младотурецких лидеров Ахмедом Ризой-беем, с которым переписывался.

Он заверил Ризу-бея, что организованная им в еврейской общине ячейка поддержит решения собиравшегося в Париже II младотурецкого конгресса.

Помимо собственной газеты «La Vara», Галанти много пишет для турецких газет «Meşveret» («Совет»), «Şura-i Osmani» («Османский совет») и «Doğru Söz» («Правдивое слово»).

В 1908 г. в результате революции младотурки свергли с престола султана Абдул Хамида II и сформировали свое правительство. 23 июля 1908 г. была принята новая, модернизированная конституция. Острота политической борьбы на время была снята, и Галанти прекратил издание своей газеты.

В это время местной еврейской общине предложили организовать в Судане поселенческий центр. В связи с этим необходимо было согласовать ряд условий с ведущими европейскими державами. Однако планы Галанти поменялись. Он узнал о смерти главного раввина Стамбула Моше а-Леви. А это было чревато возможными изменениями в положении общины. Кроме того, начавшаяся реорганизация Стамбульского университета сулила ему заманчивые перспективы научной карьеры. Изменилась сама концепция преподавания, прежде носившая заметный отпечаток методики и программы медресе. Были приглашены преподаватели из Германии, обновились устаревшие учебники. С этого времени в университетский обиход проникает наука в европейском смысле слова.

В числе приглашенных был профессор Готхельф Бергштрассер, преподававший семитские языки. Галанти был назначен его переводчиком и помощником. Вместе с Бергштрассером он подготовил к печати «Историю семитских языков», изданную в Стамбуле.

Кроме того, аналитические материалы Галанти публикуются в солидных журналах «Yeni Mecmua» («Новый журнал»), «Büyük Mecmua» («Большой журнал»), «Darülfünun Edebiyat Fakültesi Mecmuası» («Журнал литературного факультета»). Однако самым существенным моментом в его научной карьере стал открывшийся для него доступ в богатейший осман-

ский архив, где ему удалось найти огромный массив документов, касавшихся различных сторон жизни еврейских общин Османской империи. В изучении и публикации этих документов он оказался первопроходцем. Документов было так много, что не все из них он успевал анализировать. Он спешил их публиковать в «Журнале османского исторического общества» («Tarih-i Osmani Encumeni Mestmuası»), кое-что переводил на французский язык. Несколько исторических работ, вышедших на французском языке, он подписал на французский манер – Абрахам Галанте. В 1918 г. закончился срок контракта профессора Бергштрассера с университетом, и Галанти, приобретший большую известность в международных научных кругах, стал сначала преподавателем, а затем профессором и заведующим кафедрой истории древних народов Востока.

Широко распространившиеся в Европе в годы Первой мировой войны идеи сионизма, конечно, были известны и в Турции. В еврейских общинах они нашли очень мало сторонников, Галанти тоже не был из их числа. Очевидно, он их считал иллюзорными. Но горячо поддержал предложение главного раввина Стамбула Хаима Нахума о создании в Палестине еврейской национальной автономии под османским протекторатом. Однако стремительное наступление союзников в 1918 г. спутало многие проекты. Германия и ее союзница Турция на фронтах мировой войны терпели поражение за поражением. После оккупации Стамбула войсками Антанты и навязанного турецкому правительству Мудросского перемирия, заключенного 30 октября 1918 г., этнические меньшинства османской столицы открыто поддерживали союзников. Они приветствовали наступление войск Антанты, среди которых были и греческие отряды. Среди евреев не было столь однозначной реакции. Некоторые из них одобрили приход союзных войск, но значительная часть общины, к которой примкнул Галанти, считала, что благополучие евреев связано с освобождением Турции от иностранной оккупации. Он много писал об исторической связи еврейских общин с османским государством и значении взаимной поддержки в трудные времена.

В годы национально-освободительной войны (1918–1923) Галанти без колебаний принял сторону Мустафы Кемалю. Он ежедневно переводил на турецкий язык и посылал Кемалю и его сподвижникам сообщения европейской печати о военных действиях. В эти годы продолжалось его сотруд-

ничество с еврейскими периодическими изданиями, такими, например, как «Ha-Menora».

Активная журналистская деятельность Галанти была замечена и в высших стамбульских кругах. Принц Абдул Меджид одобрил его статьи в защиту турецких национальных интересов и прислал ему свою фотографию со следующей надписью: «Аврааму Галанти в знак уважения и признания Ваших заслуг в горячей и неуклонной защите исторической правды и законного османского дела. Константинополь, 12 июня 1922 г. Абдул Меджид».

1 ноября 1922 г. Великое национальное собрание Турции после ожесточенных дебатов приняло закон об отделении светской власти от духовной и ликвидации султаната. Султан и халиф Вахидеддин вынужден был бежать за границу на английском военном корабле.

Недолго оставался «халифом всех мусульман» и Абдул Меджид. Значительная часть прежней османской элиты, бывшие сановники и генералы, оставшиеся при новой власти не у дел, видели в новом халифе противовес кемалистам. Последние опасались реставрации султаната и усиления влияния нового халифа. В 1924 г. турецкий меджлис ликвидировал и халифат. Абдул Меджид по решению Национального собрания должен был под конвоем покинуть страну со всеми многочисленными чадами и домочадцами. Решительность политики кемалистов дала возможность провести кардинальные реформы не только в сфере государственного устройства и экономики, но и в сфере культуры.

Галанти принял активное участие в обсуждении новой графики турецкого языка. Латинский алфавит, более соответствующий его фонетике, заменил прежнюю арабскую графику. Вместе с известными турецкими журналистами и литераторами он изложил в газете «Akşam» («Вечер») свои соображения по поводу реформы языка, которая была принята и облегчила обучение грамоте миллионов турок.

В 1932 г. собрался I конгресс Турецкого исторического общества, на который пригласили Галанти. Его статьи по различным проблемам турецкой историографии и современной жизни появлялись в ежегодных изданиях этого общества.

1 августа 1933 г. Авраам Галанти покинул Стамбульский университет вследствие разногласий с руководством из-за своих политических взглядов. Он начал уделять больше внимания политике и общественной работе. В 1943 г. его избрали депутатом от города Нигде в меджлис седьмого созыва

по списку Народно-республиканской партии. Он переехал в Анкару, столицу Турции, где оставался депутатом ВНСТ до 1946 г. Эти несколько лет Галанти чрезвычайно продуктивно использовал для научной работы. Он работал в архиве меджлиса и на основе собранных документов издал книги по истории Нигде, Анкары и других турецких городов. Последние работы он подписывал фамилией Бодрумлу, по названию города, где родился, в соответствии с законом о фамилиях. В 1946 г. закончился срок его депутатского мандата, и Галанти вернулся в Стамбул, продолжив свои архивные изыскания в хранилище главного раввината. Ему удалось спасти от гибели около 2000 томов богатейших архивных материалов, которые он переправил в Центральный архив еврейской истории в Кудюсе.

В последние годы жизни он долго болел, лечился в еврейском госпитале Балат-ор-Ахим. Скончался Галанти 8 августа 1961 г. и был похоронен на еврейском кладбище в Арнавуткёе.

Собранный в турецких архивах материал был столь велик, что Галанти не успевал его обрабатывать. Многое он публиковал в приложениях к своим работам. Его вклад в историю еврейских общин Османской империи оценят по достоинству, когда историки смогут в полной мере использовать опубликованные им документы. В 1985–1986 гг. в Стамбуле на французском языке вышло 9-томное собрание научных сочинений Галанти, посвященное еврейским общинам Стамбула и Малой Азии. Оно озаглавлено «История евреев Турции».

Научные интересы Галанти были чрезвычайно широки: от истории древних обществ Ближнего Востока до событий, которые происходили в современной ему Турции.

Он изучал законодательство вавилонского царя Хаммурапи, кодексы законов Ассирии и хеттов; составил историю городов: Бодрума, Анкары, Нигде. Но основные его работы связаны с историей еврейских общин Стамбула и Малой Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
- Ататюрк Мустафа Кемаль. Речь. Пер. с турец. Анкара, 2005.
- Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Ч. I. Одесса, 1862.
- Бенбасс Э., Родриг А. Евреи Леванта. Сефардская община в XIV–XX веках. Пер. с фр. О.В. Боровой. М., 2001.
- Библия или Книги Священного писания Ветхаго и Новаго Завета в русском переводе. 3-е изд. Киев, 1904.
- Большаков О. История халифата в 4-х томах. Т. III. Между двух гражданских войн... 656–696. М., 1998.
- Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Пер. с фр. М. Юсима. Т. 1–3. М., 2002–2004.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – Избранные сочинения. М., 1990.
- Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба. М., 1987.
- Влахов Д. Мемоари. Скопје, 1970.
- Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего. Пер. с нем., под редакцией В. Шерешевского. Т. I–XII. Одесса, 1903–1908.
- Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30 гг. XIX в.). М., 1966.
- Гросул В.Я., Чертан Е.Е. Россия и формирование румынского независимого государства. М., 1969.
- [Джемаль-паша] Записки Джемаль-паши. 1913–1919. Пер. с англ. Б.Т. Руденко. Тифлис, 1923.
- Дубнов С. Всемирная история еврейского народа в 10 томах. М.–Иерусалим. Гешарим, 2002–2006.
- Евлия Челеби. Пътепис. София, 1972.
- Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Репринтное издание в 16 томах. Издательство Брокгауз-Эфрон. М., 1991.
- Еврейски извори за обществено-икономическото развитие на балканските земи. Т. I–II. Подбрали, превели и коментирали Ашер Хананел и Ели Ешкенази. Под ред. Николай Тодоров. София, 1958, 1960.
- Егорин А.З., Медведко Л.И. и др. История Ливии в новое и новейшее время. М., 1992.
- Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис. Алжир. Ма-

- рокко. Т. 2. От арабского завоевания до 1830 г. Пер. с фр. А.Е. Аничковой. М., 1961.
- Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В. Государство Израиль. М., 2005.
- Зеленев Е.И. Египет: Средние века. Новое время. СПб., 1999.
- Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран (1516–1574). М., 1984.
- История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992.
- История еврейского народа. Под редакцией Ш. Эттингера. Иерусалим–М., 2001.
- Калдерон С. Историја Јеврејског народа. II. Београд, 1935.
- Кандель Ф. Земля под ногами. Из истории освоения и заселения Эрец-Исраэль. М.–Иерусалим–Гешарим. Т. I – 2003; Т. II – 2008.
- Краткая еврейская энциклопедия в 11 томах. Иерусалим, 1976–2005.
- Коран. Пер. и ком. И.Ю. Крачковского. М., 1986.
- Лазарев М.С. Крушение турецкого господства на арабском Востоке (1914–1918 гг.). М., 1960.
- Либерман М.Я. Евреи в Османской империи в XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2000.
- Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965.
- Лэйн Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. Пер. с англ. М., 1982.
- Макарова И.Ф. Проблемы этногенеза евреев в болгарских землях и особенности межнационального взаимодействия в XV–XVII вв. – Славяне и их соседи. Вып. 5. М., 1994.
- Маркс К. Архив Маркса и Энгельса. – Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 1. Т. 7. М., 1940.
- [Марсилли] Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком. Сочинено чрез графа де Марсилли... Ч. 1–2. СПб., 1737.
- Новичев А.Д. История Турции. Т. I (XI–XVIII века). Л., 1963.
- Новичев А.Д. История Турции. Т. II. Ч. 1 (1792–1839). Л., 1968.
- Новичев А.Д. История Турции. Т. III. Ч. 2 (1839–1853). Л., 1973.
- Новичев А.Д. История Турции. Т. IV. Ч. 3 (1853–1875). Л., 1978.
- Панова С. Еврейската община в българските земи през XVI–XVIII вв. – Проучвания за историята на еврейското население в българските земи XV–XX век. София, 1980.
- Переписка Мак-Магона – Хусейна 1915–1916 гг. и вопрос о Палестине. Документы и материалы. М., 2008.
- Проучвания за историята на еврейското население в българските земи XV–XX вв. София, 1980.

- Прошин Н.И. История Ливии в новое время (середина XVI – начало XX в.). М., 1981.
- Смирнов В.Д. Кочибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.
- Смирнов В.Д. Восточные заметки. СПб., 1899.
- Тодоров Н. Балканский город XV–XIX веков. Социально-экономическое и демографическое развитие. Пер. с болг. Г.К. Венедиктова. М., 1976.
- Тодоров Н. Еврейского население в балканските провинции на Османската империя през XV–XIX в. – Проучвания за историята на еврейското население в българските земи XV–XIX век. София, 1980.
- Фадеева И.Л. Тенденции национального развития османских народов в XIX – начале XX в. (К истории формирования современной этнополитической ситуации на Ближнем Востоке). – Западная Азия: этнополитическая ситуация. М., 1993.
- Фадеева И.Л. Восточная деспотия Карла Августа Витфогеля. Взгляд через сорок пять лет. – Восточный архив № 6–7. М., 2001.
- Фадеева И.Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. М., 1993.
- Фрейденберг М.М. Евреи на Балканах на исходе средневековья. М.–Иерусалим–Гешарим, 1996.
- Фрейденберг М.М. Очерки истории балканского еврейства. Тель-Авив, 1998.
- Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса. М., 1975.
- Adler E.N. Jews in many lands. L., 1905.
- Akçura Y. Osmanlı İmparatorluğunun dağılma devri (XVIII ve XIX asırlarda). İstanbul, 1940.
- Barkan O.L. Tarihi demografi araştırmaları ve Osmanlı tarihi. – Tarihi Mecmuası, X, 1953.
- Baudin P. Les Israélites de Constantinople. P., 1872.
- Belon du Mans P. Les observations de plusieurs singularités et choses mémorables trouvées en Grèce, Asie, Judée, Egypte, Arabie et autres pays estranges. P., 1553.
- Benjamin L. The Jews in Romania. A historical outline. – Romania. A Historic Perspective. Ed. by Dinu C. Giurescu and Stephen Fischer – Galat. N.-Y., 1998.
- Bridge A. Suleiman the Magnificent. Scourge of Heaven. Granada – L.–Toronto–Sydney–N.Y., 1983.

- Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1949.
- Cazes D. Essai sur l'histoire des Israélites de Tunisie. P., 1888.
- Charrière E. Négociations de la France dans le Levant. 4 vol. V. 2. P., 1850.
- Chouraqui A. La saga de Juifs en Afrique du Nord. P., 1972.
- Christians and Jews in the Ottoman Empire. Functioning of a plural society. Ed. by Braude B. and Lewis B. V. 1–2. N.Y.–L., 1982.
- Clot-Bey A.-B. Aperçu général sur l'Égypte. P., 1840. 2 vol.
- Cohen A. Jewish life under Islam Jerusalem in the sixteenth century. Cambridge and L., 1984.
- Cohen H. The Jews of the Middle East 1860–1972. N.Y., 1973.
- Davison R. Reform in the Ottoman Empire 1856–1876. Princeton, 1963.
- Dearden S.A. Nest of Corsairs: the Fighting Karamanlis of Tripoli. L., 1976.
- Deshen Sh., Zenner W. Jewish Societies in the Middle East. Community, Culture and Authority. Lanham–N.Y.–L., 1982.
- Desjobert A. La question d'Alger. Politique. Colonisation. Commerce. P., 1837.
- Djait H. ve autres. Histoire de la Tunisie de moyen âge. Tunisie, s.d.
- Dumont P. Une source pour l'étude des communautés juives de Turquie. – Prilozi zo orientaln filologiyu. Sarajevo, 1980.
- Dunant J.-H. Notice sur la Régence de Tunis. Genève, 1858.
- Emin A. Turkey in the World War. New-Haven–L.–Oxford, 1930.
- Emmanuel J.S. Histoire de l'Industrie des tissus des Israélites de Salonique. P., 1935.
- Emmanuel J.S. Histoire des Israélites de Salonique. T. 1. P., 1936.
- [Evliya Çelebi.] Evliya Çelebi. Seyahatnamesi. C. I–X. Istanbul, 1895–1938 (араб. графика).
- Fargeon M. Les juifs en Egypte depuis les origines jusqu'à ce jour. Histoire général suivie d'un aperçu documentaire. Cairo, 1938.
- Fargeon M. Médecins et avocats juifs au service de l'Égypte. Cairo, s.d.
- Farhi N. La communauté juive d'Alexandrie. Alexandria, 1946.
- Farley J.L. The Decline of Turkey. L., 1875.
- Fevre M. État présent de la Turquie. P., 1675.
- Fevre M. Théâtre de la Turquie, où sont représentées les choses les plus remarquables qui s'y passent aujourd'hui. P., 1682.
- De Felice R. Jews in an Arab Land: Libya, 1835–1970. Austin: Universitet of Texas Press, 1985.
- Findley C.V. The Acid Test of Ottomanism: The Acceptance of Non-Muslims in the Late Ottoman Bureaucracy. – Christians and

- Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society. V. I. N.Y.-L., 1982.
- Franco M.Q. Essai sur l'histoire des Israélites de l'Empire Ottoman. P., 1897.
- Frank L. Les juifs de Tunis en 1816. P., 1862.
- Frankel J. The Damascus Affair: «Ritual Murder». Politics and Jews in 1840. Cambridge, 1997.
- Galanté A. Documents officiels turcs concernant les Juifs de Turquie. Istanbul, 1931.
- Galanté A. Histoire des juifs d'Anatolie. Les juifs d'Izmir. T. I. Istanbul, 1937.
- Galanté A. Histoire des juifs d'Istanbul depuis la prise de cette ville en 1453 par Fatih Mehmed II jusqu'à nos jours. T. I. Istanbul, 1941.
- Galanté A. Rôle économique des Juifs d'Istanbul. Istanbul, 1942.
- Galanti A. Küçük türk tetebular. Istanbul, 1925.
- Galanti (Bodrumlu) A. Türkler ve Yahudiler. Tarihi, siyasî tetkik. Istanbul, Tan Matbaası, 1947.
- Gentizon P. Mustafa Kemal où l'Orient en marche. P., Editions Bossard, 1929.
- [Gerlach Stephan]. Stephan Gerlachs des Aellern Tagebuch der von zween glorwürdigsten Römischen Kaysern Maximiliano und Rodolpho beyderseits den Andern dieses Namens... Frankfurt am-Main, 1674.
- Gibb H., Bowen H. Islamic Society and the West: a Study of the Impact of Western Civilization on Moslem Culture in the Near East. T. I. L., 1950.
- Goldberg H.E. Jewish life in Muslim Libya. Rivals and Relatives. Chicago and L., 1990.
- Gökalp Z. Türkçülüğün esasları. Istanbul, 1990.
- Gökbilgin M.T. XV–XVI asırlarda Edirne ve Paşa livası vakıflar, mülkler, mukataalar. Istanbul, 1952.
- Gökbilgin M.T. Kanunî Sultan Süleyman devri başlarında Rumeli eyaleti livaları, şehir ve kasabaları. – Belleten, XX. Ankara, 1956.
- Graetz G. Geschichte der Juden von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Bd. I–XI. B.–Lpz., 1853–1875.
- Graham-Brown S. Palestinians and their society 1880–1946. L.–Melbourne–N.Y., 1980.
- [Greaves J.] Journal de J. Greaves. – Jowett W.-Ch. Researches in Syria and the Holy Land. L., 1826.
- Grunebaum-Ballin P. Joseph Naci, duc de Naxos. P., 1968.
- Hammer J. Histoire de l'Empire Ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours. T. I–XVIII. P., 1836–1841.

- Heyd U. The Jewish communities of Istanbul in the XVIIth century. – Orient, VI, 1953.
- Heyd U. Ottoman Documents on Palestine 1552–1615. A Study of the Firman according to the Mühimme Defteri. Oxford, 1960.
- Hirschberg H.Z. The Oriental Jewish Communities. – Religion in the Middle East: Three Religions in Concord and Conflict, I. Cambridge, 1969.
- Hirschberg H.Z. A History of the Jews in North Africa. V. I. From Antiquity to the Sixteenth Century. Leyde, 1974.
- Inalcık H. Social and Economic History of Turkey (1071–1920). Ankara, 1980.
- Inalcık H. Jews in the Ottoman Economy and Finances 1450–1550. Princeton, 1989.
- İslâm ansiklopedisi. İstanbul, 1940.
- Jewish societies in the Middle East. Community, Culture and Authority. Edited by Shlomo Deshen, Walter P. Zenner. Lanham–N.Y.–L., 1982.
- Jowett W.-Ch. Researches in Syria and the Holy Land. L., 1826.
- Kamel S. Abu Jaber. The Millet System in the Nineteenth Century Ottoman Empire. – The Muslim World. V. 62, № 3, 1967.
- Karal E.Z. Osmanlı Tarihi. C. V. Nizam-ı cedid ve Tanzimat devirleri (1789–1856). Ankara, 1961. C. VII. Islahat fermanı devri 1861–1876. Ankara, 1956.
- Karpat K. Ottoman Population 1830–1914. Demographic and Social Characteristics. Madison: University of Wisconsin Press, 1985.
- Kayyalı A.W. Palestine. A Modern History. L., б.д.
- Kaynar R. Mustafa Paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954.
- [Kemal Mustafa]. Nutuk. C. 1–3. İstanbul, 1934.
- Khader B. Histoire de la Palestine. T. I. Maison Tunisienne de l'Édition, 1976.
- Landau J.M. Jews in nineteenth century Egypt. N.Y.–L., 1969.
- Landshut S. Jewish Communities in the Muslim Countries of the Middle East. L., 1950.
- Lane E.W. An account of the manners and customs of the modern Egyptians. V. II. L., 1836.
- Levy A. The Sephardim in the Ottoman Empire. Princeton, 1992.
- Levy A. The Jews of the Ottoman Empire. Princeton: Darwin, 1994.
- Lewis B. The Emergence of Modern Turkey. L., 1968.
- Mandel N. Turks, Arabs and Jewish Immigration into Palestine 1882–1914. Oxford, 1965.
- Mantran R. İstanbul dans le seconde moitié du XVIIe siècle. P., 1962.
- Mantran R. L'Empire Ottoman du XVIe au XVIIIe siècle. Administration, économie, société. P., 1984.

- Mantran R. La vie quotidienne à Istanbul au siècle de Soliman le Magnifique. P., Hachette, 1990.
- Ma'oz M. Ottoman Reform in Syria and Palestine 1840–1861. The Impact of the Tanzimat on Politics and Society. Oxford, 1968.
- Marsigli Mr. L'état militaire de l'Empire Ottoman, ses progrès et sa décadence. P., 1732.
- Matkovski A. A history of the Jews in Macedonia. Skopje: Macedonian review, 1982.
- Maupassant Guy de. La Vie errante. P., 1909.
- Mawerdi. Les Statuts gouvernementaux, traduit et annoté par E. Fagnan. Alger, 1915.
- Maxim M. The Romanian Principalities and the Ottoman Empire (1400–1878). – Romania. A Historic Perspective. N.Y., 1998.
- Mboria L. La population de l'Egypte. Caïre, 1938.
- Meynié G. L'Algérie juive. P., 1887.
- [Mordechai Ha Cohen]. The Book of Mordechai. Philadelphia, 1980.
- Mordechay M.N. Travels in England... and the Barbary States... N.-Y., 1819.
- [Mordtmann] Stambul und das Moderne Türkenthum. Bd. I–II. Lpz., 1876–1877.
- M'Rabet. M'hamed Ali. Histoire de la Tunisie de moyen âge. Société Tunisienne de diffusion. S.d.
- Müşahipzade C. Eski İstanbul yaşayışı. İstanbul, 1946.
- [Naima] Annals-Naima. Annals of the Turkish Empire from 1591 to 1659 of the Christian Era. Transl. from the Turkish by Charles Fraser. V. I. L., 1832.
- [Näima] Tarih-i Näima. T. I. İstanbul, 1967.
- Nantet J. Les juifs et les nations. P., 1956.
- Notes and documents from the turkish archives. A contribution to the history of the jews in the Ottoman empire. Ed. by Bernard Lewis. Jerusalem, Central Press, 1952.
- Ortaylı I. Ottoman Studies. – İstanbul: İstanbul Bilgi univ. press, 2004.
- Ottoman documents on Balkan Jews XVI–XVII-th centuries. Sofia, 1990.
- Ozdemir M. Bir «zirvata» olayı – Tunus'un işgali. – Belleten. Türk Tarih Kurumu. C. 67, № 248. Ankara, 2003.
- Palestine in the Late Ottoman Period. Political, Social and Economic Transformation. Ed. by David Kushner Yad Izhak Ben-Zvi. Jerusalem–E.J. Brill.–Leiden, 1986.
- Poliakov L. Histoire de l'antisémitisme. T. I: Du Christ aux Juifs de Cour. P., 1955. T. II. De Mahomet aux Marranes. P., 1961.
- Poulton H. Top hat, grey wolf and crescent: Turkish nationalism

- and the Turkish Republic. IX. L.: Hurst, 1997.
- Raj T., Vasadi P. Jewish life in Turkish Buda. Budapest, Makkabi, 2003.
- Regards sur les juifs de Tunisie. Textes choisis, préfacés et présentés par Robert Attal et Claude Sitbon. P., 1979.
- Refik A. Hicri On Birinci Asırlarda Hayatı. Istanbul, 1930.
- Reinkowski M. Ottoman rule over Palestine: Its evaluation in Arab, Turkish and Israeli histories, 1970–1999. – Middle Eastern studies, V. 35, № 1. L., 1999.
- Reznik J. Le duc Joseph de Naxos, contribution à l'histoire juive du XVI siècle. P., 1936.
- Rodrique A. French Jews, Turkish Jews: The Alliance Israélite Universelle and the politics of Jewish schooling in Turkey, 1860–1925. Bloomington, 1990.
- Romania: A Historic Perspective. N.Y., 1998.
- Rossi E. Storia du Tripoli e della Tripolitania. Roma, 1968.
- Rozanes S. The History of the Jews in Turkey. V. I. Tel-Aviv, 1930.
- Samuel S.M. Jewish life in the East. L., 1881.
- Sauvaire H. Histoire de Jérusalem et d'Hébron. P., 1876.
- Shaw S. The Jews of the Ottoman Empire and the Turkish Republic. N.Y., 1991.
- Schwarzfuch S. Les juifs d'Algérie et la France (1830–1855). Jérusalem, 1981.
- Sombart W. Les Juifs et la vie économique. P., 1923.
- Straus O. Under Four Administrations. N.-Y., 1923.
- Spon J. et Wehler G. Voyage d'Italie, de Grèce et du Levant. T. I. La Haye, 1724.
- Svoronos N. Histoire du commerce de Salonique au XVIIIe siècle. P., 1956.
- Tanyu H. Türkçülük ve Ziya Gökalp. Istanbul, 1962.
- Tanzimat. Istanbul, 1940.
- Tournefort P. Relation d'un voyage au Levant. T. III. P., 1717.
- Ubicini M.A. Letters sur la Turquie. T. I. P., 1853.
- Ülker E. Contextualising «Turkification»: nationbuilding in the late Ottoman empire, 1908–1918. – Nations and nationalism. V. XI. Cambridge, 2005.
- Uzunçarşılı J.H. Osmanlı Devletinin Merkez ve Bahriye Teşkilâtı. Ankara, 1948.
- Valensi L. Le Maghreb avant la prise d'Alger (1790–1830).
- [Vandal] Une ambassade française en Orient sous Louis XV. La mission du Marquis de Villeneuve, 1726–1741, par Albert Vandal. P., 1887.
- Venture de Paradi J.M. de Alger au XVIII siècle. Alger, 1898.

Williams G. The Holy City. L., 1845.

Yerasimos S. Ethnies et minorités en Turquie: quelques réflexions sur un problème insoluble. – Les Temps Modernes, № 456–467. P., 1984.

Yerasimos S. Azgelişmişlik sürecinde Türkiye. T. I–III. İstanbul, 1974–1977.

Young G. Corps de droit Ottoman; recueil des codes, lois, règlements, ordonnances et actes les plus importants du droit intérieur, et d'études sur le droit coutumier de l'Empire Ottoman. 7 vols. Oxford, 1905–1906.

Zürcher E.J. Turkey. L.–N.Y., 1998.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аали-паша** 36, 140
Аарон, сын Абаи 129
Аба, рабби 223
Абаи 129
Абдалла, сын Ахмад-паши 314
Абдалла, сын Хусейна (эмира) 341
Абдул Азиз 35, 97, 114, 140, 151, 162, 289
Абдул Меджид I, султан 33, 91, 96–97, 119, 140, 143, 146, 315
Абдул Меджид, принц (XX в.) 371
Абдул Селим 136
Абдул Хамид II 9, 37–38, 43, 110, 114–115, 117, 152–154, 268, 330, 333, 369
Абраванель Моше бен-Рафэль (Хайяти-заде) 81
Абрахам из Буды 166
Абулафья Моисей 86, 88
Августин св. 223
ибн-Ави Зимри Давид 281, 283
Авигдор, раввин 146–147
Авраам из Битоля 199
Авраам ибн-Яишь 131
Агион, семья 296
Агион Исаак 296
Агур Иегуда 62
Адади 257
Адех, семья 288
Адех Эфраим 287
Аджиман, семья 65
Аджиман Абрахам 152
Аджиман Исая 66
Азулай Хаим Иосиф Давид 232
Айюбиды 279
Акоэн Аарон Хаим 189
Акриш Исаак 146–147
Аксак Мустафа-чауш 64
Аламан Исраелис 169
Александр Иоанн I 219
Александр Куза 219
Александр Македонский 105, 177, 281
Али-бек 191
Али Бургул (Али аль-Джезайрли) 263–265
Аллатини, братья 201–202
Аллах 16, 25, 27, 52, 81, 259
д'Альба Исаак 70
Альбалаг Авраам 193
Альбалаг Шмуэль 193
Альгази Соломон 76
Альмохады 224–225
Альтерно Самуэль 129
Альхаик 240
Амато Нисим 107
Амиго Абрахам 73
Андонью К. 207
Анести 98–99, 103
Антери Яков 88
Арари Давид 86–87
Арароглу Богхос 138
Ардити Альберто 204, 206–207
Аретун Казаз (Артын Каза) 65–66
Ариэль Исаак 346
Арнаут Синан-эфенди 55
Арон Воевода 212
Арпады 160
Артамонов М.И. 177
Аруджу 227
Атаев Т. 8
Аталай-бей Бессим 353
Ататюрк, см. Кемаль Мустафа
Атийя Саадан 274
Атилхан С. 8

Ауэрбах Израэль 154–156
 аль-Ахд 333
 Ахмад аль-Джаззар 314
 Ахмад-паша 282–283, 314
 Ахмед-бей 234–236
 Ахмед I 59, 61, 144, 169
 Ахмед III 134
 Ашер, врач 171
 Ашер, сын Исаака ха-Козна
 Ашкенази 129
 Ашкенази Бецалель 311
 Ашкенази Бехор 155
 Ашкенази Исаак ха-Коэн 129
 Ашкенази Соломон (Шломо
 бен Я'иш, рабби Натан) 4,
 55–59

Базили К. 314
 Байрактар Мустафа-паша 67
 Бакри, семья 234
 Бакри Давид 234–235
 Бакри Коэн 234
 Бакри Мишель 234
 Балац 170
 Балли Давиейон 219
 Бальфур 10, 46–47, 342–343
 Барбаро Марк Антоний 56–57
 Барбаросса Хайреддин 227–
 228
 Барда Рахамим 263
 Барониус 102
 Баторий Сигизмунд 212
 Баффа, см. Сафийе
 Бахари-бей Хана 85
 Бахри, семья 40
 Бахри Хана 40
 Баязид II 15, 128–129
 Баяр Джеляль 356
 Бебери Иегуда 133
 Бебери Моисей бен-Иегуда
 133
 Бег Исаак 211
 Бег-заде Мустафа 191

Беер, профессор 153
 Бежорано Хаим 346
 Бейяз-заде Ахмед-эфенди
 190
 Белон дю Мэн 26
 Бенароя 203–204, 206–207
 Бенбасс Эстер 13, 63, 366
 Бенвенисте Хаим 76
 Бен Давид 80
 Бен Гурион 205
 Бендерли Али-паша 139
 Бендури Н. 207
 Беневиста Иуда 180
 Бенедикт 298
 Бен Цви Ицхак 5, 205
 Бенцион-эфенди 203
 Беньямин 210
 Бен Эфраим 80
 Бергштрассер Готхельф 369–
 370
 Беркович Флорин 220
 Бетлен Габор 171
 Бехор, семья 296
 Бишатчи 139
 Блох Мататия 75
 Блюм Юлиус 287
 Бобович Сима (Симха) 60–61
 Боден, секретарь 87
 Боден П. 148, 150
 Большаков О.Г. 17
 Брагадин 56
 Бранд 323
 Братиану Ион 219
 Бродель Фернан 52, 150, 169,
 363
 Бросинер Маурицио 220
 Брэксфорд Генри Нозль 206
 Будалика 201
 Букков Адольф 215
 Бусбек Хрислэйн 167
 Буснаш Нафтали 234
 Бутенев А.П. 33
 Бушара, семья 234

Бьялос Марк Хаим 287

Вайнштейн О.Л. 31

Вандаль Альбер 106

Вани-эфенди 80

Васфи-бей Мехмед 353

Вахидеддин 371

Вашингтон Джордж 240

Вебер Макс 24–25

Велизарий 224

Венециани Эманюэль 328

Венизелос 206

Виктория, королева 94

Вильнев, де 106

Витал Хаим 73

Влахов-эфенди 43, 204–206

Воронцов М.С. 61

Габаи, семья 65

Габаи Ехезкель 65–66

Габсбурги 165, 172

Газа Натан (Абрахам Бенджа-
мин Леви Ашкенази) 71,
74–75

Гай 130

Галанте Моше 75–76

Галанти Абрахам (Галанте,
Бодрумлу) 4, 12, 43, 51–
52, 69, 81, 355, 367–372

Галанти Мишон 367

Гамон, семья 135

Гамон Иосиф 126

Гаспар, банкир 107, 135

Гейне 142

Гёк Алп Зия 151

Генрих II 53

Генрих III 64

Гербер Х. 6

Гергели 167

Герлах Стефан 134, 167

Геров Найден 203

Герцль Теодор 43, 155, 332

Гиерон Якир 146–147, 151

Гинзбург 68

Гирс 327

Гирш, барон 140, 328

Гогенцоллерн Карл 219

Годескар 102

Гольденберг, семья 112

Гольднер 219

Гома 269

Граншан, де 53–54

Гревс Жозеф 244

Грегуар, патриарх 148

Грец Г. 5, 12, 84, 362

Гувета Ицхак 261

Грэхем-Браун С. 10

Дабос Закария 165

Давид, царь 69, 75, 80

Давид (Дод) 53–54

Давид из Битоля 190

Давид Коэн бен-Яаков 168

Дан I 210

Девида Жак 114

Девуаз 234

Дервиш-ага 191

Дерншвам Ганс 163

Джавид-бей 154

Джем, принц 129

Джемаль-паша Ахмед 45–47

Джерауа 224

Джойя 367

Дрейфус 96, 101

Дуран Симон 227

Дуран Соломон 227

Дюнан Жан Анри 245

Дюран Давид 234–235

Елизавета I Английская 56

Жаке, семья 234

Жоан II 180

Зазон 90

Залма Моисей 137

Заполья Янош 160
Захария, пророк 77
Захарьян 204
Звягельская И.Д. 13
Зегер 336
Зивер 152

Ибн-Халдун 224
Ибрагим I 64
Ибрагим-ага 191
Ибрахим-паша (Хан Бахри)
40
Ибрахим-паша, великий ве-
зир 283
Ибрахим-паша, правитель
Египта 274, 291, 315, 317–
318
Иван III 211
Иван IV 52
Иерасимус Стефан 12, 28
Иеремия, пророк 117
Изабелла 15, 227
Израиль 68
Иковеску Барбу 219
Илие, сын Иеуды Ково 194
Иналджик Халиль 15
Иненю, см. Исмет-паша
Иоаким III 98
Иоанн св. 145
Иоанна (Жанна д'Арк) 102
Иоаннидис Христос 103
Иоиль, пророк 77
Ион Лютый 212
Иона Самуил 204, 206
Иосиф, сын Салти 169
Иосиф, хирург 171
Иосиф бен-Шлёмо 162
Иозль Моисей Соломон 328
Исаак, сын Самуэля Альтер-
но 129
Исаак-паша 115
Исавийя 265
Исмаил, шах 280

Исмаил-паша 151, 286
Исмет-паша 350, 353
Истраде 198
Исраэль Самуэль 44
Исхак-паша 50
Иуда бен-Булат 131
Ихес 202
Ихсан 204
Ицхак 191

Йомтоб бен-Якар 76
Йорга Николай 210
Йохевед 83

Кадроны 367
Казанджи-заде 63
Казес Давид 249
Кайя Шюкрю 356
Каллимахи 215
Калфон Авраам 263
Калфон Давид 263
Кальдерон Яков 184
Камондо Авраам (Абрахам)
42, 146, 271
Камхи Шломо 147–148
Кандали Элия 63, 65
Кандиоти Иешуа 139
Кантакузен 52
Капсали Моисей 128–129
Капсали Элия 128
Каража 215
Карамани Мехмед 50
Караманли, династия 261–
264, 267, 270
Караманли Али-паша 263–
264
Караманли Ахмед 263
Караманли Юсеф 263–266
Карасова Т.А. 13
Карассо Эммануэль 43–44,
154–156, 207
Кардозо, семья 84
Карл V 227–228, 362

Карл IX 53
Карл XII Август 133–134
Карл Лотарингский 172, 175
Кармел А. 6
Кармона, семья 65
Кармона Дэвидсон 152
Кармона Челеби Бехор (Шап-
чи-баши) 66
Карнеги 206
Кастро Авраам, де 281–283
Каттави, семья 287–288
Каттави Яков 287
Кахена 224
Кашле 91, 93
Кемаль, сын Кюпе 127
Кемаль, сын Макар-оглу 185
Кемаль Мустафа 7–8, 68,
343, 347, 350, 357–358,
365, 370
Кёпрюлю Мехмед-паша 133
Кёпрюлю Фазыл Ахмед-паша
78, 83
Керкени Али 270–271
Кипели 127
Киприан 223
Кира (Эстер, Фатъма-хатун)
4, 12, 60–65
Кирдар Лютфи 359
Киченер 341
Клот-бей 285–286
Ково Иеуда 194
Когальничану М. 210
Колон Иосиф 129
Колумб 352
Конеглиано Исразль (Конья-
но) 134
Константин, король 118, 205
Коронелло Франсиско 51
Кочибей Гёмюрджинский 24
Коэн, торговец 202
Коэн, лекарь 214
Коэн А. 6
Коэн Альбер 140, 142, 150

Коэн Иосиф 160
Коэн Менахем 147
Коэн Моисей, см. Текинальп
ха-Коэн Мордехай 4, 79, 257–
258, 261, 263–266, 270–
276
Коэн Неемия 80
ха-Коэн Эфраим 171–172
Коэн-Косин А. 220
Крамер Иона Арье 113
Кремье Адольф 90, 94–96
Кристиан III 167
Кушнер Д. 6
Курд 61–62
Кюпе 127
Кямиль-паша 98, 114, 117,
331

Ландау Я. 6
Ланиадо Иосиф 86, 88
Ланиадо Соломон 313
Лаурила 90
Лаурин 91
Лари 50
Леар Эрвард 202
Леви 139
Леви А., социалист 207
Леви Абрахам, раввин 139
Леви Дэвидсон 152
Леви Елисей 74
Леви Иосиф, глава общины
164
Леви Иосиф 291
Леви Ицхак 204
Леви Ицхак бен-Иосиф 164
Леви Меир Зебулон 299
Леви Моше 151–152, 155
Леви Шимон 256
Левинсон, семья 112
Леон Элия 114
Леопольд I 170, 173
Лепала Аарон 76
Лисбон Самуил 74

Лист Фридрих 45
 Ломброзо Ицхак 232
 Лоэб Исидор 142
 Луи Филипп 85, 90, 93
 Лука св. 145
 Лупу Василий 214
 Лурия 73, 298
 Лурия Исаак 69–70
 Льюис Бернард 5
 Лэйн Эдвард Вильям 285–
 286, 294
 Людовик I 210
 Людовик XIV 25
 Людовик XV 106
 Лютфи Кидар 359

Маварди 226
Маджару Виржиль 217
Майер, раввин 73
**Маймонид (Моше бен-Май-
 мон, Рамбам)** 130, 279,
 281, 298, 308
Макар-оглу Кемаль 185
Мак-Магон Генри 341–34
Максимилиан II 52, 166
Мандельбаум 288
Мандельштам, дипломат 47
Мандельштам О., поэт 142
Маноах Хилель 217–219
Маоз М. 6
Марк св. 145
Маркс Карл 5, 15, 319
Марморш Якоб 217
Марсильи 173
Маслим 190
Маслиях Ниссим 155
Матфей св. 145
Махди 72, 330
Махмуд-бей 235
Махмуд I 138
Махмуд II 32–33, 65–67, 85,
 108, 139, 290, 315, 317,
 346

Махмуд, шейх 80
Медичи Екатерина 54, 64
де Менас, семья 287–288,
 297
де Менас Якоб 297
Менахем 62
Ментеш 191
Ментон Рати 85–90, 92–93, 95
Менц Иуда 129
Мерлато 88, 91
Мессия 69–73, 75–76, 78, 80–
 83
Меттерних 91–92
Мехмед II Фатих 15–16, 20–
 21, 50, 125–128, 133, 182
Мехмед III 61
Мехмед IV 77, 81, 133, 182–
 183, 185
Мехмед Решад V 68
**Мехмед-эфенди, см. Цви Саб-
 батай**
Мехмед-эфенди, сипахи
Добрушева 191
Мидхат-паша 114
Мизрахи Мордехай 265
Мизрахи Фернандес 201
Мизрахи Элия 129–131, 139
Милюков П.Н. 206
Мимун Яаков 270
Михаил Храбрый 212–213
Модиано Саул 201–202
Модиано Торрес 201–202
Моисей из Буды 166, 170
Моисей, пророк 35, 70, 79,
 99–100, 224, 227, 240–
 243, 246, 357
Мойзо 199
Молхо Шломо, см. Перец
Дьего
Монтефиоре Клод 298
Монтефиоре Моисей 90, 94–
 96, 320, 322
Монтихо Евгения 151

- Мопассан Ги, де 252
 Моргентау 46–47
 Мордехай, сын Кюпе 127
 Морено Жозеф Рафаэль Пин-
 хас де Съегура 119
 Муртеро Иегуда 75
 Моссери, семья 288
 Мохаммед-бей 236–237
 Моше а-Леви 369
 Мошиах 189
 Мошон (Мойше), раввин 119
 Муавия 50
 Мурад I 177
 Мурад II 50, 178
 Мурад III 18, 23, 51, 55–56,
 58, 61, 126, 189
 Мурад IV 137
 Муса 65
 Муса бин-Балко 165
 Муса ибн-Носейр 224
 Мустафа, дей Алжира 234
 Мустафа II 175
 Мустафа-паша, зам. вали
 Буды 166
 Мустафа-паша, каймакам 80
 Мутал 139
 Мухаммед (Мухаммад), про-
 рок 17, 259, 263, 265, 272
 Мухаммед Али 85, 89, 91–92,
 94–95, 284–285, 289, 291,
 294, 314–315
 Мухаммед-бей 283
 Мухый-эфенди 55
 Мюттеферика Ибрахим 135
- Наварра** Педро 227, 255
 Наварро Соломон 73
 Навуходоносор 117
 Наггяр Мордехай 244
 Нажара Израель 60
 Назарет, адвокат 102
 Найма 63–64
 Намык-паша 317
- Наполеон (Бонапарт) 138,
 284
 Наполеон III 151, 239
 Наси Иосиф (Мика, Иоао
 Микес) 4, 51–55, 60
 Наси Рейна 55
 Натан, сын Соломона Ашке-
 нази 58–59
 Нахмиас Леон 291
 Нахум Саул 204
 Нахум Хаим 154–156, 346,
 370
 Невзат 99
 Недим-паша Махмуд 270
 Нелидов А. 327
 Нерон 100
 Нессельроде К.В. 66
 Нетер Карл 325
 Нипоти 202
 Ниссим, сын Кюпе 127
 Ноах Мордехай Мануэль
 238–239, 267
 Ноах Р. 164
 Ньего, семья 354–355
 Ньего Эльза 354–355
 Ньяри Иштван 167
- Окчи-заде** Мехмед 55
 Омар, халиф 17, 226, 306
 Омер-ага 63
 Оппенгеймер Самуэль 174–
 175
 Орослан 170
 Ортаилы 5
 Осия, пророк 74
 Осман I (основатель динас-
 тии) 15
 Осман II 60–61, 65
 Осман-бей 354–355
 Османы 32, 50
- Павел IV**, папа (ранее карди-
 нал Каррафа) 23, 136, 194

Паласси Абрахам 98
Паласси Ниссим 98
Палачи Хаим 147
Пальмерстон 90–91
Парвус (Гельфанд А.Л.) 205
Парнасс Эли 129
Паси 102
Паскаль Аристид 220
Пастернак 142
Перец Дьего 189
Пётр I 134
Петр Хромой 212
Петру П. 207
Пико Ф.Ж. 342
Пилоссоф Иосиф 83
Пинто Даниель 75
Пинья Хаим 76
Пиччиото, семья 314
Пиччиото Исаак Леви 88
Пиччиото Рафаэль 314
Прессанс Франсис, де 206
Примо Самуил 75, 79

Раззам-паша Ахмед 271
Раках Саул 270–271
Раковски Кристо 205
Ракоци II Дьёрдь 133
Рамбам, см. Маймонид
Ратиб-паша 354
Рауф-паша 328–329, 331
Рафаэль Саббатай 75
Рашид-паша 329
Реджеб-паша 272, 276
Рейтц 329
Реканати 206
Рефик Ахмед 4
Решид-паша Мустафа 140
Риза-бей Ахмед 369
Ризат-бей 91
Рикман Р. 66
Рикор 102
Риччо 201
Родити Бехор 114

Родриг Арон 13, 63, 366
Розенталь Даниэль 219
Роксолана 134
Роло, семья 288
Ротшильд Альфонс 115
Ротшильд Джеймс 94
Ротшильд Лайонел Уолтер
47, 342
Ротшильд Натаниэль 91, 93
Ротшильд Эдмунд 326
Ротшильды 90–91, 94, 140,
150, 328, 331
Рудольф II 212
Рузвельт 355
Руссо Ниссим 44, 154–156
Рустем-паша 22
Руэри 52

Сабахэддин 41
Садило Самуил 283
Саид, хедив 287
Саид-паша 289
Сайдам Рефик 356
Сайкс М. 342
Сайяс 202
Салах Менахем 152
Салем Эммануэль 44
Салик 170
Салоники Моисей 86
Салти Иосиф 169
Сальв, де 143
Самама Жозеф 236
Самуил 74
Сануа Якоб 287
Самсон, сын Исаака Шулхо-
фа 174
Сара (Фатима-ханум) 74–75,
77, 81, 83
Сарсак, семья 338
Сасоон Иехезкель 44, 155
Саул Якоб 150
Сафийе (Баффа) 63–64
Селевк 281

Селевкиды 281
 Селигман 287
 Селим I 22, 126, 136, 228,
 280–281, 302
 Селим II 51, 53, 55–56, 60–
 61, 134
 Селим Гирей I 185
 бен-Семаш Якоб 73
 Сениор Авраам 51–52
 Сернат 220
 Симха Фридман бен-Хаим
 168
 Синан-паша 213
 Скотт Вальтер 362
 Смирнов В.Д. 12, 60, 62
 Соколлу Мехмед 52, 54, 56
 Солак-заде 63
 Соломон 291
 Соломон, царь 71
 Соломон, раввин 119
 Соранзо Джакомо 57–58
 Спенсер М. Кэрролл 148
 Спиноза 84
 Стамбули Арон 88
 Стефан III 210–211
 Страбон 223
 Страус Оскар 331–332
 Струмса Виталий 44
 Стурдза Михаил 217–218
 Суарец, семья 288
 Сулейман I Великолепный
 (Кануни) 22, 51, 53, 56, 61,
 65, 100, 126, 131, 134,
 136, 160–163, 169, 194,
 282–283, 307, 314
 Сулейман-паша из Буды 170
 Сфец Батто 236
 Талаат-паша 44, 46, 338, 342
 Талейран 234
 Танью Хикмет 43
 Тараган Бенцион 288
 Тауск 175

Ташка Жорж 221
 Тевфик-паша 332
 Текинальп 45
 эль-Тели Мухаммед 85, 87
 Тертуллиан 223
 Терон Якир 117
 Тит 223
 Тиц, супруги 341
 Тодоров Н. 178
 Томазо 85–87, 89, 94, 102
 Тонсис Баттистино, де 256
 Топрак Сабри 356
 Траян 210, 223
 Турнефор Питтон, де 111–
 112
 Тьеполо 56
 Тьер 93–95
 Убичини 39, 142
 Умар, см. Омар
 эль-Фалата Мурад 87
 Фаллак Якуб 311
 Фано-паша Исаак 115
 Фараджи Виталий 44, 155
 Фархи Меир 88
 Фархи Рафаил 88
 Фархи Хаим 40, 314
 Фатимиды 279
 Фатьма-хатун, см. Кира
 Февр Мишель 106, 135
 Федорченко А.В. 13
 Фейхтвангер Лион 362
 Фекете Денес 166
 Ферайо Лучио 88
 Фердинанд I 52
 Фердинанд II 15, 227, 255
 Фернандес М. 328
 Ферхад-паша 58
 Филиберт 94
 Филипп II 52, 56, 58
 Фонсека Даниэль 134
 Форгаш Симон 166–167

Франк Луи 241
Франц Иосиф I 151, 292
Фрейденберг Марэн 13
Фреско Давид 153–154
Фреско Мошон (Мойше) 119
Фуад-паша 35, 147, 322, 324

Хадер Бихара 11
Хаджес Якоб 73–74
Хаджиман-эфенди 203
Хазан 206
Хазан Аарон Жозеф 110
Хазан Элияху 298
Хаззан Элияху Бехор 271, 273
Хаим 291
Хаим Марк (Бьялос) 287
Хаим Хакман бен-Ицхак 168
Халед-эфенди 65
Халиль-паша 63–64
Халфин Азария 88
Халфин Соломон 88
Хальфон Михаэль Даниэль
217

Хаммурапи 372
Хамуд-паша 239
Хамудопуло Христки 101
Ханинах, рабби 223
Хановер Натан 214
Харави, семья 288
Харари Виктор 287
Харари Исаак 287, 291
Харель Я. 6
Харум 170
Хасан-бек 190
Хасан-эфенди 306
Хассан 224
Хафез-бей аль-Саид 337
Хафез-паша 275–276
Хафиз Ахмед-паша 64
Хафсидская династия 225
Хашдеу Б. 210
Хейд У. 6
Хершель Соломон 95

Хизкийя Саббатай 277
Хильми-паша Хюссейн 154
Хмельницкий Богдан 73, 138,
214
Хоровиц 288
Хрисантес 117
Христос 78, 145
Хурем 58
Хуссейн, эмир 341
аль-Хуссейни Мухаммад
Тахер 330
Хюсни-паша Ахсан 276

Царфати Ицхак 180
Цви, семья 83
Цви Исаак 83
Цви Мордехай 70, 75, 83
Цви Саббатай (Мехмед-эфен-
ди) 69–84, 189, 206
Цви Элия 76
Цепеш Влад (Дракула) 128
Цинкайзен 134
Цукер 217

Челеби Ибрагим 182
Челеби Иегуда 79
Челеби Кятиб 63–64
Челеби Мехмед 191
Челеби Рафаэль Жозеф 72–
75
Челеби Эвлия 4, 127–128,
132, 136–137, 168, 171
Челибон Дели 67
Чикурель Рафаэль 114

Шалал Исаак 281
Шалтиель 131
Шамвил ибн-Аби Юкар 309
Шапиро 336
Шерво 196
Шишман Иван 177
Шварцман, семья 112

Шериф-паша 86–87, 89, 92,
95

Шибли Аюб 85

Шломо бен-Иозеф 23

Шломо бен-Якоб 23

Шпицер, врач 146

Шулхоф Исаак 171–172, 174

Щебетай 62

Эдзард Эсдрас 78

Эйзенберг 336

Эйнштейн Альберт 357

Эйюмер-паша 148

Элиас 217

Элия, сын Киры 61–62, 65

Элия бен-Иехуда 171

Эль-Хадж Сефер-ага 190

Эмин-паша Мехмед 270

Энгельбах, семья 112

Эрбакан Н. 8

Эрдоган Р. 366

Эрно 167

Эррера Геделия Абрахам 202

Эртогрул, отец Османа I 15

Эскапа Иосиф 71

Эстер, см. Кира

Эстер 264

Эфраим бен-Герзон 178

Эшреф 368

Юстиниан 224

Юсуф-паша 89, 91

Яков, сын Соломона Ашке-
нази 55

Яков Там ибн-Яхья 131

Якуб 50, 126

Ясаф, сын Киры 65

Ялчин Хусейн Джавид 357

Ян III Собеский 173

Ясеф, фармацевт 146

Яшни Абрахам 71

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абидос 79–80
Австрия 85, 90, 92, 94, 100,
134, 161, 169–170, 172–
173, 175–177, 212–213,
215, 293, 297, 313–314,
356
Нижняя 170
Австро-Венгрия 13, 157, 291–
292, 333
Адана 316
Аден 335, 341
Адрианополи, см. Эдирне
Азия 95–97, 162, 229
Айвансарай 127
Айдын 119, 347
Аккерман 210
Акко 47, 314–315
Акра 40
Албания 20, 83
Александретта 48, 316
Александрия 53, 72, 91, 93,
96, 198, 273, 286–288,
290, 295, 297–299, 368
Алеппо 22, 75, 78, 88, 106,
198, 280, 282, 302, 305,
312–314, 316–319, 323–
324, 341
Алжир 53, 223–224, 227–231,
233–234, 236–237, 255,
291
Аль-Баб 48
Амасья 100
Америка 28, 352
Северная 119
Южная 119
Амрус 275
Амстердам 73, 133, 197
Анатолия 7, 15, 45, 83, 118,
126, 213, 347, 351
Восточная 38–39, 359
Западная 38–39, 45, 365
Англия, см. Великобритания
Андалузия 228
Андрос 51
Анкара 356, 359, 372
Анкана 192, 198
Анталья 48
Антильские острова 231
Антипарос 51
Апано 103
Апулия 181
Арабское королевство 341–
342
Аравия 18, 48, 114, 313
Арарат 239
Арнавуткёй 372
Архипелаг 51, 176
Ассирия 372
Афины 72, 207
Африка 234
Северная 5, 15, 223–227,
229–230, 232, 255–256,
260–262, 267, 326
Центральная 255
Афулах 338
Аязма-капысы 127

Баальбек 22, 48, 305
Багдад 41, 44–45, 65, 82, 152,
155
Базель 362
Балат 127, 139, 148
Балканский полуостров 51,
194
Балканы 12, 16, 20, 42, 48, 54,
97, 135, 163, 166, 177,
180–182, 185, 189–190,
195, 197, 202–205, 207,
210, 216
Балык-Пазары 127
Банат 210
Барбария 239–241

Басра 41, 341
Бахри-Баба 83
Бахче-капы 127
Бачка 176
Бейоглу 32, 114, 305
Бейрут 22, 47, 90, 305, 318,
333, 341
Белград 77, 171, 179, 183,
187, 192–193, 198
Бельгия 93
Бенгази 272
Бендеры 134
Бер 178
Берат 83
Берберия 244, 267
Бергама (Пергам) 119
Берковица 195
Берлин 46, 174, 341
Бершеба 324
Бессарабия 212, 215
Бешикташ 127
Битоль 179, 181, 184–185,
189–192, 195, 198–199,
203
Ближний Восток 5–9, 11, 14,
16, 22, 28–29, 39–41, 45–
48, 59, 136, 171, 280, 302–
304, 312, 324, 330, 341,
365, 372
Богемия 133
Бодрум 367, 372
Болгария 12, 42, 48, 177–178,
201, 204, 210
Болеарские острова 228
Бон 229
Бордо 238
Босния 140, 152
Босфор 67, 127
Братислава, см. Пресбург
Бреславль 362
Бугия 227
Буда 160–175
Будапешт 77

Будинский пашалык 160, 162
Бухара 326
Бухарест 212, 217–218, 220

Вавилон 117
Вадаи 265
Валахия 31, 64, 128, 210–213,
215–219
Валона 181
Варна 195
Великобритания 9, 25, 30, 42,
45–48, 56, 78, 85, 89–90,
92, 94, 198, 203, 220, 235,
284, 291, 300, 312–313,
315, 335, 341–343, 355, 364
Вена 93, 113, 146, 165–166,
168–171, 173–175, 362
Венгрия 4, 22, 133, 160, 165,
169–170, 172–173, 175–
177, 180, 210, 354
Венеция (Венецианская рес-
публика) 23, 52, 54, 56–58,
78, 133–134, 173, 176,
198, 312–313
Вероя 196, 198
Видин 164, 177–180, 195,
199, 220
Византия (Византийская им-
перия) 15, 36, 97, 124–
125, 177, 185, 210
Восток 5, 24, 26, 51, 69, 90,
94, 96, 102, 106, 111, 118,
132, 149, 239, 255, 290,
364
Врац 195

Газа 22, 74–75, 303–304, 306,
316, 323, 340
Галата 127, 145, 355
Галац 219
Галилея 22, 325, 334–335
Галиция 25
Галлиполи 177, 179

Гамбург 78
Ган-Яфа 61
Гариан 264
Генуя (Генуэзская республика) 53, 56, 198
Германия 5, 7, 9, 22, 45–47, 75, 77, 79, 125, 133, 154, 157, 171, 177, 180, 203–204, 300, 341–342, 355, 357–358, 360, 362, 365, 369–370
Гибралтар 235, 291
Голландия 25, 72, 79, 189, 197–198, 312–313, 364
Гранада 14, 228
Греция 32, 42, 44, 48, 97, 105, 118, 129, 139, 204, 207, 295, 297, 366
Гюзель-Хисар 119
Гюльхане 145
Гюмюрджина 179

Дакия 210

Далмация 176
Дамаск 22, 40–41, 60, 85–86, 88, 90–95, 102, 280, 302–308, 312–313, 315–316, 318–319, 322–324, 328, 364
Дамасский эйялет (провинция) 40
Дамьетта 295
Дарданеллы 78–79
Джабар 90
Джебель 48
Джебель-Гариан 257
Джебель-Нефуса 257, 269
Джибали 127
Джиср-аш-Шогур 48
Диярбакыр 38
Добрушево 191
Догруйол 355
Дубровник 181, 198

Дунай 165, 198, 216
Дунайские княжества 210–218
Дунайский вилайет 195
Дупница 195
Дуррес 198

Женева 350

Евпатория 60

Европа 5, 7, 10, 15, 18, 20–21, 24–25, 28–29, 31, 36, 51–52, 54, 67, 89–90, 93, 95–97, 100–101, 111, 124–125, 142, 158, 160, 180, 188–189, 194, 197–198, 204, 225–226, 229, 231, 234, 248, 255–256, 258, 289, 294, 302, 320, 323–324, 327, 349–351, 358–359, 362–364, 370
Восточная 10, 41, 97, 125, 206, 239, 286, 298
Западная 5, 22, 27, 97, 178, 180, 212, 218, 332, 363–365
Центральная 10, 125, 157, 180, 229
Египет 8, 39, 75, 85, 91, 94, 119, 129, 136, 138, 151, 241–242, 279–300, 303, 313–315, 328, 341, 368
Енидже-Вардар 179
Ефрен 269

Зайорданье 342

Замарин (Зикрон-Яков) 325
Запад 29, 102, 132, 151, 220, 258
Золотой Рог 83, 127, 139

Иберийский полуостров 226, 233

- Иерусалим 13, 22, 47, 72–75, 77–78, 80–82, 115, 117, 129, 140, 223, 246, 281, 303–309, 311, 315–316, 319–320, 322–323, 325–332, 336–337, 339–342
- Иерусалимский пашалык 336
- Иесуд-ха-Маала 325
- Излаз 218
- Измир 4, 70–72, 75–78, 82, 84–85, 97–98, 102, 105–107, 109, 111–119, 147, 155, 189, 198, 205, 297, 350, 353, 368
- Измирский вилайет 116, 367
- Израиль (Эрец-Исраэль) 5–7, 11, 13, 72–75, 77, 246, 279, 366
- Индия 28, 291
- Индийский океан 341
- Иордан 342
- Ирак 8, 41, 45–46, 343
- Иран 213, 280, 326, 341
- Искендерун, см. Александретта
- Испания 15, 22, 51, 53–54, 56–58, 70, 73, 124, 133, 142, 152, 178–179, 201, 212, 224, 227–229, 231, 255–256, 260, 302, 312
- Италия 15, 22, 42, 44, 72, 79, 93, 132, 135, 189, 219, 241, 262, 273, 277, 291–293, 297, 312, 355
- Южная 180
- Иудейские горы 334
- Иудея 117, 325
- Йемен 43, 73, 311, 335
- Йылдыз, дворец 152
- Кавала 179
- Кавказ 158
- Кагул 212
- Казанлык 195
- Каир 14, 72, 74–75, 94–96, 106, 198, 279–283, 286–288, 290, 292–295, 297–298, 368–369
- Кайруан 224
- Каподистрия 133
- Караташ 83
- Карловицы 173
- Карс 346
- Карфаген 223
- Кассым-паша 127
- Кастилия 180
- Катовице 331
- Киликийское царство 36
- Киликия 85
- Кинерет 342
- Кипр 56, 59–60, 163
- Киренаика 223, 277
- Китай 101
- Конго 119
- Константин 227
- Константинополь, см. Стамбул
- Кордовский эмират 14
- Корони 179
- Корфу 118, 292, 297
- Костур 178, 183, 193, 195
- Краков 168
- Красное море 341
- Кратово 179
- Крит 44, 83, 95, 117–118, 133, 148, 178, 297, 364
- Крым 18, 61, 194
- Кудюс 372
- Кузгунджук 127
- Кум-Кале 79
- Куру-Чешме 83
- Кушадасы (Скаланова) 119
- Кюстендиль 195
- Кючук-Чекмедже 78
- Лагулетта 237

Лангедок 231
Лариса 199
Латакия 47, 323
Левант 13, 37, 106, 234
Ленинград, см. С.-Петербург
Лепанто 57, 133
Ливан 37, 45–47, 85, 302,
315, 343
Ливия 223, 268, 277
Ливорно 30, 73–74, 107, 229,
231–232, 234–235, 237,
241–242, 249, 251, 256,
312
Лидда 316, 340
Лион 52
Литва 18
Лозань 191
Лом 195
Лондон 95, 144, 203, 207,
290, 354

Магнесия 76
Магриб 5, 8, 22, 223–224,
226–227, 229, 231, 256,
265, 267, 274
Мадрас 203
Мадрид 352
Македония 38, 45, 177–178,
194, 201–202, 204–207
Малая Азия 16, 46, 51, 105,
124, 161–162, 197, 365,
372
Мальта 56, 173, 237, 256,
262, 290–291
Маниса 98, 116, 119, 129
Мардин 38–39
Марица 177
Марокко 224, 231, 286, 297,
311
Марсель 241
Мартиника 32
Медина 18
Мекка 18, 262, 303, 341–342

Мело 51
Мерсин 341
Метелин 58
Милас 116
Молдавия 31, 210–219, 334
Монастир 183
Моравия 146, 180
Морея 70, 75, 77, 139, 176,
179
Мория 319
Москва 12
Мосул 39
Мотза 325
Мохач 160–162
Мумхане 127
Мунтения 212

Наби-Муса 303
Наблус 22, 47, 303–304, 306,
316
Навпактос 179
Надькёрёш 170
Назарет 338
Наксос 51
Неаполь 146
Негев 342
Ниагарский водопад 239
Нигде 371–372
Нидерланды, см. Голландия
Никополь 177, 179–180, 212
Нэс-Цион 325
Нюрнберг 362

Одесса 316
Одрин 179
Одринский вилайет 195
Оран 227, 229
Ортакей 127
Охрид 177–178

Падуя 129, 175
Пазарджик 195
Палермо 232

- Палестина 5–8, 10–13, 22, 39,
 42–43, 45–47, 54, 72, 74–
 75, 80, 85, 105, 129, 146,
 155, 189, 204, 207, 256,
 280, 302–304, 307–308,
 314–317, 319–320, 322–
 343, 350, 365, 370
 Париж 31, 114, 237, 249, 270–
 271, 293, 339, 369
 Парос 51
 Пера 114, 355
 Петах-Тиква 325, 327–329,
 334, 336
 Пешт 165, 167, 170
 Пиренеи 201
 Пиренейский полуостров 135
 Пири-паша 146, 150
 Плевна 164, 177, 220
 Пловдив 178–179, 182, 195,
 198
 Подолия 176
 Полтава 134
 Польша 18, 72, 74, 77, 79,
 134, 138, 173, 175–177,
 180, 210, 212, 325, 334,
 350, 354
 Порт-Саид 299, 340
 Португалия 15, 22, 57, 73,
 124, 135, 179–180, 192,
 212, 231, 256, 302, 312
 Прага 174
 Пресбург (Братислава) 165–
 166, 175
 Принцезы острова 354
 Причерноморье Северо-За-
 падное 212
 Прованс 180
 Пруссия 92, 94
 Восточная 25

Рамбам 308
 Рамла (Рамалла) 316, 336,
 340
 Рашейя 48
 Римская империя 177, 223
 аль-Риша, еврейский квартал
 310
 Родос 54, 77, 85, 89, 91, 119,
 282, 367–368
 Розетта 295
 Россия (Российская импе-
 рия) 7, 10, 18, 25, 28, 31–
 32, 35, 38, 42, 60, 85, 92,
 94, 105, 112, 118, 133–
 134, 138–139, 142–143,
 153, 173, 201, 213, 216–
 217, 284, 297, 313, 324–
 325, 327, 332–333, 350,
 354, 365
 Рош-Пина 325
 Рум 124
 Румелия 126, 140, 154, 184,
 190
 Румыния 12, 38, 105, 112,
 219, 221, 293, 325, 354,
 365
 Русе 178, 195

С.-Петербург 12, 333
 Сайда 22, 305
 Салоники 24, 43–45, 71–72,
 77, 116, 154–155, 164,
 168, 177–182, 184, 187–
 199, 202–207, 212
 Саман 48
 Сан-Ремо 342
 Сараево 179, 187, 198
 Сардиния 85
 Сармиседжетус 210
 Сарон 329
 Сахель 237
 Священная Римская империя
 52
 Сербия 12, 48, 204
 Серес 147, 177, 179, 196
 Сидон 315–316

- Сидонский эйялет 40
 Силистра 182
 Синай 70
 Сион 319
 Сирийское царство 281
 Сирия 8, 37, 39–40, 45–47, 85, 91, 94–95, 171, 280–281, 297, 302, 306–307, 311–320, 323–324, 328, 339, 342–343, 312
 Ситваторок 169
 Сицилия 15, 22–23, 179–180, 312
 Скопье 179, 189, 192, 195, 198–199
 Славония 176
 Сливен 192
 Смирна, см. Измир
 Смоков 195
 Соединенные Штаты Америки (США) 5, 37, 39, 46–47, 85, 94, 158, 207, 220, 239, 331, 342, 349, 356, 358, 365
 София 77, 164, 178–179, 182, 190, 192, 195, 198–199
 Средиземное море 255, 341
 Средиземноморье 29, 52, 198, 223, 229, 243, 252
 Восточное 179, 303
 Западное 30, 255
 Стамбул 4, 16, 18, 23, 27, 30–33, 41–42, 44–47, 50–52, 54, 56–58, 60–61, 64–66, 71–72, 75–78, 80, 83, 89, 91, 96–98, 105, 107, 109, 114, 119, 122, 124–131, 135–140, 142–146, 148, 150–158, 160, 163–165, 167–168, 170, 173, 179, 181–182, 186, 189, 193–194, 198, 204–205, 210, 212–215, 230, 263, 270–271, 274, 276, 282–283, 291–292, 297, 306, 308, 312, 316, 325, 327–329, 331, 334, 338–339, 341, 346–347, 353–355, 359, 365, 367, 369–372
 Стара-Загора 195
 Стокгольм 133
 Страсбург 362
 Струмица 204
 Судан 261, 263, 330, 369
 Таиф 114
 Тагира 255
 Тараблус, см. Триполи
 Тверия 54–55, 316, 325–326, 337
 Тебриз 280
 Текфурсарай 127
 Тель-Авив 13, 47, 337
 Тлемсен 227
 Тоскана 235
 Тосканское герцогство 235
 Трансильванское княжество 160
 Трансильвания 160, 169, 171–172, 176, 210, 212, 215
 Триест 261
 Трикала 179
 Триполи 22, 47, 72, 237, 255–265, 267–273, 275–277, 305, 316
 Триполитания 224, 255, 257–259, 261, 267–268, 271, 275, 277
 Триполитанский эйялет 255
 Туделла 210
 Тунис 223–225, 227–228, 230–232, 235–239, 241–242, 244–245, 247, 249, 251–253, 263, 267, 297

Тургутлу 119
Тырново 165–166, 177

Уганда 332
Украина 134, 138, 176, 214,
334, 350
Урла 119
Урф 38, 316
Ускюдар 127

Фамагуста 59
Фанар 31, 213
Фес 232, 256
Фессалия 76, 118
Фессалоники, см. Салоники
Феццан 277
Флоренция 53
Фракия 45, 118, 204
Франкфурт-на-Майне 74
Франция 15, 25, 31, 42, 46–
47, 53–54, 85, 89–90, 93,
106, 135, 157, 198, 202–
204, 218–220, 234, 238,
255, 291, 297, 312–313,
341–343, 350–351, 355,
362–364
Фулах 338

Хайфа 315, 325–326, 337–
338, 340
Харет-эль-Яхуд 319
Хасбейя 47
Хаскей 127, 139, 144, 146,
148
Хасков 195
Хеврон 22, 281, 303–304, 309,
316, 325–326, 342
Хейруан 317
Хельван 288
Хиджаз 48, 341
Хиос 77, 119

Хорватия 160
Хыршов 210

Цфания 148
Цфат 22, 59–60, 69, 127, 164,
172, 281, 303–304, 308,
316, 322, 325–326, 331,
337, 341
Цюрих 362

Чераган, дворец 140
Черногория 204
Чехия 160
Чешме (Чесма) 119
Чифут-куюсу 127

Швейцария 203
Швеция 89, 133–134
Шотландия 78
Шумен 195
Шухуд-куюсу 127
Шхем 303

Эгейское море 51
Эгер 166, 170
Эдирне (Адрианополь) 71,
77, 80–81, 83, 105, 107,
128, 147, 179, 185, 194,
198, 347
Эйн-Ганим 334
Эль-Ариш 74, 340
Эмирхан, дворец 151
Эрец-Исраэль, см. Израиль
Эрзинджан 359
Эрфурт 362
Эфраимские горы 334

Ялова 356
Янина 152, 179, 297
Яссы 214
Яффо 46–47, 315–316, 325–
326, 332–333, 336–337,
339–340

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Статус еврейских общин в Османской империи ...	14
Глава II. Евреи при османском дворе	50
Глава III. Религиозное движение Саббатая Цви	69
Глава IV. «Кровавый навет». Антиеврейские процессы в Дамаске и на острове Родос. «Процесс колокола» в Измире	85
Глава V. Еврейские общины Измира	105
Глава VI. Еврейские общины Стамбула	124
Глава VII. Будинский пашалык. Евреи в османской части Венгрии. XVI–XVII века	160
Глава VIII. Евреи на Балканах. Эпоха османского господства в Болгарии и Македонии	177
Глава IX. Еврейские общины на Балканах. Дунайские княжества	210
Глава X. Еврейские общины Северной Африки. Страны Магриба	223
Глава XI. Еврейские общины Северной Африки. Триполитания	255
Глава XII. Еврейские общины Египта	279
Глава XIII. Еврейские общины Сирии и Палестины в период османского господства	302
Глава XIV. Евреи в первые десятилетия республиканской Турции	345
Заключение	362
Приложение. Авраам Галанти: ученый и политик	367
Литература	373
Указатель имен	382
Историко-географический указатель	393

Замеченные опечатки

Напечатано:

С. 24, 2-я стр. снизу: выделение М. Вебера
С. 84, 21-я стр.: обязан крови...»
С. 96, 2-я стр.: были инициировали
С. 189, 15-я стр. сверху: Кабала
С. 271, 8-я стр. сверху: было бы немислим.
С. 314, 3-й абз.: Этот сюжет изложен в книге... К. Базили...
В «Еврейской энциклопедии» Базили пишет...

С. 388, посл. стр.: 23, 136, 194
Цв. Вкладка, с. 14: лист Псалома Давида
1-й форзац: Саббатай Цви (1926-1975)

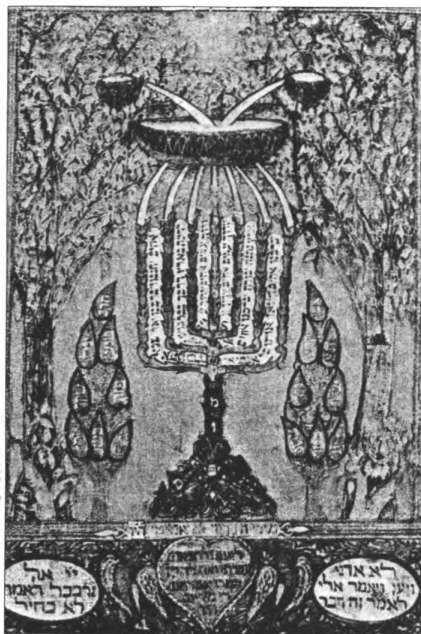
Надо:

выделено М. Вебером
обязан крови...»²
были инициированы
Каббала
было бы немислимо.
Этот сюжет изложен по-разному в книге... К.
Базили... и «Еврейской энциклопедии». Базили
пишет...

23, 136, 192
лист Псалма Давида
Саббатай Цви (1626-1675)

Медик-еврей (к главе II)

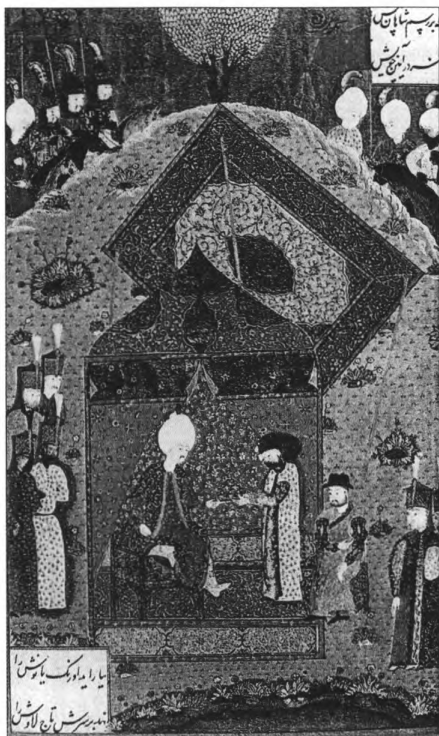
*Синагогальный плакат (фрагмент).
Многослойная бумага (к главе VI)*

*Ритуальные пасхальные сосуды.
Гравировка по меди, позолота.
Стамбул, 1840–1850 гг. (к главе VI)*

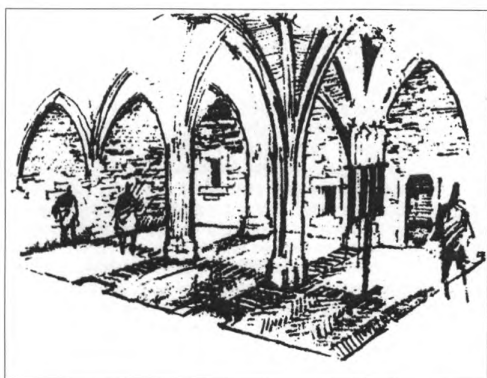
*Раввин Цви из Буды
(последняя треть XVII в.)
(к главе VII)*

*Передача венгерским королем короны
султану Сулейману I Кануни
после завоевания Венгрии.
Миниатюра Ариффи из Сулейманнаме (к главе VII)*

Надписи на стенах старой синагоги. Буда, XVII в. (к главе VII)

*Реконструкция старой синагоги Буды.
XIV в. (к главе VII)*

*Битва при Буде. Из хроник.
Вторая половина XVI в. (к главе VII)*

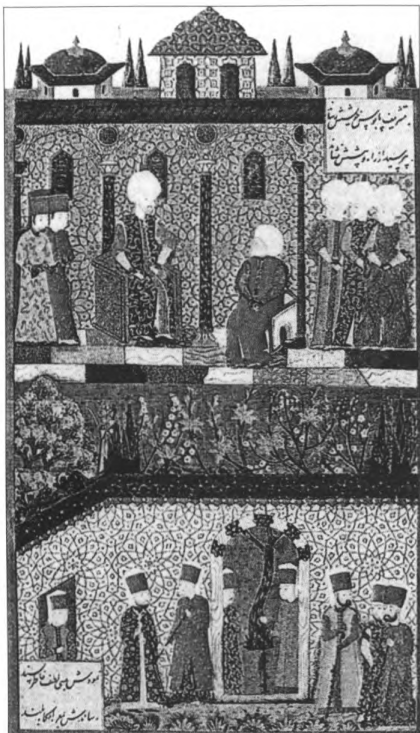
Заглавная страница «Torat Haim» (часть первая)
Хаима Шабетая, отпечатана в Салониках в 1713 г.

«Torat Haim» – «Закон жизни»,
собрание вопросов и ответов в 3-х томах.
Хаим Шабетай (1566–1647) учился в салоницком училище.
В 1607 г. занял должность главного раввина Салоник
(к главе VIII)

Заглавная страница сочинения в 2-х томах Аарона Хаима Акона
 «Perach Mateh Aaron» («Цветок отпрыска Аарона»)
 напечатанного в Амстердаме.

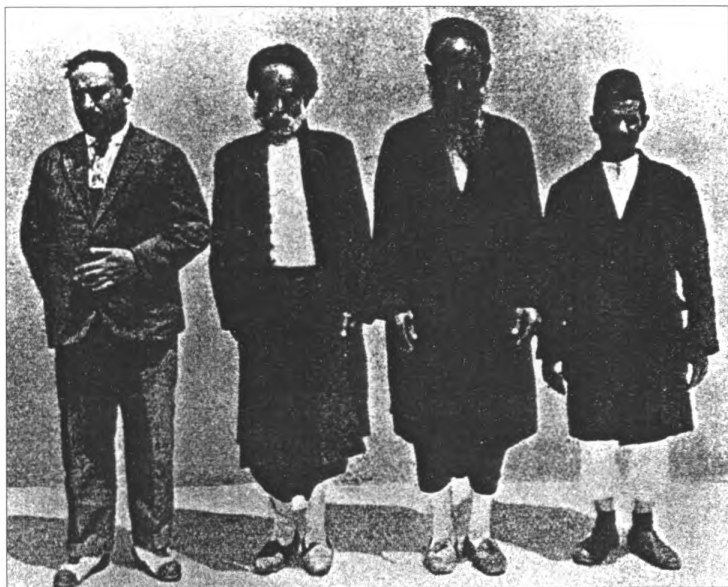
Аарон Хаим Акон (1648–1698) родился и жил в Салониках, обладал большой талмудической эрудицией. Считал, что евреи должны подчиняться турецким властям, каковы бы они ни были (к главе VIII)

*Барбаросса перед султаном
Сулейманом I Кануни.
Миниатюра Ариффи
из Сулейманнами (к главе X)*

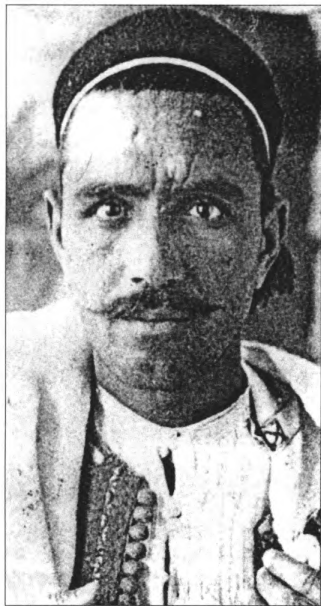
*Барбаросса Хайреддин-паша.
Фрагмент картины
европейского художника (к главе X)*

*Секретари общинного совета. Бенгази слева.
Следующий – Мордехай ха-Козн,
далее члены раввинатского суда (к главе XI)*

*Еврей-меняла
и клиент-мусульманин
(к главе XI)*

*Еврей из Мисурата
в традиционной одежде
и турецком головном уборе (к главе XI)*

Еврейские женщины на рынке (к главе XI)

Выход невесты из родительского дома в Триполи (к главе XI)

*Рабби Аарон Рафазль
бен Симеон (1891–1920)
(к главе XII)*

*Якоб Каттави-бей – главный меняла
Египта в годы правления хедива Саида (1854–1863).
Позже стал главным банкиром (к главе XII)*

*Еврейские знаменосцы с символами еврейских ремесленных
объединений в Салониках (к главе VIII)*

Семья Каттави (к главе XII)

*Аида Каттави – жена Моисея Каттави,
главы еврейской общины Каира
(брата Иосифа Каттави-наши) (к главе XII)*

תהלה לדוד

ה'שר והטפסר דורש טוב לעמו ורודף צדקה וחסד

בארון

בכור דוד הלוי מנשה

ג"ע

ראש וועד הכומוניטא הישראלית פה העיר המעטירה

לכסנדריא של מצרים

יע"א

בן הגביר השר הגדול נדיב נדיבות • חמדת הלכבות •

בארון

יעקב הלוי מנשה

ג"ע

ראש וועד הכומוניטא הישראלית פה העיר הערינה

נא אמן יע"א

תהי נפשם צרורה בצרור החיים • בערן גן אלהים •

בחדש טבת שנת התרנ"א ליצירה

נא ביין ואלא דכא' דוד יושיע לפ"ק

פה נא אמן יע"א

כרפים פרנ חיים מורתי היו

Титульный лист Псалом Давида (Tehilla Le-David),
опубликованного в честь барона Давида Халеви де Менас
в 1891 г. (к главе XII)

Вождь бедуинского племени (к главе XIII)

Бедуинские женщины Сирии (к главе XIII)

Жители палестинской деревни (к главе XIII)

Девочка из протестантской школы в Рамалле (к главе XIII)

*Турецкий правитель Назарета.
Конец XIX в. (к главе XIII)*

Сулейман I Кануни (Законодатель)

Даниэль Розенталь. Революционная Румыния

*Мехмед II Фатих
(Завоеватель)*

Саббатай Цви (1926–1975)

Караимы

Амадео Прециоси. Раввин и вдова на стамбульском кладбище. Цветная литография

Стамбульский еврей.

Гравюра с картины Ж.-Б. Ванмура. 1714 год

Амадео Прециоси.

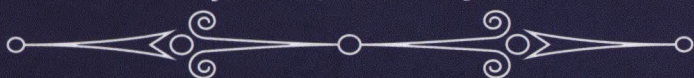
Еврейка – торговка тканями в Стамбуле.

*Акварель из альбома
константинопольских обычаев.*

1855–1857 годы

Еврейские общины в Османской империи

страницы истории

В данной работе предпринята первая в русскоязычной литературе попытка осмыслить и систематизировать различные материалы, касающиеся эволюции еврейских общин на протяжении более чем полутысячелетней истории Османского государства. В книге значительное место уделено проблемам зависимости еврейских общин от внутреннего развития институтов Османской империи, их взаимоотношений с окружающими их этносами: турками, славянами, греками, арабами, армянами, а также от менявшегося положения этого государства на международной арене.

В работе использованы султанские ферманы, материалы российских и турецких архивов, сборники еврейских документов (раввинатских судов и других), обширная литература на русском, турецком, славянских и европейских языках.